

БЛАГОВѢСТИЕ
ХРИСТИАНСКОЙ СВОБОДЫ
въ посланіи
СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА
къ галатамъ.

СЖАТЫЙ ОБЗОРЪ
Н. Н. ГЛУБОКОВСКАГО,
заслуженнаго ординарнаго профессора
С.-Петербургской Духовной Академіи.

СОФІЯ (БОЛГАРІЯ).

1935.

ЧАСТЬ I-Я:

ВВЕДЕНИЕ.

Чадца моя, имиже паки
болѣзнюю, дондеже вооб-
разится Христосъ въ васъ.

Гал. IV, 19.

§ 1) Исторія Галатіи и ея положеніе въ апостольскую эпоху.

Посланіе къ Галатамъ есть наиважнѣйшій памятникъ первенствующей церкви Христовой по историческому значенію въ самые рѣшающіе моменты ея жизни и по доктринальской авторитетности на всѣ времена. Оно положило окончательный предѣлъ опаснымъ колебаніямъ во взаимоотношеніяхъ съ іудействомъ и теоретически незыблемо обезпечило абсолютную, истинно божественную независимость и вѣчную спасительную жизненность христіанства во всемъ мірѣ.

Все это нагляднѣе всего рисуется и постигается [въ извѣстныхъ конкретныхъ условіяхъ, но вотъ въ данномъ отношеніи нѣтъ у насть полной фактической ясности и еще больше ученыхъ споровъ, особенно обострившихся въ новое время.

Несомнѣнно лишь одно, что посланіе первоначально было предназначено Галатійскимъ христіанамъ. Мѣстонахожденіе этой страны ясно, а объемъ ея не совсѣмъ опредѣленный, и отсюда происходятъ весьма существенныя затрудненія насчетъ происхожденія и даже истолкованія посланія къ Галатамъ.

Галатія находилась какъ бы въ центрѣ Малой Азіи и получила свое название отъ оставшаго здѣсь пришлага, чужеземнаго элемента. Это былъ народъ кельтическаго племени (γαλάτες, γαλάται, χέλται, χέλτοι), но—специально—въ его галльской вѣтви. Эта твердый историко-филологический выводъ иногда наклоняется нѣмецкими богословами въ пользу тевтонской генеалогіи Галатовъ, однако подобное націоналистическое пристрастіе (позднѣе другихъ, напр., у Wieseler'a, Fillippi, частію у Holsten'a) не находитъ достаточного научнаго оправданія¹⁾. И если для этихъ цѣлей можно использовать „галловъ“ Юлія Цезаря, то не нужно забывать, что о послѣднихъ онъ прямо говоритъ (De bello gallico I, 1): „Вся Галлія раздѣляется на три части, изъ коихъ одну населяютъ бельги, другую аквита-

1) См. у † Вр. J. B. Lightfoot, p. 239—251: „Were the Galatians Celts or Teutons?“

ны, третью же тѣ, кто на ихъ языкѣ называются кельты, а на нашемъ — галлы” (*qui ipsorum lingua Celtes, nostra — Galli appellantur*). Значитъ, это было кельтическое племя. Не опровергаетъ этого заключенія и замѣтка блаж. Іеронима, что языкъ Галатійцевъ приближается къ рѣчи Тревировъ¹⁾) — жителей мѣстности (въ *Gallia Belgica*) около Трира (*Augusta Trevirogorum*), бывшаго ихъ главнымъ городомъ до временъ Діоклетіана, когда онъ сталъ митрополией въ *Gallia prima*; но при впаденіи Саары въ Мозель держалось бельгійско-галльское населеніе, а — по свидѣтельству римского историка Іустиніана (*M. Justinianus Justinus* или *Justinus Frontinus*) эпохи Антоніновъ (около 160 г.)²⁾ — галатійскіе Толистовогі обитали раньше по берегамъ Гаронны, имѣя своею столицею Тулузу (*Toulouse*, испан. *Tolosa*), почему нѣкоторые даже (напрасно) считаютъ первоначальнымъ именемъ *Tolosatobogi*. Во всякомъ случаѣ разумѣемы галлы преополагаются не къ сѣверу, а къ югу отъ Рейна и больше сближаются съ теперешнею (— особенно послѣ „великой войны“ —) Франціей.

Галлія оказалась слишкомъ переполненню для болѣе или менѣе удобного существованія, а всякие народы предпочитаютъ тогда не создавать себѣ необходимыя жизненные усло-вія, но грабительски захватывать готовое у другихъ. Такъ и галльскія массы, почувствовавъ стѣсненіе, стали постепенно двигаться на востокъ, около 390 г. значительно опустошили Италію, даже взяли Римъ, а въ III-мъ вѣкѣ до р. Хр. другой потокъ галловъ началъ пробираться на Балканскій полуостровъ. Въ 281-мъ году тремя огромными арміями они обрушились на Фракію, Пеонію и Македонію съ Илліріей и совершиенно разбили слабыя войска молодого и неопытнаго Македонскаго царя (сына Птоломея I Сотира, † 283 г., отъ Евридики) Птоломея Керавна, который паль въ сраженіи съ ними (въ маѣ 280 г.). Въ 280 — 279 г.г. Бреннъ³⁾ и Ацихорій вмѣстѣ съ другими вождями двинулись въ собственно Грецію, но взаимные смуты вызвали внутрення замѣшательства среди Галатовъ,

¹⁾ „Галаты, — кромѣ греческаго языка, на которому говорить весь Востокъ, — имѣли свой собственный языкъ, почти такой же, какъ у Тревировъ; при этомъ не важно, что они кой-гдѣ нѣчто (въ своемъ первоначальномъ языкѣ) испортили, ибо и жители Африки (пунійцы) въ нѣкоторомъ отношеніи измѣнили финикійскій языкъ“: *Migne lat. XXVI, col. 357*; Творенія блаж. Іеронима, ч. XVII (Киевъ 1923), стр.77 (книга II-я, введеніе въ толкованіе посланія къ Галатамъ).

²⁾ Но Іустинъ сохранилъ извлеченія изъ обширнаго историческаго труда Трояна Помпія, жившаго при Августѣ.

³⁾ Но см. Энциклопедію *Rauzy - Wissowa* III (Stuttgart 1899), 1, Sp. 829—830, что это Бреннъ — другой,

и они потерпѣли тяжелыя пораженія въ Этоліи и при Дельфахъ. Это совсѣмъ ослабило общий потокъ, а мелкіе ручейки скоро разбѣжались и незамѣтно затерялись. Послѣдовалъ естественный отбой. Остатки разбитыхъ полчищъ повернули къ сѣверу и, соединившись съ осѣвшими тамъ родичами своими, рѣшили перебраться на Малоазійскій материкъ, гдѣ вполнѣ основательно надѣялись найти хорошую поживу въ смутѣ тамошнихъ междуусобій. Часть ихъ подъ предводительствомъ своего начальника Лутарія и дѣйствительно перебѣхала черезъ Геллеспонтъ на захваченныхъ македонскихъ корабляхъ. Въ это же время Виѳиннійскій царь Никоме(и)дъ I (279—246 г.г. до р. Хр.), нуждаясь въ воинской помощи — особенно для борьбы со своимъ младшимъ братомъ Зипетомъ (*Zipetos*), заключилъ наемнический договоръ съ 17-ю галльскими главами, — и подъ верховенствомъ Леоннарія новыя галльскія силы переправились черезъ Босфоръ. Все это было около 279—277 г. г. до р. Хр.

Пришельцы оправдали себя бранными успѣхами, но обезпечили чрезъ нихъ и свою террористическую независимость въ Малоазійской странѣ, гдѣ являлись побѣдителями. Естественно, что они заняли здѣсь прочное положеніе, сохранивъ всѣ свои воинственно-разбойническія наклонности, которыя умѣли обнаруживать очень ярко при всякихъ случаяхъ ради своихъ эгоистическихъ интересовъ. Это былъ жестокій бичъ для всей Малой Азіи до Тавра, — и онъ оказывался тѣмъ грознѣе и страшнѣе, что тамошніе мелкіе владѣтели непрестанно вздорили и боролись между собою, а Галатійцы хорошо использовали эти распри при своихъ наемническихъ услугахъ. Они непосредственнымъ опытомъ научились думать, что тутъ все зависитъ отъ нихъ, какъ распорядителей Малоазійскихъ судебъ на всемъ пространствѣ и во всемъ объемѣ. Только Сирійскій царь Антіохъ I-й (281—261 г.г.), будто бы именно за это прославленный титуломъ Сотира (спасителя), далъ имъ серьезный отпоръ, къ чemu нѣкоторые (W. J. Woodhouse) относятъ извѣстіе 2 Макк. VIII, 20 „о бывшемъ въ Вавилонѣ сраженіи противъ Галатовъ“. Впрочемъ, этотъ успѣхъ не былъ рѣшительнымъ. Важнѣе по своимъ результатаамъ была энергичная оппозиція Пергамскихъ царей, изъ коихъ Атталь I-й (241—197 г.г.), прозванный тоже Сотиромъ, между 240 и 280 г.г. нѣсколько разъ наносилъ галльскимъ пришельцамъ жестокіе удары и въ концѣ концовъ заставилъ ихъ ограничиться опредѣленною территоріей (на сѣверѣ Виѳиніей и Пафлагоніей, на востокѣ Понтомъ, на югѣ Каппадокіей и Ликаоніей и на западѣ Фригіей), гдѣ они должны были довольствоваться національно-гражданскою независимостію, не тревожа другихъ и не вмѣшиваясь въ чужія дѣла¹⁾.

¹⁾ Такъ Павланій (Перегетъ, при Адріанѣ и обо-

Эта восточная Галлія и называлась у грековъ Галліей или Галлогрецией.

Такъ внутри Малой Азіи на ея возвышенностяхъ образовалась собственно Галатія изъ прежней Великой Фригіи, Каппадокіи и даже Пафлагонії. Это была полоса земли длиною съ юго-запада на съверо-востокъ болѣе 300 верстъ и ширину свыше 150 верстъ. На востокѣ Галисъ ("Альс, нынѣ по турецки Кизылъ-Ирмакъ, „красная рѣка“), величайшая водная артерія въ Малой Азіи, а на западѣ издавна судоходный (Страбонъ XII, 3 : 7) Сангарій (теперь Сакарія), протекая по долинамъ въ Черное Море, раздѣляли эту область почти на три равныя части. Это какъ разъ подходило къ националистическимъ группировкамъ галльскихъ иноземцевъ. О нихъ сообщается (у Страбона XII, 5 : 1; 3 : 1) что—подобно Гельветамъ (Цезаря De B. G. I, 12)—каждое изъ трехъ галльскихъ развѣтвлений (*éfug*) распадалось на четыре тетрапархіи съ особымъ тетрапархомъ, имѣвшимъ подъ собою судью и военачальника. Связи между всѣми поддерживались собраніемъ изъ 300 человѣкъ въ Дринеметѣ (Дринуметомъ)¹⁾, где чутъ ли не исключительно рассматривались судебныя дѣла въ качествѣ окончательной и безапелляціонной инстанціи. Эта система, привезенная съ далекаго Запада, постепенно исчезла и даже въ періодъ своего традиціоннаго господства ничуть не подавляла твойственности националистического дробленія пришельцевъ на Трокмовъ, Тектосаговъ и Толистобогіевъ²⁾. Первые расположились на востокѣ въ лучшей части (Страбонъ XV, 5 : 2) ближе къ Каппадокіи и Понту по р. Галису подлѣ города Тавія (нынѣ Нефесъ-кей), треты оставили на западной окраинѣ

ихъ Антоніахъ, писавшій около 174 г. по р. Хр.) I, 8 : 1; ср. Страбонъ (66 г. до — 24 г. по р. Хр.) XIII, 4 : 2.

¹⁾ По Georges Pergot, Dryup — neimheidh — „храмъ дубовъ“ около Ассарлы-кей, въ 7 час. къ юго-западу отъ Анкиры, по Holder'у (Altkeltischer Sprachschatz, Leipzig 1891) дри — усиливательная приставка и неметонъ — святилище. Но August Fick утверждаетъ, что дри значитъ „дубъ“, и отсюда название дриудъ, а неметос — роща (Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Göttingen 1890, S. 455, 502), при чемъ послѣдняя именно и специальнѣ — въ качествѣ священнаго места въ лѣсу (у Aug. Fick II Theil: Urkeltischer Sprachschatz von Stokes — Bezzemberger, S. 192). T. D. Kendrick, The Druids, London (Methuen) 1928.

²⁾ Такъ обычно въ надписяхъ и на монетахъ римскаго періода, я равно у древнѣйшихъ авторитетовъ, но въ раннихъ надписяхъ встрѣчается форма Толистоагіи. Нужно имѣть въ виду, что среди кельтовъ были и бои (†Prof. Th. Mommsen, Römische Geschichte 4V, Berlin 1894, S. 87 Апп.).

около древняго Пессинунта—Пессина (Бала-Хиссаръ) и по смежности съ Вионией и Фригіей „пріобрѣтенной”¹), вторые утвердились между двумя рѣками, и столица ихъ Анкира (Ангора — по турецки Энго(у)ри) была митрополіей всей Галатіи (*τῆς λαμπρωτάτης μητρόπολεως τῆς Γαλατίας* у С. Воеckh., *Corpus Inscriptionum Graecarum*, No 4015, *ἡ μητρόπολις τῆς Γαλατίας Σεβαστὴ Τεκτοσάγου Ἀγχορχ*²), равно *Sebaste Tectosagum*), какъ теперь является политически-административнымъ центромъ Турецкой республики. Мѣстность была и остается довольно суровой, но она — богатая и плодородная, а важность ея необыкновенно возвышалась еще тѣмъ, что чрезъ нее проходилъ большой торговый трактъ, который, направляясь изъ Ефеса, вель черезъ Пессинунтъ, Анкиру и Птерію (Богазъ-кей, подлѣ Тавія) къ Евфрату; другая болѣе прямая дорога — чрезъ южную Фригію и Ликаонію — была тогда еще въ зачаточныхъ формахъ и пока не годилась для общаго удобнаго пользованія³.

Все это давало Галатамъ вполнѣ благопріятныя условія для мирнаго существованія, но — по своимъ врожденнымъ племеннымъ привычкамъ — они не хотѣли довольствоваться спокойною жизнію, продолжали вмѣшиваться во всѣ путаныя малоазійскія отношенія и необходимо привлекали къ себѣ подозрительное вниманіе Римлянъ, которые не замедлили отомстить имъ за помошь Антиоху III-му — Великому (223—187 г. до р. Хр.). Послѣ битвы (189 г.) у Магнезіи при Сипилѣ — двинулся въ Галатію римскій консулъ Манлій Вульсонъ (Sp. *Manlius Vulso*), и Галатійцы должны были покориться римскому оружію⁴). Впрочемъ, тутъ не было окончательного разгрома, и потомъ (около 160 г.) они (по W. M. Ramsay) получили „прибавочную“ территорію (*προσειλημένη — ὥρη: Ptol. V, 4 : 10*) изъ Ликаоніи (къ западу отъ озера Татта до Амрія и Лаодикіи) съ Иконіей и 13-ю другими городами. Во всякомъ случаѣ римское торжество пока не сопровождалось порабоще-

¹⁾ *Ἐπίκτητος Φρυγία*, т. е. „пріобрѣтенная“ часть Фригіи, присоединенная къ основной (коренной) путемъ позднѣйшаго „пріобрѣтенія“.

²⁾ См. у Pauly-Wissowa I (Stuttgart 1894), Sp. 2221—2222; VII (ibid. 1912), Sp. 538.

³⁾ У Аламен во Фригіи она раздвоилась по двумъ путямъ: одинъ шелъ съ сѣвера отъ Султанъ-Дага чрезъ Лаодикію Катаекавмену (Комбусту, т. е. сожженню), Кесарію Каппадокійскую и Коммагену къ Евфрату, другой къ югу отъ названныхъ горъ чрезъ Антиохію, Иконію и Киликійскія ворота. См. ниже.

⁴⁾ Нѣкоторые (но не Mottez) думають, что къ этому именно событию относится упоминаніе 1 Маккав. VIII, 2 о покореніи Римлянами Галатовъ.

ніемъ, и Галаты сохранили свою свободу какъ бы на правахъ римскихъ союзниковъ, но исключительно ради предусмотри-
тельныхъ разсчетовъ римской политика и въ ея эгоистиче-
скихъ интересахъ. Въ этомъ новомъ положеніи Галатійцы
оказались подъ разносторонними вліяніями Понта, Каппадокіи
и Пергама, частію вынуждены были (около 164 г.) подчинить-
ся Апіарату Каппадокійскому (IV-му, Благочестивому: 220—163
г.г.) и особенно страдали отъ Понтійскихъ царей, почему при-
няли столь активное участіе въ борьбѣ Римлянъ съ Митрида-
томъ Понтійскимъ (VI-мъ, Евпаторомъ: 121—64 г.г.), что по-
слѣдній приказалъ избить всю Галатійскую знать, изъ кото-
рой спаслось всего, яко бы, лишь три тетрарха. По окончаніи
смуты Помпей призналъ (въ 64 году) надъ Галатами именно
трехъ тетрарховъ — Кастора (вѣроятно) для Тектосаговъ, Бро-
гитара (Дейотарова зятя) для Грокмовъ и Дейотара для Толи-
стобогіевъ — съ присоединеніемъ къ области послѣдняго Ма-
лой Армени и части Понта. Дейотаръ постепенно оттѣсняль
и устраняль другихъ соправителей, — и увѣнчаніемъ пре-
преступной карьеры предательствъ и убийствъ этого коварна-
го интригана было провозглашеніе его царемъ Галатійскимъ.
Онъ умеръ въ 40 г. Его преемникъ и зять — Касторъ Млад-
шій былъ награжденъ отъ всесильного Антонія внутреннею
Плафлагоніей (которую въ 64 году Помпей предоставилъ Аттал-
лу). Этотъ новый правитель скоро скончался, и его наслѣд-
ство въ 36 году было передано Аминтѣ, бывшему секретарю
и военачальнику Дейотара, состоявшему съ 39 года царемъ
Писидіи со включеніемъ Аполлоніи и Антіохіи (Страбонъ XII,
6 : 4). Теперь Галатійское царство обнимало уже огромную
площадь между (соленымъ) озеромъ Татта (нынѣ Тузъ-гель)
и горами Тавра (Страбонъ XII, 5 : 4). Въ войнѣ Антонія съ
(Октавіаномъ) Августомъ Амина и Полемонъ (I-й, Старший)
Понтійскій принялъ сторону первого, однако и послѣ несчаст-
ной для него битвы при Акціумѣ (2-го сентября 31 г. до р. Хр.)
эти союзники разбитаго диктатора не потеряли благоволенія
Рима, который хорошо оцѣнилъ ихъ способности и всю важ-
ность ожидаемой отъ нихъ помощи. Въ 30 году Амина былъ
даже награжденъ присоединеніемъ Тракеи (Грахеотиды или
Суровой Киликіи, въ западной ея части) и Исауры — съ до-
зволеніемъ ему захватывать неримскую территорію, почему
онъ отобралъ у Антипатра, бывшаго Цицеронова друга, часть
Ликаоніи съ Дервіей и Ларандой (Караманъ) и кое-что изъ
Фригіи. Въ 25 году Амина погибъ во время похода въ Кили-
кіи противъ Гоманаденцевъ (Омонадовъ), воинственного пле-
мени, жившаго въ горахъ Тавра на границахъ Ликаоніи, Пи-
сидіи и Исаури (къ югу и востоку отъ озера Бейшегръ-гель).

Теперь все царство Амины перешло къ Римлянамъ подъ
общимъ названіемъ Галатіи для всей провинціи. Послѣдняя
была объявлена императорскою и подчинялась *legatus Augusti*

ро praetore, совмѣщавшему власти военную (*imperium*) и гражданскую (*potestas*) — въ родѣ бывшихъ русскихъ генераль-губернаторовъ. Впрочемъ, тамъ не было римскихъ легионовъ, а это позволяло говорить о нѣкоторой, фиктивной независимости. Первымъ правителемъ былъ назначенъ Маркъ Лоллій, но вся организація данной области была закончена не ранѣе 20 года до р. Хр. Въ началѣ этого нового распредѣленія границы были сокращены изъятіемъ Памфиліи, между тѣмъ Тракейская Фригія съ восточною Ликаоніей (включая округа Кастабалы и Кибистры до Дервії), извѣстная (примѣрно со времени 129 г.) въ качествѣ „прибавочной“ (къ одиннадцати ранѣе бывшимъ) или одиннадцатой (*επεκτυτος, ευδεκάτη*) стратегіи (намѣстничества) въ Каппадокіи была утверждена за правителемъ послѣдней Архелаемъ. Но съ теченіемъ времени Галатійская площадь все-таки продолжала расширяться. Около 7 года до р. Хр. (вѣроятно, послѣ смерти Дейотара Филадельфа) къ ней отнесенъ (на сѣверѣ) округъ Пафлагоніи при горѣ Олгассія (Илкасъ-Дагъ) съ городами Ганграй (Ченгри) и Андралой (Искелибъ). Сюда же отчислялись и части Понта (въ 2—1 г.г. до р. Хр. Севастополь, Амасія и, по всей видимости, Газе(ди)лонитида — между рѣкой Галисомъ и городомъ Амисомъ (Самсунъ) — вмѣстѣ съ владѣніемъ Атепорига, въ 34—35 г.г. по р. Хр.—Комана), въ цѣломъ называвшіяся потомъ Понтомъ Галатійскимъ (*Pontus Galaticus*, т. е. принадлежащий къ Галатіи) въ отличие отъ Понта Полемоновскаго (*P. Polemoniacus*), управлявшагося Полемономъ II-мъ съ 37-го до 54-го года при участіи своей матери Трифены и затѣмъ единолично до 63 г., когда его царство тоже было поглощено Галатіей, хотя удержало прежнее имя. Въ дальнѣйшемъ теченіи событий подобная участь постигла многія другія окрестныя страны, каковы Фригія — съ Аполлоніей, Антіохіей и Иконіей (Коніей), титуловавшаяся (см. въ *Acta Sanctorum* подъ 29-мъ сентября) *Phrygia Galatica* по контрасту съ *Phrygia Asciapa*: Писидія (ср. Дѣян. XIV, 24); часть Ликаоніи съ городами Листрой (вѣроятно, Хатынъ-серай) и Дервіей (кажется, около теперешняго Гуделиссина), а равно и нѣкоторыя другія мѣстности, еще не имѣвшія надлежащей городской организаціи (напр., Гида, Барата, Перта и др., обобщаемыя въ Дѣян. XIV, 6 терминомъ *η περιφωρα* — „окрестности“); наконецъ, Исаврія или *Ισαυρική* (*γύρη*) съ городомъ Исаврой.

При нозомъ порядкѣ вещей сохранились многія особенности прежняго строя съ удержаніемъ представительственнаго собранія для всей Галатіи (въ тѣ хоіудн тѣс Галлхт:ас;), столицею которой оставалась Анкира. Но, — разумѣется, — римское вліяніе не проходило безслѣднымъ, и на югѣ прочинціи Антіохія Писидійская (*Colonia Caesaria Antiochia*, нынѣ Яловаджъ) являлась для нея какъ бы второго митрополіей, будучи центромъ системы римскихъ гарнизонныхъ поселеній (*coloni-*

піає) и военныхъ или императорскихъ дорогъ (ծճալ քշուկան) и служа мѣстомъ отправленія областного культа. Свидѣтельство римскаго воздѣйствія можно видѣть и во множествѣ римскихъ городовъ, изъ коихъ уже Августъ основалъ цѣлыхъ семь: Герму (Julia Augusta Fida Germa) — въ сѣверной Галатіи, Антіохію, Листру, Парланду, Кремну, Коману и Олбассу — въ южной Галатіи. А при его преемникахъ немало другихъ пунктовъ было преобразовано и романизовано (Паппа—Тиверіополь, Клавдіо—Селевкія, Клавдіо—Дервія, Клавдіо—Іонія — въ южной Галатіи).

§ 2) Галатія этнографическая (сѣверная), а не вся римская провинція этого имени (преимущественно—въ южной части), какъ область ближайшаго предназначенія посланія къ Галатамъ.

Кратко изложенная нами исторія Галатіи показываетъ, что римское вторженіе и владычество значительно способствовали усиленному расширению первоначальныхъ ея границъ. Въ апостольскую эпоху площадь Галатійской провинціи была гораздо шире области собственно галльской, входившей въ нее лишь сѣверною частию, и включала больше территорій съ безусловно не-галльскимъ населеніемъ. По этой причинѣ открывается законная, фактическая возможность различать Галатію этнографическую, занятую галльскими пришельцами, и Галатію официально-римскую, или политическую съ весьма смѣшаннымъ составомъ жителей, где преобладали туземцы и старые аборигены.

Отсюда возникаетъ естественный и неизбѣжный вопросъ: какую въ точности Галатію разумѣеть Св. Апостолъ Павелъ въ качествѣ объекта его миссионерскаго подвига и мѣста первоначального предназначенія нашего „посланія къ Галатамъ“? Рѣшеніе этой задачи далеко не безразлично для правильнаго пониманія послѣдняго со стороны освѣщенія апостольской исторіи и по принципіальному догматическому значенію. Легко постигнуть это по самымъ простымъ соображеніямъ. Если у Апостола говорится со всео строгостю о римско-административной терминологіи, то мы должны принять, что всѣ (четыре) Малоазійскіе города первого благовѣстническаго путешествія Павлова (кромѣ Памфілійскихъ) принадлежали къ Галатійской провинціи и были римскими колоніями: Claudio—Derbe, Colonia Julia Felix Germina Lystra (иногда Lustra, Claudio—Iconium (хотя уже съ Адріана, а не съ Клавдія) и Colonia Caesaria Antiochia. Въ такомъ случаѣ вполнѣ дозволительно допустить,

что христіане этихъ именно областей и были первыми получателями и первоначальными читателями посланія къ Галатамъ.

Нѣтъ фактическихъ основаній оспаривать это заключеніе по историческимъ даннымъ, ибо принадлежность къ Галатийской провинціи удостовѣряется — для Антіохіи Страбономъ XII, 6:4 (откуда видно, что она входила еще во владѣнія Аминты), для Иконіи — эпиграфическими документами (С. I. Gr., № 3991 изъ временъ Клавдія и Нерона), для Листры — Плініемъ Младшимъ (Hist. nat. V, 42), для Дервіи — Страбономъ XII, 6:3 (тоже со временъ Аминты), хотя Птоломей V, 6:17 причисляетъ ее къ области Антіоха Коммагенского 41—72 г.г.). Значить, нѣкоторое сомнѣніе возможно лишь для послѣдняго города, однако необходимо помнить, что указаніе писателя-географа (въ половинѣ II-го вѣка по р. Хр.) не содержитъ точныхъ хронологическихъ опредѣленій, а название Клавдіо-Дервія скорѣе свидѣтельствуетъ, что это былъ тоже пограничный пунктъ римскихъ владѣній въ Малой Азіи и, следовательно, входилъ въ непосредственную компетенцію Рима.

При такихъ условіяхъ Галатію оказывается римская проповѣдь этого имени въ цѣломъ ея составъ. И если посланіе къ Галатамъ издано послѣ двукратнаго посыщенія ихъ св. Апостоломъ (Гал. IV, 13), то и въ этомъ случаѣ выйдетъ, что оно было въ числѣ раннихъ писаній Павловыхъ¹⁾. При подобной исторической ситуации получится, что въ міссіонерской дѣятельности св. Павла почти сразу возобладали рѣзкія противоудейскія стремленія, а фактическихъ оправданій для сего мы не видимъ, такъ какъ книга Дѣяній рисуетъ намъ по данному предмету совсѣмъ иную, больше даже противоположную картину. Въ результатѣ, у насъ вырывается одинъ изъ двухъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ апостольской эпохи, и мы остаемся безъ объективнаго исторического руководства, будучи обязаны выбирать сами! по разнымъ теоретическимъ соображеніямъ. Но при всякомъ решеніи полемическая острота міссіонерской и священно-писательской дѣятельности св. Павла будетъ безъ достаточной фактической мотивировки въ постепенно развивавшейся и осложнявшейся юдаистической агитациѣ, грозившей поглотить или, по крайней мѣрѣ, принизить христіанство, почему апостольская оппозиція является исторически оправданной и догматически спасительной. А безъ этого постулята будеть законный поводъ для догадокъ, что Павлиністическая полемика вытекала исключительно изъ ренегатскаго предубѣжденія противъ юдаизма во всемъ его религіозно-этическомъ устроеніи и никако не отражаетъ дѣйствительныхъ междурелигіозныхъ отношеній, которыя были совсѣмъ иными.

¹⁾ По мнѣнію Prof. Th. Zahna (S. 19—20) оно раньше 1 2 Фессал.

Историческая перспектива опять заслоняется „фанатическою“ фигурой Павла, какъ „перваго Маркіона“, несогласнаго ни съ подлиннымъ Евангеліемъ Христа Спасителя, ни съ истиннымъ ученіемъ Его прямыхъ преемниковъ и основоположительныхъ „столповъ“ Церкви. Отсюда ясно и то, что ранняя датировка посланія къ Галатамъ, дающая чисто Гегеліанскую картину апостольского вѣка въ духѣ Новотюбингенской школы, съ самыми разнообразными комбинаціями¹⁾, существенно измѣняетъ наши представлениа о ходѣ апостольской работы вообще и всего церковнаго созиданія въ первенствующую эпоху.

Теперь для насъ должно быть безспорно, что чисто этнографическое опредѣленіе имѣть высокую историко-догматическую важность. Однако ее не нужно (вмѣстѣ съ W. M. Ramsay, Valentin Weber и др.) преувеличивать, будто отъ этого зависятъ роковыя решенія вѣры и знанія. Это говорить только объ искусственной повышенности во всемъ этомъ вопросѣ, который не выходитъ изъ границъ объективно-исторического интереса. Въ этомъ легко убѣдиться уже потому, что отъ обычнаго толкованія уклоняются экзегеты самыхъ различныхъ направлений, иногда совсѣмъ діаметральныx²⁾. Тутъ собственно нѣтъ особыхъ критическихъ тенденцій, угрожающихъ достоинству историческихъ свидѣтельствъ, или враждебныхъ для божественной неприкосновенности и догматической цѣлостности христіанскаго благовѣстія. Но, разумѣется, для объективнаго познанія, фактически ограждающаго нашу вѣру и устраниющаго тревожныя недоразумѣнія, требуется научно разобрать и резонно выяснить: какая именно Галатія была фактическимъ поприщемъ апостольской евангелизаціи св. Павла, который потомъ обратился туда и со специальнымъ посланіемъ исключителной догматической значимости?

¹⁾ Напр., † Prof. Cuthbert Hamilton Tupper относитъ посланіе къ Галатамъ „early in A. D. 49“ и считаетъ первымъ изъ всѣхъ существующихъ, раннѣйшимъ Апостольскаго собора, какъ и эпизодъ Гал. II, 11 сл. (*A Study of the New Testament 1883 and 1920: an Inaugural Lecture delivered before the University of Oxford on October 22 and 29, 1920, Oxford 1920*, p. 23—24).

²⁾ Таковы, напр., консервативный теологъ Т. Цанъ, свободомыслящий О. Пфайдереръ, довольно радикальный А. Гаусратъ, индифферентный къ христіанству исрикъ тоэ д. Мейеръ, шотланецъ (по Эбердинскому университету) Рэмсей, проф. W. F. Adepeу (для которого см. и „Critical Review“ XII, 3: May, 1902, p. 273), американецъ проф. Ernest De Witt Burton (p. XXI—XXIV), католикъ В. Веберъ, юзунъ Р. Корнели и мн. др.

Обычно на этот вопросъ всегда отвѣчали въ пользу только галльской области въ Малой Азіи. Если не считать J. J. Schmidt'a отъ второй половины XVIII в., то лишь J. P. Münster, потомъ епископъ Зееландскій († 30 января 1854 г.), впервые развилъ въ 1825 году такъ называемую „южно-галаттійскую теорію“¹⁾ въ томъ смыслѣ, что Апостолъ говоритъ о Галатіи, какъ римской провинціи, и изъ нея разумѣеть преимущественно южную часть въ Писидійско-Ликаонскомъ округѣ. Съ тѣхъ поръ эта идея поддерживалась и защищалась цѣлымъ рядомъ ученыхъ по различнымъ соображеніямъ (Niemeyer, Paulus, Ulrich, Böttger, G. Perrot, Tiersch, L. Ranke, E. Renan, Hausrath, Weizsäcker, Jacobsen, Wendt, O. Pfleiderer, O. Holtzmann, Steck, Baljon), пока уже въ 90-хъ годахъ XIX столѣтія — авторитетнѣйшій специалистъ по малоазійской географіи и исторіи — „свѣтскій“ профессоръ Эбердинскаго университета (въ Шотландіи) Sir W. M. Ramsay не потребовалъ для нея абсолютного верховенства и своими пламеннымми рѣчами во многихъ сочиненіяхъ привлекъ новыхъ поборниковъ съ самыми солидными богословскими именами (католики R. Cornely S. J., J. Belser, Val. Weber, Gifford, Rendall, Marcus Dods, C. H. Turner, Ernest De Witt Burton, C. Clemen, Th. Zahn, Joh. Weiss). Тѣмъ не менѣе окончательного перевѣса не достигнуто и доселѣ²⁾, ибо члены старой партіи держались не менѣе твердо и въ своихъ оправданіяхъ, и въ энергическихъ возраженіяхъ³⁾. Дѣло не выходитъ за границы колеб-

¹⁾ Изъ патристическихъ авторитетовъ на эту сторону, повидимому, склоняется св. Астерій Амасійскій (IV-го вѣка).

²⁾ Еще въ 1897 году † Principal S. D. F. Salmond свидѣтельствовалъ въ „The Critical Review“ VII, 3 (July, 1897), p. 310, что по этому интересному вопросу пока не сказано послѣднее слово, и Prof. Cuthbert H. Turner напрасно утверждаетъ (*A Study of the New Testament 1883 and 1920*), что „Sir William Ramsay... finally swept the opposing theory from the field“. См. и полемику Рэмсея съ проф. E. Schürgегомъ въ „Theologische Literaturzeitung“ 1893, №№ 16 и 20.

³⁾ Изъ новѣйшихъ поборниковъ сѣверно-галаттійской теоріи выдѣляются: Br. J. B. Lightfoot, Zöckler, R. A. Lipsius, Sieffert, E. Schürgег, B. Weiss, A. Jülicher, H. J. Holtzmann, Riggenbach, F. Godet, F. G. Chase, Findlay, Davidson, Th. Mommsen, Ad. Deissmann; католики Ladeuze, Knabenbauer, A. Steinmann, Lagrange. См. также † Prof. Th. Mommsen въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ II (1901), S. 85,₃, и ср. Pauly - Wissowa VII, Sp. 558. Prof. Fritz Barth, Einleitung in das Neue Testament, Gütersloh 4-5 1921, S. 139. Prof. Max Meinertz, Einleitung in das Neue Testament, Paderborn 1933, S. 101.

лющагося равновѣсія¹). И причина сего въ томъ, что глаъная сила новаторовъ лежить больше въ нападкахъ на слабости противника, между тѣмъ, если первыя и удачны, то вторыя естественны и неизбѣжны въ подобномъ темномъ вопросѣ. Въ тоже время для обезпеченія южно-галатійской теоріи допускается много гипотетического, иногда прямо фантастическаго—по началамъ субъективнаго вѣроятія, т. е. спорнаго или непримлемаго въ самомъ принципѣ.

Рассмотримъ главнѣшіе пункты, связанные съ посланіемъ къ Галатамъ и почерпаемые изъ него.

1) Несомнѣнно, что терминъ Галаты употреблялся въ апостольскую эпоху для всей римской Малоазійской провинціи, судя по даннымъ у Птоломея (V, 4), Плінія Младшаго (V, 146—147) и Тацита (II, 9), къ которымъ присоединяются Евтропій и Г. Синкелль, опирающіеся на древнехъ авторитетовъ. Все это справедливо и ничуть не отрицается корифеями старого воззрѣнія, а потому и не опровергаетъ его, ибо новаторскіе выводы совсѣмъ не безусловны и — значитъ — не обязательны сами по себѣ. Даже по случайнымъ предшествующимъ упоминаніямъ (напр., на стр. 11 о Pontus Polemoniacus) намъ извѣстно, что офиціально-административное обозначеніе ничуть не поглощало безслѣдно для данной мѣстности стаинныхъ ея наименованій, обычныхъ и привычныхъ для населенія, которое продолжало пользоваться прежнею терминологіей, передавая ее послѣдовательно ближайшимъ поколѣніямъ. Посему и нельзя заранѣе утверждать о рассматриваемомъ предметѣ, что тутъ стаинныя географическія имена недопустимы и были бы неожиданы въ устахъ Апостола, какъ державшагося офиціальной римской рѣчи²). Наоборотъ, для него несомнѣнны развѣ лишь два примѣра офиціальной номенклатуры — въ отнесеніи (2 Кор. XI, 9 и ср. Филипп. IV, 15 сл.) Филиппъ къ Македоніи и въ распространеніи (Гал. I, 22. 1 Фесс. II, 14) объема Іудеи и на всю Палестину съ Галилеей и Самаріей, которыя сопричислялись къ ней съ 44-го или съ 52-го да, но и здѣсь далеко не все ясно³), поскольку св. Павельъ

1) Поэтому свободно допускается, что посланіе къ Галатамъ выпущено или изъ Коринея въ 50 году для южно-галатійцевъ, или въ началѣ Ефесского пребыванія Апостола Павла въ Ефесѣ (въ концѣ 52 года) для кельтовъ (*Einführung in das Neue Testament von Prof. Rudolf Klopff; dritte Auflage unter Mitwirkung von Prof. Hans Lietzmann bearbeitet von Prof. Heinrich Weinel*, Giessen 1930, S. 76—77).

2) Prof. Th. Zahnp, S. 10—11.

3) Такъ, по Prof. Th. Mottsep Іулея со временемъ Помпея до Веспасіана находилась въ сюзеренной зависимости отъ Рима, оставаясь клиентельнымъ государствомъ, однако всегда подчи-

могъ разумѣть просто фактическую область преобладающаго господства юдейской вѣры, для которой вся Палестинская территорія была юдеей — въ религіозномъ смыслѣ. Часто у Апостола официальное и популярное значенія оказываются одинаково пригодными, какъ можно это находить въ отношеніи Македоніи (1 ѡессал. I, 7 сл. IV, 10. 1 Кор. XVI, 5. 2 Кор. I, 6. II, 13. VII, 5.—VIII, 1. Рим. XV, 26. Филипп. IV, 15), Асіи (1 Кор. XVI, 19. 2 Кор. I, 8) и Ахаїи (1 ѡессал. I, 7. 2 Кор. I, 1. IX, 2. IX, 10. Рим. XV, 26), объединяемой съ Македоніей¹) и какъ будто разобщаемой отъ Аеинъ (1 Кор. I, 16. XVI, 15), а послѣднее мыслимо лишь для народнаго употребленія вопреки официальной классификації, чтѣ наблюдалася вездѣ и всегда. Подъ Иллирикомъ (Рим. XV, 19) не безусловно, но, по жалуй, скорѣе разумѣется все побережье Эпирское (до Акциума), гдѣ былъ Никополь (Тит. III, 12), хотя Эпиръ никогда не входилъ въ составъ Иллиріи, а съ 40 года до р. Хр. они даже не были и смежными, ибо южная иллирійская граница отодвинулась гораздо дальше къ сѣверу, проходя черезъ Скодру и Лиссъ на р. Дрилонъ. Сирія и Киликія (Гал. I, 21; ср. Дѣян. XV, 23, 41) тоже отмѣчаются безъ официально-административной точности, такъ какъ при ней трудно согласить этотъ порядокъ ихъ съ другими фактическими указаніями (Дѣян. IX, 30. XI, 35 сл.); первая — въ качествѣ римской провинціи — обнимала еще Галилею съ юдеей. (Ме. IV, 24. Лк. II, 2. Дѣян. XVIII, 18. XX, 3. XXI, 3), вторая отмѣчается у Апостола отдельно (Гал. I, 22), а обѣ онъ въ началѣ первого вѣка стояли подъ общимъ управлениемъ²).

Наряду со всѣмъ изложеннымъ нельзѧ забывать и того, что — при всякомъ толкованіи — Галльская область останется въ районѣ Галатіи, какъ основная, центральная часть, давшая

нявшимся Сирійскому намѣстнику, но она не была составною чисто собственно римского государства, хотя бы посредственно — чрезъ включеніе ея въ провинцію Сирію. Кто могъ разобраться въ этихъ технически-административныхъ тоикостяхъ и наблюдать ихъ въ обычной рѣчи, гдѣ всегда преобладаетъ принятое народное употребленіе, а для Галатіи не было ли таковымъ исконное этнографическое обозначеніе?

¹⁾ Восточный изъ трехъ южно-европейскихъ полуострововъ Апостоль Павелъ — согласно Эратосену — принимаетъ за одно цѣлое и Македонію объединяетъ съ Ахаїей (Рим. XV, 26): † Prof. E. K u r t i u s, Gessammelte Abhandlungen II, S. 536, и порусски у † проф. А. П. Лопухина въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1894 г., IV, стр. 17 (по оттиску стр. 15).

²⁾ См. † Prof. T. h. M o m s e n, Römische Geschichte ⁴V (Berlin 1894), S. 297—298, 309, 323, а по русскому переводу у В. Н. Невѣдовскаго V (Москва 1885), стр. 290, 300, 314.

свое имя всей провинції, сколько бы послѣдняя ни расширялась и ни осложнялась. Естественно, что здѣсь необходимы самые серьезные аргументы, чтобы устранить коренное ядро при упоминаніи позднѣйшаго сложнаго комплекса. Еще болѣе обязательно это въ примѣненіи къ рѣчамъ, гдѣ говорится не о территоріи, а о лицахъ, — не о Галатіи, а о Галатахъ.

Есть ли искомыя данныя въ анализируемомъ посланіи?

2) Говорять, что въ немъ Варнава предполагается извѣстнымъ для читателей (Гал. II, 13), но это возможно лишь для жителей Ликаонско-Писидійского округа, гдѣ онъ былъ въ первое благовѣстническое путешествіе св. Павла, а потомъ не сопровождалъ его и оставался невѣдомымъ для собственно Галатійскихъ сѣверянъ, для которыхъ не могъ быть авторитетомъ, какъ неизвѣстный лично. Это — не фактъ, а лишь сомнительный и отдаленный силлогизмъ, не оправдываемый аналогіями. Вѣдь и предъ Коринеянами въ такомъ же точно значеніи называется (1 Кор. IX, 6) Варнава, хотя онъ едва ли былъ тамъ непосредственно и при томъ вмѣстѣ съ Апостоломъ Павломъ. Посему мы должны согласиться, что Варнава отмѣчается лишь въ достоинствѣ апостольскаго корифея, о которомъ особо подчеркивается (Гал. II, 13), что да же и онъ (*καὶ Βαρνάβας*) увлекся лицемѣріемъ. А съ этой стороны Варнава достаточно рекомендуется читателямъ, какъ равноправный съ самимъ Павломъ (II, 9), далеко превосходившій другихъ его сотрудниковъ (II, 1). Слѣдовательно, трактуется исключительно о церковной авторитетности, но для нея совсѣмъ не требуется у Варнавы личнаго знакомства, чего не было среди всякихъ Галатійцевъ въ отношеніи Апостола Петра (I, 18), не бывавшаго у нихъ.

3) Обращеніе посланія (II, 5) къ читателямъ, что при вторичномъ Іерусалимскомъ посѣщеніи св. Павель не уступиль юдаистамъ и энергично боролся за евангельскую свободу, „да истина благовѣствованія пребудетъ въ васъ“ (*Ἐναὶ ἡ ἀλήθεια τοῦ εὐαγγελίου διαμειγοῦ πρὸς ὑμᾶς*), комментируется (Cornely, Zahn, Val. Weber) такъ, будто во время Іерусалимскаго совѣщенія Галатійские читатели уже были озарены христіанскимъ свѣтомъ, разъ описываемый тутъ подвигъ предпринимался ради нихъ, чтобы сохранить имъ полученное прежде истинное ученіе. Все это пригодно лишь для Писидійско-Ликаонскихъ христіянъ, ибо изъ всѣхъ Галатійскихъ жителей именно они были обращены до Апостольскаго собора и могли быть на немъ ближайшимъ объектомъ защиты Павловой.

Наружная убѣдительность граничитъ здѣсь съ прямою софистичностію, если заставляеть согласиться, что Апостоль боролся спѣциально для Галатійскихъ читателей. Но развѣ это допустимо хоть въ малѣйшей степени? Не вѣрнѣе ли будетъ, что дѣло касалось принципіальныхъ доктринъ, обязательныхъ и спасительныхъ для каждого христіанина, потребныхъ всѣмъ

и непреложныхъ всегда? Правда, говорится о пребываніи и (διήμερη), но послѣднее относится всецѣло къ „истинѣ Евангелія“, а дальше будетъ уже фактическое примѣненіе ко всѣмъ людямъ въ томъ числѣ — и къ Галатійскимъ читателямъ, когда фактически дойдетъ до нихъ очередь, теперь выдвинутая на первый планъ передъ св. Павломъ. Замѣтательно у автора сочетаніе *verbis quiescentis*, выражающаго непрерывный покой, съ предлогомъ движения въ направленіи кого-нибудь или чего-либо. Значить, разумѣется постоянное состояніе, но не мертвенней инертности, а расчитанное на реальное приложеніе во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, какіе встрѣчаются исторически. Посему спасительная приспособительность ко всякому человѣку,—напр., и къ Галату,—является эссенціальнымъ свойствомъ самой „истины“ и не нуждается въ охраненіи, а этого требуетъ исключительно лишь правда Евангельская, при которой соотвѣтственная аппликація бываетъ неизбѣжною.

Очевидно теперь, что Апостолъ подвизался въ Іерусалимѣ по соображеніямъ принципіальными и ничуть не ограничивался частными запросами, которые у него всегда рассматривались въ единствѣ внутренняго существа, какъ всецѣло господствующаго во всѣхъ конкретныхъ явленіяхъ міссионерской практики и христіанской жизни. Наличныя нужды, конечно, принимались въ соображеніе, получая полное и глубокое удовлетвореніе, но при догматическихъ обсужденіяхъ стушевывались по своей обусловленности и могли быть развѣ лишь внѣшнимъ поводомъ для теоретическихъ дискуссій и рѣшеній. Поэтому мы принудительно должны допустить, что въ цитированной апостольской сентенціи предполагаются всѣ, для кого была дорога Евангельская независимость отъ законническихъ стѣсненій партизанскаго іудаизма, а это будетъ вся совокупность христіанъ — даже не только изъ язычниковъ. Въ такомъ случаѣ, еслибы фактическимъ побужденіемъ для апостольской апологетики на Іерусалимскомъ совѣщаніи и служили внутреннія замѣшательства въ Писидійско-Ликаонскихъ общинахъ, — отсюда вовсе еще не вытекаетъ, что добытая тогда и провозглашенная истина относилась исключительно къ нимъ, ибо она — догматически универсальна.

Неудивительно, что подобное отожествленіе ограждаемыхъ б҃хс единственно съ Галатійскими читателями вызываетъ большія неудобства и затрудненія. Апостольська опредѣленія Іерусалимского совѣщанія были своевременно переданы въ Писидійско-Ликаонскомъ округѣ самимъ св. Павломъ (Дѣян. XVI, 4) во всякомъ случаѣ раньше выпуска Галатійского посланія. Понятно, что при этомъ были сдѣланы всѣ необходимыя разъясненія и всего менѣе могли быть замолчаны специальнаяя особенности, непосредственно касавшіяся слушателей, разъ прямо сказано, что тамошнія „церкви утверждались вѣрою и ежедневно увеличивались числомъ“ (Дѣян. XVI, 5). Всѣ знали

точно и были удовлетворены вполнѣ. Вопреки сему письменный рефератъ посланія производить впечатлѣніе неслыханной новости именно въ отношеніи того, что затрагивало бы читателей жизненно и должно было дойти до нихъ сразу же послѣ описанныхъ событій, когда св. Павелъ былъ тамъ. Все это совсѣмъ неестественно, потому что не вѣроятно исторически. Вѣдь авторъ нимало не намекаетъ, что у него тутъ лишь простое напоминаніе, о чемъ онъ не умолчаль бы, такъ какъ всѣ подобные примѣры подчеркиваются у него съ совершенною отчетливостію (Гал. I, 13. V, 21). По силѣ всего сказанного мы обязаны принять, что о передаваемыхъ въ Галатийскомъ посланіи подробностяхъ адресаты освѣдомляются только теперь и, слѣдовательно, не совпадаютъ съ Писидійско-Ликаонскими христіанами, которыхъ Апостоль, конечно, информировалъ давно о предметахъ столь существенного интереса для нихъ.

4) Въ равной мѣрѣ не подходитъ къ нимъ и обращеніе (III, 1) *ῳ ἀδυτος Γαλάται*, потому что Писидійско-Ликаонскіе аборигены не имѣли въ своей крови „Галатскихъ“ примѣсей и упорно удерживали свой мѣстный жаргонъ (Дѣян. XIV, 11). Въ этомъ пункѣ важно взвѣсить и сообразить объективно всѣ подробности, которыя излишне преувеличиваются партизанами южно-галатийской теоріи. Они справедливо указываютъ, что съ Лутаріемъ и Леонноріемъ перебралось въ Малую Азію всего лишь около 20 тысячъ вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми. Этого количества было недостаточно и для собственно Галатийской территоріи въ ея первоначальныхъ границахъ, гдѣ, конечно, оставалось въ большинствѣ мѣстное населеніе, въ которомъ попрежнему должны были преобладать фригійцы съ постепеннымъ и незначительнымъ прибавленіемъ къ нимъ грековъ, евреевъ и римлянъ. Возможна лишь взаимная племенная ассимиляція, но и она была медлительна и слаба. Господствуя надъ всею страной и живя на счетъ труда туземцевъ, обрабатывавшихъ землю за извѣстное долевое участіе въ прибыляхъ, Галатийская знать селилась по своимъ укрѣпленнымъ помѣстьямъ (*φρόρια, castella*), къ каковымъ причислялась даже Анкира, называемая у Страбона тоже *φρόριον*¹⁾. Остальные галаты внѣ войнъ вели пастушескую полуокочевую жизнь. Тамошніе города долго сохраняли негалатскую физіономію, и Пессинъ всегда былъ болѣе фригійскимъ. Все это справедливо, но нельзѧ опускать изъ вниманія и другія даннныя съ обязательными выводами. Несомнѣнно, что тегминъ *Γαλάτης* — не географическій, а этнографическій. Вѣроятно, что онъ образовался среди греческихъ поселенцевъ на галль-

¹⁾ См. Pauly-Wissowa I, Sp. 2221—2222.

скомъ побережью въ Массаліи или Массиліи (Марсельѣ)¹⁾, которая, будучи основана около 600 до р. Хр., была здѣсь „центромъ греческой образованности и греческой учености“²⁾. Означаетъ это имя „мужественный, храбрый, благородный“³⁾, между тѣмъ терминомъ Галлъ указывается просто воинственность (по Holder'у). Оба эти названія лишь въ позднѣйшую эпоху различаются у греческихъ писателей — по примѣненію первого къ малоазійскимъ (восточнымъ: Галатіа Ѵ єѡх у Агграп. De bell. civ. II, 49. 'Αχθλας ὁ ἐκ τῆς ἑώρου Γαλάτιας у Philostr. Vit. soph. II, 11 : 1) Галатамъ (οἱ ἐν Ἀσίᾳ Γαλάται Plut., ή κατὰ τὴν Ἀσίαν Γαλατίας у Dioscorid. (De materia medica) и второго къ обитателямъ Галліи или Франціи, а еще болѣе позднее по образованію хѣтат (если не считать хѣтихъ; у Страбона VII, 5 : 2) употреблялось генерически для всѣхъ родственныхъ этнологически и лингвистически племенъ. Раньше начали разграничивать между Galli и Galatae римляне, и эту классификацію усвоили отъ нихъ географы.

Но при всякихъ колебаніяхъ терминъ „Галатъ“ сохранилъ строго этнографический характеръ. Посему уклоненіе Апостола Павла въ этомъ случаѣ было бы просто неестественнымъ и не оправдывается аналогіями съ Afri(ae) и Baetici для всѣхъ жителей „Африки“ и Hispaniae Baeticae (по Baets, нынѣ Гвадалквивиръ, „великая рѣка“), или телерешней Андалузіи: — въ послѣднихъ народности (напр., пунійскихъ карѳагенянъ, грековъ) включаются въ территоріальное понятіе, которое по вѣковой давности утратило этнографическое содержа-

¹⁾ См. † Prof. Ed. Meyer, Geschichte des Alterthums III (Stuttgart 1901), S. 671 ff.

²⁾ См. † Prof. Th. Mommsen, Römische Geschichte 4V, S. 72, 100 (русск. пер. V, стр. 66, 95); ср. I. w. Müller, Handbuch III, S. 521.

³⁾ Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen von August Fick; vierte Auflage, zweiter Theil: Urkeltischer Sprachschatz von Whitley Stokes, übersetzt, überarbeitet und herausgegeben von Adalbert Bezzemberger (Göttingen 1894), S. 108: „gala Tapferkeit, Galato—s, gall. Γαλάτος Polys. II, 21 : 5, Γαλατία... Γαλάτης mag Gräcisierung von Galatias“ (cnf. 107: galā Tapfertigkeit). S. 16: „gallo-s Fremder, Ausländer..., sein, wie Γαλάτης vón gais-atieo“ lat. Gallus, Gallia aus einer keltischer Mundart entlehnt“. S. 83: keltō-s отъ kelō — haben, sich regen, reiben, gehen; kelmjō-s thatkräftig, mutig. Посему неосновательно толкованіе блаж. Іеронима, что Galatia значитъ translatio, въ смыслѣ переселенія, увлеченія: „усвоеніе Галатамъ (ср. I, 6) слова увлеченіе (translatio) весьма (къ нимъ) подходитъ, ибо слово Галатія значитъ на нашемъ языке именно translatio — увлеченіе, переселеніе“ (Творенія XVII, стр. 15).

ніе и вовсе не отмѣчало специального африканского народа, обнимая всѣхъ обитавшихъ тамъ „африканцевъ“, хотя бы совсѣмъ не сходныхъ национально и неaborигеновъ, а лишь осѣвшихъ въ Африкѣ группу изъ разныхъ народовъ. Въ отношеніи Галатіи имѣется прямо обратное, ибо тутъ топографическая квалификація была только расширеніемъ и примѣненіемъ исконнаго этнографического титула, преобладавшаго настолько, что „Галатъ“ означалъ прежде всего именно члена Галатской народности и уже потомъ констатировалъ въ немъ гражданина известной римской провинціи. Поэтому терминъ Galati былъ бы неудобенъ и, пожалуй, совсѣмъ невозможенъ для всѣхъ разнородныхъ членовъ населенія Галатіско-римской области.

Но говорять (W. M. Ramsay), что и нельзя было выразить принадлежность къ гражданству Римской имперіи иначе, какъ чрезъ причисленіе себя къ одной изъ ея частей, т. е. въ данномъ случаѣ — Галатійской, а такое стремленіе тѣмъ не обходимѣе для рассматриваемаго посланія, что св. Павелъ и читатели смотрѣли на себя именно съ государственной точки зрењія. Пусть такъ! Даже при вѣрности этого предзанятаго положенія остается вполнѣ бесспорнымъ, что для него было всячески неудобно обращеніе Галатіс, поскольку въ немъ господствовалъ элементъ националистической, характеризовавшей человѣка больше по его племенной обособленности, чѣмъ по административно-политической связи разноплеменныхъ людей. При томъ же у насъ идетъ рѣчь не объ официальномъ манифестѣ, а о дружеской бесѣдѣ учителя съ знакомыми ему по національности учениками, которыхъ нельзя обезличивать по общей административной номенклатурѣ, какъ я, напр., никогда не рѣшусь называть сербами или болгарами тѣхъ македонцевъ и румынъ, которые были слушателями моихъ университетскихъ чтеній въ Бѣлградѣ и въ Софиѣ. Съ этой стороны и важно слѣдующее наблюденіе, почти рѣшающее во всемъ вопросѣ. Посланіе адресуется (I, 2) „церквамъ Галатіи“ (*ταῖς ἐκκλησίαις τῆς Γαλατίας*). Допустимъ, что второе слово будетъ изъ лексикона официальной номенклатуры: — все-таки греческий членъ при первомъ неотразимо убѣждаетъ, что разумѣются строго определенные христіанскія общины известнаго национального состава. Ясно, что писатель appellируетъ не къ отвлеченнымъ „церквамъ въ (провинціи) Галатіи“ или — просто и безразлично — къ „церквамъ Галатійскимъ“, а имѣть предъ собою избранный кругъ людей даннаго племени, которые непосредственно будутъ слушать письменныя увѣщанія, какъ прежде они же (I, 6. IV, 13 сл.) внимали устному благовѣстію. Апостолъ хорошо знаетъ своихъ читателей, потому что это — его дѣти по духовному рождению во Христа (IV, 19), и точно называетъ ихъ „Галатами“ (III, 1). Легко теперь вообразить всю крайнюю странность, еслибы это были Ликаонцы и

Писидійцы, чуждые всякихъ расовыхъ свойствъ Галатийскихъ. Получилась бы ненормальность въ родѣ той, когда при господствѣ Русской державы мы стали бы финновъ и поляковъ звать русскими, а теперь послѣднихъ объявили бы по гражданской принадлежности къ этимъ государствамъ — за финляндцевъ и поляковъ...

Для устранинія подобной несообразности необходимо согласиться, что Апостолъ больше всего разсчитывалъ на природныхъ Галатовъ, которые упорно и долго удерживали свои национальные отличія и всѣ пользовались своимъ особымъ языкомъ (Страб. XII, 5 : 1). Поэтому даже сторонники южно-галатийской оріентаціи принимаютъ (Th. Zahn, Ernest De Witt Burton), что св. Павелъ заходилъ и на Галатийскій сѣверъ, но эта оговорка требуетъ признанія въ апостольскихъ адресатахъ Галатовъ по национальности, а въ предполагаемой посланіемъ пропорціи ихъ, несомнѣнно, не было въ Ликаоніи и Писидії.

Этимъ безспорнымъ фактамъ уже сразу ослабляется сила возраженія, будто 5) при южно-галатийской теоріи намъ отчетливо раскрывается исторія возникновенія Галатийскихъ христіанскихъ общинъ, которая безъ этого окажутся забытыми Дѣеписателемъ. Однако послѣдній не упоминаетъ объ удаленіи св. Павла въ Аравію и о присутствіи на Іерусалимскомъ совѣщаніи Тита, вызвавшаго крайне остроя осложненія, равно не говоритъ о церквяхъ Киликійскихъ, Колосской, Лаодикійской и Римской. Значитъ, его молчаніе по данному пункту совсѣмъ не экстраординарно и просто нуждается каждый разъ въ точномъ разысканіи оправдывающихъ мотивовъ, какихъ вполнѣ достаточно для разсмотриваемаго примѣра.

Что до самого сближенія событий, то для сего не находится оснований въ рефератахъ Галатийского посланія и книги Дѣяній — даже при южно-галатийской точкѣ зрѣнія. Иногда выдвигаютъ (Jacobsen, Sabatier, Zahn, Ramsay) аналогію дѣеписательского свидѣтельства о ложномъ убѣжденіи Листрійцевъ въ божественности Варнавы и Павла (Дѣян. XIV, 11 сл.) съ тѣмъ, что при первомъ посѣщеніи Галаты приняли „немощнаго“ Апостола, „какъ Ангела Божія, какъ Христа Іисуса“ (Гал. IV, 14). Истиннымъ будетъ прямо противное, что тутъ совершенный контрастъ. Неистовая Листрійская восторженность вытекала изъ грубаго языческаго суевѣрія и исчерпывалась имъ по своему характеру; естественно, что она не дала благихъ плодовъ и не могла быть предметомъ отрадныхъ воспоминаній. Со стороны Галатійцевъ было совсѣмъ обратное — въ истинномъ прозрѣніи, что скромный и слабый проповѣдникъ есть дѣйствительно небесный вѣстникъ, столь точно выражавшій волю Божію, какъ еслибы это былъ самъ Господь Искупитель. Посему въ отношеніи ихъ Апостолъ и въ самомъ посланіи взыываетъ (IV, 15): кое убо бяше блаженство

ваше? А разве можно было сказать нечто подобное о Листріцахъ, обнаружившихъ дикую суевѣрность?

Обстоятельства оглашения читателей опять не совпадаютъ съ данными о миссионерской дѣятельности благовѣстника въ Писидійско-Ликаонской странѣ. Посыщеніе ея было рѣшено по самому плану, и это намѣреніе осуществлялось, несмотря на отпаденіе молодого помощника — Марка. Въ Галатіи же св. Павелъ задержался по „немощи плоти“ (IV, 13), т. е. непредвидѣнно, и началь здѣсь благовѣствовать вопреки своимъ исконнымъ предположеніямъ. Пытаются (W. M. Ramsay) использовать и этотъ фактъ въ интересахъ южно-галатійской гипотезы. Допускается, что разумѣемая болѣзнь, напрасно сближающая съ „пакостникомъ плоти“ (2 Кор. XII, 7), была особая мѣстная малярия, эндемически свирѣпствовавшая по низменному Памфилійскому побережью съ наносными разложеніями и болотистыми мѣазмами. Апостолъ, захвативъ ее тамъ, будто бы поспѣшилъ для своего поправленія на здоровую возвышенность около Антіохіи Писидійской, где затѣмъ и произошли описанныя въ посланіи сцены. Но если онѣ имѣли столь важное миссионерское значеніе, то выйдетъ, что у Дѣеписателя сдѣланъ существенный пропускъ, совершенно непонятный и неизвинительный при его подробномъ разсказѣ о томъ періодѣ. Чистая догадка, что болѣзнь была малярійная и постигла именно въ Памфилійской низинѣ. Захворать можно вездѣ, особенно слабому Павлу, который взялъ потомъ съ собою Луку, возлюбленного ему и въ качествѣ врача (Кол. IV, 14). По сравненію съ нимъ молодому Марку, яко бы оставившему Апостола изъ-за климатическихъ непріятностей, нѣчего было бояться опасностей и лишеній путешествія по суровой и нездровой странѣ, разъ это не устрашало болѣзненнаго учителя и разъ послѣдній направился теперь въ благопріятную климатически мѣстность на высокомъ плато. За-то для Марка было бы совсѣмъ преступно покинуть немощнаго Апостола въ извѣстной разбоями (Страб. XII, 7 : 2) Памфиліи (Дѣян. XIII, 13), а св. Павлу не вдолгъ послѣ выздоровленія оказалось бы не-посильнымъ перенести тяжелыя физическія испытанія съ побіеніями чуть не до смерти (Дѣян. XIV, 19—20). При томъ же — согласно посланію — болѣзнь была причиной остановки и благовѣстничества, т. е. поразила среди читателей, но вовсе не была принесеною въ ихнюю среду откуда-либо, напр., изъ Памфилійскихъ болотинъ. А главнѣе всего то, что она изображается у автора непредвидѣннымъ поводомъ Галатійского миссионерства, которое рисуется неожиданнымъ по возникновенію и тѣмъ болѣе отраднымъ по результату. Этого безусловно нельзя отнести къ Писидійско-Ликаонскому району, какъ неприложимы къ нему и трогательныя слова священнаго писателя о первомъ его визитѣ въ Галатію (IV, 14 сл.). Вѣдь благовѣстническая дѣятельность въ Писидіи и Ли-

каонії сопровождалась столь жастокими удрученіями, что до конца дній своїхъ Апостолъ не забывалъ о гоненіяхъ и страданіяхъ, постигшихъ его въ Антіохії, Писидії и Листрахъ, ка-ковыя гоненія онъ перенесь лишь потому, что отъ всѣхъ ихъ избавилъ его Господь (2 Тим. III, 11). Наконецъ, въ Ликаоно-Писидійскомъ округѣ христіанскія общини были со значитель-нымъ іудейскимъ контингентомъ, вызывавшимъ на особя приспособленія (см. Дѣян. XVI, 3), между тѣмъ среди Галатовъ доминирующимъ быль элементъ языческій, на которомъ авторъ посланія и сосредоточиваетъ почти исключительное вниманіе.

Вѣрно, что въ смѣшанномъ населеніи Галатійскаго юга съ большимъ участіемъ іудейскихъ стихій легче было появить-ся іудистамъ съ успѣшною пропагандой, но за-то характеръ послѣдней будетъ великою историческою загадкой. При южно-галатійской интерпретаціи мы получимъ, что въ церквахъ Павловыхъ іудаистическая агитација развилась вскорѣ по окон-чаніи Апостольского собора и совѣщанія со „знаменитѣйши-ми“ въ Іерусалимѣ. Тамъ по изволенію Духа Святаго была авторитетно санкционирована для язычниковъ свобода во Хри-стѣ отъ номистическихъ ограничений. Разумѣется, все это бы-ло крайне непріятно фанатическимъ іудаистамъ, и невдоглѣ послѣ Іерусалимскаго соглашенія они постарались выиграть свое дѣло въ Антіохії чрезъ „нѣкоторыхъ отъ Іакова“ (Гал. II, 11 сл.). Но этотъ опытъ разрѣшился полнымъ крахомъ, воз-становивъ противъ нихъ и Кифу съ Варнавой, какъ отказав-шихся защищать іудаистическую политику даже въ смягчен-номъ видѣ Іаковлевой практики Іерусалимской церкви, гдѣ соблюдались пока многіе законническіе обычаи. Представляет-ся абсолютно немыслимымъ, чтобы вслѣдъ за симъ іудей-ствующіе пустились въ опасную авантюру вдалекѣ отъ Пале-стини. Это было бы явнымъ неблагоразумiemъ безповоротна-го самоосужденія, потому что, уклоняясь отъ апостольского приговора въ Іерусалимѣ, лже-братья необходимо дискредити-вали себя въ глазахъ всѣхъ христіанъ, разъ они всюду при-крывались апостольскимъ именемъ „мнимыхъ столповъ“, меж-ду тѣмъ оказывалось, что послѣдніе всецѣло противъ нихъ,—и и это извѣстно было всѣмъ въ Ликаоно-Писидійскомъ округѣ (Дѣян. XVI, 4). Можно ли допустить у лозкихъ іудаистиче-скихъ интригановъ столь легкомысленное безуміе? И оно ста-новится прямо идіотствомъ, когда мы сообщимъ характерныя детали. Въ Антіохії номистические соглядатаи соблазнили только іудеохристіанъ, да и то лишь временно, при чемъ по-терпѣли постыдное для нихъ пораженіе. И вдругъ получи-лось бы, что на Галатійскомъ югѣ они рѣшились захватить даже христіанъ изъ язычниковъ и добыли свою роковую став-ку, ибо частію склонили Галатійцевъ принимать обрѣзаніе и соблюдать законъ (Гал. V, 1 сл. VI, 12—13). Вѣроятно ли все это

и для самыхъ крайнихъ религіозно-партизанскихъ бандитовъ? Скорѣе нужно думать, что Іерусалимскій апостольскій декретъ сначала подавилъ іудаистическую борьбу и вожди ея *volens-potens* должны были притихнуть со своими возраженіями тамъ, гдѣ для нихъ пока совсѣмъ не имѣлось никакой благопріятной почвы. Потомъ образовались чисто языческія христіанскія общины, сформировавшіяся помимо политическихъ сліяній и участій и не признававшія ихъ нимало. Подобныя братства были живымъ и осознательнымъ обличеніемъ всѣхъ іудаистическихъ упованій, почему христіанское процвѣтаніе ихъ одинаково и раздражало и смущало совѣсть номистовъ. Послѣдніе вынуждались чрезъ это пожертвовать всѣми своими догматическими пристрастіями религіозно-націоналистическихъ привилегій. Само собою понятно, что все это могло совершиться лишь въ постепенномъ мучительномъ процессѣ, когда на первыхъ порахъ больше выдвигаются и обостряются интересы самозащиты съ энергическими отраженіями разныхъ нападеній. Въ свою очередь этимъ поставлялась для апостольского обсужденія специальная антиномистическая задача съ соотвѣтствующимъ пріемѣнительнымъ раскрытиемъ истиннаго ученія. Такъ и ходъ іудаистической полемики и развитіе апостольской апологетики объясняются вполнѣ удовлетворительно, но при непремѣнномъ условіи отнесенія ихъ къ эпохѣ позднѣйшей по сравненію съ Апостольскимъ соборомъ, а двукратность посѣщенія читателей авторомъ до написанія Галатійскаго посланія потребуетъ пріуроченія его къ собственной Галатіи, т. е. этнографической. И если почитаютъ удивительнымъ, что іудействующіе проникли столь далеко на сѣверъ Малой Азіи, то вѣдь они преслѣдовали Апостола на всѣхъ путяхъ его благовѣстничества и доходили даже до Коринѳа, гдѣ произвели большую смуту. Во всякомъ случаѣ сѣверная Галатія имѣла не менѣе доступна, чѣмъ св. Павлу, для которого у насъ имѣются по этому предмету достаточные данные въ рефератѣ Дѣписателя.

Что же содержится въ книгѣ Дѣяній для определенія Галатійской области, бывшей фактическою сферой благовѣстническаго оглашенія и письменного обращенія апостольскаго? Здѣсь впервые называется „Галатійская страна“ наряду съ Фригіей (XVI, 6) въ отчетѣ о продолженіи второго міссіонерскаго путешествія и — по смыслу южно-галатійской теоріи — обнимаетъ города Писидійско-Ликаонскіе, которые все были въ Галатійской римской провинціи. Въ силу этого Дѣян. XVI, 6 будетъ обозначать одну административно-географическую территорію: тогда во фразѣ *τὴν Φρυγίαν καὶ Γαλατικὴν χώραν* членъ получаетъ строго объединяющую energiю, и союзъ уравнивается съ лат. *sive, seu* (или), отмѣчая, что упомянутые тутъ пункты являются взаимно замѣнимыми. Отсюда выводить, что тамъ разумѣется фригійско-галатійская мѣстность вообще, допускавшая обозначеніе тѣмъ или другимъ именемъ,

поскольку прежде она была фригийскою и потомъ стала галатійской (Lightfoot), или оказалась пограничной съ (между) Фригіей и Галатіей (Gifford, Marcus Dods). Дальше подчеркивается, что изъ идеи цѣлаго — провинціи — авторъ ближе квалифицируетъ интересующую часть ея, почему *χωρά* эквивалентно съ лат. *regio* и, следовательно, будетъ дозволительно лишь для известного географического округа, но ничуть не для всей римской Галатіи со включеніемъ древне-галльской. Въ этомъ тонѣ tolkuется и прилагательное *γαλατικός* не въ качествѣ прямой национальной (племенной) характеристики, а для оттѣненія особой (административной) принадлежности къ Галатскому того, что этнографически не было собственно Галатійскимъ. Предъ нами будетъ страна Фригийско-Галатійская, которая географически была Фригіей, политически Галатіей (W. M. Ramsay). Соответственно сему и Дѣян. XVI, 6 пріурочивается специально къ Иконіи и Антіохіи. Весь миссионерскій кругъ будетъ завершаться въ административныхъ границахъ Галатійскихъ, и „вострепятствование проповѣдывать въ Асіи“ представляется позднѣшимъ. Тутъ свидѣтельство Дѣян. XVI, 6 констатируетъ хронологическую преемственность, что благовѣстники сначала прошли упомянутую территорію и уже потомъ были возбранены идти впередъ (*διηλύθου κωλυθέντες* = *διηλύθον καὶ εκόλυθθασαν* = *διελθόντες εκώλυθθαν*). Въ интересахъ этой интерпретаціи одобряется (W. M. Ramsay, Val. Weber) позднѣйшее чтеніе (t. gec. по НЛР) съ соподчиненными причастіями: *διελθότες δὲ .. κωλυθέντες .. ἐλθότες κατὰ τὴν Μαρσίχην ἐπείρχον* и пр. Въ этомъ случаѣ „Асія“ тоже будетъ терминомъ административнымъ.

Всѣ эти построения слишкомъ сложны и требуютъ упрощенія до реальныхъ размѣровъ историческихъ данныхъ. Прежде всего рѣчь о самой терминологіи. Новою интерпретаціей предполагается, что Галатія была административною композиціей совершенно различныхъ частей, почему для нея было бы правильнѣе названіе *Galatiae regiones*, какъ это допускаетъ Val. Weber по отношенію Дѣян. XVIII, 23. При подонономъ положеніи всякий округъ долженъ бы обозначаться его первонаучальнымъ именемъ и присоединеніемъ къ нему титула всей провинціи — аналогично упоминанію Дѣян. XVI, 6. Однако ни у свѣтскихъ, ни у христіанскихъ авторовъ не встрѣчается такихъ примѣровъ, и всѣ они говорятъ или о цѣлой Галатійской области, или объ известныхъ ея „странахъ“ подъ собственными названіями. Тоже вѣрно въ нашемъ случаѣ и для Дѣеписателя. Но рассматриваемой теоріи выходитъ, что у него Фригія включается въ Галатію, будучи сопринадлежащю къ послѣдней вмѣстѣ съ городами Иконіей и Антіохіей. Но первый изъ нихъ лишь у Сенофонтата (Анаб. I, 2:19) почитается Фригийскимъ и у Амміана Марцеллина (14,5) — Писидийскимъ; а у всѣхъ другихъ свидѣтелей признается главнымъ городомъ

Ликаонії. Что касается второго, то въ Дѣян. XIII, 14 прямо сказано, что благовѣстники изъ Пергии пришли εἰς Ἀντιόχειαν τὴς Πισιδίας (или тѣу Πισιδίαу). Пусть Страбонъ (XII, 8 : 14) полагаетъ ее во Фригіи на границахъ Писидійскихъ, Птоломей колеблется между Писидіей (V, 4:11) и Фригіей Писидійской (V, 5 : 4) и только Пліній (V, 27 : 94) категорически пріурочиваетъ ее къ Писидіи. Видимо, тутъ не было полной устойчивости. Но вся важность состоять единственно въ томъ, что самъ Дѣеписатель никоимъ образомъ не мыслилъ эту Антіохію Фригійскою, хотя Фригія ему была хорошо известна. Тогда нельзя допустить, что для него была Фригійскою еще и Иконія, болѣе южная и отдаленная къ востоку. Если даже Лука совершенно ошибается, — мы все-таки не имѣемъ права извращать его ясныя слова и, когда онъ говоритъ о Фригіи и Галатійской странѣ, разумѣть одну Галатію.

Это невѣроятно и по другимъ соображеніямъ. Анализируемое толкованіе обязательно требуетъ принять, что указанныя страны были пройдены до возбраненія благовѣстникамъ входа въ Асію, послѣ чего имъ пришлось устремиться въ Мисію. Иначе получится, что они попали во Фригію и Галатію уже по достижениіи Асіи, т. е. по минованіи Писидійско-Ликаонской территории, либо направились оттуда назадъ, „совершая місіонерскій кругъ“, но второе совсѣмъ не гармонируетъ съ обычною апостольскою практикой искать всегда новаго поприща, а не вѣртѣться на одномъ мѣстѣ¹⁾), — весьма неестественно для дѣеписательской фразеологии, отмѣчающей движение впередъ къ Асіи и неудобно для выясненія маршрута на Мисію²⁾. Въ этихъ затрудненіяхъ кроется причина свое-

1) Такъ W. M. Ramsay у толкуетъ διῆλθον Дѣян. XVI, 6 въ смыслѣ „made a mission tour“, но δέρ εσθαι указываетъ не на круговоращеніе, а на благовѣстническое хожденіе (путешествіе) съ проповѣдью Евангелія. Въ виду сего Val. Weberg прибѣгаєтъ къ еще болѣе странной догадкѣ, будто, сказавъ о Фригіи между Антіохіею Писидійской и Acale, писатель теперь *только* вспоминаетъ *о* прежде пройденномъ и уже описанномъ въ XVI, 1—5 пуги, когда Галатійская страна XVI, 6 будетъ обнимать области Дервіи, Листры, Иконіи и Антіохіи. Но самая неестественность подобного перетолкованія ясно свидѣтельствуетъ объ искусственности потребовавшей сего теоріи.

2) Зашитники южно-галатійской гипотезы (W. J. Woodhouse и частію E. H. Askwith) наклоняются къ такому пониманию Дѣян. XVI, 6, что „путники прошли только Фригію и Галатійскую страну и ограничились именно этою областью, потому что не были допущены проповѣждывать въ Асіи“. Воспрепятствованіе будетъ падать на данную, Фригійско-Галатійскую, мѣстность, и потому W. M. Ramsay относитъ этотъ

образныхъ текстуально-екзегетическихъ операций надъ Дѣян. XVI, 6. Однако проектируемая редакція, будучи слабою по фактическимъ основаніямъ въ текстуальныхъ свидѣтельствахъ, вовсе не служитъ сама по себѣ безспогною порукой въ пользу южной Галатіи, ибо прежде другихъ предлагалась крайними апологетами противного толкованія, каковъ, напр., епископъ J. B. Lightfoot. А болѣе прочное текстуальное чтеніе (BNACD), безспорно отмѣчаетъ совсѣмъ иную послѣдовательность, что причастіе χωλιθѣтес знаменуетъ ровно не гозднѣйшій сгавнительно съ „прохожденіемъ“ моментъ, но либо пгедырущій, либо синхронистически-сопутствующій для аориста δѣлътоу. При второй возможности все упоминаніе будетъ гласить, что Апостолы проходили по Фигіи и Галатійской странѣ и за все это время были возбуждаемы проговѣрывать въ Асіи. Тутъ всѣ три географические термина сливаются взаимно въ единство территоріального объекта, где всѣ три части тѣсно соприкасаются между собою, а это фактически недопустимо, ибо при всякомъ пониманіи Галатіи и Асіи первая будетъ вѣтъ второй, образованной въ 133 г. до р. Хр. изъ Мисіи, Лидіи, Кагіи и частію даже иногда изъ прилегающихъ Фигійскихъ областей. Изъ Антіохіи нельзя было попасть въ Асію иначе, какъ чрезъ Фигію, между тѣмъ получается совсѣмъ обратное, что благовѣстники достигли Фригійскихъ предѣловъ лишь изъ Асійской области. Посему даже южно-галатійцы (*Marcus Dods*) соглашаются, что „возбраненіе“ было предваряющимъ „прохож-

акть къ Антіохіи, утверждая (—вопреки Страбону XII. 8 : 13 —14—), что тогда этотъ городъ былъ не собственно Писидійскимъ, а лишь ї прѣс тѣ Писідії, т. е. Припосилійскимъ, и административно принадлежалъ къ Фригіи Парореѣ (*Фριγία παρόρειος*) или пр(между)горной, въ долинѣ среди Эмиръ-Дага и Султанъ-Дага отъ г. Полибота (Булавдинъ) до Тиріэя (Ильгунъ). Въ этомъ случаѣ дальний путь къ сѣверу шелъ бы на Наколію по самой провинціи Асіи, восточными предѣлами которой были Трокнады. Оркістъ, Аморій, почему неудивительно, если „возбраненіе“ самимъ Ratisboniemъ иногда прямо пріурочивается къ Асійской области, хотя этому рѣшительно противорѣчить дѣписательскій текстъ, по которому сначала было возбраненіе для Мисіи, потомъ прохожденіе чрезъ Фригію и Галатію, наконецъ проникновеніе до Мисіи, чтобы оттуда попасть въ Виенню, но при отнесеніи пункта „возбраненія“ къ Антіохіи всѣ указанныи комбинаціи топографически будутъ затруднительны. Другие (Gifford) пріурочиваютъ этотъ ингердиктъ къ Иконіи или Листрѣ, проектируя, что затѣмъ миссионеры устремились на Дорилей (Эски-шехерь) по современной агава изъ Коніи въ Константинополь; однако тутъ совсѣмъ пропадаетъ Антіохія, которая оказывается неожиданно въ апостольскомъ пути, если путь въ эту сторону еще ранѣе былъ закрытъ велѣніемъ Духа Св.

деніе" актомъ. Въ такомъ случаѣ Фригія съ Галатійскою страной будуть на благовѣстническомъ пути уже по достижениіи Апостолами Асіи, куда св. Павель и Сила вошли изъ Писидійскаго округа, пробравшись въ Галатію лишь потомъ отъ Асійскихъ границъ. Необходимо, что при этомъ для Галатійской страны останется только область этнографическая, хотя бы и въ римской провинціи. Данными соображеніями устраняются всѣ филологическая возраженія, которыя по существу своему слабы, поскольку уравненіе *χαι* съ *sive* — лишь рѣдкое исключение, а терминъ *χαῖς* у св. Луки и LXX-ти употребляется перифрастически, не имѣя технически-административной исключительности, и эпитетъ *χαλατійскій* удерживаетъ естественную силу національно-географического описанія взятой мѣстности. Иначе — каждая не-галльская часть римской провинціи могла бы называться такимъ именемъ, почему для точнаго указанія одной извѣстной мѣстности и различенія отъ другихъ требовалось ближайшее топографическое опредѣленіе, напр., *Ron-tus Galaticus*. Въ книгѣ Дѣяній нѣтъ и не отмѣчается подобнаго дробленія, и *χαλαтийскій* будетъ специально этнографическимъ обозначеніемъ собственно галльской территории, т. е. сѣверной Галатіи.

Этотъ выводъ достаточно оправдывается и Дѣян. XVIII, 23, гдѣ читаемъ, что въ третье свое путешествіе св. Павель — по отправлении изъ Антіохіи сирійской (на р. Оронѣ) — „проходилъ по порядку страну Галатійскую и Фригію, утверждая всѣхъ учениковъ“ (. . . ἐξῆλθε, διερχόμενος καὶ θεέτης τὴν Γαλατیκὴν χώραν καὶ Φρυγίαν, ἐπιτηρῶν πάντας τοὺς μαθητὰς). Поборники южно-галатійской теоріи немало колеблются въ комментированіи и этихъ данныхъ, иногда приравниваютъ по объему къ Дѣян. XVI, 6, иногда расширяютъ. Важнѣйшее во всѣхъ разсужденіяхъ сосредоточивается на томъ, что Дѣеписатель, будто бы, разумѣлъ *двѣ страны въ самой провинціи Галатіи*. Это — *χώρα Ликаонійская* и *χώρα Фругія*. Первая въ качествѣ римской и въ отличие отъ Антіоховской (*Lycaonia Antiochiana*, *χώρα* 'Αντιοχίανή) была *Lycaonia Galatica*¹) и въ этомъ достоинствѣ называется „Галатійской страной“. Вторая есть фригійская часть Галатіи съ выдѣленіемъ этой *Phrygia Galatica* отъ *Phrygia Asiana*. Все изреченіе передается такъ, что Апостолъ Павель „совершилъ миссионерскій кругъ по Галатійской странѣ — съ Дервіей и Листрой — и по Фригійской — съ Иконіей и Антіохіей“ (Писидійской).

¹⁾ Но это лишь догадка W. M. Ramsay'я, будто часть Ли-каоніи, съ городами Дервіей и Листрой и другими мѣстностями, отличалась отъ *Lycaonia ipsa*, — или не-римской области, бывшей во владѣніи Антіоха и иногда титулуемой *Lycaonia Antiochiana*, — и называлась *Lycaonia Galatica*. Фактическихъ подтвержденій сему пока не имѣется и не приводится.

Это толкование сразу поражает неожиданностью, шаткостью и даже нѣкоторою странностью. Вѣдь по нему выходитъ, что Фригія была особою отъ Галатіи и въ нее не включалась, между тѣмъ хотятъ доказать сорѣмъ противное. А по методу, примѣненному южно-галатійцами къ Дѣян. XVI, 6, въ крайнемъ случаѣ можно бы говорить о „Галатійской странѣ“ и именно о (части ея) Фригіи“, но это отожествление нисровергается ихъ обязательной послѣдовательностью въ хадѣзѣ, отмѣчающимъ пограничную смежность двухъ отдельныхъ топографическихъ величинъ. Ошибка заключается въ томъ, что одно географическое понятие — Галатійскій хадѣзъ — освѣщается вокабуляромъ административно-официальнымъ, другое — Фруѣзъ — по народному употребленію понимается этнографически. Подобная двойственность у первохристіанского лѣтописца совсѣмъ неестественна, ибо оба термина объединяются членомъ въ равномъ значеніи, при чемъ даже допускается (у W. M. Ramsay) съ насильственностью, что и Фруѣзъ есть прилагательное тоже географически-определляющаго характера. Равно не видится фактическаго соотвѣтствія съ Дѣян. XVI, 6. Разъ въ обоихъ указаніяхъ мыслится общая территорія, то, двигаясь по ней въ одномъ направленіи — съ востока на западъ, какъ можно было начинать либо съ Фригіи либо съ „Галатійской страны“, прини-маемой за Ликаонію? Утверждаютъ, что оба эпитета были свя-заны настолько прочно по нераэрвности и по тождеству разу-мѣемаго географического участка, что взаимное положеніе ихъ было безразлично для самаго дѣла. Тутъ опять допускается произволъ, такъ какъ хадѣзѣ энергически подчеркивается географическую обособленность двухъ территорій — одной за другою. Въ такомъ случаѣ разность въ упоминаніи тѣхъ же самыхъ топографическихъ пунктовъ необходимо вынуждаетъ къ мысли о движениіи по обсуждаемой странѣ съ разныхъ сто-ронъ, между тѣмъ этого не могло быть фактически и не было исторически даже по требованіямъ южно-галатійской теоріи. Неудивительно, что въ интересахъ послѣдней вносится явная дисгармонія въ дѣяпіательскій рефератъ. Для Дѣян. XVI, 6 на фригійскую и галатійскую страну вмѣстѣ отводится Галатій-ская площадь древней Фригіи, или Phrygia Galatia съ городами Иконіей и Антіохіей, а для Дѣян. XVIII, 23 все это усвояется одной Фригійской области, когда къ Галатійской пріурочивается Ликаонія (*Lycania Galatica*) съ Дервіей и Листрой. Это столь неестественно, что Val. Webet безъ всякихъ фактическихъ осно-ваній готовъ вычеркнуть въ Дѣян. XVI, 6 упоминаніе о Гала-тійской странѣ, какъ древнюю вставку изъ XVIII, 23. Прини-мая первое, † Prof. John. Weiss (въ R. E. X³, S. 559) еще болѣе склоненъ думать, что составитель просто спуталъ извѣстія источниковъ и, напр., призналъ Галатскою другую Анкиру — Фригійскую (Килиссе-кей) на дорогѣ отъ г. Котіэя въ Пергамъ. Но для новозавѣтного историка, возвышаемаго за его лѣтопис-

ные труды до степени христіанского Фукидида, все подобное было бы чистѣйшею ненормальностю, почему мы во всякомъ случаѣ не въ правѣ прибѣгать къ столь унижающей гипотезѣ, пока есть средства обойтись безъ нея. Это послѣднее мы и находимъ при повсюдномъ тожествѣ содержанія въ Галатѣхъ *χι ρχ*, коль скоро она будетъ покрываться съверною древне-галльскою Галатіей¹⁾.

Теперь отчетливѣе обрисовывается предъ нами и весь апостольский маршрутъ, хотя многое, все-же, остается туманнымъ вслѣдствіи неустойчивости, несогласованности терминологии и большого разнорѣчія новѣйшихъ толкованій. При такихъ условіяхъ не справедливо и не научно требовать безспорной ясности.

Во второе путешествіе Апостолъ Павелъ попалъ во Фригію и Галатійскую страну собственно потому, что благовѣстники были ранѣе возбранены проповѣдывать слово Божіе въ Асіи. Отсюда выводимъ, что это — Фригія не галатійская, пройденная еще до вступленія въ асійскія границы, но соприкосновенная съ ними. А другая Фригія была асійскою и лежала въ Асійской области, почему могла различаться отъ послѣдней при томъ единственномъ условіи, что тутъ Асія берется не въ качествѣ римской провинціи, образованной въ 133 году до р. Хр. При этомъ мы должны признать, что и Асія понимается тоже въ популярномъ смыслѣ — преображеныхъ мѣстностей (Мизія, Лидія, Карія и др., какъ было и по разделеніи съ 295 г. по р. Хр.). Слѣдовательно, теперь св. Павелъ и Сила прорѣзали всю южную Галатію чрезъ Ликаонію и Писидію до Антіохіи, изъ которой былъ достаточно удобный путь около Султанъ-Дага²⁾. Этотъ горный кряжъ легко было обогнуть — съ запада чрезъ асійскую Фригію, или съ востока чрезъ галатійскую Фригію. Обѣ возможности до-

¹⁾ Такое тожество для этихъ терминовъ допускаетъ и Prof. Th. Zahnp.

²⁾ См. карту дорогъ Малой Азіи дogrеческихъ, римскихъ, византійскихъ и турецкихъ у Prof. W. M. Ramsay при его сочиненіяхъ: *The Historical Geography of Asia Minor* и *A Historical Commentary on St. Paul's the Epistle to the Galatians*, а отсюда и у Carolin A. J. Skeel, где дается сжатое обзорѣніе всѣхъ малоазійскихъ путей сообщенія въ I мѣ христіанскомъ вѣкѣ (*Travel in the First Century after Christ with Special Reference to Asia Minor*, Cambridge 1901, p. 116 sqq.).

зволительны, но первая больше отвечает преемственности членовъ дѣеписательской фразеологии, хотя, вѣроятно, не строго пунктуальной и далеко не полной. Тогда имѣемъ, что, держась на западъ отъ писидійской Антиохіи, миссионеры мимо западныхъ отроговъ Султанъ-Дага достигли Асійскихъ предѣловъ, куда не были допущены Духомъ Святымъ. По этой причинѣ Апостолы, продолжая свое благовѣстническое служеніе, повернули на сѣверо-востокъ и прежде всего попали въ асійскую Фригію, изъ которой вступили въ близъ лежащую Галатію этнографическую. По этому предмету не совсѣмъ ясно указаніе Дѣян. XVI, 7 (ἐλθούτες) κατὰ τὴν Μισίαν¹); оно можетъ констатировать, что это было „противъ Мисії“ (ср. Дѣян. XXVI, 7 κατὰ τὴν Κυδονίαν), но безъ соприкосновенія съ нею, или подлѣ нея — по смежности съ Мизіей. Обѣ интерпретаціи филологически равнозначны, однако сами по себѣ не даютъ географической точности. Определенность пріобрѣтается лишь по связи рѣчи въ описаніи послѣдовательныхъ моментовъ миссионерского теченія, гдѣ случилось такъ, что, достигнувъ катак тѣу Μισίαν, путники пытались вторгнуться въ Виенинію и опять были воспрепятствованы Духомъ, почему ми новали Мизію и спустились въ Троаду (... παρελθούτες δὲ τὴν Μισίαν, κατέβησαν εἰς Τραάδα: Дѣян. XVI, 7—8). Тутъ Мизія поставляется въ географическое соотношеніе съ Виениній, а не съ Галатіей, и рисуется въ такой комбинаціи, что нужно было идти мимо (границъ) Мисії внизъ, дабы очутиться въ Троадѣ. Повидимому, благовѣстники, будучи уже насупротивъ Мизіи, хотѣли проникнуть въ Виенинію. Они были не тамъ и не здѣсь, но ближе ко второй области, куда готовились войти, а это скорѣе возможно при движеніи на западъ черезъ сѣверную, этнографическую Галатію. Изъ нея св. Павелъ и Сила снова вернулись въ пройденную ранѣе Фригію асійскую, гдѣ въ одномъ углу уже сходились Мизія (слѣва) и Виенинія (съ сѣвера вправо). Приблизившись къ послѣдней и будучи противъ первой, благовѣстники потомъ направились параллельно Мизійской границѣ къ юго-западу по Фригіи асійской, которую было обязательно пройти (вторично), чтобы, не побывавъ въ Виениніи, достичь Троады. Кажется, по удобной (ср. Ріп. Epist. ad Trajan. 77 (81)) дорогѣ: Анкира-Герма-Дорилей-Никея въ началѣ былъ сдѣланъ большой уклонъ на западъ; тамъ, находясь фактически наискосокъ Мизіи, Апостолы и думали вступить въ Виенинію. Впрочемъ, при всякомъ рѣшеніи получается, что они держались къ сѣверо-западу на Виенинію и, стремясь туда, конечно, не могли брать слишкомъ далеко на востокъ.

¹⁾ См. у James Hastings, A Dictionary of the Bible III. p. 465b, и у Prof. W. M. Ramsay, A Historical Commentary on the Epistle to the Galatians, p. 419.

Поэтому мы должны согласиться, что изъ собственной Галатіи теперь захватывалась больше западная ея полоса, ближайшая къ Фригії асійской, а тогда (— вопреки утверждениямъ южно-галатийскихъ оппонентовъ —) не потребуется сворачивать къ востоку чутъ не на 450 верстъ.

Этотъ маршрутъ достаточно ясенъ и въ свою очередь освѣщаетъ путь второго Галатийского визита. Для него называются „Галатийская страна и Фригія“. Не будетъ невѣроятнымъ, что въ сжатомъ отчетѣ умолчано о промежуточныхъ звеньяхъ, предварявшихъ посѣщеніе Галатіи. Такова Киликія и изъ нея чрезъ Киликійскія ворота Тавра южно-галатийская область. Не исключаетъ этого категорически и *καθεξῆς*; оно относится лишь къ двумъ упомянутымъ мѣстностямъ, ибо едва ли было бы „по порядку“ — перескочить изъ Антіохіи сирийской прямо на Галатійскую территорію римской провинціи, или древне-гальскую. Однако не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что Апостолъ, идя по прежней дорогѣ, сталъ бы „утверждать всѣхъ учениковъ“ и въ Киликійскихъ и въ Ликаонско-Писидійскихъ церквяхъ, а въ этомъ случаѣ первохристіанскому историку было неудобно скрыть подобный фактъ, разъ съобщается о семъ для другихъ пунктовъ. По этимъ соображеніямъ резоннѣе думать, что св. Павель не былъ теперь ни въ Киликіи, ни въ Ликаоніи и Писидіи и двигался сухимъ путемъ, идя изъ Сиріи чрезъ Каппадокію непосредственно въ Галатію этнографическую (какъ это допускаетъ и Prof. Th. Zahn). Направленіе было бы примѣрно слѣдующее (Prof. P. W. Schmiedel): чрезъ (каппадокійские города) Арабисъ (Ярупсы), Кокусъ (И(ге)ксюнъ), Аразаксу (Серисекъ), Матіану (Матчане), Архелаиду (Гарсавру) (Аксерай), Парнасъ (по W. M. Ramsay, между Чекиналь и Кеси(къ) — Кепри на р. Кизиль-Ирмакъ) на Аникуру, Герму, Пессинъ, затѣмъ въ знакомую уже раннѣе область Фригії асійской¹) и, наконецъ, въ Ефесъ чрезъ „верхнія страны“ (Дѣян. XIX, 1), или обычнымъ способомъ — къ югу въ Ефесъ²). Разумѣется, сейчасъ въ Галатійской об-

¹⁾ Если отсюда заключается, что и въ Дѣян. XVI, 6 Фригіа есть имя существительное, то, — возможное филологически (даже по W. M. Ramsay и Marcus Dods). — это толкованіе ничуть не противорѣчитъ нашему мнѣнію, между тѣмъ для южно-галатійцевъ желательнѣе († Prof. J. h. Weiss), чтобы въ первомъ упоминаніи былъ *adjectiv.*, во второмъ *substantiv.* Для сѣверно-галатійской теоріи, пожалуй, удобнѣе *adjectiv.*, но это опять же допускается и противниками ея (ср. выше на стр. 30—31).

²⁾ Здѣсь у W. M. Ramsay'a дается маршрутъ по кратчайшей горной дорогѣ чрезъ Сейблю, Діонисополь, Тенру и долину Кайстра. Эта путь возможенъ и при нашемъ возврѣніи, если мы допустимъ, что уже во Фригії св. Павель свернулъ къ югу съ

ласти были посещены — больше — новые местности, ибо кажется, что прежде Апостоль не отклонялся слишкомъ далеко оть Пессина. Тѣмъ не менѣе предложенная проекція вовсе не устраниется свидѣтельствомъ объ „утвержденіи в сѣхъ учениковъ“. Само собою всѣми и всегда признается, что это исполнялось тамъ, гдѣ послѣдніе были, а они могли находиться даже и вѣтъ мѣстъ первоначального ихъ оглашенія, откуда передвигались по житейскии интересамъ, ибо св. Павель не просто просвѣщалъ, но и воспламенялъ ревностю. Въ силу этого вполнѣ допустимо, что по отшествіи Апостола христіанство распространялось въ разныя стороны ¹⁾ и больше всего къ востоку, среди родственного галльского населенія, къ чemu были вѣнчнія удобства въ хорошемъ сообщеніи между Галатийскими городами. Однако и во второй путь берется не вся этнографическая Галатія. Вѣроятнѣе, что это былъ преимущественно западный ея участокъ, тяготѣющій къ Фригіи асійской. Тогда отпадаютъ трудности и возраженія, вызываемыя нѣкоторыми крайностями гипотезы (у Br. J. B. Lightfoot-a), искусственно утрируемыми у оппонентовъ, будто въ оба раза св. Павель проходилъ въ ю съверную Галатію съ запада на востокъ и обратно. Фактически эта идея для обоихъ случаетъ не совсѣмъ пригодна уже потому, что этимъ требуется слишкомъ много времени и создается путаница при размѣщеніи миссионерскихъ событий по соображенію съ апостольскою хронологіей. Въ этомъ расширеніи, на которомъ никто не настаиваетъ²⁾, нѣть фактической надобности, и оно скорѣе отрицаются рефераторомъ Дѣписателя въ пользу западной половины, куда благовѣстникъ проникалъ безъ особыхъ препятствій.

Понятно, что по стопамъ Апостола столь же свободно могли пробираться и іудействующіе соглядатаи. И нельзя го-

тракта Герм-Дорилей-Никея. Во всякомъ случаѣ „верхнія страны“ (τὰ ἀνωτερὰ μέρη) справедливѣе опредѣлять соответственно встрѣчающемуся различенію ἡ ἀνω и ἡ κάτω Ἀσία и под. — въ смыслѣ восточной части Асійской провинціи вообще (Prof. Joh. Weiss въ RE X³, S. 536: 12—21, 557: 37). Впрочемъ, † Prof. Adol. v. Nagelsk утверждаетъ, что св. Лука полагалъ весь интересъ въ миссіи прибрежной и потому дѣлаетъ лишь слабые намеки на Фригію и Галатію, а въ τὰ ἀνωτερὰ μέρη, sc. τῆς Ἀσίας разумѣеться пограничную съ съверо-западною Фригіей гористую Лидію (Die Apostelgeschichte: Untersuchungen, Leipzig 1908, S. 87; 90).

¹⁾ Это предполагается и для южной Галатіи, напр., у Val. Weber'a.

²⁾ Напр., по O. Zöckleг, изъ всей Галатіи захватывались окрестности Пессина и поселенія Аксилона (т. е. безлѣсныхъ степей Ликаоніи).

ворить, что на Галатийскомъ съверѣ они не имѣли для себя готовой почвы въ достаточномъ контингентѣ соплеменниковъ. Извѣстно, что Селевкidy (334—189 г. г. до Р. Хр.) въ своихъ политическихъ интересахъ привлекли евреевъ въ Малую Азію и награждали ихъ значительными привилегіями съ предоставлениемъ правъ гражданства, гарантировавъ религіозную ихъ неприкосноренность въ специальномъ убдос тѣу 'Іоудаїш, упоминаемомъ, напр., въ арамейской надписи. Въ качествѣ сторонниковъ Селевкидской династіи, іудейские колонисты поселялись вдоль коммуникаціонныхъ линій между востокомъ и западомъ, какъ агенты правительства и природные шпіоны. Это было больше вѣнѣ границъ этнографической Галатіи, но естественные богатства послѣдней и меркантильные интересы скоро повлекли ихъ и туда, гдѣ торговля полотняными издѣліями (Br. J. B. Lightfoot) едва ли совершилась помимо этихъ патентованныхъ коммерсантовъ. Они, конечно, не замедлили обосноваться со всею прочностію по всѣмъ выгоднымъ пунктамъ (хотя бы позднѣе, чѣмъ на югѣ) и овладѣли положеніемъ въ каждомъ округѣ, а это было возможно лишь чрезъ главные центры, откуда іудейская пронырливость проникала во всѣ полезные закоулки. Отыскивается даже декреть объ особыхъ преимуществахъ, которыя Августъ велѣлъ начертать въ своемъ Анкирскомъ храмѣ въ обезпеченіе іудеямъ (Jos. Flav. Antiqu. XVI, 6: 2). Такое толкованіе (Br. J. B. Lightfoot'a, Emil Schürer'a и др.) не безспорно¹⁾, и чуть ли не вѣрнѣе думать (согласно W. M. Ramsay), что указъ разумѣеть не Анкиру Галатийскую, а соборъ (съѣздъ) представителей Асійской провинціи (тѣ хо:уву тѣс 'Азѣхс). Не смотря на это, іудейскій элементъ на галльскомъ съверѣ вполнѣ несомнѣненъ въ большомъ количествѣ²⁾ и по документальнымъ даннымъ. Напр., среди надписей — за изъятіемъ ненадежныхъ — сохранилось изъ древней Галатіи до пяти съ чисто іудейскими именами — въ Пессинѣ Мататіхс (текстъ не безъ подозрѣній), въ Евдоксіѣ (Йюрме) Іаковъ діаконъ и Есеіръ, въ Тавіѣ Даніиль и пр. Но если мы допустимъ присутствіе достаточного іудейского контингента въ съверно-галатийской области, — этимъ необходимо утверждается, что были отсюда регулярныя сношенія съ Іерусалимомъ и имѣлись

¹⁾ Такъ, Prof. R. A. Lipsius предлагалъ читать "Аүхура тѣс 'Азѣйтѣс", разумѣя ее на р. Макестѣ недалеко отъ границъ Лидіи (Strab. XII, 5), но эта произвольная догадка опасна и потому, что тогда придется заподозривать подлинность извѣстій объ Августовомъ храмѣ въ Анкире Галатийской.

²⁾ У Іосифа Флавія (Antiqu. XVI, 6:1) есть указаніе, что со стороны мѣстныхъ властей въ Галатіи принимались даже мѣры къ ограничению іудейской юркости, и это предполагаетъ наличность тамъ большого еврейского элемента.

пригоднѣе для сего способы¹⁾). Очевидно, для взаимообщенія существовала довольно торная дорожка, и ею успѣшно воспользовались іудаисты вслѣдъ за св. Павломъ, который въ благовѣстническихъ передвиженіяхъ придерживался административныхъ центровъ, гдѣ всегда находились жители изъ евреевъ. Значить, и съ этой стороны Галатія этнографическая совершенно удовлетворяла апостольской миссіонерской практикѣ, а совокупность всѣхъ другихъ свидѣтельствъ, наблюдений и соображеній, по нашему мнѣнію, больше благопріятствуетъ старинной, сѣверно-галатійской теоріи.

§ 3) Основаніе и исторія Галатійскихъ церквей до изданія посланія къ Галатамъ.

Теперь исторія основанія и развитія Галатійскихъ церквей по связи съ условіями происхожденія посланія къ нимъ рисуется въ слѣдующемъ видѣ. Во второе благовѣстническое путешествіе Апостоль, посѣтивъ и устроивъ сирійско-киликийскія и ликаонско-пісидійскія общини, хотѣлъ пойти почти прямо на западъ въ Асію, т. е. разумѣется, въ Ефесь, потому что тамъ было вліятельное іудейское населеніе, съ котораго онъ успѣшно могъ начать свою христіанско-просвѣтительную дѣятельность. Его намѣреніемъ была, видимо, чисто іудейская міссія, и ради ея онъ даже нарочито обрѣзаль Тимоѳея (Дѣян. XVI, 3), дабы не создавать соблазняющихъ препонъ своему служению среди сыновъ Израїля. Однако промыслъ Божій вель благовѣстника на иное поприще и направляль къ языческому оглашенію, которое требовало постепенной опытной пропедевтики. Возбраненные въ своемъ задуманномъ стремлениі насчетъ Асіи, міссіонеры были вынуждены повернуть къ сѣверо-востоку на Віоинію. По всему думается, что и на сей разъ язычество тоже не значилось специально въ благовѣстническомъ планѣ Павловомъ и было избрано потомъ лишь по особому указанію Божію, откуда приходилось принять, что Господь призывалъ благовѣствовать въ Македоніи и далѣе по греческимъ областямъ (Дѣян. XVI, 9—10). Понятно при этомъ, что и Галатійская страна не стояла заранѣе въ основномъ міссіонерскомъ проектѣ и явилась неожиданно по фактическому стечению обстоятельствъ. Это было нѣчто экстраординарное и — по

¹⁾ Блаж. Іеронимъ пишетъ (Творенія XVII, стр. 6): „до того дня патріархи іудеевъ посыпали (своихъ) апостоловъ (къ Галатамъ); отъ нихъ-то, по моему мнѣнію, тогда развращенные (соблазненные) изъ Галатовъ приняли обычай соблюдать предписанія закона“...

человѣческому сужденію — даже случайное. А Дѣеписатель во всей своей исторіографіи всегда и всюду слѣдитъ за осуществленiemъ божественныхъ велѣній касательно христіанизаціи и все осталное считаетъ лишь побочнымъ. Поэтому онъ замалчиваетъ или только упоминаетъ всякия человѣческія попытки данного рода, хотя бы послѣднія отличались глубокою искренностію. Дѣло Божіе строилось на землѣ, конечно, человѣческими руками, но вовсе не самими людьми по разнымъ внѣшнимъ историческимъ условіямъ. Естественно, что св. Лука весьма кратко и совсѣмъ неотчетливо говоритъ объ апостольскомъ служеніи до тѣхъ поръ, пока опять сказалась прямо воля Божія объ отправлениі на европейскій материкъ. Въ этомъ, конечно, заключается вполнѣ понятный и убѣдительный резонъ, что св. Лука сообщаетъ слишкомъ кратко и нѣсколько туманно о Галатийской дѣятельности Павловой. Тѣмъ не менѣе и онъ внушаетъ, что теперь были брошены здѣсь Евангельскія сѣмена на плодородную почву, разъ при вторичномъ посѣщеніи Галатіи Апостолъ „утверждалъ всѣхъ учениковъ“ (Дѣян. XVIII, 23: . . . ἐγὼ θεοῦ διερχόμενος καθεῖται τὴν Γαλατικὴν χώραν καὶ Φρυγίαν (ἐπι)στηρίζων πάντας τοὺς μαθητὰς), которые, очевидно, существовали тамъ ранѣе — со временемъ первого визита, хотя терминъ μαθητή; означаетъ у Дѣеписателя христіанъ вообще (VI, 1, 2, 7, IX, 1, 10, 19, 25, 26, 38, XI, 26, 29, XIII, 52, XIV, 20, 22, 28, XV, 10, XVI, 1, XVII, 27, XIX, 1, 9, 30, XX, 1, 30, XXI, 4, 16).

Все это до точности согласуется съ собственными данными посланія. По нему (IV, 13), св. Павель остановился въ Галатіи изъ-за тѣлесной болѣзни, послужившей ближайшею причиной (διὰ съ accusat.) для благовѣстническихъ обращеній къ галльскимъ сѣверянамъ (οἵδετε δὲ διὰ ἀσθένειαν τὴν σχρόδην εὐηγγελισάμην ὑμῖν τὸ πρόβερον). Свойства этого недуга намъ неизвѣстны и для настоящей рѣчи не существены. Достаточно лишь подчеркнуть, что замѣтка о возможной при(зрительности окружающихъ къ больному вплоть до оплеванія д!V, 14) вовсе не говоритъ о его внѣшней омерзительности, поскольку говорится о пренебреженіи къ религіозному званію и учению миссіонера, а ничуть не къ физическому состоянію. Посему нѣть даже точки опоры для крайне фантастической и эфемерной догадки († Prof. Erwin Preuschen'a), будто св. Павель страдалъ проказой, хотя — по тогдашнимъ нравамъ — онъ самъ не рѣшился бы съ нею показываться среди людей, и его нигдѣ не приняли бы даже изъ состраданія. Не менѣе сомнительна и офтальмія, или (по Dr. Adolph Seligmüller, 1910 г.) „глазная мигрень“, ибо упоминаніе (IV, 15) о готовности Галатійцевъ истогнуть у себя очи и отдать ихъ страждущему отражаетъ не чуждое и нашему времени присловіе для свидѣтельства о всепреданной любви, которая рада пожертвовать даже столь дорогимъ, какъ зреїніе. Тутъ нѣть и минимальна-

го намека на фактическую нужду и безумную готовность уступить кому-либо свои глаза, когда оба сдѣлаются слѣпыми. Увѣренно думаемъ, что здѣсь нѣть соотношенія и съ „пакостникомъ плоти“ (2 Кор. XII, 7), поелику это были внезапные припадки съ исключительнымъ и специальнымъ коварствомъ „ангела сатанина“, дѣющаго пакости, чтобы Апостолъ не пре-возносился. Въ нашемъ примѣрѣ не только не было ничего подобнаго, а имѣлось совсѣмъ обратное — въ уничиженномъ состояніи, которое по вѣшности могло вызывать гнушеніе окружающихъ. Для насъ безспорно, что разумѣется случайная болѣзнь, неожиданно разстроившая всѣ миссіонерскіе расчеты, хотя бы и по связи съ несомнѣнною общою болѣзненностью Апостола нервнаго происхожденія и нервнаго характера, всегда (особенно же въ моменты высшаго вдохновенія), угрожавшею сатанинскими припадками¹⁾.

Внезапно было это прискорбное событие, но и оно помогало высшимъ предначертаніямъ. Прикованный къ мѣсту, благовѣстникъ не могъ теперь осуществлять задуманныхъ намѣреній, однако послѣднія сохраняли всю свою повелительную силу, потому что вѣтъ благовѣстническихъ интересовъ не было и самой жизни для св. Павла. Естественно и неизбѣжно до степени необходимой функции, что великий миссіонеръ сталъ отправлять свое обязанность въ доступной ему средѣ и проповѣдывалъ Евангелие пріютившимъ жителямъ. А о нихъ исторически вполнѣ вѣроятно, что туземцы были весьма затронуты необычными рѣчами своего неожиданнаго гостя. Судя по западнымъ галламъ, это былъ народъ любознательный, падкій до всякихъ новостей и увлекающійся ими²⁾, цѣплявшися за плащъ всякаго заѣзжаго странника-мудреца крѣпче, чѣмъ жельзо пристаетъ къ магниту³⁾. При такихъ условіяхъ неудивительно, что вокругъ Апостола скоро образовалась обширная аудиторія пытливыхъ и внимательныхъ слушателей. Они были готовы воспринимать и даже усвоять Евангельскія рѣчи, но для нихъ было немалое искушеніе, которое коренилось въ плоти и почерпалось изъ нея, конечно, при обрисованномъ положеніи, или собственно потому, что она немощна. Чѣмъ же заключалось недоумѣнного и соблазняющаго въ этомъ повсюдномъ явленіи? Для христіанского прозрѣнія все человѣчество — и принципіально и эмпирически — было сплошнымъ комплексомъ страждущихъ и обремененныхъ, для которыхъ всячески потребно спасительное оживотвореніе. Посему христіанское воззваніе неизменно оказывалось утвержденіемъ насчетъ благодатной

¹⁾ См. выше.

²⁾ Ju l. Caes., *De bello Gall.* IV, 5.

³⁾ Themistius (второй половины IV-го вѣка по р. Хр.), *Orat.* XXIII, p. 299 A.

енергії универсального и всецѣлаго возрожденія, совершеннаго Господомъ Искупителемъ. Разумѣется, и св. Павель пламенно свидѣтельствовалъ о силѣ Божіей, все препобѣждающей и возобновляющей, тѣмъ болѣе чудодѣйственной, что человѣческая природа по самому своему естеству считалась неспособною къ исправленію, какъ поврежденная эсценциально. И вотъ наряду съ этимъ отзывалось особенно мучительнымъ диссонансомъ, что самъ глашатай абсолютнаго всемогущества божественного лежалъ недвижимый чуть не беспомощнѣе ребенка, нуждаясь въ благостномъ уходѣ для облегченія его слабости. Получалась острая дисгармонія, что призывалъ къ жизни и обѣщаль всѣмъ несокрушимую крѣпость жалкій страдальцъ, едва не бывшій на краю могилы. Этотъ контрастъ невольно и рѣзко чувствовался воинственными Галатами при первомъ впечатлѣніи, когда они еще не постигли всей глубины апостольскихъ откровеній. Дальше все могло разрѣшиться брезгливо-оскорбительнымъ укоромъ „врачу, исцѣлися самъ!“ и вызвать въ пылкихъ варварахъ насмѣшливую пренебрежительность съ изгнаніемъ странного фантазёра, если только не обманщикъ. Минута была критическая для всего христіанскаго будущаго Галатіи. Но, остановивъ въ ней Апостола вопреки его выработаннымъ планамъ, Господь доставлялъ этимъ благовѣстнику средства и удобства для практическаго подготовленія къ христіанской миссіи среди необрѣзанныхъ, утверждая въ немъ непоколебимость надежды на благословенный успѣхъ сверхъ всякихъ человѣческихъ разсчетозъ. И вотъ спасительное слово Евангельское изъ устъ се. Павла живительно согреває окоченѣвшую душу язычниковъ, и благодатная теплота переполняетъ сердце ихъ неизъяснимымъ удовлетвореніемъ. И теперь Галатійцы радостно убѣждаютъся, что большой и бѣдный чужестранецъ есть своего рода какъ бы Ангель Божій и — въ достоинствѣ истинно божественного вѣстника — воспроизводить Голгоѳское таинство всеобщаго искупленія съ такою животворною точностію, какъ еслибы это былъ самъ Христосъ Иисусъ.

Начавшись этимъ способомъ, апостольская проповѣдь у Галатовъ сопровождалась прямо блаженными результатами и поселяла въ неофитахъ сыновнюю преданность абсолютнаго до-вѣрія къ своему просвѣтителю. Понятно, что благовѣстническое дѣйствіе не ограничивалось однимъ пунктомъ, а распространялось усердными учениками въ разныя стороны, для чего и самъ св. Павель всегда принималъ регулирующія мѣры (ср. 1 Фесс. I, 5 сл.). При всемъ томъ новыя насажденія постоянно нуждались въ неослабномъ контролѣ и бдительному уходѣ, безъ которыхъ нормальное возрастаніе и здоровое укрепленіе оказывались не совсѣмъ гарантированными отъ роковыхъ шатаній и опасныхъ уклоненій. При такихъ именно условіяхъ и въ дальнѣйшемъ течениі Галатійскихъ церквей обнаружились бо-

лѣзенія и осложненія и прискорбные дефекты. На Галлатійской территории Апостоль оставался, повидимому, не столь долго — лишь до своего окончательного выздоровленія, когда обеспечивалась миссионерская обязанность по выполненію первоначального благоўѣстническаго маршрута. Естественно, что въ Галатіи ему не удалось завершить все въ желательной степени, хотя онъ былъ и считалъ себя единственнымъ и исключительнымъ просвѣтителемъ этой области (см. Гал. I, 8 сл. III, 1 сл. IV, 12—20). Въ свою очередь Галаты имѣли много национальныхъ слабостей, крайне опасныхъ для сохраненія устойчивости въ своемъ христіанскомъ одушевленіи. Всѣ древнія свѣдѣнія солидарны, что по своей натурѣ это были люди весьма нетвердые и чрезвычайно измѣнчивые¹⁾, способные увлекаться и отвлекаться каждую минуту²⁾, если ихъ не подчинить строгой дисциплинѣ и не держать въ опредѣленныхъ рамкахъ. Галльская религіозность была неразрывна отъ суевѣрности, ибо *natio est omnis Gallorum admodum dedita religionibus* (Jul. Caesar. De bello Gall. VI, 16; ср. Di o d. Sic. V, 27), а это привучало къ быстрымъ колебаніямъ. Равно и опытъ всей религіозной исторіи вырабатывалъ индифферентную неразборчивость съ одинаково охотнымъ принятиемъ того, что было ближе и удобнѣе, или просто сильнѣе и непреодолимѣе. Все это располагало къ неосмысленному смѣшенію самыхъ разнообразныхъ элементовъ безъ исключительного тяготѣнія къ нѣкоторымъ, когда послѣдніе были бы опорою и критериемъ для религіознаго чувства. Со своими старыми настроеніями и улованіями Галатицы вошли въ новой странѣ въ тѣсное соприкоснозеніе съ исконнымъ фригийскимъ населеніемъ и встрѣтили нѣчто сродное въ мѣстныхъ культахъ, которые своими фанатическими изувѣрствами и преобладаніемъ жреческой тиранніи достаточно отвѣчали прежнимъ религіознымъ навыкамъ Малазійскихъ иноземцевъ, грубыхъ по природѣ³⁾. У нихъ на европейскомъ западѣ (Jul. Caesar. De bello Gall. VI, 13, 14) и въ Британніи доминировалъ despoticкій друидизмъ съ господствомъ жрецовъ въ самомъ мрачномъ сацердотализмѣ и со все-

¹⁾ Такъ, говорится, что — бурные въ началѣ битвы — въ разгарѣ ея Галлы вели себя хуже женщинъ (Tit. Liv. X, 28), конечно, въ случаѣ излишней затяжки сраженія.

²⁾ Ю. Цезарь (De bell. Gall. II, 1) констатируетъ у Галловъ *mobilis et levitas animi*. Ср. Tacit. Germ. 29.

³⁾ Блаж. Иеронимъ свидѣтельствуетъ, что „Галаты проникаютъ... изъ числа болѣе звѣроподобныхъ Галловъ“ (Творенія XVII, стр. 75); „они непослушны и тупы и не легко усвояютъ мудрья наставлений“ (стр. 61). См. у Prof. W. M. Ramsay. A Historical Commentary, p. 53: „old barbaric and Celtic character“.

цѣлымъ преобладаніемъ кровавыхъ жертвъ по темнымъ лѣсамъ во мракѣ ночи¹⁾). Естественно, что вскорѣ же сталъ появляться въ Малой Азіи религіозный синcretизмъ и при томъ въ сторону позаимствованій. Въ особенности привилось почитаніе Зевса фрикійскаго и великой „матери боговъ“ Кибелы (въ Пессинѣ)²⁾, гдѣ всякихъ религіозныхъ неистовствъ и даже человѣческой крови было слишкомъ достаточно для пламенныхъ Галатійцевъ. Греческое вліяніе тоже было нѣничтожно и должно было захватывать въ свою сферу. Сильное по всей Асіи, — оно значительно подчинило или затронуло всю мѣстную религіозность, а потому прямо и косвенно притягивало столь податливъjkъ пришельцевъ. Правда, все это нельзѧ утрировать, но преувеличенно и то сужденіе (W. M. Ramsay'я), что позднѣйшия³⁾ названія (Strab. II, 5: 28. XII, 5: 1. Tit. Liv. XXXVIII, 17): „Галлогреція“ и „Галлогреки“ (Галлоурахіа, Галлоурахіо, Gallograeci) ничуть не говорятъ о фактическомъ возобладаніи греческой культуры, такъ какъ отъ нея не имѣется широкихъ и прочныхъ слѣдовъ. Отсюда выходитъ не больше того, что греческое воздействиe было больше вѣньшнее, однако такое, которое подчинило мѣстную религіозность своимъ специальнымъ формамъ и чрезъ нихъ внесло туда свое направленіе. Посему эллинизмъ долженъ быль соотвѣтственно отражаться на мысли и жизни Галатійцевъ, особенно въ религіозно-оорядовомъ отношеніи. Съ той же стороны принудительно напирало и римское владычество, поскольку исполненіе извѣстныхъ специальнѣ-римскихъ ритуальныхъ церемоній было свя зано съ гражданскимъ вѣрноподданствомъ, непремѣнно требовавшимъ открытаго соблюденія культа цезарей, хотя бы и безъ внутренняго признанія⁴⁾. Не безупречны данныя о томъ, что

1) О друидахъ и друидизмѣ см. у August Fick, Vergleichendes Wörterbuch, S. 465. Stokes—Bezzemberger, Urkeltischer Sprachsatz, S. 157: drui-s, druid-os—Wahrsager, Druid. У Pauly-Wissowa въ статьѣ о друидахъ (V, Sp. 1730—1738) говорится, что родиной друидизма была Британія, откуда онъ перенесенъ въ Галлію (Sp. 1735), и Малоазійскіе Галаты можетъ быть, знали его (Sp. 1736). Доселѣ некоторые отголоски друидическихъ обычаевъ всгрѣщаются и поддерживаются въ Ирландіи, Британіи и Бретани.

2) Ср. у Ch. Daremberg et Edm. Saglio, Dictionnaire des antiquit es grecques et romaines I, 2 (Paris 1887), p. 1679 — 1690

3) Однако уже съ послѣднихъ временъ республики: † Prof. Th. Mommsen, R mische Geschichte V⁴, S. 313; русскій пер. V, стр. 305.

4) См. присягу на вѣрность Риму въ храмахъ Августа (Августеумахъ) при воздвигнутыхъ ему алтаряхъ (жертвен-

знатныя Галатійскія фамиліи отправляли жреческія функціі римскаго религіознаго ритуала, какъ это болѣе допустимо католично культузы фригійскихъ; возможно подозрѣніе и насчетъ участія ихъ отъ тѣхъ, чѣмъ Галаты¹⁾ въ созданіи храма божественному Августу и богинѣ Ромѣ — *Dea Roma* (Риму) — въ г. Анкирѣ, но существованіе этого моднаго святынища въ столицѣ Галатійской и несомнѣнно²⁾ и знаменательно. Посему надо согласиться, что религіозное давленіе Рима на Галльскихъ колонистовъ было замѣтнымъ, по крайней мѣрѣ въ крупныхъ центрахъ. Наконецъ, промышленность и торговля³⁾, конечно, не замедлили привлечь сюда іудеевъ, а они, разумѣется, постарались проявить свою прозелитическую ревность, которая не осталась безплодной. Во всякомъ случаѣ у насъ имѣется по сему предмету характерное свидѣтельство (Павланія VII, 17: 10) объ отвращеніи Галатійцевъ (Пессина) къ

никакъ) отъ 6-го марта 3 года до р. Хр. со стороны жителей при соединенной къ Галатіи Дейотаровой части Пафлагоніи (ср. выше стр. 10) — Фаземонитиды (Фаземанъ — Неаполь — Нео-Клавдіополь — Аидратъ (?), нынѣ Везиръ-Кёпрю). По этому памятнику „культъ Августа имѣть уже значеніе государственного учрежденія и во дворяется въ (названной) странѣ немедленно послѣ присоединенія ея къ предѣламъ римской имперіи“, а личность государя является въ ореолѣ божественного величія, какъ „сына Божія“ († проф. Ю. А. Кулаковскій, Вновь открытая присяга на имя Августа въ „Филологическомъ Обозрѣніи“ XX, 2 Москва 1901, стр. 159 сл., 162—164) и спасителя — Спасителя („The Expositor“ 1903, II, XII, p. 114, 438; ср. Pauly-Wissowa I, 2, Sp. 222). О культѣ цезарей см. у Ch. Darenberg et Edm. Saglio III, 1, p. 432—433. Emil Aust, *Die Religion der Römer* (Münsteri. W. 1899), S. 98—99.

¹⁾ Это было собрание (*concilium, хунду*) депутатовъ, составлявшее совѣтъ цѣлой провинціи (въ родѣ бывшихъ нѣкогда въ Россіи „дворянскихъ сѣѧловъ“); оно повсюду концентрировалось около храмовъ въ честь Рима и Августа. См. у Ch. Darenberg et Edm. Saglio III, 1, p. 326b. (G. Boissier) V, p. 433a (R. Saganeat). Былъ и специальный Галатархъ: II, 2, p. 1428—1429 (Georges Perrot).

²⁾ Какъ извѣстно, на стѣнахъ этого храма были надписи съ перечислениемъ важнѣйшихъ дѣяній императора Августа; это и есть такъ называемый *Monumentum Ancyranum*, изд. † Prof. Th. Mommsenомъ, *Res gestae divi Augusti* (Berolini² 1883); *Römische Geschichte* V⁴, S. 322, 1; по russk. пер. V, стр. 313, 2.

³⁾ См. о семъ † Prof. Th. Mommsen, *Römische Geschichte* V⁴, S. 332; russk. пер. V, стр. 323—324.

свиному мясу, что было выгодно для юдейской пропаганды, если только не прямо обязано ей по самому происхождению¹⁾,

Мы видимъ теперь, какъ много разнородныхъ религіозно-культурныхъ слоевъ легло на слабую душу малоазійского галата, — и онъ всему легко вѣрилъ, но терялъ незыблемую религіозную увѣренность, во всемъ извѣрившись. При этихъ условіяхъ духовнаго опустошенія и религіознаго шатанія не трудно было смутить его и пришлымъ іудаистамъ, явившимся съ ореоломъ Іерусалимскихъ авторитетовъ. Для агитаторовъ были удобныя точки опоры въ религіозныхъ предрасположеніяхъ Галатійцевъ, а затѣмъ надо взять въ самое серьезное соображеніе, что вообще Малоазійская религіозная практика значительно приближалась по виѣшности къ номистической²⁾, дозволяя послѣдней свободное и широкое вторженіе туда безъ насилия и принужденія. Религіозная неустойчивость Галатійскихъ неофитовъ уже прямо помогала коварной работѣ подрыва всѣхъ Павлиністическихъ основъ ихъ первоначального христіанскаго исповѣданія. Вѣра Галатійскихъ обращенцевъ покоялась собственно на восторженной преданности къ благовѣстнической личности Апостола и поэтому оказывалась въ зави-

1) Объ этомъ предметѣ вообще см. *The Jewish Encyclopedia* II, p. 211—213; V, p. 548a. Для временъ Павловыхъ см. у J. Hastings'a, *Extra-Volume*, p. 94—95, где о приводимомъ у Йосифа Флавія XVI 6:2 эдиктѣ Августовомъ въ Анкирѣ въ пользу юдеевъ (см. выше стр. 36) высказывается, что указанный Галатійскій городъ названъ ошибочно вмѣсто подлиннаго слова αργυροῦ.

2) Объ этомъ категорически свидѣтельствуетъ W. M. Ramsay, хотя бы и по отношенію къ горной Галатіи. По его словамъ (у J. Hastings'a II, p. 92—93), „фригійская религія Сабасія состояла основаніе для этого мѣнанаго типа. Сабасій былъ отожествленъ съ юдейскимъ Саваоѳомъ, а Θεὸς ὑψιστος (высочайший Богъ) быть почитаемъ въ такой формѣ, что тутъ замѣтно сильное влияніе юдейскихъ элементовъ если во многомъ она и оставалась еще языческою. Встрѣчаются указанія на Θεὸς ὑψιστος даже чисто юдейскаго характера, но это нужно отличать отъ смѣшаннаго почитанія. Значительная часть Фригійскаго народа, — особенно въ центрѣ и на югѣ, — были заражены полуїудейскимъ, полуязыческимъ культомъ. По сему предмету г. Симптонъ сообщаетъ: „эти слои, проникнутые библейскими идеями безъ тѣсной привязанности къ юдейскому закону, являлись плодотворною почвой для пропаганды христіанской, откуда лучше объясняется фактъ, что новая вѣра достигла большихъ обращений въ Малой Азіи, чѣмъ во всякой другой странѣ“. Это соображеніе особенно примѣнительно къ тѣмъ областямъ, где юдеи были всего могущественнѣе; но W. M. Ramsay допускаетъ прямо (p. 88b), что евреи проникли и на сѣверъ Галатіи — только позже, чѣмъ утвердились на югѣ.

симости отъ его достоинства. Тогда первое необходимо потрясалось вмѣстѣ со вторымъ, которое далеко не было ограждено отъ измѣны ему прежнихъ Галатийскихъ поклонниковъ. Сни были слишкомъ склонны „прелагаться“ въ сроихъ симпатіяхъ и легко могли возвратиться къ прежней своей искусительности, въ отношеніи своего просвѣтителя. Въ тоже время іудаисты-пришедши, вѣроятно, изъ Палестины¹⁾, выступали подъ внушительнымъ авторитетомъ повелительныхъ полномочій отъ самовидцевъ и слугъ Господнихъ и блескомъ этихъ преимуществъ помрачали предъ взоромъ Галатійцевъ скромную фигуру св. Павла. Вражескій напоръ былъ тѣмъ соблазнительнѣе и непреодолимѣе, что іудаистующіе шпіоны не отрицали Павлинизма рѣшительно и старались незамѣтно подмѣнить апостольское благовѣстіе своимъ — другимъ Евангеліемъ (Гал. I, 6). Подъ этою личиной имъ было удобно разыгрывать даже роль благодѣтелей, которые желають доставить христіанскимъ неофитамъ Павловымъ высшее и окончательное совершенство. По совокупности всѣхъ условій понятно, что „несмысленные“ Галатійцы поколебались въ своихъ первоначальныхъ христіанскихъ убѣжденіяхъ, наивно думая, что они только улучшаютъ ихъ въ исконномъ духѣ. И Апостолъ удивляется не столько самой измѣнѣ, сколько ея неразумной опрометчивости.

Той порой св. Павелъ находится далеко отъ Галатійской области и не могъ непосредственно и активно вмѣшаться своимъ спасительнымъ участіемъ. Допустимо однако, что до него уже доходили оттуда нерадостныя вѣсти, заставлявшія принять опредѣленныя мѣры. Поэтому въ третье благовѣстническое путешествіе онъ напередъ вноситъ Галатію въ свой миссіонерскій маршрутъ и, кажется, прорѣзываетъ ее частію съ востока на западъ, чтобы захватить и возникшія помимо и послѣ него христіанскія братства. Дѣеписатель выразительно говоритъ, что теперь Апостолъ „утверждалъ въ сѣхъ учениковъ“ (Дѣян. XVIII, 23). Отмѣтка насчетъ количества свидѣтельствуетъ о достаточной многочисленности Галатійскихъ христіанъ, образовавшихся по вліянію и примѣру Павлову. Все это благопріятно рекомендовало Галатійскія церкви и удостовѣряло ихъ процвѣтаніе. Къ сожалѣнію, оно было больше внѣшнимъ, ибо по приемамъ и дѣйствіямъ апостольскимъ видно, что „въ сѣ“ тамъ нуждались въ религіозно-христіанскомъ укрѣплении, какъ не вполнѣ твердые и даже падающіе. И анализируемое посланіе обнаруживаетъ всю роковую остатоту создавшагося положенія, разъ пламенное благоговѣніе Галатійскихъ чадъ къ своему отцу рисуется минувшимъ явленіемъ исключительно первого посыщенія, при чёмъ Апо-

¹⁾ См. † Prof. T h. Z a h n, S. 4—5.

столъ считаетъ нужнымъ предупредить о безоговорочной анаемъ всѣмъ, благовѣствующимъ несогласно съ нимъ. Такъ тревожно стояло дѣло уже при самомъ второмъ визитѣ (I, 9), когда и читатели получили немало предостереженій совсѣмъ нелестнаго свойства. По всему думается, что іудаистические происки нашли сочувственный откликъ въ сердцахъ Галатовъ и наклоняли ихъ къ совращенію. Равновѣсіе было нарушено въ сторону измѣнническаго уклона. Живое огненное слово св. Павла сожгло клевету и злобу его іудействующихъ враговъ, которые поспѣшили скрыться, боясь постыднаго для нихъ изобличенія съ неизбѣжнымъ крахомъ всей коварной махинаціи. Не менѣе естественно, что Галатійцы опять тронулись столь яркимъ сіяніемъ истинны и стали возвращаться на старый путь преданности къ своему огласителю и исключительного довѣрія къ его Евангельскимъ принципамъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что въ присутствіи Павловомъ они ревновали въ добромъ (IV, 18) и, слѣдовательно, отказывались отъ совершенного ими дурного, чтобы не возобновлять и не продолжать ничего подобнаго. Это былъ счастливый успѣхъ съ обѣтованіемъ хорошаго будущаго. Мы не знаемъ, сколько времени пробылъ на сей разъ въ Галатіи Апостоль, но онъ трудился здѣсь много (IV, 11) и не бесполезно (V, 7), а потому и не совсѣмъ кратко.

Легко допустить, что благовѣстникъ покинулъ Галатійскую страну если и не съ полной увѣренностію, то не безъ твердой надежды. Къ прискорбію, события пошли совсѣмъ иначе и даже вопреки апостольскимъ упованіямъ. Іудейскіе шпіоны, присмирѣвшіе отъ неотразимаго пораженія, прекрасно были освѣдомлены, что нога великаго Апостола не скоро вступить на Галатійскую почву, и, понятно, постарались снова начать свою кампанію, развивъ жестокую агитацию въ самыхъ беззастѣнчивыхъ формахъ. Планъ былъ задуманъ чрезвычайно коварно и ловко. Свое временное отступленіе передъ Апостоломъ іудаисты могли использовать для себя въ томъ смыслѣ, что благовѣстникъ выигралъ положеніе лишь по отсутствію оппонентовъ, а когда Галатійцы поддались этимъ ухищреніямъ, агитаторы смѣло обрушились на слабыя позиціи Галатійской христіанизациі. Послѣдняя держалась больше на увлеченіи апостольскою личностію и потому всецѣло обусловливала степенью вѣры въ Павла, какъ миссіочера, который и самъ призывалъ къ взаимному уподобленію (IV, 11). Неизбѣжно отсюда, что, очернивъ и унизивъ Апостола, іудаисты подрывали главный фундаментъ конкретной Галатійской религіозности и открывали себѣ путь для собственныхъ внушеній, направляя ихъ въ ту сторону, что теперь лишь возстановливается христіанская гармонія, нарушенная Павлиністическимъ вторженіемъ. Затѣмъ іудействующіе шпіоны уже свободно овладѣвали умами Галатійцевъ и привлекали ихъ къ себѣ подъ благовид-

нымъ предлогомъ, что они исправляютъ и усовершаютъ дѣло Павлово, поскольку сообщаютъ ему нравственную устойчивость въ законничествѣ, безъ которого все могло наклоняться къ плотской распущенности (ср. V, 13). Разумѣется, эта интрига велась въ іудаистически-партикулярнистическомъ духѣ и провозглашала религиозное преосходство номизма въ самомъ христіанствѣ, гдѣ онъ, яко бы, сохраняетъ регулирующую силу и доставляетъ высшее достоинство. Посему облагодатствованные язычники въ собственныхъ интересахъ своего христіанского преуспѣянія понуждались къ исполненію важнѣйшихъ требованій іудейско-номистической практики. Въ этомъ отношеніи лжебратья опять имѣли немалый успѣхъ, пріучивъ Галатовъ къ соблюденію іудейскихъ празднествъ (IV, 9—10) и развивъ наклонъ даже къ принятію обрѣзанія (V, 2 сл.), а потому не безъ основанія можно было опасаться, что всѣ апостольскіе труды пропали напрасно (IV, 11), разъ надвигалась гроза „преложенія во ино благовѣщованіе“ (I, 6).

Такія страшныя вѣсти — подобно грому — поразили св. Павла, и для спасенія своихъ чадъ и для огражденія самой Евангельской истины онъ, конечно, поспѣшилъ съ письменнымъ вразумленіемъ, чтобы возвратить заблудшихъ Галатійскихъ овецъ въ избранное стадо Христово.

§ 4) Время изданія посланія къ Галатамъ.

Взаимною связью всѣхъ отмѣченныхъ историческихъ монентовъ съ достаточнаю приблизительно точностю опредѣляется приблизительно время происхожденія посланія къ Галатамъ. Прежде всего, здѣсь необходимо отпадаютъ даты, покоящіяся на отвергаемой нами южно-галатійской теорії¹⁾), — и мы заранѣе вынуждаемся прямо устранить всѣ соотвѣтствующія мнѣнія, будто это писаніе было самымъ первымъ (Rendall, Zahn) въ ряду литературныхъ твореній Павловыхъ (частію еще Маркіонъ по Tertull. Adv. Marc. V, 2; Michaelis, Koppe, Keil), или было выпущено до Іерусалимскаго собора (Calvin, Rev. Prof. H. L. Goudge) и до начала (Ulrich, McGiffert) второго благовѣстническаго путешествія, напр., около Дѣян. XIV, 28 (Val. Weber), то въ теченіе его — за періодъ пребыванія (Дѣян. XVI, 8—10) въ Троадѣ (Hausrath), въ Македоніи (Schep-

¹⁾ Нѣкоторые сторонники южно-галатійского толкованія утверждаютъ, что этимъ не предрѣняется прямо вопросъ о времени написанія и изданія посланія къ Галатамъ (E. H. Askwith, The Epistle to the Galatians, London 1899, p. VI, 99 sqq.), но во всякомъ случаѣ тогда потребуется раннѣйшая дата.

kel, Pfleiderer), въ Коринтѣ (Cornely, Rendall, Zahn), или — на конецъ — при остановкѣ въ Антіохіи сирійской (Дѣян. XVIII, 23) предъ началомъ третьяго місіонерскаго круга (Volkmar, Renan, Ramsay, Verron Bartlet).

Согласно нашему возрѣнію, эти раннія даты устраниются сами собою и не требуютъ специальной критики, ибо — по нашимъ этнографическимъ соображеніямъ о читателяхъ—анализируемое посланіе выпущено не раньше, какъ во время третьяго благовѣстническаго обхода св. Павломъ Малоазійскихъ церквей. Дальше вопросъ будетъ уже въ томъ, не случилось ли это позднѣ? Конечно, признаніе Галатійскаго письма самымъ послѣднимъ есть напрасная и пустая догадка (Köhler'a), но вѣдь были же серьезные экзегеты, которые относили его къ эпохѣ римскихъ узъ Павловыхъ (блаж. Іеронимъ и Феодоритъ, Евѳалій, псевдо-Анастасій, Икуменій, Bagoptius, Estius и др., Schrader, Straatman, Halme!), о чёмъ сохранились преданія и въ текстуальномъ преданіи (BeogrKPL, 37, 47, 48: пеш. и коптскій (богаїрскій) переводы). Однако это событие ничуть не предполагается упоминаніемъ (VI, 17) автора о языкахъ на его тѣлѣ, поелику онѣ были обычнымъ временемъ, которое приходилось Апостолу носить постоянно. Засимъ вся опора для детальныхъ вычислений будетъ лишь въ терминѣ тѣ прѣтероу (VI, 13), встрѣчающемся въ рѣчи объ апостольскихъ посыщеніяхъ Галатіи. Особенная выразительность въ употребленіи этого слова съ членомъ не позволяетъ отожествлять его съ общимъ *τάλα:* въ смыслѣ „нѣкогда доселѣ“, „нѣкоторое время тому назадъ“, ибо разумѣется опредѣленное „когда-то“. Въ такомъ случаѣ оказывается еще только двѣ возможности, что *πρѣтероу* 1) означаетъ „прежде“ по сравненію съ дальнѣйшимъ хронологическимъ пунктомъ, или 2) отмѣчаетъ предшествующій, — первый разъ изъ двухъ уже бывшихъ и минувшихъ. Въ рассматриваемомъ мѣстѣ нѣть столь рѣзкаго и обязательного сопоставленія раннѣйшаго съ позднѣйшимъ, и мы совсѣмъ не смогли бы отвѣтить, „раннѣе“ чего же именно это было, поскольку все дальнѣйшее (ср. I, 9. V, 3) не расчленяется на нѣсколько повторныхъ актовъ, но рисуется сплошнымъ и единичнымъ. Значитъ, въ немъ не было хронологическихъ дробленій, и оно представляется цѣлостнымъ моментомъ, по отношенію къ которому все предшествующее будетъ отдельнымъ по времени, хотя сходнымъ по содержанію. А разъ прежде и послѣ констатируютъ лишь двойство, то прѣтероу отмѣчаетъ нѣчто первое изъ двухъ, какочими въ данномъ пассажѣ были апостольскіе визиты въ Галатію. По всему этому вѣгоятнѣе и справедливо принимается большинствомъ комментаторовъ второе толкованіе — о двукратности, которое превосходно выдерживаетъ всю энеггичность апостольской фазы. Ясно, что до своего посланія св. Павель былъ лично у Галатовъ дважды

ды¹⁾) и потому письменно могъ аппелировать къ нимъ развѣ лишь при продолженіи третьяго миссіонерскаго путешествія.

Промежутокъ, прошедшій отъ удаленія изъ Галатійской области до полученія св. Павломъ данныххъ о тамошней измѣнѣ, намъ неизвѣстенъ въ точности, и мы заключаемъ о немъ лишь по восклицанію горестнаго удивленія, что читатели „такъ скоро прилагаются во ино благовѣщованіе“ (I, 6). Впрочемъ, этотъ оттѣнокъ не должно преувеличивать до чрезмѣрности²⁾, ибо тутъ „скорость“ утверждается по сравненію съ грандіозностю катастрофы, которая всегда бываетъ „поспѣшно“, почему и таxѣѡс, само по себѣ, одинаково значить и „быстро“ и „опрометчиво“³⁾. Тѣмъ не менѣе несомнѣнное усиленіе хронологическаго момента (чрезъ прибавку оѣтѡс) не допускаетъ большой длительности и заставляетъ согласиться, что здѣсь достаточно и трехлѣтняго срока жизни Апостола въ Ефесѣ. Поелику же почти совсѣмъ немыслимо, чтобы столь продуманное и глубокое посланіе было составлено гдѣ-либо на пути въ этотъ Асійскій городъ (Hug, Rückert, Holsten, Belser), то обыкновенно пріурочиваютъ его къ Ефесскому пребыванію (уже Марій Викторинъ; Neander, Meyer, Reuss, Wieseler, B. Weiss, H. J. Holtzmann, Sieffert, Lipsius, Warfield, Ernest de Witt Burton), къ началу послѣдняго (Schmiedel), около 53 или 54 года (Prof. Max Meinertz, Einleitung in das Neue Testament, vierte Aufl. Paderborn 1933, S. 103. Prof. Fritz Barth, Einleitung in das Neue Testament, vierte und fÃ¼nfte Aufl. GÃ¼tersloh 1921, S. 37), а иногда и къ самому концу (Schaff).

Это мнѣніе вѣроятно со всѣхъ сторонъ, хотя косвенно направляется противъ него апостольское привѣтствіе (I, 2), гдѣ упоминаются не чины Ефесской церкви, но лишь всѣ сущіе съ авторомъ браїтя (*οἱ σὺν ἐμῷ πάντες ἀδελφοί!*), которыхъ, по-видимому, было не такъ много⁴⁾, между тѣмъ Ефесская общи-

¹⁾ Даже Val. Weber предполагаетъ для тѣ прѣтеровъ соотношеніе съ Деян. XIII, 14 — XIV, 20, но это столь мало подходитъ къ дѣлу, что онъ скорѣе склоненъ сомнѣваться насчетъ иден двукратности въ данномъ греческомъ терминѣ.

²⁾ Такъ, и † Prof. Cutbert H. Tregelles полагаетъ на основаніи Гал. I, 6, что „only a few months had passed since he (St. Paul) left them“ (the Galatian Christians): The Study of the New Testament, p. 24.

³⁾ Ср. архіеп. Филаретъ, хотя тоже преувеличенно заявляетъ, яко бы таxѣѡс допускаеть 10 и болѣе лѣтъ (стр. 19). Нѣ-которые склонны понимать *praes. рѣтатіѳсѳ* въ смыслѣ указанія на быстрое развитіе уже самой аномалии.

⁴⁾ Ср. Филипп. IV, 21—22, гдѣ привѣтствуютъ при Апостолѣ — съ одной стороны — находящіеся съ нимъ братія, съ

на быть обширою по количеству вѣрующихъ. Разумѣется, это возраженіе далеко не рѣшительно, ибо св. Павелъ большою частію соѣстѣмъ не называетъ ни мѣстной церкви, ни своихъ сотрудниковъ (Рим., 2 Кор., Ефес., Филипп., Кол., 1—2 Тим., Тит.), или же отмѣчаетъ наряду съ собою лишь вторыхъ, но только въ небольшомъ числѣ — одного (1 Кор., Филим.) и двухъ (1—2 Єесс.). Отсюда можно бы заключать, что въ данномъ случаѣ подобныхъ помощниковъ Павловыхъ¹⁾ было больше, и всѣ они были единомысленны съ благовѣстникомъ. Однако этимъ вовсе не гарантируется оспориваемое нами положеніе, поскольку оно базируется исключительно на теоретическихъ вѣроятіяхъ, когда желательны фактическія обоснованія или, по крайней мѣрѣ, оправданія и подтвержденія. Всегда и во всемъ (и въ наукѣ и въ жизни) предпочтая именно послѣднія, мы склонялись въ пользу солидныхъ доводовъ авторитетнаго † Вр. J. B. Lightfootа, заимствуемыхъ изъ самаго содержанія Галатійскаго посланія. Эти аргументы тѣмъ серьезнѣе, что, выдвигая безспорные факты, удачно парализуютъ критическія ихъ примѣненія и лишаютъ реальной опоры разрушительныя попытки критиковъ, стремящихся подорвать подлинность или неповрежденность всѣхъ памятниковъ литературной дѣятельности Павловой.

Разумѣемыя данныя отыскиваются († Вр. J. B. Lightfootомъ) въ тѣсномъ текстуально-идейномъ сходствѣ Галатійского письма съ некоторымъ другими, чѣмъ устанавливается ихъ взаимная хронологическая послѣдовательность.

По отношенію 2-го посланія къ Коринеянамъ близкое совпаденіе иллюстрируется очень характерными примѣрами. Такъ, фраза „Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по нась клятва“ (Гал. III, 13), весьма аналогична выражению (2 Кор. V, 21) „невѣдѣвшаго грѣха по нась грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о немъ“, а присловіе (Гал. VI, 7) „еже аще сѣсть человѣкъ, тожде и пожнетъ“ является лишь небольшою вариацией словъ (во 2 Кор. IX, 6) „сѣй скудостію, скудостію и пожнетъ, а сѣй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ“. Реченія: „ино благовѣщованіе“ (Г. I, 6. 2 К. XI, 4), „нова тварь“ (Г. VI, 15. 2 К. V, 17), „ревновать по васъ“ (Г. IV, 17. 2 К. XI, 2), „человѣкомъ угождати“, „че-

другой — „всѣ святыи“ во всѣй массѣ и въ частности „наиначе наъ Кесарева дома“. Ясно, что въ первой группѣ разумѣются близкие къ благовѣстнику — помощники и сотрудники, но ихъ никакъ не могло быть много, почему въ нашемъ случаѣ и называются выразительно „всѣ“ въ полномъ и, какъ будто, извѣстномъ читателямъ количествѣ.

¹⁾ Ср. † Prof. Th. Zahp, S. 2, хотя его оправдательную ссылку на Гал. I, 8 сл. мы не находимъ убѣдительной.

ловѣки увѣщевати" (Г. I, 10. 2 К. V, 11), ἀπορεῖσθαι (Г. IV, 20. 2 К. IV, 8), κακῶν (Г. VI, 16. 2 К. X, 13, 15, 16), κυρῷ (Г. III, 15. 2 К. II, 8), τοῦναντέον (Г. II, 7. 2 К. II, 7), φοβοῦμαι μὴ πῶς (Г. IV, 11. 2 К. XI, 3. XII, 20), метафора о пожираниі другъ друга (Г. V, 15. 2 К. XI, 20) — всѣ эти типическія особенности встрѣчаются преимущественно въ двухъ поименованныхъ посланіяхъ. — Для 1 Кор. (V, 6) и для Гал. (V, 9) замѣчательно тожество въ одинаковомъ употребленіи сентенцій о маломъ квасѣ, который все смѣщеніе квасить. — Что до посланія къ Римлянамъ, то близость его къ Галатійскому сразу бросается въ глаза, ибо она рельефно выступаетъ и въ строеніи фразъ, и въ теченіи всей аргументаціи, и въ способѣ цитированія библейскихъ текстовъ (ср. Гал. II, 16 и Рим. III, 20 для Пс. CXII, 2)¹⁾, и въ пользованіи ветхозавѣтными историческими примѣрами при солидарной тенденціи всесторонняго убѣжденія, что оправданіе Авраама было отъ вѣры и наслѣдіе егъ достается другимъ (именно въ христіанствѣ) тѣмъ же путемъ, такъ какъ законъ не сообщалъ праведности даже своимъ искреннимъ исповѣдникамъ, почему номистическое домостроительство было лишь временно-предуготовительнымъ институтомъ, завершается и устраниется во Христѣ — истинномъ Искупителѣ и божественномъ Обновителѣ человѣчества для свободной жизни вопреки порабощающимъ влечениямъ плоти.

Сходство всей этой трехчленной группы писаній Павловыхъ изъ третьяго путешествія теперь достаточно несомнѣнно и, будучи безспорнымъ фактически, всего скорѣе должно объясняться соотвѣтственно подобнымъ явленіямъ въ посланіяхъ къ Ефесянамъ и Колосянамъ, или ихъ взаимною хронологическою близостію, когда вполнѣ естественно между ними соприкосновеніе въ содержаніи и изложеніи. Для опредѣленія ихъ ближайшей исторической преемственности необходимо разсмотрѣть отношеніе писателя къ юдаистическому номизму въ его пониманіи законничества и христіанства. Это отношеніе характеризуется рѣшительною оппозиціей Апостола къ такому ложному толко-

1) Въ данномъ случаѣ для нась не имѣть особой важности и то преоположеніе († C. Weizsäcker, S.² 110 ff., Volltext, S. 38), будто сходство разныхъ памятниковъ въ библейской цитации указываетъ на существование и распространенность спеціальныхъ сборниковъ библейскихъ мѣстъ, расположенныхъ по разнымъ общимъ рубрикамъ. Для этой догадки у нась нѣть фактическихъ оснований и практической нужды, ибо евреи всегда отличались самыми изощренными знаніемъ Библии на память, но, конечно, данная гипотеза возможна и легче объясняетъ подобные литературныя явленія. Однако въ данномъ случаѣ не раскрывается самый главный вопросъ: почему выбраны тѣ же самые тексты и почему они применяются тожественнымъ образомъ?

ванію и коварному примѣненію, но само собою разумѣется, что протестъ всегда бываетъ напряженѣе и рѣзче при обострѣніи непосредственного столкновенія, чѣмъ тогда, когда событія сгладятся самою жизнію и потому обсуждаются спокойнѣе. Съ этой точки зрењія посланіе къ Галатамъ неизмѣримо пламеннѣе и страстнѣе письма въ Римъ, гдѣ господствуетъ — даже въ polemikѣ — болѣе мирный тонъ объективнаго историческаго созерцанія, откуда заключаемъ, что первое было раннѣйшимъ по происхожденію. Въ Гал. V, 19—21 среди плотскихъ дѣлъ и наряду съ ними перечисляются совсѣмъ нечувственные грѣхи. Причина сему могла быть только въ томъ, что тѣкъ связала ихъ жизненная практика, а это мы и находимъ въ Коринѣ, гдѣ зависть, клевета и раздоры шли вмѣстѣ съ тѣлесными непотребствами (2 Кор. XII, 20—21). Значитъ, при письменномъ обращеніи къ Галатамъ его автору были точно извѣстны всѣ Коринѣскія неурядицы. По этой ассоціаціи и апостольское увѣщаніе „духовнымъ“ исправлять согрѣшающихъ въ духѣ кротости (Гал. VI, 1) можно принимать за отголосокъ эпизода съ Коринѣскимъ кровосмѣсникомъ, котораго суроность общины грозила довести до отчаянія. Но, кажется, при написаніи 1-го посланія къ Коринѣянамъ св. Павелъ еще не былъ подробнѣо освѣдомленъ о Галатийскихъ шатаніяхъ, посему (въ XVI, 1) рекомендуетъ по вопросу о сборѣ подаяній на „святыкъ“ Галатийскую практику¹⁾, а во время прошедшаго прельщенія она едва ли соблюдалась ради выполненія апостольскихъ завѣтовъ; да и сами Галаты, поколебавшись въ своей христіанской устойчивости, конечно, уже не были достойнымъ образцомъ для подражанія. Вопреки сему вѣроятно, что ко времени 2-го посланія къ Коринѣянамъ благовѣстникъ зналъ о прискорбныхъ замѣшательствахъ въ Галатіи, ибо фраза, что его занимаетъ попеченіе въ сѣхъ церквей (XI, 28), будетъ содержательнѣе и конкретнѣе, если мы допустимъ, что она была продиктована тяжелымъ впечатлѣніемъ отъ дурныхъ вѣстей съ береговъ Сангарія и Галиса.

Съ этими наблюденіями гармонируетъ и тотъ фактъ, что за періодъ 1-го посланія къ Коринѣянамъ положеніе Апостола рисуется мрачными чертами, — и оно мало смягчается въ

1) Изъ этого обстоятельства тоже стараются извлечь аргументъ въ пользу южно галатийской теоріи, ибо — по снесенію Дѣян. XX, 4 и 2 Кор. VIII, 18—23 — оказывается, что въ числѣ представителей отъ церквей съ милостынными приношеніями были лица не изъ сѣверной а только изъ южной Галатіи, которую, будто бы, и нужно разумѣть въ 1 Кор. XVI, 1. Но Дѣписатель вовсе не упоминаетъ о подобномъ „представительствѣ“, какъ было бы странно и отправлять деньги изъ Галатіи чрезъ Писидію и Ликаонію.

изображеніи 2-го посланія къ Коринѣнамъ, между тѣмъ въ Галатійскомъ посланіи всѣ скорби почитаются пережитыми и какъ бы совсѣмъ минувшими, если свои страданія св. Павель выдвигаетъ здѣсь въ качествѣ нагляднаго и неотразимаго знаменія своей тѣснѣйшей принадлежности ко Христу, рѣшительно отвергая всякія дальнѣйшія испытанія (VI, 17), поелику для засвидѣтельствованія апостольскаго достоинства достаточно и бывшихъ доселѣ удостовѣреній. Аналогично сему въ отношеніяхъ къ іудействующимъ замѣчается, что въ эпоху Коринѣскихъ посланій іудаистическая полемика затрагиваетъ преимущественно благовѣстническую личность Павлову въ ея миссионерскомъ поведеніи и не столь отчетливо касается догматическихъ пунктовъ. Такъ повсюду бываетъ при началѣ жизненныхъ коллизій, когда не раскрылись еще всѣ детали принципіальныхъ разнорѣчій и не предвидятся возможности соглашенія.

Въ Галатійскомъ письмѣ точкою отправленія служатъ личныя нападки на Апостола, — и однако въ немъ все освѣщается догматически въ смыслѣ коренной противности законничества и благодатной свободы. Это знаменуетъ позднѣйший исторический моментъ въ развитіи полемики и апологетики, которая все еще продолжаютъ быть преобладающими. Посему всѣ писанія апостольскія изъ третьяго путешествія справедливо расположить такъ, что посланіе къ Галатамъ будетъ въ срединѣ между письмами въ Коринѣ и Римѣ, — около времени изданія 2 Кор. (Stein, Сопубеаге-Howson, Бр. J. B. Lightfoot, Brückner, P. Hartmann), а не ближе къ послѣднему (хотя раньше его: A. Resch) — по сомнительной всячески датировкѣ Коринѣскимъ пребываніемъ¹⁾) предъ отправленіемъ благовѣстника въ Іерусалимъ (De Wette, Bleek, Farrar, M. Dods) или на пути туда (Dalmer), даже во время Кесарійскаго заключенія Апостола (Kühn). Но въ Ахейскую митрополію св. Павель писаль въ послѣдній разъ до оставленія Ефескихъ предѣловъ (1 Кор. XVI, 8) около весны 57 года²⁾ и затѣмъ,

¹⁾ Къ этому заключенію приближается и Prof. C. Clement, считая Галатійское посланіе позднѣйшимъ Римскаго и написаннымъ не въ Римѣ (Chronologie, S. 199 ff., 203), но для сего допускается, что Дѣян. XV и Гал. II должны относиться ко времени послѣ Дѣян. XXI, 17 сл. Позднѣе C. Clement склонялся къ тому, что Галатійское посланіе написано въ Аѳинахъ (см. „Theologische Literaturzeitung“ 1903, Nr. 30, Sp. 542).

²⁾ Разумѣется, всѣ эти и подобныя хронологическія даты не имѣютъ абсолютной точности и указываются лишь приблизительно. Теперь по этому вопросу является важною Дельфійская надпись, что Галліонъ слѣдался проконсуломъ Ахайи (Дѣян. XVIII, 12) лѣтомъ 51 года.

обрадованный въ Македонії прибытіемъ своихъ посланцевъ съ добрыми вѣстями насчетъ Коринеянъ (2 Кор. VII, 5—6 и ср. 1 Кор. XVI, 10—11. 2 Кор. XII, 18), адресуется къ нимъ вторично (2 Кор. VII, 9). А Ефесъ былъ покинутъ, во всякомъ случаѣ, не позднѣе пятидесятницы (1 Кор. XVI, 8) 57 года, при чёмъ, — судя по крайней нетерпѣливости въ ожиданіи Тита (2 Кор. II, 12—13), — путь до встрѣчи съ нимъ въ Македоніи (2 Кор. VII, 5—6) былъ пройденъ съ самою быстрою поспѣшностью и едва ли занялъ хотя полгода. Отсюда должно слѣдовать, что и Галатійское посланіе наряду со 2 Кор. было издано въ неизвѣстной намъ Македонской мѣстности¹⁾ въ концѣ 57-го и никакъ не дальше начала 58 года — до удаленія св. Павла въ собственно Грецію.

Въ изображенной нами историко-хронологической обстановкѣ все настолько естественно фактически, что этимъ заранѣе обеспечивается

§ 5) Подлинность посланія къ Галатамъ

въ качествѣ автентичнаго и неповрежденнаго апостольскаго произведенія, которое дѣйствительно написано св. Павломъ и сохранилось неприкосновенно. Наравнѣ съ другими немногими новозавѣтными памятниками — Галатійское письмо долго оставалось внѣ всякихъ сомнѣній и подозрѣній. Лишь въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія Вгипо Bauer († 1882, IV, 15) началъ разрушительный походъ противъ всей новозавѣтной письменности. Онъ утверждалъ, что христіанство представляетъ просто оригиналъ естественный продуктъ римскаго стоицизма, выроставшій постепенно и созрѣвшій лишь въ позднѣйшую императорскую эпоху. Поелику же посланія Павловы отражаютъ законченныя вѣрованія, — Вгипо Bauer всѣ ихъ относилъ къ эпохѣ отъ Адріана (117—138 г.г.) до Марка Аврелия (161—180 г.г.), а письмо въ Галатію считалъ завершніемъ всего процесса и усвояль ему специальную тенденцію — вытѣснить изъ церковнаго сознанія, какъ непригодный теперь, образъ эллинскаго миссионера, начертанный въ книгѣ Дѣяній,

¹⁾ Вр. J. B. Lightfoot (p. 73) не безъ права отмѣчаетъ, что, упоминая о „всѣхъ братьяхъ“ (I, 2), Апостолъ ничего не говоритъ (— вопреки, напр., Рим. XVI, 16—) о единомыслии съ нимъ мѣстной церкви (ср. 1 Кор. IV, 17. XI, 16). А такъ какъ послѣднее было бы чрезвычайно важно въ апологетическихъ интересахъ, то надо заключать, что тамъ еще не имѣлось организованной церкви, или она была незначительна и во всякомъ случаѣ не совпадала съ церковью Ефесской.

хотя одинаково недостоверный исторически (Kritik der paulini-schen Briefe, Berlin 1850—1852; Christus und die Caesaren, 1877). Въ 1878 году голландецъ Allard Pierson провозгла- силь въ Галатийскомъ посланіи подлинными только нѣкоторые отрывки, а цѣлое объявилъ переработкою анонимнаго крайня- го павлиниста съ карикатурнымъ искаженiemъ истинной ре- альной фигуры. Предпочитая для нея Дѣеписательскую обри- созку, Голландский богословъ A. D. L o t a p пытался (въ Quaestiones Paulinae 1882—1886 г.г.) поддержать этотъ выводъ пространною аргументаціей того тезиса, что историческая свидѣтельства о всѣхъ посланіяхъ Павловыхъ и въ частности къ Галатамъ не простираются за границу II-го вѣка, когда фактически и сформировался типической идеализированный павлинизмъ по оппозиціи цдаистическому мессіанству первенствую- щихъ христіанскихъ церквей и въ интересахъ торжества уни- версалистическихъ началъ. Въ Германіи къ сему примкнулъ (въ 1883 г.) лишь раввинъ Joel и въ Англіи (въ 1887 г.) E d v i n J o h n s o n (псевдонимный авторъ книги Antiqua Mater), но въ Голландіи постепенно слагалась цѣлая критическая школа (Loo p, M e u b o o t, M a t t h e s, B r u i n s) съ са- мыми рѣзкими разрушительными стремленіями. Высшимъ вы- раженiemъ ихъ служитъ совокупное сочиненіе A. P i e r s o n'a и S. A. N a b e r'a Verisimilia (1886 г.), где доказывается, что главнѣйшія Павловы посланія, вышедши первоначально изъ круговъ свободомыслящаго и спиритуалистического цдейства, были редактированы потомъ какимъ-то Павломъ еписко- помъ въ духѣ соотвѣтствія съ позднѣйшимъ христіанскимъ развитіемъ. Авторитетность Галатийского посланія была подор- вана, и теперь Швейцарскій профессоръ R u d o l f S t e c k, отрицаю всю Павлинистическую письменность, обрушился (въ 1888 г. и затѣмъ въ 1889, 1891, 1892, 1895 и 1897 г.г.) уже на его содержаніе, откуда пытался обосновать, что данное по- сланіе всѣ свои материалы почерпаетъ изъ посланій 1—2 Кор., Рим. и книги Дѣяній и примѣняетъ безъ достаточно осмыслен- наго разумѣнія, но съ полнымъ антиюдаистическимъ ожесто- ченiemъ ослѣпленной ненависти, которая разжигалась возобнов- ленiemъ въ „каѳолической“ церкви цдейскихъ теченій.

Нужно констатировать прежде всего, что хотя скепти- ческій ядъ насчетъ Галатийского письма распространяется широ- роко и доселѣ ощущается ослабленно, но главный критический итогъ принять очень немногими учеными (van Maep въ Голландіи, видѣвшій въ Галатийскомъ посланіи „каѳолическую“ переработку первоначального Маркіонистскаго документа, V o e l t e r 1890 г. и J. F r i e d r i c h (Maehliss) 1891 г. въ Германіи) и вообще отрицается¹⁾. Уже одно это обстоя-

1) См. и Pastor em. H e g t a n n Schulze, Die Ursprung-

тельство убѣждаетъ въ субъективной тенденціозности подобныхъ гипотезъ, для признанія коихъ надо заранѣе имѣть прямую предубѣжденность. Отсюда необходимо вытекаетъ, что нѣтъ твердыхъ фактическихъ данныхъ въ пользу того, будто Галатійское посланіе вмѣстѣ съ Рим. и 1—2 Кор. не существовали до II вѣка, когда появились всѣ эти предвѣстники антиномістического маркіонизма изъ комбинаціи и концентраціи идеи эллінистического іудейства (Філоновскаго), стоицизма (Bruno Bauer) и „оріентализма“. Тутъ только было своеобразный плодъ религіознаго синкетизма. Но это лишь теоретическая построенія, между тѣмъ имѣется достаточно солидныхъ вѣшнихъ удостовѣреній подлинности Галатійскаго письма. Вполнѣ несомнѣнно, что оно входило въ Маркіоновскій Apostolicоп (около 140 г.), въ переводы сирійскій и древне-латинскій, перечисляется въ Мураторіевомъ канонѣ, сказывается своимъ вліяніемъ въ подборѣ и толкованіи ветхозавѣтныхъ библейскихъ реченій у св. Іустина Мученика (Dial. 90, 95, 96 и Apol. I, 53 ср. Гал. III, 10, 13. IV, 27), замѣтно предполагается у Аенінагора (Legatio 16) и цитируется у Ириная (Adv. haer. III, 6:5; 16:3. V, 21:1), Клиmenta Ал. (Strom. III, 16), Тертулліана и др., было въ употребленіи у разныхъ еретиковъ и сектантовъ, напр., у Валентиніанъ и Офитовъ, а св. Поликарпъ заимствуетъ оттуда (IV, 2. VI, 7) нѣкоторыя¹⁾ выраженія (Филипп. З: ἡσὶς ἐστὶν μήτηρ πάντων ἡμῶν) съ предвареніемъ обѣ ихъ извѣстности среди христіанъ (ibid. 5: εἰδότες οὐδὲ ὁ θεὸς οὐ μητρὶ παῖς), чѣмъ свидѣтельствуется распространенность одинакового источника, какимъ могъ быть только письменный.

Ослабляютъ эти наблюденія спорностю самыхъ патристическихъ памятниковъ, которые пріурочиваются критиками къ позднему времени. Такія покушенія праздны и объективно совсѣмъ неубѣдительны, ибо исторические документы никогда не опредѣляются и не датируются по предзанятіямъ побочнымъ соображеніямъ, гдѣ явное пристрастіе насилие первые и роняетъ послѣднія, а этимъ только очевиднѣе доказывается, что въ самомъ началѣ допущена основная неправда, которая обязательно влечетъ за собою дальнѣйшія. Главное же заключается совсѣмъ не въ десяткахъ лѣтъ, и — при запутанности хронологіи — мы готовы пожертвовать ими безъ особенного риска. Необходимо обратить спциальное вниманіе, что въ литературной традиціи намъ не просто констатируется

lichkeit des Galaterbriefes: Versuch einer Apologie auf literaturhistorischen Wege, Leipzig 1903, а отзывъ обѣ этой книжкѣ (въ 88 страницъ) см. въ „Theologisches Literaturblatt“ XXIV, 43 (23. Oktober 1903), Sp. 511—512.

¹⁾ Для Филипп. 6 по срѣвненію съ Гал. IV, 17—18 см. „The Journal of the Theological Studies“ IV, 15, p. 443.

голая наличность того или иного апостольского посланія. Наряду съ этимъ фактическимъ удостовѣреніемъ — для каждого изъ нихъ выдвигается авторитетная важность, обязывающая христіанъ къ благоговѣйному почтенію по исключительному достоинству даннаго автора и содержанія его книги. Внѣшнее свидѣтельство тутъ всегда неразрывно отъ исповѣданія законной священности. Само собой понятно, что литературный подлогъ не могъ пріобрѣсти въ краткій срокъ ни широкаго распространенія, ни столь высокаго значенія на глазахъ живой исторіи. Въ такомъ случаѣ указаніями II-го вѣка мы безусловно вынуждаемся допустить гораздо раннѣйшую эпоху для происхожденія и признанія Галатійскаго посланія, которое и будетъ апостольскимъ твореніемъ, поскольку тогда еще менѣе возможно превращеніе фальсификата въ сакрификатъ. Иначе надо будетъ рѣшиться на убийственныій для всей исторіи абсурдъ ультрарадикальныхъ критиковъ, будто фактически совсѣмъ не было Апостола Павла и даже самого Христа Спасителя, но вѣдь *ex nihilo nihil fit.*

Затѣмъ все исчерпывается чисто теоретическими возраженіями, что столь острый антиномизмъ бытъ бы ненатуральнымъ въ ранніе періоды бытія христіанской церкви, когда въ ней все по возрѣніямъ и практикѣ являлось вполнѣ юдейскимъ, а потомъ стало юдаистическимъ¹⁾). Это сужденіе было бы пріемлемо лишь при утвержденіи естественного происхожденія христіанства изъ номистическихъ стихій путемъ постепеннаго медленнаго преобразованія ихъ. Если же къ сему привлекается Тюбингенская схема, то нельзя забывать, что послѣдняя уже въ I-мъ вѣкѣ рисуетъ непримиримую вражду оппозиціонныхъ теченій павлинизма и петринизма, откуда очевидно, что прежде столкновеній они должны были еще сформироваться, развиться и окрѣпнуть, для чего требовался, конечно, достаточно долгій промежутокъ времени. Здѣсь ультракритическая теорія не сходятся съ Бауровскими возрѣніями и, изобличая ихъ фальшивость, только помогаютъ възстановить непріятный имъ исторической фактъ. Онь гласить собственно не болѣе того, что въ апостольскій вѣкѣ возникали затрудненія и были недоумѣнія насчетъ отношенія ветхозавѣтнаго религіознаго уклада къ благодатно-христіанскому. Едва ли можно оспаривать, что эти задачи возбуждались тогда самою жизнью, где новое непремѣнно и неизбѣжно борется со старымъ. Но въ первенствующемъ Іерусалимскомъ братствѣ пока удерживалась мирная связь со священною юдейскою религіозностію. Для нарушенія этого спокойнаго равновѣсія нуженъ былъ внѣшний толчекъ, и онъ — скорѣе всего — создавался

¹⁾ См. и Prof. W. C. van Maanen въ Encyclopaedia Bibliaca III, col. 3628—3629.

нарожденiemъ христіанскихъ общинъ, которые не имѣли подобной близости къ ветхозавѣтному культу и самыи своимъ существованiemъ отрицали догматическую важность для полной христіанской зрености всякихъ іудейскихъ религіозныхъ нормъ. Такъ историческимъ ходомъ событий ставился на очередь и пріобрѣталь жизненную напряженность вопросъ о судьбѣ ветхозавѣтного религіознаго устроенія въ христіанскомъ царствѣ Божиемъ. Отсюда неотразимо, что для іудаистической оппозиціи и для антиномистической полемики были и поводы и правѣ лишь при возникновеніи и постепенномъ образованіи чисто языческихъ христіанскихъ церквей, или въ самую кипучую пору дѣятельности исторического Павла. Съ другой стороны, въ историческомъ процессѣ прогрессивнаго возмужанія первоначальныя неровности и взаимныя несогласованности устранились естественнымъ движенiemъ самой жизни христіанской, которая избирала себѣ прочное русло и протекала въ немъ безъ прежней бурливости. Коллизіи и шероховатости уже исчезали въ минувшемъ и являлись потомъ неумѣстными, даже невозможными фактически. Въ этомъ смыслѣ іудаистическая осложненія понятны при расширявшейся миссионерской работѣ Апостола Павла среди язычниковъ и совсѣмъ странны по заключеніи ея во II-мъ столѣтіи. Теперь всѣ недоразумѣнія были уже покончены и освѣщены жизненнымъ историческимъ опытомъ, который просто поглощалъ ихъ собою, вручая грядущему только готовый, очищенный результатъ. И мы видимъ по „Ученію XII-ти Апостоловъ“, по писаніямъ Варнавы и Климента Рим., что во II-мъ вѣкѣ, когда приверженность къ ветхозавѣтному закону заявляла себя слабо среди христіанъ (см. Іустина Муч. Dial. 47. Игнатія Б.: къ Филадельф. VI, 1; къ Магнез. VIII, 1. X, 3 и др.), совсѣмъ не было такой жгучей остроты по вопросу о взаммности мозаизма и благодати; напротивъ, эта проблема считается вполнѣ решеною въ духѣ свободы Павловой даже въ „Клементинахъ“ — при всей ихъ злобной ненависти къ самому имени св. Павла, какъ *impicis ille homo.*

Въ итогѣ у насъ выходитъ, что — фактически и доктринально — посланіе къ Галатамъ натуральнѣе въ вѣкѣ первенствующаго христіанства и потому оказывается подлиннымъ апостольскимъ произведеніемъ. Всѣ дальнѣйшія возраженія будутъ уже простою придирчивостію партійнаго упорства въ своихъ тенденціозныхъ предубѣжденіяхъ. Вѣрно, что въ этомъ документѣ есть загадочные пункты, напр., о „быстромъ“ отпаденіи Галатовъ, о путешествіи Павла въ Антіохію (J. Friedrich), но все это ничуть неудивительно при недостаточности нашихъ свѣдѣній о всѣхъ, даже крупныхъ, частностяхъ апостольской эпохи и должно быть принимаемо наукой въ качествѣ нового матеріала для нея. Въ этомъ причина и несовершенной гармоніи съ книгою Дѣяній (R. Steck и др.), хотя

вторая вездѣ лишь восполняетъ Галатійское письмо и сама находить въ немъ отчетливое разъясненіе для себя. Тоже имѣемъ и касательно зависимости отъ посланий къ Римлянамъ и 1—2 къ Коринѳянамъ (R. Steck), поскольку 1) сама по себѣ она не ведетъ къ отрицанію подлинности Галатійского письма, хотя бы компилятивнаго, 2) совершенно естественна при условіи ихъ несомнѣнной хронологической близости по изданію и 3) скорѣе была обратною, ибо беспристрастный анализъ открываетъ между Гал. и Рим. взаимоотношеніе красочнаго эскиза, непосредственно отвѣчающаго живымъ потребностямъ исторического момента, и спокойнаго теоретического созерцанія съ подробнымъ объективнымъ разсмотрѣніемъ всего вопроса. Въ упоминаніи (VI, 11) о собственноручности написанія нельзя (со Steck'омъ) усматривать стремленіе фальсификатора заранѣе оградить отъ подозрѣній свой подлогъ категорическимъ усвоеніемъ его Апостолу языковъ, но тутъ рѣчь идетъ вовсе не объ аппробаціи подлинности, а затѣмъ вѣдь такимъ способомъ можно опорочить рѣшительно всѣ — даже новѣйшия — исторические документы. На самомъ дѣлѣ авторъ выдвигаетъ отмѣченную деталь лишь для наглядной иллюстраціи своей самопреданной любви къ читателямъ, ради которыхъ былъ принятъ этотъ механическій трудъ, не совсѣмъ привычный для Апостола. Подобная аргументація мыслима только въ живой дѣйствительности, а никакъ не для отвлеченной тенденціозности, почему и отсюда слѣдуетъ, что разбираемое посланіе есть подлинное твореніе Павлово. При этомъ оно съ самаго начала пріобрѣтало заботливыхъ хранителей, а удостовѣренное для нихъ апостольское достоинство было надежнымъ стражемъ и его дальнѣйшей неприкословенности.

Этимъ фактически обеспечивается и обычная для подобныхъ литературныхъ документовъ

§ 6) Неповрежденность посланія къ Галатамъ

по тексту и — слѣдовательно — по составу содержанія въ туперешнемъ видѣ. Тертулліанъ и св. Епифаній сообщаютъ, что Маркіонъ объявилъ традиціонный церковныи его типъ неистиннымъ и сдѣлалъ свою рецензію въ интересахъ изъятія позднѣйшихъ наслоеній (интерполяцій) для приближенія къ чистому апостольскому оригиналу. Но, полагая Галатійское посланіе во главѣ своего Apostolicon'a въ качествѣ первенствующаго (principalis), этотъ гностикъ половины II-го вѣка рѣшалъ текстуально-критические вопросы масштабомъ своей крайней антиномистической догмы, отсѣкая ради нея все непригодное, между тѣмъ въ подобныхъ вопросахъ всегда нужно подчи-

нять свою субъективную теорію письменному апостольскому слову, какъ оно удостовѣрено документальнымъ преданіемъ. Отсюда должно быть очевидно, что Маркіоновская рецензія не обладаетъ фактическою обоснованностію и не набрасываетъ тѣни на сохранившуюся церковную форму, хотя въ либеральныхъ крѣгахъ защищается доселѣ въ качествѣ первоисточника для послѣдней, совсѣмъ его исказившей¹⁾). Не поколебали традиціоннаго убѣжденія и новѣйшія текстуальныя операциі, которыя (у Pierson et Naber'a и у Voeleter'a) переплетались съ сомнѣніями въ подлинности посланія и потомъ (частію у Weisse въ 1867 г., но больше и особенно) въ Голландской школѣ (Harting, van de Sande-Bakhuyzen, van Maanen, J. M. S. Baljon, Cramer) развились въ цѣлую систему конъектуральной критики, производящей текстуальные исправленія ex conjectura (т. е. по теоритическому предположенію о логической необходимости такого или иногорченія), опущенія или прибавленія безъ фактическихъ опоръ въ текстуальномъ аппаратѣ. Подобные приемы обыкновенно дозволяются по безусловной неизбѣжности и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, когда нѣть рѣшительно никакихъ объективныхъ средствъ устранить несомнѣнныя трудности существующей редакціи. Посему возобладаніе конъектуральныхъ методовъ въ новозавѣтной текстуальной практикѣ вопреки текстуальнымъ даннымъ является и не нормальнымъ и не научнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пагубно-вреднымъ. И действительно, чрезъ это въ наличности водворяется совершенный произволъ, отвергающій и принимающій разные типы единственно потому, что одинъ кажется болѣе соотвѣтствующимъ въ отношеніи благовѣстническихъ воззрѣній Павловыхъ, чѣмъ другой. Но откуда же мы знаемъ апостольскіе планы и благовѣстническія намѣренія, когда заранѣе допускается, что подлинныхъ выразителей ихъ не сохранилось? Въ такомъ случаѣ не обнаруживается ли тутъ, что „критической павлинізмъ“, будучи тенденціозно-измышленнымъ, является совсѣмъ не реальнымъ и именно потому требуетъ устраненія или извращенія подлиннаго текста, поскольку вполнѣ отрицается послѣднимъ? Съ этой стороны текстуально-критическая покушенія изобличаютъ собственно тщетность принципіальныхъ критическихъ подозрѣній и — подобно Маркіоновскимъ — ничуть не разрушаютъ традиціонной текстуальной авторитетности. Для конъектуральныхъ экспериментовъ Голландскихъ радикаловъ нѣть и внѣшнихъ побужденій, ибо для научной текстуальной оцѣнки у насъ имѣются достаточные материалы во свидѣтельствахъ ру-

¹⁾ См. и Prof. W. C. van Maanen въ Encyclopaedia Biblica III, col. 3627, 3634.

кописей¹⁾ и переводовъ²⁾, по которымъ все возстановляется литературно-критическими способами съ удовлетворителью прочностю, доступною далеко не всегда и не для всѣхъ однородныхъ памятниковъ древней письменности.

Здѣсь мы располагаемъ гарантированнымъ объективно текстомъ, и онъ тѣмъ солиднѣе, что въ этомъ видѣ

§ 7) Историческая обстоятельства, поводы, цѣль написанія и общій характеръ посланія къ Галатамъ

до точности согласуются съ его содержаніемъ. Въ немъ св. Павель — съ одной стороны — побѣдоносно защищаетъ свое апостольское достоинство, съ другой — снова утверждаетъ

1) Цѣликомъ посланіе къ Галатамъ сохранилось въ 10-ти унцианахъ (изъ 20 ти Павловыхъ) №В (IV—V вѣка) С (со 2-го стиха I-й главы) А (V-го в.) D (греко-лат. VI-го вѣка) Е (греко-лат.) FGKL (IX-го вѣка), отрывочно — въ Н (VI-го вѣка: Гал. I, 1—10. II, 9—17. I/, 30—V, 5) Fa (VII-го вѣка: Гал. IV 21—22) N (IX-го вѣка: Гал. V, 12—VI, 18), до 485-ти курсивныхъ списковъ и около 265 лекціонаріевъ. Полезно отмѣтить, что въ своемъ изданіи Н. З † Prof. H. v. Soden опять вернулся къ взгляду Тишendorфа, ибо цѣнитъ В не столько, какъ W.—Н., и придаетъ больши значения №С (см. у Ernest De Witt Burton, p. LXXXII). Нѣкоторыя частныя текстуально-критическія замѣчанія будутъ слѣдованы при толкованіи.

2) Для греческаго текста см. специальная, но не всегда убѣдительная замѣчанія у Prof. Friedrich Zimmer, Zur Textkritik des Galaterbriefs въ „Zeitschrift fü r wissenschaftliche Theologie“ XXIV (1881), 4, S. 481—494; XXV (1882), 3, S. 327—343; XXVI (1883), 3, S. 294—308; для латинскихъ переводовъ и рецензій — Italafragmente der Paulinischen Briefe von L. Ziegler, eingeleitet durch ein Vorwort von Prof. Dr. E. Ranke (Marburg 1876), Friedr. Zimmer, Der Galaterbrief im altlateinischen Text, als Grundlage fü r einen textkritischen Apparat der Vetus Latina въ „Theologische Studien und Skizzen aus Ostpreussen“ I (Königsberg 1877), Petrus Corssep, Epistula ad Galatas ad fidem optimorum codicum Vulgatae recognovit, prolegomenis instruxit. Vulgatam cum antiquioribus versionibus comparavit (Berolini 1885, J. Beleshim, Appendix epistolarum Paulinarum ex Codice Sangermanensi Petropolitano (Christianiae 1887). Что до славянскаго перевода, то здѣсь для критики имѣются лишь нѣкоторыя указанія и материалы только въ магистерской диссертациѣ † проф. Г. А. Воскресенскаго, Древній славянскій переводъ Апостола и его судьба до XV в. (Москва 1879), стр. 312—325.

Галатійцевъ въ своемъ, чистомъ исповѣданіи Евангелія Христова, но въ равной степени исторически вѣроятно, что іудействующіе соглядатай и поспѣшили проникнуть въ Галатію и немало успѣли въ своихъ козняхъ, а благовѣстникъ не замедлилъ отразить послѣднія. Возможно, что въ церквахъ Галатійскихъ было нѣсколько членовъ изъ природныхъ евреевъ, хотя этого нельзя утверждать решительно, ибо авторъ, отожествляя себя съ адресатами (въ формѣ „мы“) по освобожденію отъ клятвы и всѣхъ узъ законничества (III, 13—14, 23—25. IV, 3), вовсе не отмѣчаетъ съ необходимостію свое кровное родство съ нимъ читателей, такъ какъ береть ихъ въ условіяхъ іудаистического увлеченія, когда они сами добровольно подвергались номистическимъ стѣсненіямъ (IV, 21) и уподоблялись плотскимъ потомкамъ Авраамовымъ. Рѣчь ведется совершенно принципіальная, по которой всѣ люди до Христа были подъ клятвою — одни, какъ связанные закономъ, другие, какъ „безбожные въ мірѣ“ (Ефес. II, 12). А затѣмъ у писателя столь рѣзко подчеркивается контрастъ Галатійскихъ его дѣтей съ привилегированнымъ Израилемъ, что мы естественно наклоняемся въ пользу языческаго состава Галатійцевъ. Объ этомъ — помимо самого этнографическаго имени — говорять ясные намеки на языческое прошлое (IV, 8, 9), не причастное номистическимъ ограниченіямъ (II, 5) и не освященное печатю завѣта Божія (V, 2. VI, 12—13). Нѣть ни причинъ, ни надобности поддерживать гипотезу (Mynster'a, Credner'a), будто — частію или въ большинствѣ (E. Jacquier у F. Vigouгоихъ) — Галаты являлись прозелитами, ибо тогда было бы не совсѣмъ понятно удареніе Апостола на прирожденномъ язычествѣ, если они уже ранѣе отказались отъ него по религіознымъ влечениямъ, а характеръ аргументаціи при помощи библейскихъ обоснованій и аналогій легко объясняется приспособленіемъ къ точкѣ зреенія противниковъ, усвоенной Галатскими простецами, и тѣмъ принципіальнымъ соображеніемъ, что ветхозавѣтное слово Божіе рекомендовалось въ качествѣ религіознаго авторитета для религіознаго назиданія всѣмъ христіанамъ, съ обязательнымъ включеніемъ въ число ихъ также и обращенныхъ язычниковъ.

Такимъ образомъ, на Галатійской території фактически восторжествовали благовѣстническія начала Павловы, получившія здѣсь опору и почву для практическаго возобладанія. Не удивительно, что іудеи постарались въ этомъ именно пункте поразить своего соперника и добиться фактическаго господства для своихъ партикуляристическихъ теорій. Іудействующіе шпіоны обыкновенно шли по пятамъ Апостола Павла и, конечно, явились на Малоазійскій сѣверъ уже послѣ его первого визита туда. Трудно согласиться (съ De Wette, Neander, Bleek, особенно Val. Weber), что эта агитация развилась лишь въ промежутокъ времени между изданиемъ Галатійского посланія и

удаленіемъ его автора изъ Галатіи. Дѣеписатель косвенно внушиаетъ, что Галатійцы, въ составѣ всѣхъ учениковъ Христовыхъ, нуждались въ нѣкоторомъ утвержденіи уже при самомъ второмъ посѣщеніи (XVIII, 23), а по письму къ нимъ выходитъ, что при этомъ св. Павель долженъ быть изречь анаеему на побывавшихъ тамъ и, видимо, успѣвшихъ носителей иного Евангелія (I, 9), говориль съ читателями въ болѣе суровомъ тонѣ, извращенномъ лжебратьями во вражескій (IV, 16), и категорически предупреждалъ о страшныхъ опасностяхъ нравственной распущенности (V, 21). Однако іудаистическая побѣды были тогда еще не вполнѣ рѣшительны, — и это съ точностью отвѣчаетъ положенію вешней, узаконенному и во дворенномъ въ христіанскихъ общинахъ Іерусалимскимъ соборомъ. Осужденные въ своихъ крайнихъ вожделѣніяхъ, — іудаистующіе соглядатай *volens-nolens* вынуждались къ злобной сдержанности до тѣхъ поръ, пока градіозно-быстрый и широкій ростъ языческихъ церквей не заставилъ ихъ прибѣгнуть къ радикальнымъ средствамъ энергической агитации въ интересахъ защиты своего привилегированного номизма и обязательности его для всѣхъ христіанъ. Посему естественно, что послѣ вторичнаго пребыванія апостольскаго въ Галатіи іудаистическая пропаганда достигаетъ высокаго напряженія и захватываетъ обширный районъ. Не кажется безусловно необычайнымъ и ея успѣшный результатъ. Огласительные періоды проповѣдническаго служенія Павлова среди Галатійцевъ не были продолжительными, и живая вѣра ихъ не успѣла еще войти въ плоть и кровь, сдѣлавшись органическою стихіей всего религіознаго бытія. Это былъ лишь непосредственный восторгъ и внѣшній обычай по воспоминаніямъ прошлаго, быстро тускнѣвшаго. Неустойчивый характеръ галла требовалъ многихъ поколѣній, чтобы онъ внутренно переродился въ неуязвимаго и непоколебимаго воина Христова. Даже позднѣйшая исторія христіанской Галатіи была далеко не блестяща, а писатели IV-го вѣка (Евсевій Кесарійскій и блаж. Іеронимъ) прямо свидѣтельствовали, что апостольскіе упреки Галатамъ изъ временъ дѣтства оставались совершенно пригодными и для эпохи ихъ мужества. При этихъ и многихъ другихъ историческихъ условіяхъ, благопріятствовавшихъ іудаистическимъ кознямъ, не столь трудно было лже-братьямъ поколебать „несмысленныхъ“ Галатійцевъ, прельстивъ ихъ фальшивыми очарованіями лучшаго христіанскаго достоинства, которое оспаривалось іудаистами въ самомъ просвѣтителѣ Павлѣ и его апостольскою не-компетентностію по сравненію съ „мнимыми столпами“. Теперь натурально, что въ личномъ присутствіи своего отца Галаты щли хорошо (IV, 18. V, 7) и одушевленною ревностію вызывали свѣтлыя надежды, равно какъ почеловѣчески понятно, что они, лишившись прямого апостольскаго руководства, вскорѣ же поразили благовѣстника своимъ опрометчивымъ шатаніемъ (I, 6).

Кратко сказать, посланіе къ Галатамъ точно оправдываетъ ся всѣми историческими обстоятельствами, которыя давали и достаточный поводъ, поелику писатель-Павель, конечно, долженъ быть защищать дѣло Павла-проповѣдника, когда оно потрясалось въ самыx своихъ основахъ, а вмѣстѣ съ этимъ предвидѣлась принципиальная опасность для самой Евангельской истины. Значить, создавшееся въ Галатіи положеніе было крайне важно въ чисто доктринальномъ смыслѣ, и Апостолъ долженъ быть поспѣшить со своимъ отрезвляющимъ решеніемъ по всѣмъ обострившимъ вопросамъ. Въ свою очередь, интересъ горячей любви и бдительной заботливости о своихъ Галатийскихъ чадахъ удовлетворительно объясняетъ, почему столь дурныя новости съ береговъ Сангарія и Галиса достигли до св. Павла „скоро“, хотя и неизвѣстными намъ путями. Вѣроятно, онъ распорядился на этотъ счетъ при своемъ удаленіи, оставивъ надежныхъ наблюдателей и информаторовъ, или нѣкоторые, наиболѣе благоразумные члены Галатийского братства почувствовали живую нужду въ непосредственномъ апостольскомъ совѣтѣ и авторитетномъ вразумленіи. Поэтому не видится (Prof. Th. Zahn, S. 8) резонныхъ подводовъ прибѣгать къ напрасной гипотезѣ (Prof. J. Chr. K. v. Hofmann 1879 г., Friedr. Zimmer 1882 г., Prof. W. M. Ramsay 1899 г.), будто сами Галатцы обратились къ св. Павлу съ особымъ, специальнымъ письмомъ, которое и возстановляютъ фрагментарно по теперешнему тексту, гдѣ, яко бы, оно цитируется болѣе или менѣе буквально. Эта догадка скорѣе прямо опровергается и фактомъ горестныхъ и пока неразрѣшившихъ недоумѣній автора касательно всѣхъ частностей происходившей смуты (IV, 20). Но нѣть оснований превращать всѣ отношения въ теоретическую догадочность подозрительного недоразумѣнія, будто св. Павель считалъ своимъ главнымъ врачомъ въ Галатіи сатану (Wilh. Karl), между тѣмъ изъ всѣхъ обольстителей явно выдѣляется преимущественно одного (V, 10) и, повидимому, достаточно знаетъ его¹⁾, хотя остальные интриганы, кажется, не были извѣстны ему лично и опредѣленно (III, 1. V, 7).

Впрочемъ, самое главное въ Галатийскомъ кризисѣ было несомнѣнно для Апостола и состояло въ „измѣнѣ“ читателей первоначальному, чистому Евангелію Христову, возвѣщеному чрезъ св. Павла. Посему и прямая цѣль посланія опредѣлялась отсюда въ томъ направленіи, чтобы возвратить отправившихъ и укрепить колеблющихся чрезъ огражденіе божественнаго достоинства апостольской проповѣди. А послѣдняя под-

¹⁾ Впрочемъ, и это не вполнѣ несомнѣнно для б. тарасову: Prof. Th. Zahn, S. 4.

рывалась въ Галатіи тѣмъ, что іудаисты отрицали благовѣстническій авторитетъ эллинскаго міссионера, по противоположности съ „предними“, и чрезъ это принципіально осуждали его специальное, Павлиністическое ученіе.

Соответствуетъ такой задачѣ и общий планъ посланія, какъ полемико-апологетического и догматико-защитительного. Въ немъ писатель I) сначала утверждаетъ свои апостольскія прерогативы для независимаго и отвѣтственнаго благовѣстническаго служенія, II) потомъ устраниаетъ іудаистическая воззрѣнія и лжетолкованія съ обезпеченіемъ истинности и правильности своей проповѣди и III) въ итогъ полагаетъ незыблѣмые основы для нормальной христіанской жизни, чуждой и фарисейско-номистического формализма и языческо-плотской распущенности. Такъ получаются — кроме введенія (I, 1—5) и заключенія (VI, 11—18) — три части: — персонально-апологетическая (I—II главы), догматико-полемическая (III—IV глл.) и морально-увѣщательная (V—VI глл.).

Этотъ порядокъ логически-послѣдовательный, но онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и фактически объективный, какъ диктовавшійся подлинными историческими условіями. Только авторъ проникъ въ самую ихъ сущность, овладѣль ими идеино и придалъ своему обозрѣнію принципіально-стройную послѣдовательность.

Натурально, что, развивая и раскрывая свои мысли приспособительно къ тяжелымъ осложненіямъ церковной смуты, Апостоль пишетъ далеко не съ радостнымъ сердцемъ, не выражаетъ читателямъ обычныхъ благодареній и въ самомъ изложеніи проявляетъ бурную пламенность и порывистую стремительность аргументаціи и литературной формулировки. Но и въ этомъ сказывается жизненная самопреданность благовѣстника истинѣ Христовой, которая, естественно, находила наиболѣе отчетливое выраженіе, догматически соответствующее историческимъ нуждамъ и потому всегда пригодное при историческомъ прогрессѣ христіанства на землѣ.

Все это обязываетъ насъ представить точный анализъ содержанія посланія къ Галатамъ по рассматриваемымъ въ немъ вопросамъ 1) обѣ авторитетѣ св. Павла, какъ Апостола и благовѣстника Христова, 2) о свободѣ Евангелия благодати и 3) о чистотѣ христіанской жизни въ Духѣ.

ЧАСТЬ II-Я:

Благовѣстническій авторитетъ св. Павла
по происходенію и доононству его
апостольства (глл. I—II).

*Павелъ Апостолъ, ни отъ
человѣкъ, ни человѣкомъ, но
Иисусъ Христомъ и Богомъ
Отцемъ, воскресившимъ Его
изъ мертвыхъ.*

Гал. I, 1.

Писатель сразу (I, 1) называетъ себя Павломъ и, следо-
вательно, выступаетъ лично, но лишь въ качествѣ опредѣлен-
наго христіанскаго дѣятеля, ибо тотчасъ же усvoяетъ себѣ ти-
туль „Апостола“. Послѣдній, самъ по себѣ, имѣлъ обширный
смысль особо уполномоченнаго вѣстника вообще, и потому ав-
торъ придаетъ ему строго точное и специальное значеніе, что-
бы засвидѣтельствовать свое достоинство божественнаго из-
бранника для совершения благовѣстнической христіанской мис-
сіи. Въ ней самой и въ служеніи ей нѣтъ ничего мірскаго и
ограниченного, а все исходить изъ божественнаго первоисточ-
ника. Для удостовѣренія сего и подчеркивается выразительно,
что св. Павелъ въ званіи „Апостола“ не представитель извѣст-
наго христіанскаго союза, какъ чисто человѣческой организа-
ціи, хотя бы и самой превосходной, когда онъ былъ бы носи-
телемъ ея отличительныхъ правъ и воззрѣній. Напротивъ, пи-
сатель не отъ среды людей и не является делегатомъ ихъ
(οὐχὶ ἀπὸ ἀυτῶν). — Съ другой стороны, божественный на-
чала его апостольской проповѣди восприняты имъ и не „чрезъ
человѣка“ (οὐδὲ δι' ἀυτῶν), пріобрѣтены имъ безъ посред-
ства человѣческаго, при которомъ собственное значеніе лич-
ности и качественное содержаніе ученія условливались бы имен-
но этимъ посредникомъ. Тутъ и самое апостольство, даже бу-
дучи истиннымъ по передачѣ наслѣдству отъ законнаго bla-
govѣstника Христова, оказывалось бы только вторичнымъ,
какъ у всѣхъ позднѣйшихъ служителей Евангелия, вполнѣ без-
спорныхъ, однако же ничуть не равныхъ съ „первенствующими
Апостолами“, потому что тамъ мы слышимъ просто го-
лосъ унаследованной традиціи, здѣсь говорить намъ прямой
восприемникъ словъ Господнихъ. При всемъ томъ св. Павель
твердо настаиваетъ на своемъ полномъ апостольскомъ автори-
тѣтѣ. А разъ отвергнутыя причины для него непригодны, то
необходимо допустить, что этотъ глашатай по своему факти-
ческому бытію обязанъ самому первовиновнику и единствен-
ному распорядителю апостольскихъ полномочій — историче-
скому Іисусу, бывшему Христомъ-Мессіей. Въ такомъ случаѣ
апостольство Павлово будетъ фактически истиннымъ и юри-
дически законнымъ въ наивысшей степени, безпорной лишь
въ „самовидцахъ Господнихъ“. При наприложимости всѣхъ
этихъ свойствъ становится яснымъ и соизволеніе Бога Отца,
ибо Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ пострадавшаго на крестѣ
Спасителя для искупительного избавленія и тѣмъ абсолютно
санкционировалъ подвигъ Христовъ, а благовѣстническое апо-
стольство есть собственно реальное его примѣненіе. Гаранти-
рованное для Иисупителя-Сына бываетъ причастнымъ и для
всѣхъ продолжателей дѣла Христова. Въ этомъ отношеніи
прерогативы Павловы всячески незыблыми и свидѣтельствуютъ
конкретно бывшимъ при авторѣ братствомъ (I, 2), которое

I, 2. не послѣдовало бы узурпатору или обманщику. Это рѣши-
тельно поддерживается рѣзкимъ удареніемъ на паче, что та-
ковые—всѣ братя безъ малѣйшихъ изъятій. Подобная ссылка
не была бы внушительной, еслибы ихъ было слишкомъ мало.
Мы должны предполагать достаточное количество¹), но, оче-
видно, это были рядовые евангелисты-сотрудники, среди кото-
рыхъ не выдѣлялось особыхъ вождей²). Здѣсь нужно искать
причину, что — вопреки своему обыкновенію — св. Павелъ
не называетъ поименно своихъ сотрудниковъ. Между ними не
было извѣстныхъ и импонирующихъ для читателей лицъ, но
тѣмъ убѣдительнѣе ихъ всецѣлое единодушіе съ Апостоломъ:
однако ясно и то, что это не была какая-нибудь знаменитая
церковь или даже давно организованная община съ главен-
ствующими въ ней пресвитерами (Дѣян. XIV, 23. Тит. I, 5): эти
признаки лучше всего соотвѣтствуютъ новообращенному сою-
зу христіанъ въ нѣкоторой мѣстности, не обладавшей особою
славой.

И вотъ всѣ спутники-братья объединились около св. Пав-
ла по неотразимой вѣрѣ въ его апостольство Христово и въ
такомъ духѣ адресуются къ церквамъ въ Галатіи, разумѣя всѣ
христіанские центры, гдѣ исповѣдники Господни сформирова-
лись въ опредѣленные церковные клирики, собиравшіеся по
чисто христіанскимъ интересамъ для чисто религіозныхъ цѣ-
лей. Ихъ, конечно, было нѣсколько по всей Галатіи, какъ и
въ Іудеѣ (I, 22), но всѣ онѣ стоять на одинаковомъ уровнѣ и
упоминаются подъ сплошною рубрикой. Отсюда нужно заклю-
чать, что предметомъ апостольского вниманія и назиданія слу-
жило все Галатійское христіанство, а не отдельныя члены или
частные пункты. Значить, до извѣстной степени всѣ Галатій-
скіе христіане были захвачены тревожными броженіями. Не
смотря на это, всѣмъ вѣрующимъ (братьямъ) въ Галатійскихъ церк-
вахъ (I, 3) посылаются привѣтствія во имя общаго для обѣихъ
сторонъ искупленія Христова, которое каждому приносить ра-
дость милующей благодати и миръ всецѣлаго оправданія. Они
несомнѣнны для всѣхъ фактически, ибо Всемогущій Богъ есть
теперь благостный отецъ, какъ Иисусъ Христосъ — Владыка
нашъ, пекущійся о своихъ соучастникахъ въ Его спасительной
миссіи. А послѣдня состояла (I, 4) въ Сынозчемъ самопреда-

1) Ср. у блаж. Геронима (Творенія XVII, стр. 9): „въ ви-
ду важности значенія весьма многихъ Апостолъ называетъ всѣхъ
братьевъ“.

2) Посему нѣть особой надобности гадать (вмѣстѣ съ Вр.
J. B. Lightfoot, р. 72—73), что это могли быть Тимоѳей (2
Кор. I, 1) и Ерастъ (Дѣян. XIX, 22), вѣроятно, еще Тигъ съ дву-
мя неназванными братьями (2 Кор. VIII, 16—24), если послѣдніе
не Тихонъ и Трофимъ (Дѣян. XX, 2—5), хотя подобной возмож-
ности и нельзя отрицать.

ні на смерть по причинѣ и въ возмѣдіе за грѣхи наши, которые мыслятся общечеловѣческими и прирожденными, по-елику они — унаслѣдованные и первородные. Тутъ удовлетвореніе, не желая быть напрасною жертвой, непремѣнно должно было сопровождаться упраздненіемъ отъ грѣховнаго начала, порабощающаго наскъ земной стихійности. И, дѣйствительно, фактическая цѣль ($\delta\piως$)¹⁾ искупленія была та, чтобы изъять человѣчество изъ облегающихъ золь лукаваго міра, поскольку таковой бываетъ и остается грѣховнымъ²⁾). Очевидно, возможенъ и особый міръ съ другими качествами, а иначе мы оказались бы безъ всякой реальной сферы для самаго своего существованія. Посему и называется вѣкъ настоящій, нынѣшній (1 Тим. VI, 17) или этотъ (Рим. XII, 2) космический (Ефес. II, 2) по противоположности съ грядущимъ (Лук. VIII, 20. XX, 35. Ефес. II, 7. Евр. VI, 5), для котораго мы, очевидно, и избавлены Христомъ. И подобное наше реальное благо гарантировано самимъ Богомъ, потому что достигнуто Сыномъ по соизволенію Его въ категорическомъ рѣшеніи (тѣ $\vartheta\ellημα$) удостовѣряющемъ истинно отеческія отношенія къ намъ³⁾), а это естественно должно (ε!η) исторгать (I, 5) вѣчное славословіе наше вѣчному Богу.

Но слава лицу лучше всего выражается въ служеніи ему, которое въ нашемъ случаѣ ожидается пропорціональнымъ вліянію и неисчерпаемости искупленія Христова. И разъ произошло нѣчто обратное, — отсюда понятно изумленіе (I, 6) предъ столь странною чудовищностію, какъ Галатійская измѣна, которая, не будучи мотивирована абсолютно ничѣмъ, всегда является по спѣшною и опрометчиwoю (ср. 1 Тим. V, 22. 2 Фесс. II, 2). Положеніе читателей одинаковое, но они перешли на новую позицію — отъ Бога⁴⁾), призвавшаго по благодати Христовой для Евангелія спасенія, къ совсѣмъ другому благовѣстію⁵⁾). Это убѣжденіе Галатійцевъ, было, конечно, по внушенію соратителей⁶⁾), но оно совсѣмъ можно въ принципи-

¹⁾ Ср. † Prof. Th. Zahn, S. 38—39.

²⁾ Не вѣрно, что тутъ $\piουγρός$ употребляется лишь въ реалистическомъ смыслѣ „бѣдствій“, „несчастій“, „скорбей“ и т. п. († Edwin Hatch, Essays on Biblical Greek, Oxford 1889, p. 77—82), поскольку все это есть только слѣдствіе грѣховности.

³⁾ „Нибѣ“ относится собственно къ $\piατρός$ († Prof. Th. Zahn, S. 41); ср. Филипп. IV, 20 1 Фесс. I, 3.

⁴⁾ Такъ св. I. Златоустъ (Migne gr. LXI, col. 621; Творенія X, стр. 740), а о Христѣ см., напр., и † Prof. Th. Zahn, S. 41.

⁵⁾ Ср., напр., въ 1 Цар. XXI, 25 обѣ Ахавѣ: $\omegaς \mu ετέθη-χεν αὐτὸν Ιεζαβὲλ ἡ γυνὴ αὐτοῦ$.

⁶⁾ Св. I. Златоустъ весьма правдоподобно предполагаетъ, что именно соблазнители называли свое лжеученіе иными истины.

піальномъ смыслѣ¹), какъ отличное отъ единаго истиннаго, воспринятаго изначально читателями отъ самого Апостола. Количественное двойство понятно и нормально лишь при качественномъ различии, а Евангеліе, какъ дѣло Христово, всегда бываетъ тожественнымъ de facto и въ правильномъ возвѣщеніи о немъ. Значить, и здѣсь нѣтъ иного²) Евангелія (I, 7) по самой недопустимости сего. Слѣдовательно, производится просто каѳая-то коварная смута. Но подлинное Евангеліе не даетъ для нея ни малѣшаго повода. Очевидно, есть только агитаторы, которые желаютъ замутить умы насчетъ Евангельской истины по самой ея природѣ³). Объективно это невѣроятно, и потому у насъ будетъ тенденціозное покушеніе, которое никогда не увѣнчается реальнымъ успѣхомъ, ибо для него потребовалось бы ненатуральное превращеніе Евангелія въ той опредѣленности, въ какой оно совершено и возвѣщено историческимъ Христомъ (τὸ εὐαγγέλιον τὸ ὁ Χριστός). Такая попытка перевернуть спасительный актъ вверхъ ногами ограничитъ съ злостною враждебностю къ нему и грозить уничтоженіемъ его благотворнаго дѣйствія. Съ этой точки зрѣнія недопустимо и невозможно принять (I, 8), еслибы, напр., Павелъ — вѣстникъ земной — и Ангель — вѣстникъ небесный — стали проповѣдывать нѣчто иное по сравненію съ первоначальнымъ апостольскимъ Евангеліемъ. Но другого или различнаго не существуетъ, почему не можетъ быть и соперника съ притязаніями на превосходство. Получилось бы нѣчто сверхъ прежняго, дополнительное къ нему для улучшенія его. Этимъ констатируется наличная недостаточность, а она выражаетъ осужденіе первоначального, истиннаго Евангелія Христова, отвергаеть его абсолютность. Понятно, что подобный субъектъ былъ бы бунтующею ненормальностю въ Евангельской средѣ; онъ нетерпимъ въ ней и подлежитъ формальному изверженію, которое

нымъ благовѣстіемъ (Migpe gr. LXI, col. 621; Творенія X стр. 741).

¹⁾ Ср. 2 Кор. XI, 4: „еслибы кто, пришедши, началь проповѣдывать другого Иисуса (ἀλλού Ἰησοῦν), котого мы не проповѣдавали, и еслибы вы получили иного духа (πνεύμα ἑτερού), котого не получили, или иное благовѣстіе, котого не принимали (ἢ εὐχυγγέλιον ἑτερού δὲ οὐκ ἔδεξτε); то вы были бы очень снисходительны къ тому“.

²⁾ Для различенія ἑτερος (одинъ изъ двухъ взаимно вытѣсняющихъ, напр., ἑτεροφthalmос — одноглазый) и ἀλλος (совсѣмъ особыаго качества или свойства; ср. ἀλλοφυλος) см. и 2 Кор. XI, 4.

³⁾ Контекстомъ совсѣмъ не допускается, яко бы въ тиѣс I, 7 (ср. III, 1) Апостолъ разумѣть сатану (Wilhelm Karl), какъ это предполагалъ Тертулліанъ (De praescr. 6) для 2 Кор. II, 11.

— аналогично іудейскимъ общинамъ — предполагаетъ церковную христіанскую организованность. Въ виду принципіальной невозможности описанныхъ явлений (I, 9) Апостолъ, освѣдомившись о проискахъ іудаистовъ въ Галатіи, именно ради этого еще ранѣе (во второе посѣщеніе) предрекаль и теперь снова говоритьъ, что всякий такой смутитель (хотя бы важный и вліятельный) долженъ быть рѣшительно отлученъ въ силу фактической необходимости, которая служить и фактическимъ побужденіемъ (*γάρ*)¹⁾ для апостольскихъ внушений. Если истинное Евангеліе обладаетъ божественною полнотой, то всякое добавленіе къ нему будетъ человѣческимъ прикаткомъ. Отсюда раздвоеніе контраста между божескимъ и человѣческимъ. Ихъ нельзя совмѣстить, а надо сдѣлать окончательный подтверждающій выводъ²⁾, но (I, 10) можетъ ли кто-нибудь подумать, что св. Павель склоняется ко второму противъ первого? Глаголъ *τείσθω* по своему значенію „убѣждать, увѣщевать“ представляется не совсѣмъ соотвѣтствующимъ въ контекстѣ, — особенно для Бога (ср. 2 Кор. V, 11), но достаточно освѣщаются частицею *ἄρτι*. Она констатируетъ нынѣшнее положеніе или повтореніе прошлаго (Гал. I, 9; ср. Ін. XIII, 37. XVI, 12. 1 Кор. XIII, 12. 2 Фесс. II, 7), которое сохраняется и сейчасъ. Посему данная коллизія числилась за Апостоломъ уже ранѣе и вмѣнялась ему *еще и теперь*. Получается сравненіе съ его предшествующимъ предупрежденіемъ, а тогда онъ изобличаешь іудаистовъ въ человѣкоугодливости вопреки правдѣ Христовой, утверждая свою собственную вѣрность исключительно Евангельской истинѣ. По этой комбинаціи надо думать, что лжебратья упрекали Апостола, что онъ слишкомъ приспособляется къ людямъ и, стараясь склонить и привлечь на свою сторону язычниковъ, жертвуетъ номистическими обязательствами, необходимыми для полноты спасенія во Христѣ. И вотъ св. Павель спрашивается, неужели до сихъ поръ поддерживается іудаистическое обвиненіе, будто онъ заботится о симпатіяхъ человѣческихъ, а не о Божіихъ (ср. 2 Фесс. II, 4, 6) и ради этого всячески усиливается понравиться, быть пріятнымъ для людей, не обременяя ихъ законническими требованіями по грѣхозному человѣкоугодничеству? Но это недопустимо ни принципіально, ни фактически, ибо еслибы онъ доселѣ (*ἔτι*) подлаживался къ человѣкамъ, то не быль бы никогда рабомъ Христовымъ, какъ покорный и свободный носитель велѣній своего Господа.

Догматическая аксіома о божественной единичности Евангелія Христова подтверждается и личнымъ опытомъ апостольскимъ, поелику эти отсылаетъ къ разумѣемымъ фактамъ

¹⁾ Ср. Prof. Th. Zahnp., S. 53.

²⁾ Для *γάρ* см. Prof. Th. Zahnp., S. 53.

- прошлаго. Они и приводятся для наглядной конкретной иллюстрації чрезъ внушительное уншріш (I, 11), которое специаль-но „даетъ знать“ (ср. 1 Кор. XII, 3. XV, 1. 2 Кор. VIII, 1) читателямъ, что возвѣщенное имъ Евангеліе, соединяющее ихъ съ авторомъ въ братскій союзъ, не является человѣческимъ по аккомодации къ людямъ въ какомъ-либо отношеніи. Не только не было изворотливой примѣнности къ человѣку (хатъ дундршю) въ сторону д.бахшаліх тѣв дундршю (1 Кор. II, 22), но происходило совсѣмъ обратное. Категорически констатируется (I, 12), что Апостоль не принялъ фактически (ітрерг.) своего Евангелія отъ человѣка по прямой передачѣ (пара ср. Филипп. IV, 8). Послѣдня могла быть вполнѣ легальной и авторитетной (ср. 1 Кор. XV, 3), но получатель все-таки являлся бы лишь механическимъ пременникомъ сообщенного содержанія, въ которомъ самъ лично не былъ компетентенъ гарантировать исторические факты и ихъ догматическое толкованіе. Для сего требуется особое, проникновенное уразумѣніе, но и съ этой стороны онъ не былъ пассивнымъ ученикомъ, покорно усвоющимъ чужие уроки, а они непремѣнно были бы человѣческие, хотя бы и весьма почтенные. Надо допустить, что источникъ и способъ были у него неопосредствованные и, слѣдовательно, возводятся къ самому Іисусу Христу. По отношенію къ Нему мыслимо для Апостола лишь обнаружение всѣхъ тайнъ Евангелія черезъ реальное озареніе, которое приносить и факты и ихъ освѣщеніе.
- Такъ выходитъ съ логическою неизбѣжностію. Дальше нужно еще доказать, что это не было субъективнымъ обольщениемъ, или преступнымъ притворствомъ. Для человѣческой области обязательны эмпирическія данныя, чтобы оправдать теоретическія утвержденія. И таковыя имѣются въ достаточной степени. Читатели слышали о семь (I, 13), и это показываетъ, что они были детально информированы. Повидимому, это освѣдомленіе касалось „жидовствованія“ Павлова, а не смѣнившаго христіанства. Въ послѣднемъ слушаѣ Галаты должны были бы усвоить апостольское пониманіе о божественномъ проискожденіи Евангелія и благовѣстничества эллинского миссіонера. Разъ этого здѣсь не было, — необходимо признать, что рассказывали исключительно о „жидовскомъ“ періодѣ и при томъ такъ, что отсюда получались неблагопріятные выводы противъ христіанского служенія Павлова. Подобные пріемы вѣроятны единственно для юдаистовъ, которые легко могли доказывать, что, бывши строгимъ номистомъ, Савль круто измѣнилъ свою политику по вѣнчнимъ интересамъ и теперь ради язычниковъ практикуетъ жестокій антиномизмъ. Апостоль подтверждаетъ фактическую часть слышанного Галатами и даже усиливаетъ ея яркія краски. Все прежнее житіе Павлово замыкалось юдействомъ, какъ націоналистически-религіозною системой, которая опредѣляла весь образъ поведенія (дукастрофі) во

всѣхъ его конкретныхъ функцияхъ. Религіозная приверженность I, 13. необходимо переходила въ фанатизмъ нетерпимости ко всему несогласному, — и вотъ Савлъ сдѣлался гонителемъ, который не просто ненавидѣлъ, но активно преслѣдовалъ христіанство. Разумѣется, таковы были всѣ убѣжденные юдеи, которые относились враждебно и мстительно къ своимъ христіанскимъ ренегатамъ, но Савлъ перешагнулъ этотъ общий ординаръ, понятный и даже партійно-нормальный для юдейского ожесточенія. Онъ гналъ чрезмѣрно — сверхъ общаго уровня юдейской криминалистической исключительности, хорошо засвидѣтельствованной отношеніями къ Апостоламъ юдейскихъ властей въ книгѣ Дѣяній. Тамъ мы видимъ, что Савлъ далеко превзошелъ эту практику и старался „до самыхъ глубинъ разорить“¹⁾ и истребить христіанъ физически повсюду — не въ одномъ Єрусалимѣ, но и въ доступныхъ для него центрахъ „разсѣянія“. Значитъ, ему были ненавистны не тѣ или иные христіанские исповѣдники, а самъ христіанство, какъ таковое — по егоessenціальной природѣ. И, дѣйствительно, ярость гонителя направлялась на тѣхъ єхъ, юдо — на весь христіанскій союзъ, опредѣленный по происхожденію, существу и дѣйствію творчествомъ и владычествомъ самого Бога. Это есть христіанская организованность, которая удостовѣряетъ, что, будучи божественною, она принципіально требуетъ общей взаимной солидарности на основѣ Христовой, санкціонированной Богомъ Отцомъ. Тутъ — универсальный христіанскій принципъ, сколько догматической, столько же и реальной, ибо первый безъ второго быль бы лишь идеалистическою фикცіей, а послѣдний самъ по себѣ оказался бы простою феноменальностю безъ независимыхъ факторозъ. Общее и частное взаимно связаны, при чемъ второе реально порождается и фактически держится принципіальнымъ. Церковь Божія конкретно выражается въ частныхъ церквяхъ, но она предшествуетъ имъ, какъ производящая первопричина и зиждительная основа ихъ. Поэтому и бороться съ нею можно съ успѣхомъ лишь черезъ атаки противъ историческихъ ея цитаделей. Такъ именно и дѣйствовалъ тогда Савлъ, опустошая церкви и вѣру (Гал. I, 24) тѣмъ, что истреблялъ всѣхъ исповѣдниковъ Христовыхъ (Дѣян. IX, 21), превращая ее въ пустую фантазію безъ вся-

¹⁾ Блаж. Феодоритъ, Творенія VII, стр 379. Св. I. Златоустъ: „вѣль онъ (Савлъ) не просто гналъ, но гналъ со всею жестокостью, и не только гналъ, но и опустошалъ, т. е. старался уничтожить, разорить, низложить и истребить Церковь; поступать же такъ свойственно опустошителю“ (Migne gr. LXI, col. 626; Творенія X, стр. 747). Глаголъ πορφετу (какъ и λέρφετу) значить: взятый городъ разрушать и опустошать огнемъ и мечемъ († Prof. Th. Zahn, S. 57,57).

каго реального применения, когда она становилась просто опасным обманом. Всё эти горестные истины слишком доста-
точно иллюстрированы в книге Дьяни, но там сообщается голый факт без оправдывающей мотивировки. Ее и описы-

I, 14. вает теперь (I, 14) сам Павел в дальнейшей речи, кото-
рая говорит не о хронологическом продолжении, а о факти-
ческом предупреждении предшествующего. Все это предваря-
лось тем, что Савль — подобно физически-духовному воз-
растанию всякого человека (Лук. II, 52) — преуспевал в изу-
действии и быстро шел вперед в уразумении и жизненном
усвоении его националистически-религиозных стихий. Он пре-
вышал всех своих сверстников, — и это тем более замечательно,
что относилось не к каким-либо „бездожным“
инородцам, непричастным закону израильскому, а было несо-
мненным преимуществом перед сверстниками в своем соб-
ственном роде Израилевом (Филипп. III, 5; ср. Рим. IX, 3).
Савль был выдающимся из всех ближайших по возрасту
израильских питомцев и проявлял это в практической борь-
бе за свои национально-религиозные идеалы. Последние имели
у него активную действенность и — следовательно — пред-
полагают в нем практическое настроение, как и постоянный
жизненный стимул всего израильского бытня (βάρχων). И
этого в нем было весьма преизобильно, конечно, по сравне-
нию с общим для данной сферы запасом (ср. Евр. II, 1). В нем все регулировалось обычным для израильтян номистиче-
ским масштабом, а Савль сверхъ сего был юношой. Этот термин стал специфической кличкой особо-фанатичной на-
ционалистической партии, но едва ли справедливо (— вмѣстѣ,
напр., с Н. Ewald'ом) разумѣть именно ее, ибо в ней преобладали исключительно политические интересы, хотя и на
религиозной подкладкѣ. Напротив, здѣсь зилотизмъ всецѣло
относился к общему преданію¹), которыми всегда
обозначалось преемственное религиозное наследие в отличие
от Библии²). Если у Савла оно было и фамильнымъ и лич-
нымъ, то, очевидно, мыслится семейный традиционализмъ фа-
рисейской, наиболѣе соблюдавшей и охранявшей воспринятое
от отцовъ достояніе, воздвигнувшій неприступныя „ограды“
кругъ „закона“. И вотъ въ этомъ отношеніи Савль довѣрь
свою разгоряченную ревнительность почти до партизанско-зи-
лотического кипѣнія.

¹⁾ Ср. еп. Теофанъ, стр. 289: „не секта фарисейская
разумѣется, а израильская нація, — среди израильтян вообще“.

²⁾ Ср. у Іосифа Флавія та єх παρθέσεως τῶν πατέρων
(Antiqu. XIII, 10 : 6) и ї πατέρων παρθέσεως (XIII, 16 : 2). См. Нег-
тапп L. Strack und Paul Billerbeck, Kommentar zum
Neuen Testament aus Talmud und Midrasch I (Mюnchen 1922), S.
691 ff.

Впереди ожидался бурный взрывъ, но вдругъ измѣнилось все въ противную сторону. Этотъ контрастъ (бѣ) былъ абсолютно не подготовленъ ходомъ жизни Парловой и является необычайнымъ, но онъ не былъ и сокрушительнымъ, а только направилъ все теченіе по новому руслу. Отсюда слѣдуетъ, что тутъ дѣйствовало верховное водительство, заранѣе предусмотрѣвшее подобный поворотъ, а въ области божественного со-зданія, все движется волею Божіей. Такъ и въ настоящемъ случаѣ (I, 15) окончательнымъ вершителемъ былъ Богъ. Онъ I, 15. рисуется здѣсь не по самопонятному для всѣхъ имени, а по со-ответственному дѣйствію, которымъ изначально всѣ частности наклонялися въ высшей цѣли, почему и не произошло ката-строфического краха. Это былъ бѣ фарас, или властно вы-дѣляющій нѣчто изъ совокупной массы, напр., часть мирныхъ жертвъ для Господа (Лев. X, 15. XIV, 12 и др.), а нѣкоторыхъ лицъ (священниковъ и левитовъ) — для неотлучного служенія Іеговѣ (Исх. XXIX, 24. Числ. VIII, 11). Въ апостольствѣ Христоромъ таковѣ избраніе для Евангельского благовѣстничества (ср. Рим. I, 1. Дѣян. XIII, 2). Послѣднее у Павла стало центромъ всей жизни, но именно потому, что предназначалось съ самого начала, при чемъ все бытіе по своему возникновенію мотиви-руется собственно этою конечною цѣллю єхъ холлас иллѣбрѣс. Это реченіе прилагается (ср. блаж. Іеронимъ) къ утробному пегіо-ду (ср. Мѳ. XIX, 2) съ самого зачатія (ср. Суд. XVI, 17. Иса. XLIV, 2, 24. XLIX, 1, 5. Пс. LXX (71), 6, и его нельзя примѣнять къ исходу изъ чрева матери, поскольку у насть трактуется о пре-допредѣленіи самого бытія, т. е. прежде нежели плодъ обра-зовался и вышелъ изъ утробы (Іер. I, 5). Эта предестинація, очевидно, должна была реализоваться специальнымъ актомъ, которымъ и было конкретное прізваніе Божіе, столь же не-мотивированное лично и — слѣдовательно — обязанное все-цѣло благодати Божіей во Христѣ (ср. I, 6), все устроющей по спасительной волѣ Господней. Здѣсь всецѣло доминировало милостивое благовolenіе Божіе (*εὐδόκησεν*), осуществившее прі-званіе въ соответственной реальной формѣ. И поелику дѣло касалось христіанского благовѣстія, — надо было знать точно его объектъ, а при недоступности послѣдняго для человѣ-ческаго вѣдѣнія, — необходимо сообщеніе смыше. И вотъ Богъ въ отношеніи Савла въ потребный исторический моментъ соизволилъ открыть Сына Своего въ немъ (I, 16), такъ что все I, 16. темное и смутное стало теперь для него вполнѣ яснымъ и не-отразимымъ для собственного убѣжденія. Тутъ было уже и внутреннее прозрѣніе по всецѣлому усвоенію всего содержа-нія. Но этимъ нимало не свидѣтельствуется, что и самое от-кровеніе было исключительно внутреннимъ озареніемъ, лишен-нымъ всякихъ внѣшнихъ посредствъ, при чемъ отпадаетъ ре-фератъ Дѣеписателя, а самый актъ легко превращается во внутреннее самостоятельное постиженіе, чуждое всякой объ-

I, 16. ективной основательности и силы. Однако самое понятіе „откровенія“ категорически утверждаетъ недоступность открывавшаго и потому обязательно требуетъ дѣйствія Божія. И разъ прежде это было не осозательно и незримо для человѣка по внѣшней сокровенности, то теперь, очевидно, должны быть удобныя внѣшнія условія для человѣческаго воспріятія. Посему апостольскія слова допускаютъ внѣшнія формы, описываемыя въ книгѣ Дѣяній, хотя и не говорять о нихъ прямо. Они констатируютъ внутренній результатъ откровенного процесса въ опытномъ и незыблемомъ признаніи, что Распятый Христосъ Иисусъ есть собственный Сынъ Божій. Павелъ какъ бы вмѣстилъ Его въ себѣ (II, 20) настолько, что оказался воплощеннымъ носителемъ Христа Иисуса¹⁾ и въ этомъ смыслѣ прямо принимался зъ Него (IV, 14). Это вполнѣ соотвѣтствовало и предначертанной цѣли, которая при данныхъ условіяхъ могла состоять лишь въ томъ, чтобы воздѣйствовать исключительно творческою силою Божіей — за отсутствіемъ всякихъ подготовленныхъ опоръ. Отсюда и миссионерская сфера Павлова — среди язычниковъ, где онъ долженъ былъ самъ собою, въ своемъ конкретномъ апостольскомъ лицѣ (med.) благовѣстовать спасительное искупленіе Христово.

По изложенному имѣемъ, что Евангеліе Павлово абсолютно нечеловѣческое, а непосредственно идетъ отъ первоисточника въ Богѣ Отцѣ и Его Сынѣ. Этотъ первый тезисъ (ср. I, 12) аргументированъ съ конкретною солидностю и является фактически непрекаемымъ. Но оставалось еще подозрѣніе, что полученное откровеніемъ было истолковано человѣческимъ разумѣніемъ. Однако тутъ есть нѣкоторая неразрывная связь между обоими моментами. Если нѣчто, столь интересное и важное, пріобрѣтается отъ извѣстнаго авторитета, то естественно, что у него же сейчасъ и просятъ разъясненій, чтобы понять сообщенное и убѣдиться лично. Иначе было бы просто мимолетная сенсациѣ — и объективно и субъективно. А у насъ таковыи поручителемъ служилъ самъ Богъ, и потому было бы странною нелѣпостю обращаться за толкованіями къ человѣческимъ посредникамъ. Въ отношеніи ихъ „тотчасъ“ было рѣшительное отрицаніе: Павелъ „не приложился къ плоти и крови“. Употребленный глаголъ *προσχυτίθημι* — весьма рѣдкій и въ II, 6 имѣетъ другое примѣненіе. Въ среднемъ залогѣ съ дательнымъ падежемъ онъ долженъ выражать „приложеніе себя“ къ кому или чему-либо. И такъ какъ это совершается по собственной иниціативѣ, то, очевидно, преслѣдуется и своя личная польза, для искателя нужная, но другимъ

¹⁾ Ср. у св. I. Златоуста (*Migne gr. LXI, col. 638; Творения X, стр. 749*): „онъ (Павелъ) имѣлъ въ себѣ говорящимъ и Христа“.

способомъ недоступная для этого человѣка. Ясно, что испытывается существенное затрудненіе, для котораго прежде всего необходимъ разъясняющій свѣтъ, способный вывести на чистую дорогу. Въ этомъ смыслѣ данный глаголъ употребляется для appellacij за помощію къ снотолкователямъ и жрецамъ-прорицателямъ. То же значеніе вполнѣ пригодно и для разбираемаго текста, что Павель не прибѣгъ униженыемъ, вынужденныемъ и беспомощнымъ просителемъ о содѣйствіи катательно полученнаго откровенія. Ничего подобнаго не было, ибо это оказалось бы обращеніемъ къ „плоти и крови“. Такою комбинаціей терминовъ характеризуется totus hinc ex-terior (М. Викторинъ) не по одной своей бренности (Еккл. XIV, 19. XVII, 30 и др.); тутъ — главнымъ образомъ — отмѣчается его соподчиненность земному, натуральное тяготѣніе къ нему, нѣчто плотяно-грубое (Еф. VI, 12), неспособное — по естественному несродству — востязать духовное (1 Кор. II, 15) и потому наклонное къ несогласію съ божественнымъ (Мо. XVI, 17 и ср. 23) даже до такой степени, что исключается изъ наслѣдія царства Божія (1 Кор. XV, 50). Но это есть крайность совершенного обосблѣнія, когда все бываетъ извращенною плотію (Быт. VI, 3, 13), которая заслуживаетъ лишь истребленія. Вообще же разумѣется земная человѣчность съ преображеніемъ душевности и съ подавленіемъ духовности. Поэтому не имѣютъ важности pariaciіi σâрѣx καὶ αἰμα (Мо. XVI, 17. 1 Кор. XV, 50. Ін. VI, 54. 56. Гал. I, 16. Еф. VI, 12. Евр. II, 14) и αἰμα καὶ σâрѣx (ср. Ін. I, 13), ибо вездѣ указывается въ людяхъ земная одушевленная плотяность, по самому своему естеству безсильная воспарить къ духовному и усвоить его собственными напряженіями, не проникающими до чисто духовной сферы. Съ этой именно стогонь было сорѣмъ ненатурально обращаться къ одушевленной материальности за совѣтами о божественномъ содержаніи небеснаго откровенія. Она въ данномъ случаѣ не виновна активно, если таковѣ самое свойство всякой плотности. Тогда не компетентны здѣсь и высшѣ ея представители¹⁾. Въ этомъ направленіи Апостоль и усиливаетъ свою мысль дальнѣйшимъ отрицаніемъ субдѣ (I, 17), которое гласитъ, что даже и поименованные потомъ субъекты не правомощны на роль требуемыхъ kommentatorovъ. Въ виду сего неправильна и контекстуально тенденціозная теза, яко бы авторъ прямо унижаетъ „предникъ“ до ординара плоти и крови. Этого не вытекаетъ ни по ходу рѣчи, ни грамматически, а идейно было бы страннымъ абсурдомъ утверждать, будто св. Павель считалъ и объявлялъ „самовидцевъ“ Христо

¹⁾ Ср. у св. I Златоуста: τοὺς ἀποτόλους ἐνταῦθα αἰνίτεται. διὸ τῆς φύσεως αὐτοὺς καλῶν (Migne gr. LXI, col. 628; Творенія X, стр. 749).

I, 17. выхъ просто одушевленною плотю. Это невѣроятно, потому что невозможно. Авторъ прямо называетъ ихъ Апостолами, но вѣдь и себѣ онъ никогда не приписывалъ высшаго достоинства. Посему онъ старитъ ихъ наравнѣ съ собою по божественному апостольству, а оно всегда и у всѣхъ одинаково и не допускаетъ градаций по качественному совершенству. Бываетъ лишь фактически-индивидуальное различие, какое безспорно и для „самовидцевъ“. Въ отношеніи эллинскаго благовѣстника они — *oi trō ēmō Ἀπόστολοι*, т. е. по времени получения и осуществленія апостольскаго званія были раньше его (ср. Рим. XVI, 7. 2 Кор. XI, 5. XII, 11). Но ясно само собою, что этотъ чисто хронологический моментъ, неизбѣжный въ нашихъ мірскихъ условіяхъ временного чередованія, нимало не касается самого апостольскаго отличія. Тамъ выражается чисто земная обусловленность, которая не можетъ ни вліять, ни измѣнять божественного преимущества. И для Павла эта хронологическая особенность тѣмъ менѣе обязательна, что его временное запозданіе въ апостольскомъ призваніи опредѣлялось исключительно соизволеніемъ Божімъ (I, 15), которое было однаково рѣшающимъ и для всѣхъ другихъ благовѣстниковъ Христовыхъ. „Предніе“ раньше Павла, но равны ему. Чѣмъ они — сами по себѣ — могли прибавить къ божественному откровенію? Вполнѣ законно и рационально, что Савлъ не поднялся (*ἀνῆλθον*) ради нихъ до возвышенного Єрусалима¹), но прямо изъ Дамаска отошелъ (*ἀπῆλθον*) въ Аравію и потомъ опять возвратился въ Дамаскъ.

Объ этомъ удаленіи въ Аравійскія области книга Дѣяній совсѣмъ не упоминаетъ. — и весь вопросъ будетъ въ томъ, находится ли для него здѣсь достаточное и удобное мѣсто, а его, сужа по доминирующему имени Дамаска, надо искать въ чудесномъ обращеніи Савла. Склоняясь къ положительному отвѣту, мы напередъ предупреждаемъ категорически, что — вопреки преобладающему убѣждѣнію — *днie дo вoлни* въ рефератѣ Луки (Дѣян. IX, 23) о Дамасскомъ пребываніи Апостола, по нашему мнѣнію, несправедливо распространять (хотя бы частію) и на Агавійской пегіодѣ. Прямая и ближайшая цѣль этой замѣтки та, чтобы объяснить враждебность Дамаскихъ юдеевъ къ Савлу „многодневными“ и многократными возвѣщеніями о Христѣ среди нихъ, когда они вполнѣ убѣдились въ его принципіальномъ антиномізмѣ. Значитъ, этотъ срокъ долженъ падать на самый городъ Дамаскъ. Но достойно вниманія, что проповѣдническія попытки Савловы по Дамас-

¹⁾ Не имѣть рѣшительно никакихъ оправданій та возможность (допускаемая блаж. Еронимомъ XVII, стр. 30), что по обращеніи Павелъ направился въ Єрусалимъ и уже потомъ въ Аравію или Дамаскъ, гдѣ пробылъ три года.

скимъ синагогамъ вскорѣ послѣ крещенія возбудили только I, 17. удивленіе и недоумѣніе (Дѣян. IX, 20, 21) и потому, сами по себѣ, не могли порождать такого озлобленія въ тамошнемъ іудействѣ, пока еще выслѣживавшемъ необычайного оратора и выяснявшемъ свою позицію. По всему думается, что былъ потомъ не малый перерывъ, по истеченіи коего Павелъ явился внутренно укрѣпленнымъ, и его прежнія увѣщательныя отношенія смѣнились грозно-сокрушительными филиппиками, вызывавшими замѣшательство въ рядахъ противниковъ (Дѣян. IX, 22). Это и возбудило окончательное озлобленіе многочисленнаго Дамаскинскаго іудейства¹⁾. Для такого прогрессивнаго возмущенія апостольскаго и будеть самъ пригоднымъ именно Аравійское удаленіе, которое естественно придется на данный промежутокъ Дамасской исторіи (между Дѣян. IX, 21 и IX, 22, 23)²⁾. Не противорѣчить сему и упоминаніе (въ Гал. I, 18) трехъ лѣтъ, поелику у Дѣеписателя нѣтъ точныхъ хронологическихъ указаний. Кажется болѣе вѣроятнымъ, что первоначальное проповѣданіе Дамасское (Дѣян. IX, 20) было непродолжительно, ибо явный неуспѣхъ необходимо заставлялъ прекратить дѣло и заняться методическимъ подготовленіемъ лучшихъ результатовъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, разбудить индифферентную къ Евангелію іудейскую массу и заинтересовать ее идеино. Въ такомъ случаѣ позднѣйшее „укрѣпленіе“ апостольское не могло совершиться въ краткій срокъ и требуетъ болѣшей длительности, хронологически пропорціональной съ грандіозностію послѣдовавшаго эффекта. Въ свою очередь и Дѣеписательское выраженіе ἡμέραι ἐκαναὶ — *дніе довошли* (Дѣян. XI, 23) не совсѣмъ опредѣленно, и его размѣры колеблются отъ „мало“ до „очень много“, смотря по разумѣемымъ обстоятельствамъ и по связи рѣчи (ср. Дѣян. IX, 43. XVIII, 18 и XXVII, 7)³⁾. На ос-

¹⁾ По Иосифу Флавію (*Antiqu. VII, 6:7; De bello jud II, 20:2*), въ Дамаскѣ было гораздо больше 18 тысячъ человѣкъ еврейского населенія, ибо это количество указывается іудейскимъ историкомъ только для избитыхъ Дамаскинцами іудеевъ при Неронѣ.

²⁾ Посему мы не можемъ согласиться и съ распределеніемъ Reginald L. Collins'a въ „The Expository Times“ XV, 8 (May 1904), р. 982—983, что лишь послѣ всѣхъ упомянутыхъ Дѣеписателемъ Дамасскихъ событий нужно полагать Аравійское удаленіе, начало коего отмѣчается въ 2 Кор. XV, 33. Все это противорѣчить и категорическому εὐθέως Гал. I, 16.

³⁾ Такъ, δρέλη χειρῶν ἐκανῶ употреблено у Лк. VIII, 32 вмѣсто τολλῶν Μѳ. VIII, 30 и ὡς δισχίλιοι Мрк. V, 13; φῶς ἐκανόν *Дѣян. XXII, 6*=πὲρ τὴν λαμπρότητα τοῦ ἥλιου XXVI, 13; ἡμέραι ἐκαναὶ *Дѣян. IX, 43. XVIII, 18. XXVII, 7* иногда равнозначуще сходимъ сочетаніямъ: ἐκανδεῖ χρυνος (*Дѣян. VIII, 11. XIV, 3. XXVII, 9*) или ἐκανοι

I, 17. нованій всѣхъ этихъ соображеній справедливо полагать на Дамаскъ не менѣе полуторыхъ лѣтъ, а отшествіе въ Аравію пріурочивать къ моменту невдолгъ по крещеніи обращеннаго Савла.

О подлинныхъ причинахъ этого уединенія Павлова нѣть ни малѣйшихъ свидѣтельствъ. Посему тутъ законны даже вѣроятныя догадки по соображенію со всѣми другими намеками. Самъ Апостолъ внушительно говорить, что послѣ откровенія въ немъ Сына Божія онъ не сталъ совѣтоваться съ плотю и кровью (Гал. I, 16), откуда прямо вытекаетъ, что благовѣстникъ чувствовалъ тогда извѣстную нужду и живую потребность въ укрѣпляющемъ совѣтѣ — только не отъ плотскихъ авторитетовъ. И это настроеніе вполнѣ натурально, если первоначальное пламенное проповѣданіе по Дамасскимъ синагогамъ сопровождалось лишь пренебрежительнымъ изумленіемъ, которое парализовало всю миссионерскую энергию и осуждало апостольскій трудъ на бесплодность. Такое явленіе всего менѣе обѣщало успѣха благовѣстническому усердію и отнимало реальную почву для него, а это необходимо побуждало ревностнаго Савла всецѣло сосредоточиться на себѣ и позаботиться о томъ, чтобы напередъ самому пріобрѣсти внутреннюю мощь для „слова со властію“ (Лк. IV, 32), безусловно побѣждающую, хотя бы и раздражительную для упорныхъ¹⁾). Наряду съ этимъ и углубленное размышеніе о столь необычайныхъ судьбахъ своей жизни принудительно направляло помилованного зилота къ замкнутому сосредоточенію въ интересахъ точнѣйшаго познанія путей промысла Божія, чтобы прошлое гонительное „живоствованіе“ не было для него мучительнымъ обличеніемъ совѣсти и не служило для другихъ отталкивающимъ „занемнѣемъ пререканія“, тормозящимъ всю миссионерскую работу, но — напротивъ — представлялось чудотворнымъ орудіемъ въ десницѣ Всевышняго, устроющаго все ко благу людей и къ торжеству истины Христовой (1 Тим. I, 12—14, 16).

хрѹса (Лк VIII, 27. ХХ, 9 ХХIII, 8); юмѣрхі иѣ рѣдко примѣняется къ періодамъ времени вообще (Лк. I, 5: ἐν ταῖς ὥμεροις Ἡρώδου. XVII, 26, 28. Дѣян. VII, 45. XV, 7: ἀφ' ὥμερῶν ἀρχῆων). Замѣчательно, что подобная терминология является преобладающею именю у Евангелиста и Дѣеписателя Луки

¹⁾ Посему нельзя согласиться, что Апостолъ пошелъ въ Аравію для проповѣди, „предлагая благовѣстование не сподобившимся еще богоувѣдѣнія“ (блаж. Феодоритъ, Творенія VII, стр 380; см. и блаж. Еронимъ, Творенія XVII, стр. 28—29), а еще менѣе можно считать „совершенно произвольною догадку“ о внутреннихъ мотивахъ и духовныхъ плодахъ Аравийского уединенія св. Павла, какъ дѣлаетъ еп. Феофанъ (стр. 104—105), подозрѣвающій тутъ ипремѣнно раціонализмъ.

Все это наклоняло обращенного Савла искать всецѣлаго I, 17. уединенія и притомъ тамъ, гдѣ было положено божественное основаніе для его прежнихъ юдаистическихъ чаяній, доведенныхъ имъ до катастрофического напряженія. Отсюда ближе опредѣляется и самое мѣсто этого пребыванія. Терминъ „Аравія“ не достаточно ясенъ по своимъ географическимъ рамкамъ и собственно примѣняется (у греческихъ писателей, начиная съ Геродота) ко всему Аравийскому полуострову на пространствѣ между Краснымъ моремъ съ юго-запада, Персидскимъ заливомъ и рѣкой Евфратомъ на сѣрьо-востокѣ и океаномъ на юго-востокѣ, а нѣкоторые расширяютъ эту площадь къ сѣверу до параллели Алеппо, къ западу (и обходя Палестину) до Средиземнаго моря — по южнѣ Газы, къ востоку на Евфратъ до Хабура, если не до самого Тигра. На этой огромной территории арабскій переводъ Нового Завѣта (въ Полиглottѣ, а не у Th. Еренius = van Егре † 1624 г.) указываетъ пунктъ El-Belka, каковое наименованіе относилось, повидимому, къ мѣстностямъ около Мертваго моря на сѣверъ и сѣверо-востокѣ отъ него, а тогда возможно допустить, что Аравія даже прямо примыкала къ Дамаску съ восточной стороны, почему Павелъ скрывался и жилъ просто за околицей города¹). Это слишкомъ вульгарное объясненіе столь таинственного эпизода не оправдывается и географически, ибо терминъ „Аравія“ употребляется и въ Гал. IV, 25, между тѣмъ не здѣсь, конечно, была „Синай гора“. Упоминаніе послѣдней дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ, что у Апостола разумѣется Аравія Петрейская (Arabia Petraea) со включеніемъ Синайского полуострова, который и надо считать избраннымъ прибѣжищемъ христіанскаго анахорета²).

¹⁾ См., напр., „Neue Kirchliche Zeitschrift“ 1902, VIII, S. 608. Le P. M.-J. Lagrange, допускающій интересы проповѣдничества (р. 16—17). И св. Густинъ (въ Dial. с. Tryph. 78 s. fin.), говорить юдеямъ: „никто изъ васъ не станетъ отрицать, что Дамаскъ былъ и есть принадлежность Аравійской земли, хотя нынѣ (вѣроятно, по Адріановскому распределенію) причисляется къ Сиро-Финикии“. Сходно Тертулліанъ: Adv. Jud. 6 и Adv. Marc. III, 13.

²⁾ Нашими соображеніями достаточно объясняется, почему избрана была Савломъ именно Аравія, а пототу иѣть даже и нужны въ произвольной (Prof. С. Симен, Palus I, S. 44) догадкѣ D. S. A. Fries'a (Was meint Paulus mit 'Аравія Gal. I, 17? въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ II (1901), 2, S. 150—151), будто въ оригиналѣ первоначально читалось „Арафа, подъ которымъ (суля по варіанту Jos. Flavii Vita, 51) разумѣется Галилейскій городъ недалеко отъ Сепфориды и Каны, именуемый 'Arabat-et-battof; при этомъ — видѣть съ принятіемъ (Prof.

I, 17. И теоретически легко постигнуть, почему Савль двинулся теперь въ эту именно страну. Въ ней былъ авторитетно обнародованъ божественный законъ, которымъ доселъ было поглощено все существо молодого фарисея. Вполнѣ естественно, что послѣдній пожелалъ обсудить его въ обстановкѣ первоначального опубликованія, дабы понять свою номистическую исторію со всѣми ея экзцессами и катастрофами. И что же раскрывалось тогда предъ апостольскимъ взоромъ? Это, прежде всего, суровыя и безжизненные скалы, совсѣмъ мертвяя и мертвящія окружающей печальный ландшафтъ. Съ этой стороны онъ самыи своимъ видомъ невольно и неотразимо внушали пытливому созерцателю, какъ смертоносно служеніе письменамъ, начертаннымъ на камняхъ (2 Кор. III, 7)!... Тутъ сокрушенный зилотъ, сдѣлавшись просвѣтленнымъ христіаниномъ, съ наглядною непосредственностью постигалъ во всей глубинѣ, до какой убийственной степени было безумно и пагубно все это яростное „жидовствованіе“. Но Синай непоколебимъ въ своей неизмѣнности со временемъ Моисея и твердо охраняетъ свойственную неприкоснѣвенностъ, откуда рождалась успокоительная и ободряющая мысль, что во вѣки непреложень Господь и всегда достигаетъ своихъ спасительныхъ цѣлей. Значитъ, въ исторіи божественного домостроительства законъ — не враждебная сила, а — скорѣе — „суровый пѣстунъ во Христа“ (Гал. III, 24), почему и для невѣрныхъ соплеменниковъ Савловыхъ возгоралась счастливая надежда, что *тако весь Израиль спасется, яко же есть писано* (Иса. LIX 20): *приидетъ отъ Сиона избавляй и отвратитъ нечестіе отъ лакова* (Рим. XI, 26). Коль скоро все это справедливо, то терьяль свою ужасающую мрачность и прежній жестокій зилотизмъ Савла, пріобрѣтая характеръ предуготовительный для него лично и педагогически-знаменательный для всего міра, ищащаго Бога и правды Его. И вотъ — подобно памятному для Апостола (Рим. XI, 2—4) пророку Иліѣ — св. Павель убѣждается, что не въ вѣтрѣ Господь, не въ землетрясеніи и не въ огнѣ, а слышитъ теперь благостный „глазъ хлада тонка“, пославшаго нѣкогда пламенного Фесвитянина тоже чрезъ пустыню въ Дамаскъ (3 Цар. XIX, 11—15), что все случившееся

O. Pfleiderer, Das Urchristentum I², S. 178, 1. Prof. W. C. van Mapen въ Encyclopaedia Biblica III, col. 3609, 1) совершенно сомнительного преданія о Галилейскомъ происхожденіи Савла (изъ г. Гискалы) — не менѣе напрасно утверждается, яко бы иначе необходимо допустить невѣроятный фактъ проповѣдничества Павлова среди бедуиновъ пустыни. Разъ въ текстѣ не говорится о міссіонерствѣ Апостола, то не имѣется поводовъ искать нашу Аравию и въ юдейской Вавилоніи (Alfred Edersheim, The Life and Times of Jesus the Messiah I², p. 14).

въ живоствѣ было съ предусмотрѣнною цѣлію, да въ немъ I, 17. первомъ покажеть Іисусъ Христосъ все долготерпніе, за образъ (въ примѣрѣ) хотящихъ вѣровати Ему въ жизнъ вѣчную (1 Тим. I, 16).

Такой результатъ и формулируется въ Галатійскомъ посланіи (I, 15), что Богъ избралъ Савла для апостольства отъ самаго зарожденія во чревѣ матери, и потому естественно, что вся его жизнь съ момента появленія на свѣтѣ служила конечному спасительному призванію даже своею отрицательностю фарисейскаго воспитанія и зилотическаго бурленія. Правійское уединеніе было временемъ возрастанія и созрѣванія въ обращенномъ Савлѣ великаго Апостола язычниковъ¹⁾), которымъ онъ долженъ быль принести радость помилованія благодатію Божіей, исцѣляющею всѣ недуги и изглаждающаго всякіе грѣхи. Со всѣхъ этихъ сторонъ данный періодъ быль и святынею и тайною апостольского духа Павлова. Не удивительно, что онъ опущенъ у Дѣеписателя, ибо послѣдній изображаетъ лишь фактическое осуществленіе въ исторіи божественнаго плана о вселенской проповѣди въ строгомъ соотвѣтствіи съ божественнымъ достоинствомъ самого искупленія Христова и проходитъ молчаніемъ всѣ лично біографические эпизоды, хотя бы они даже были ему извѣстны, чтѣ допустимо теоретически и по нѣкоторымъ аналогіямъ: такъ, въ Евангеліи Марковомъ наименѣе похвальныхъ данныхъ о Петрѣ, конечно, потому, что этотъ Апостолъ не распространялся о разныхъ индивидуальныхъ частностяхъ. Тоже вѣрно и въ отношеніи эллинскаго благовѣстника. Но для самого св. Павла это была отраднѣйшая эпоха постепенного апостольского возмужанія, сообщившая смыслъ и цѣнность всему его бытію. А для специальныхъ задачъ посланія къ Галатамъ Правійское удаленіе было особенно важно по фактическому удостовѣренію, что указанное Евангельское укрѣпленіе совершалось вѣтъ всякихъ человѣческихъ

1) Все это показываетъ, что здѣсь нѣть надобности въ „духовнѣмъ“ толкованіи, каковое допускаль и блаж. Геронимъ, что „Ветхій Завѣтъ, т. е.. сынъ рабыни, установленъ въ Аравії, а послѣднєе имя значить униженная и близкая къ паденію“. Дальше получается, что „Павель, лишь только уѣроваль, обратившись къ закону, къ пророкамъ, къ таинствамъ Ветхаго Завѣта, уже склонявшагося къ закату, искалъ въ нихъ Христа, проповѣдать Котораго онъ получилъ повелѣніе; но, открывъ законъ, онъ не долго оставался въ немъ, а возвратился въ Дамаскъ, т. е. къ крови и страданіямъ Христовымъ, а оттуда — подкрепленный чтеніемъ пророчествъ — направился въ Йерусалимъ, т. е., къ мѣсту видѣнія и мира, не столько для того, чтобы научиться чему-нибудь отъ Апостоловъ, сколько для того, чтобы сравнить свое ученіе Евангелія съ ихнимъ“ (Творенія XVII, стр. 31).

I, 17. вліяній и не безъ участія небесныхъ откровеній, о какихъ и Господь предрекаль обращенному Савлу въ своеи обѣтованіи: *на се явиhsя ти, сотворити тя слугу и свидѣтеля, яже видѣль еси, и яже „я в лю“ тебъ, изимая тя отъ людей Іудейскихъ и отъ языковъ, къ нимъ же Азъ тя послю* (Дѣян. XXVI, 16, 17).

Зилотичскій гонитель сталъ христіаниномъ и Апостоломъ исключительно по благовolenію и полномочію Божію, почему имѣль право и обязанность для независимой благовѣстнической дѣятельности во имя своего достоинства. Вполнѣ законно, что изъ Аравіи онъ также не пошелъ сразу въ Іерусалимъ, а возвратился опять въ Дамаскъ (Гал. I, 17), гдѣ былъ нѣкогда въ этомъ христіанскомъ состояніи, т. е., очевидно, при совершившемся тамъ обращеніи. Теперь благовѣстникъ снова направился туда, чтобы на мѣстѣ спасительного крещенія принести Все-вѣшнему первую жертву своей Евангельской ревности.

Въ итогѣ всего для насъ ясень и необходимый выводъ, что бывшій „хульникъ“ преобразился въ ревнителя Христова не по человѣческому избранію и наученію и обладаетъ всѣми несомнѣнными прерогативами истинно божественного апостольства, поелику у него все отъ Бога по Его всецѣлой волѣ — и призваніе, и даръ и цѣль. Таковъ первый фактъ, который сопровождается и подкрѣпляется другимъ, что, сознавая себя богопосланымъ Апостоломъ языковъ, св. Павелъ въ этомъ своемъ отличіи и выступалъ въ качествѣ собрата, принципіально равнаго „самовидцамъ“ Господа. Это рельефно обнаружилось черезъ три года, — конечно, по обращеніи, — во время

I, 18. свиданія Павлова со св. Петромъ въ Іерусалимѣ (Гал. I, 18).

Въ посланіи говорится, что писатель самъ восходилъ на возвышенности (*ἀυλήθου*) Іудеи въ священную столицу. О вѣшнихъ поводахъ ничего не упомянуто, но они были въ козняхъ озлобленныхъ Дамасскихъ іудеевъ (Дѣян. IX, 23 сл.). Въ 2 Кор. XI, 32 добавляется, что тому же самому способствовали злостные происки областнаго правителя и Дамасскаго намѣстника царя Ареевы. Послѣдняя дата — наиболѣе опредѣленная. Отъ нея именно и надо отправляться. Изъ четырехъ властителей съ указаннымъ именемъ нужно видѣть въ нашемъ случаѣ четвертаго князя Аравіи Набатейской (Arabia Nabathaea) Арею IV-го (по этому фамильно-династическому прозванию, а не постеп *proprium*) Энея, царствовавшаго со времени около 9 года предъ р. Хр. до 40 г. по р. Хр. Онъ былъ тестемъ тетрарха Галилеи и Перен Ирода Антипы (4 г. до — 39 г. по р. Хр.). Аравийская принцесса не была счастлива въ этомъ бракѣ и, наконецъ, уѣжала къ отцу отъ своего коварнаго супруга, измѣнившаго ей ради Иродіады (ср. J. o. Flavii Antiqu. XVIII, 5:1). Къ этому присоединились еще споры насчетъ границъ Галаада, до крайности обострившіе взаимныя отношенія. Отсюда между родственниками возгорѣлась война, — вѣроятно, — въ 36 году.

На помощь разбитому Антипѣ Вителлій вынужденъ быть дви- I, 17.
 нуть свои легіоны, но послѣ пасхи (15 нисана—19 апрѣля) 37
 года прекратить походъ, получивъ въ Іерусалимъ на третій
 день этого праздника вѣсть о смерти (\dagger 16 марта) императора
 Тиберія (Jos. Flavi Antiqu. XVIII, 5 : 1, 3). Очевидно, на этотъ
 смутный промежутокъ и упадаетъ получение Дамаска Ареой.
 Справедливѣе думать, что это совершилось при помощи даре-
 нія или уступки, ибо въ случаѣ насильственного захвата Римляне
 не потерпѣли бы подобного своеволія и съумѣли бы защи-
 тить свои права, располагая на мѣстѣ вполнѣ достаточными
 войсками для успешной борьбы, о которой ровно ничего не
 слышно. Съ другой стороны, новому повелителю Рима (Кали-
 гулѣ) было выгодно обеспечить себѣ спокойствіе на отдален-
 ной окраинѣ имперіи пріобрѣтеніемъ союзника въ томъ, кто
 могъ быть опаснымъ врагомъ, причиняющимъ немалыя тре-
 воги. Столь же понятно, что представитель Ареи — въ ин-
 тересахъ прочнаго утвержденія власти своего принципала въ
 новыхъ его владѣніяхъ — заискивалъ предъ многочисленными
 и могущественными контингентомъ Дамасскихъ евреевъ, поче-
 му охотно вошелъ въ ихъ замыслы противъ св. Павла и го-
 товъ былъ принести его въ жертву фанатической іудейской
 злобѣ¹⁾). Наряду съ этимъ одинаково правдоподобно, что та-
 кія обойдныя поблажки гораздо естественнѣе при началѣ На-
 батейскаго господства надъ Дамаскомъ. Теперь находимъ, что
 послѣдній былъ покинутъ Апостоломъ — всего скорѣе — око-
 ло 38 года, а тогда обращеніе Савла придется на 34—35 г. на-
 шей эры (хотя эти цифры, конечно, относительны).

Во всемъ этомъ важно ближайшимъ образомъ собствен-
 но то, что первый визитъ св. Павла въ Іерусалимъ былъ че-
 резъ три года съ самаго обращенія, ибо *ἔπειτα* по контрасту
 съ *εὗρέως*; категорически выражаетъ, что данное путешествіе
 совершилось не сейчасъ по призваніи, а уже послѣ трехъ

1) Этимъ устраивается догадка Val. Webега, будто „на-
 мѣстникъ царя Ареи“ ($\delta\ \delta\mu\alpha\rho\chi\eta\varsigma\ 'A\rho\acute{e}t\alpha\ t\o\i\ \beta\chi\alpha\i\lambda\acute{e}\wedge\varsigma$) былъ
 лишь представителемъ въ Дамаскѣ интересовъ своего повелителя,
 въ родѣ посла или консула (къ чему склоняется, напр., \dagger Prof O.
 Holtzman, Die neutestamentliche Zeitgeschichte, S. 97; Prof.
 Th. Zahn, Die Einleitung in das N. T. II², S. 632; Prof. B. W. Vascon
 въ „The Expositor“ 1899, X, p. 354 sq., 429). Но въ этомъ случаѣ
 пришлось бы допустить, что этархъ считалъ св. Павла подвласт-
 инымъ Арею и отвѣтственнымъ предъ нимъ, а какъ это возможно
 въ отношеніи „иностранныго подданнаго“? Одно кратковременное
 пребываніе Савла въ Аравіи никоимъ образомъ не доставляло по-
 добнаго права. Въ пользу обычнаго толкованія E. Schügerга см.
 и Prof. Carl Clemen въ „Studien und Kritiken“ 1902, IV,
 S. 675—676.

I, 17. лѣтъ. Посему въ теченіе всего этого періода эллинскій благовѣстникъ находился въ связи съ іерусалимскими авторитетами и не могъ пользоваться ихъ внушеніями¹⁾. Тогда неоспоримо фактически, что апостольская притязанія Павловы нимало не условливались человѣческимъ посредствомъ „предникъ“ и будуть либо божественными, либо мнимыми. Но послѣднее рѣшительно устраниется всѣми частностями іерусалимскаго посѣщенія, гдѣ св. Павелъ выступилъ полноправнымъ Апостоломъ и нимало не былъ обличаемъ въ самозванствѣ. Было совсѣмъ обратное. Цѣлію этого путешествія служило желаніе історїзати Петров. Этотъ рѣдкій глаголь²⁾ лучше выясняется по связи съ существительнымъ історіа, которое по первоначальному употребленію, несомнѣнно, отмѣчаетъ реальное событие, способное по своей важности оставить крупный слѣдъ въ данной области и стать историческимъ. Тогда и історѣу — въ прямомъ смыслѣ — значитъ „дѣлать исторію“, а для сего необходимо участіе крупныхъ факторовъ, какъ св. I. Златоустъ и примѣняль къ тѣмъ, кто желаетъ видѣть великие и знатные города³⁾. Тоже вѣрно, разумѣется, и для лицъ, хотя тутъ мы находимъ его спорадически и лишь о разсказахъ исторической важности³⁾. Съ этой стороны въ анализируемомъ мѣстѣ выражается высокое достоинство св. Петра, ибо свиданіе съ рядовыми членомъ христіянского братства совсѣмъ не было бы историческимъ. Въ одинаковой мѣрѣ подобное преимущество должно быть безспорнымъ и для второго собесѣдника, поскольку вовсе не экстраординарно, бываетъ часто и безъ всякихъ особыхъ результатовъ, если обыкновенные люди являются подлѣ великихъ и сталкиваются съ ними случайно (чиновники, прислуга), между тѣмъ преднамѣренныя встрѣчи нѣсколькихъ знаменитостей (напр., императоровъ) всегда сопровождаются огромными слѣдствіями въ самыхъ широкихъ кругахъ. Отсюда имѣемъ, что св. Павелъ пошелъ въ іерусалимъ не просто повидаться, но близко и непосредственно по-

¹⁾ Ср. для него и „The Expositor“ 1903, II, p. 115. Для новѣйшихъ материаловъ по предмету см. Proff. J. H. Moulton and George Milligan, *The Vocabulary of the Greek Testament*, London 1914—1929, p. 308; Dr. Friedrich Preisigke, *Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden*, 3. Lief., Sp. 703.

²⁾ Migne gr. LXI, col. 631; Творенія X, стр. 753. По мнѣнію проф. о. А. В. Горскаго, історѣу выражаетъ: „узнавать что-либо особенно важное“ (см. у тѣ проф. И. Н. Корсунскаго въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ“ ч. XLVII, стр. 580, прим. 173).

³⁾ См. 1 Езд. I, 31 (33), 40 (42). Jos. Flavii Bell. jud. VI, 1 : 8 οὐκ ἀσύμος ὁν αὐτὴρ, δυ ἐγώ κατ' ἐκεῖον ιστόρησα τὸν πόλεμον. Ср. Antiqu. I, 11 : 4 и Clem. Rom. I : VIII, 1.

знакомиться съ Петромъ и — по своему апостольскому равенству съ нимъ — совершить этимъ нѣкое историческое дѣло. Для св. Петра потребная необычайность лежала въ его божественномъ апостольствѣ, раскрывавшемся фактически среди сыновъ Израиля. По преополагаемому тожеству званія мы и для пришельца должны принять равное апостольство, но уже съ отличiemъ сферы его обнаруженія, простирающагося преимущественно на язычниковъ. До извѣстной степени — въ Петре какъ бы воплощалось само „Евангеліе обрѣзанія“ въ чистѣйшей, безупречной и авторитетной формѣ, полно и наглядно отражавшей свой предметъ во всей принципіальной идеиности и практической жизненности. Значить, чрезъ Петра св. Павель могъ легко, скоро и безошибочно соизмѣрить и удостовѣрить свое эллинское благовѣстіе по божественной силѣ, какая безспорно усвоялась Евангелію „предникъ“¹⁾. По этой именно причинѣ бывшій гонитель, разумѣя всѣхъ авторитетовъ Евангелія²⁾, и направляется специально къ Петру, въ которомъ онъ больше обращаетъ вниманія на положеніе, чѣмъ на лицо, или во всѣкомъ случать беретъ второе въ неразрывности отъ первого. Для указанной цѣли — заявленія своихъ апостольскихъ прерогативъ съ готовностю независимо осуществлять ихъ — вполнѣ достаточенъ срокъ въ пятнадцать дней, или — приблизительно — около двухъ недѣль, но ихъ, конечно, было бы слишкомъ мало, если допустить, что лишь теперь св. Павель пріобрѣлъ истинное христіанское вѣдѣніе и зарекомендовалъ себя настолько, что пріобщенъ быль къ сонму апостольскому. Немыслимый по всему предыдущему — этотъ процессъ рѣшительно исключается и тѣмъ фактъ (I, 19), что прибывшій „другого изъ Апостоловъ никого не видѣлъ, кроме Іакова, брата Господня“ (*ἐτερον δὲ τῷ ἀπόστολῳ οὐκέτι εἶδον εἰ μὴ Ἰάκωβον τὸν ἀδελφὸν τοῦ Κυρίου*).

Употребленное здѣсь ограничительное сочетаніе *εἰ μὴ* можно переводить двояко: „какъ только“ (но не болѣе!) и „не считая“ совсѣмъ. Согласно первому толкованію у насъ получится такая сенепція: „я не видѣлъ (сверхъ Петра) никого изъ Апостоловъ, какъ только (видѣлъ изъ числа ихъ) Іакова, брата Господня“. При второй редакціи фраза будетъ гласить: „я не видѣлъ (помимо Петра) никого изъ Апостоловъ, если не считать Іакова, брата Господня“ (поскольку въ этотъ счетъ онъ и не долженъ входить, ибо не принадлежалъ къ

¹⁾ Ср. Тертулліана *De praescr.* 23 (Migne lat. II, col. 35—36): (*Paulus*) „ascendit in Hierosolyma cognoscendi Petri causa, ex officio et jure scilicet eiusdem fidei et praedicationis“,

²⁾ По Гертулліану, Апостоль Павель ходилъ въ Йерусалимъ, „ut cum auctoribus contulit et convenit de regula fidei“ (*Adv. Marc.* V, 2; Migne lat. II, col. 363).

I, 19. собственно Апостоламъ, или къ тѣснѣйшему лицу апостольскому XII-ти).

При первой интерпретації ограничение простирается единственно на ослабленіе объема дѣйствія въ глагольномъ отрицаніи, — и родственникъ Господень оказывается въ замкнутомъ апостольскомъ кругу, при совершенномъ равенствѣ Петру въ этомъ отношеніи, а выдѣляется онъ просто потому, что лишь его и видѣлъ тогда Павель, хотя предполагаются и другія подобныя лица. Іаковъ будетъ вмѣстѣ съ Петромъ по самому апостольству, т. е. въ сонмѣ XII-ти. На этихъ предпосылкахъ созидается и доселѣ защищается католическое отожествленіе Іакова Іерусалимскаго съ Іаковыимъ Алфеевымъ, (Ме. X, 3. Мрк. III, 18. Лк. VI, 15. Дѣян. I, 13), при чемъ „братство“ это Господу оправдывается — по старымъ примѣрамъ — догадкой, что — наряду съ Іосифомъ, Сим(е)ономъ и Іудой (Ме. XII, 46. Мрк. VI, 3) — онъ былъ сыномъ Маріи, почитаемой за сестру (Ме. XXVII, 56. Мрк. XV, 40, 47. XVI, 1) Богоматери, или братомъ двоюроднымъ Христу по материнской линіи. Однако это была *Маріа*(*μαρία*) *η* тоб Клоптѣ (Ін. XIX, 25), т. е., конечно, жена Клеопы, такъ какъ было бы совсѣмъ безцѣльнымъ обозначеніе ея по отцу или брату въ совершенно неизвѣстномъ человѣкѣ, между тѣмъ замужество за нимъ было отличительною ея чѣртой по сравненію съ другими одноименными женами. При подобной комбинації Клеопа будетъ отцомъ разумѣемаго Іакова, который разомъ является и Алфеевымъ и Клеопиннымъ. Для объясненія такого двойства по отчеству обыкновенно допускаютъ¹⁾, что здѣсь нужно видѣть только разницу въ произношеніи общаго имени *אַפָּה*, которое при твердомъ выговорѣ звучало „калпай = клопа(й)“, а при мягкому слышалось „галфай=алфей“.

Данная теорія слишкомъ искусственна, чтобы признать эту конструкцію основательной объективно. Ея наружная убѣдительность — совершенно фиктивная, ибо достигается лишь нагроможденіемъ гипотезъ, ровно ничѣмъ не доказанныхъ. Прежде всего важно, что Клеопа (*Клебпѣ*) и Клопа (*Клопѣ*), кажется, греческаго происхожденія — по сокращенію изъ *Клеопатрос* (подобно *Автіпѣς* и *Автіхтрос*), и потому ихъ нельзя выводить изъ звуковыхъ особенностей еврейской (арамейской) рѣчи, где и вокализація ихъ была бы различная: *אַפָּה* для Клопы и *אַפְּה* или *אַפְּה* для Алфея²⁾. Двойство будетъ не звуковое, а безусловно реальное, какъ и въ Евангеліяхъ Клео-

¹⁾ Такъ и въ The Jewish Encyclopaedia VII (New York 1904), р. 68а.

²⁾ Prof. P. W. Schmiedel прямо свидѣтельствуетъ, что еврейская буква *ה* произносилась твердо и передавалась погречески чрезъ *χ* собственно въ срединѣ и въ концѣ словъ, а не въ началѣ.

на (Лк. XXIV, 18) и Клопа (Ін. XIX, 25) называются особо отъ I, 19. Алфея (Ме. X, 23. Мрк. III, 18. Лк. VI, 15. Дъян. I, 13), иногда несомнѣнно указывающаго другое лицо (Мрк. II, 14). Не менѣе существенно, что 2) сліяніе именъ Кл(е)опы и Ал-фeya въ единствѣ ихъ семитической основы не допускается филологическими авторитетами¹⁾, поелику оба названія различаются по начертанію и въ общепринятомъ сирійскомъ переводѣ (Пешито: **כָּלְפָא** и (еще такъ же въ текстѣ Синайскаго, Льюисовскаго кодекса) **חַלְפִּי**) и въ (частной) сирійской рецензіи, известной въ качествѣ Єрусалимскаго лекціонарія **כָּלְפָא** и **חַלְפָא**), языкъ коего нѣкоторые (напр., Eb. Nestle) считаютъ наиболѣе близкимъ къ употреблявшемуся Христомъ и Апостолами. 3) Безусловно, что Палестинскіе говоры издавна (Суд. XII, 6) замѣтно разнились по произношенію — особенно между сѣверомъ и югомъ (Ме. XXVI, 73. Мрк. XIV, 70 и ср. Лк. XXII, 59. Ін. IV, 9. Дъян. II, 7), но нельзя злоупотреблять этимъ несомнѣннымъ фактомъ, ибо народныя фонетическія колебанія всегда бываютъ неустойчивы и капризы, варируютъся вовсе не систематично и не однообразно, почему ихъ невозможно угадать даже съ приблизительностію для известнаго конкретнаго случая, а письменная ихъ передача и совсѣмъ не поддается проблематическому опредѣленію. Послѣднее тѣмъ менѣе примѣнно для рассматриваемыхъ нами примѣровъ, что Лука пишетъ раздѣльно и 'Алфѣос (VI, 15) и Клеопѣс (XXIV, 18), нимало не подозрѣвая и ничѣмъ не оттѣняя предполагаемаго тожества этихъ именъ. Наконецъ, 4) небезспорно и то, что Марія Клеопова непремѣнно была сестрою матери Іисусовой. Вѣроятно, что это — особыя жены, и Пешито связываетъ упоминанія о нихъ соединительнымъ союзомъ у Ін. XIX, 25, гдѣ читается слѣдующее: (при крестѣ Іисуса стояли) **מִתְרֵי חַיִּים**. **וּמְאַד** **פָּלָטָה**. **וּמְאַ**, т. е. (*stabant autem iusta crucem Jeshue*) *mater ejus et soror matris ejus, et Magjam illa quae (erat) Klejoraes (et Marjam Magdalita)*). Тоже находимъ и въ новомъ критическомъ изданіи этого сирійскаго текста; правда, тутъ въ нѣкоторыхъ маргинальныхъ помѣткахъ сообщается: „Клеопа и Іосифъ (были) братья, а Марія и Марія, сестра матери Господней, сестры; слѣдовательно, два эти брата имѣли женами этихъ двухъ сестеръ, но въ другизъ указаніяхъ дѣлается оговорка, что это „не точно“, „не вѣрно“²⁾). Къ сему же склоняются и нѣкоторыя

¹⁾ Prof. Franz Delitzsch въ „Zeitschrift für lutherische Theologie und Kirche“ 1876, S. 605, и ср. у E. Wetzel, Alphäus und Klopas въ „Studien und Kritiken“ 1883, III, S. (620—)626(—627). Prof. T. K. Abbott, Essays chiefly on the Original Text of the Old and New Testaments (London 1891), p. 100.

²⁾ Tatraevangelium sanctum juxta simplicem Syrorum ver-

I, 19. мелкія наблюденія. Сестры Господа упоминаются лишь дважды (у Мрк. III, 32. VI, 3) и совсѣмъ не выступаютъ на страницахъ Евангельской исторіи, хотя братьевъ видимъ не рѣдко. Вполнѣ естественно, что въ тягчайшую минуту жизни одна сестра поспѣшила раздѣлить скорбь другой, но для чего тутъ потребно ея собственное имя, когда важно лишь фамильное отношеніе? И по параллелизму съ первою двоицею нужно предполагать вторую, — гдѣ аналогично Маріѣ Магдалинѣ — и Марія Клеопова будетъ особымъ лицомъ. А такая симметрія подсказываетъ и тѣмъ, что всѣхъ, стоявшихъ при крестѣ Іисуса, было больше, чѣмъ четыре жены (Ін. XIX, 26—27). Значитъ, нѣтъ основаній объяснять братство Христу чрезъ Марію Клеопову: она отмѣчается въ Евангеляхъ только однажды и нигдѣ не поставляется въ соотношеніе съ братьями Господа, которые всегда называются въ связи съ именемъ Богоматери, какъ сопутствующіе именно ей въ качествѣ сопровождающей свиты (Мѳ. XII, 46 сл. XIII, 55. Мрк. III, 31 сл. VI, 3. Лк. VIII, 19 сл. Ін. II, 12. Дѣян. I, 14). 5). Въ равной мѣрѣ не усматривается причинъ вводить ихъ въ священную семью ХІІ-ти. Фраза Гал. I, 19 этого не требуетъ прямо. Другое дѣло, еслибы сказано было: ἑτερον δὲ τὸν ἀπόστολον: — тогда еще можно было бы говорить, что св. Павель не видѣлъ другого Апостола такого же, какъ Петръ. Но когда формулируется: ἑτερον δὲ τὸν ἀπόστολον, то отсюда вытекаетъ не болѣе того, что эллинскій благовѣстникъ не встрѣчался (кромѣ Іакова) ни съ кѣмъ изъ тѣхъ, которые назывались Апостолами. А извѣстно, что — по новозавѣтному употребленію — послѣдній титулъ не всегда (Лк. VI, 13) покрывался „самовидцами“, имѣя болѣе широкое примѣненіе къ уполномоченнымъ посланникамъ на благовѣстіе Христово (ср. Дѣян. XIV, 14, хотя ср. IX, 27. 2 Кор. VIII, 23. Филипп. II, 25). Достаточно сослаться — по ассоціаціи съ Петромъ — на 1 Кор. IX, 5, гдѣ „прочие Апостолы“ (*καὶ οἱ λοιποὶ ἀπόστολοι*) разумѣются, конечно, въ смыслѣ вышеупомянутаго апостольства Павлова (ст. 1—2), при которомъ дальнѣйшее „братья Господни и Кифа“ могли включаться въ него лишь по общему знаменованію. Поэтому при сопоставленіи съ ХІІ-ю „братья Господни“ весьма замѣтно отличаются отъ нихъ (Дѣян. I, 13—14. Ін. II, 12).

Въ виду всего сказаннаго неудивительно, что разобран-

sionem ad fidem codicum, massorae, editionum denuo recognitum lectionum supellectilem quam conquisiverat Philippus Edwardus Pusey, A. M., olim ex aede Christi, auxit, digessit, edidit Georgius Henricus Gwilliam, S. T. B., collegii Hertfordensis socius; accedunt capitulorum notatio, concordiarum tabulae translatio latina, annotationes (Oxonii 1901), p. 590—591; 591 not. ad vers. 25.

ное мнѣніе не находитъ для себя надлежащаго подкрѣпленія I, 19. въ драгнѣмъ преданіи, возникнувъ послѣ и помимо его. Къ сходному рѣшенію склонялся лишь блаж. Іеронимъ въ своей защитѣ приснодѣвства Маріина противъ Гельвидія (*Contra Helv.* 12 sqq. отъ 383 г. и ср. *epist. XLVI* (17), 12, in *Matth.* XII, 49, in *Isa.* XVII, 5: *Migne lat.* XXIII, col. 204 sqq.; XXII, col. 409; XXVI, col. 88; XXIV, col. 18), предполагая, что братья Господни были дѣтьми Алфея, или Клеопы и Маріи, сестры Богоматери. Но и этотъ церковный учитель, имѣвшій при жизни мало единомышленниковъ, былъ далеко не твердъ въ своемъ мнѣніи и постепенно ослаблялъ его силу, пока не пришелъ къ чисто фигулярному истолкованію, что Іаковъ „названъ братомъ Господнимъ по превосходному своему нраву, по несравненной вѣрѣ и по необыкновенной мудрости, а также потому, что онъ первымъ предстоятельствовалъ въ той церкви, которую прежде другихъ составили увѣровавши въ Христа іudeи“ (in *Gal.* I, 19: *Migne lat.* XXVI, col. 330—331; *Творенія XVII*, стр. 33). При томъ Іеронимовское толкованіе создаетъ еще новыя затрудненія, ибо — согласно ему — изъ братьевъ Христовыхъ попадаютъ въ число XII-ти — кромѣ Іакова — еще Симонъ и Іуда¹⁾, но такое расширение явно дисгармонируетъ съ ихъ замѣтнымъ обособленіемъ и не подтверждается частными данными. Такъ, квалификація Іуды „Іаковлевымъ“ (*Лк.* VI, 16) едва ли отмѣчаетъ братство Іакову (которое выражается прямо у *Іуд.* 1) и скорѣе указываетъ отца, а Симонъ характеризуется лишь эпитетомъ „Кананита“ и, вѣроятно, по происхожденію изъ г. Каны (кананей, кананецъ), но вовсе не по религіозному настроенію въ качествѣ „зилота“, какъ это искусственно выводятъ по сходству значенія словъ еврейскаго (арамейскаго) и греческаго для понятія „ревновать, ревнитель“. Всѣмъ этимъ преграждается входъ въ кругъ XII-ти и для нашего Іакова.

Въ пользу почетнаго исключенія для него выдвигается еще то, что Іаковъ, сынъ Маріинъ, называется менѣшимъ, или младшимъ (*Мрк.* XV, 40: ἦσαν δὲ καὶ γυναικεῖς ἀπὸ μακρόθευ θεωροῦσι, ἐν αἷς (ἡν) καὶ Μαρίὰ(μ) ἡ Μαγδαληνὴ, καὶ Μαρία ἡ τοῦ Ἰακώβου τοῦ μικροῦ καὶ Ἰωσῆ (Ιωσῆτος) μήτηρ). Утверждаютъ, что онъ титулуется такъ по сравненію съ другимъ, который почитается „большимъ“ предъ нимъ, конечно, въ об-

¹⁾ См. у архіеп. Филарета на стр. (35—)36: „Марія и Клеопа-Алфей были родителями тѣхъ лицъ, которые именуются братьями Господними, и изъ которыхъ Іаковъ (младший), Іуда Фаддей и Симонъ были въ числѣ 12 апостоловъ. . Итакъ, Іаковъ братъ Господенъ былъ роднымъ сыномъ Клеопы-Алфея и Маріи, сестры матери Господней, и слѣд. двоюродныиъ, но не роднымъ, братомъ Господа и онъ же былъ однимъ изъ 12 апостоловъ“.

I, 19. щемъ для нихъ классъ и по свойственному обоимъ одинаковому достоинству¹⁾). Въ такомъ случаѣ все это примѣнно, яко бы, лишь къ Іакову Алфееву по отличию отъ соименного и равнаго въ кругѣ Апостольскомъ Іакова Зеведеева. Но при данной комбинаціи весьма странно, что это „меньшинство“ не отмѣчается въ самыхъ спискахъ XII-ти, гдѣ подобная прибавка была бы уместна и дѣлается для другихъ членовъ, характеризуемыхъ свойственными прозваниями. Разумѣется, вѣрно, что въ эллинистической рѣчи положительная степень съ членомъ могла констатировать и сравнительную, но такое примѣненіе ничуть не обязательно и неизбѣжно. Напротивъ, въ ихъ-рѣс²⁾ у греческихъ классиковъ (Платона, Аристотеля, Ксенофона) иногда обозначаетъ просто „малый“ ростъ въ свою очередь еврейское *hakkaton* усоялось, по гготицкоголожности, древнимъ великимъ историческимъ именамъ³⁾, откуда слѣдуетъ развѣ то, что другой Іаковъ (великий) былъ важнымъ лицомъ въ первохристіанской исторіи, а развѣ не былъ такимъ предстоятель Іерусалимской церкви-матери?

Въ результатѣ—специальною особенностью Іакова, видѣнаго св. Павломъ въ Іерусалимѣ черезъ три года по обращеніи, будетъ теперь лишь его братство Господу. Эта одна черта и требуетъ дальнѣе своего объясненія. Многіе и даже во все не раціоналистические kommentаторы—по примѣру Гельвидія — заключаютъ отъ этого родства къ общности плотскихъ родителей Христа Спасителя и Его братьевъ, какъ имѣвшихъ единыхъ съ Нимъ отца и матерь. Ссылаются обыкновенно на буквалистическую и непосредственную очевидность, но она просто примитивна и фактически вовсе не столь принудительна. 1) На библейскомъ языке ἀδελφός не предполагаетъ непремѣнно единоутробности (Быт. XIII, 8: Авраамъ и племянникъ Лотъ. XXIX, 15: Лаванъ и сынъ его сестры Іаковъ) и употребляется иногда для лицъ, близкихъ между собою и по другимъ связямъ, гдѣ — по блаж. Ерониму — люди братски сочетаются между собою. напр., *natura*, *gente*, *cognatione*, *affectu*⁴⁾. 2) Выраженіе *Мо. I, 25* (*δονδε же ради сына своего первенца*) εѡ: оѣ указываетъ лишь грань извѣстнаго дѣйствія и абсолют-

1) Hieron. Contra Helv. 13: M. lat. XXIII, col. 205.

2) См. о немъ „The Expositor“ 1903, II, p. 116—117; XII, p. 434—435.

3) См. J. Levy у Prof. Franz Delitzsch, *Hogae hebraicae zu Röm. I, 1* въ „Zeitschrift für die gesammte lutherische Theologie und Kirche“ 1877, I, S. 12.

4) Ср. патр. Фотія ζητ. 39 (epist. 38), 2 (въ Ἀμφιλοχίᾳ по изд. Икономоса, Аѳины 1858, стр. 99): Συνηθὲς τοὶς ἑροτὶς λογίοις καὶ τοὺς ἀπογόνους υἱούς ὑνομάζειν, ὥσπερ καὶ τοὺς τῶν ἀδελφῶν παιδές αδελφούς κτλ.

но ничего не говорить о последующемъ, а тѣу прѣтѣохъ едва I, 19. ли подлинно¹⁾) и—даже въ случаѣ несомнѣнности — 3) оно, какъ и у Лк. II, 23, констатируетъ „первородство“ Иисуса Христа съ чисто законнической точки зрењія: тутъ каждый первый сынъ, „ложесна разверзаяй“ (т. е. у жены, рождающей въ первыѣ), всегда былъ и объявлялся первороднымъ безъ всякаго соотношенія съ возможнымъ дальнѣйшимъ потомствомъ, котораго при первенцѣ пока не существуетъ и предусмотрѣть нельзя, ибо бывали, конечно, не рѣдкіе случаи, когда въ еврейской семье имѣлся одинъ сынъ, все-таки являвшійся ипрозывавшійся „первороднымъ“. 4) Іосифъ упоминается въ послѣдній разъ, когда Господу Спасителю было 12 лѣтъ (Лк. II, 41 сл.), и затѣмъ совсѣмъ исчезаетъ со страницъ Евангельской исторіи, хотя тамъ встрѣчаются матерь и братья Спасителя. Отсюда позолитительно догадываться, что вскорѣ онъ достигнулъ естественной кончины, — и намъ придется допустить маловѣроятную возможность, что за этотъ двѣнадцатилѣтній періодъ у человѣка, котораго все преданіе изображаетъ старцемъ, были — кроме Христа — еще не менѣе четырехъ сыновей (Мѳ. XIII, 55... καὶ οἱ ἀδελφοὶ αὐτοῦ Ἰάκωβος καὶ Ἰωσῆς (Ἰωσῆς) καὶ Σίμων καὶ Ἰούδας. Мрк. VI, 3: ἀδελφὸς δὲ (καὶ ἀδελφᾶς) Ἰησοῦς καὶ Ἰωσῆ (Ἰωσῆς) καὶ Ἰούδα καὶ Σίμωνος. Ср. Мрк. XV, 40: καὶ Μαριὰμ(μ) ἡ τοῦ Ἰησοῦ τοῦ μικροῦ καὶ Ἰωσῆ (Ἰωσῆς) μήτηρ) и нѣсколькихъ (Мрк. III, 32. VI, 3) сестеръ (вѣроятно, болѣше двухъ). 5) Самъ Христосъ на крестѣ поручилъ тяжко болѣзнующую матерь Иоанну Зеведееву (Ін. XIX, 26, 27), между тѣмъ было бы гораздо естественнѣе передать ее попеченію родныхъ дѣтей, для которыхъ была ощущительнѣе оструя материнская скорбь, а потому здѣсь совсѣмъ неумѣстно ссылаться на „невѣrie“ братьевъ Господнихъ (Ін. VII, 5; ср. Мрк. III, 21), поскольку все касалось единственно родственныхъ чувствъ. И это было бы тѣмъ натуральнѣе, что и при земной жизни Христосъ долженъ былъ еще съ ранняго юношества забывать плотское родство ради духовнаго (Мѳ. XII, 48 сл. Мрк III, 33 сл. Лк. II, 49. VIII, 21. Ін. II, 4), при распятіи же не отмѣчаются прямо ни братья, ни сестры, которымъ было бы необходимо всего присутствовать при казни „брата“, хотя бы, для облегченія смертельной муки своей страждущей матери въ тотъ именно моментъ, когда оружіе пронизывало ея душу (Лк. II, 35).

Этихъ резоновъ вполнѣ довольно для совершенного устраненія того, что справедливо служить столь великимъ иску-

1) Нѣтъ у LTTг WHR Nestle, Baljon, Weymouth, A. Souter, v. Soden, хотя въ текстуальномъ преданіи эта прибавка удостовѣрена весьма сильно, при чемъ иногда (D^2L d q g²: unigenitum) опускается тѣу ūdu αὐτῆς.

I, 19. шеніемъ совѣсти у большинства христіанъ и было бы предупреждено фактическимъ констатированіемъ голой истины¹⁾.

Вышеизложеніемъ достаточно опровергается и то, болѣе частное, мнѣніе (св. І. Златоуста²⁾, блаж. Феодорита³⁾, проф. Ал. П. Лебедева), будто братья Господни были дѣтьми Клеопы отъ родной сестры Богоматери, Маріи Клеоповой (Ін. XV, 25). Къ сказанному тамъ прибавимъ только одно, что ни откуда не видно и ничѣмъ не предполагается, яко бы эти родственники Христовы были Клеоповыми по рожденію. Напротивъ, связь ихъ съ матерью (Ме. XII, 46 сл. XIII, 55. Мрк. III, 31 сл. VI, 3. Лук. VIII, 19 сл. Іоан. II, 12. Дѣян. I, 14), какъ „женою“ Іосифовой, неотразимо внушаетъ, что — подобно ей — они были родственниками Господа тоже чрезъ Іосифа.

Послѣ сего въ нашемъ распоряженіи будутъ лишь два мнѣнія, что 1) братья Господни были „сводными“ — отъ первого брака Іосифа до пгннятія имъ къ себѣ Маріи (Евангелие Петра, первоевангеліе Іакова и др. апокрифы, Климентъ Ал., Оригенъ, Евсевій Кесарійскій, Иларій Пиктавійскій, „Амвросіастъ“, Григорій Нисский, Епифаній, Амвросій Медіоланскій, Кирилль Ал., восточные богослужебные памятники и позднѣйшіе латинскіе авторы), или 2) были плотскими сыновьями Іосифовыми, но отъ жены Клеоповой, которую, какъ вдову бездѣтную, братъ покойного Іосифъ, жившій съ нимъ вмѣстѣ (Второз. XXV, 5), взялъ по левирату — „закону ужичества“ (ближайшаго кровнаго родства) для возстановленія сѣмени умершаго, потомство котораго — иначе — совсѣмъ прекращалось⁴⁾.

¹⁾ По интимному обх єўншажену аѣтїу Ме. I, 25 Prof. Ad. v. Нагпак справедливо заключаетъ (Neue Untersuchungen zur Apostolgeschichte, S. 105), „als gehe die Ueberlieferung auf Joseph selbst zurück“.

²⁾ Migne gr. LXI, col. 632; Творенія X, стр. 754: св. Павель «могъ бы сдѣлать понятнымъ, о комъ говорить, употребивъ другой отличительный признакъ, и назвать его сыномъ Клеопы, какъ сказала Евангелисть» (Ін. XIX, 25).

³⁾ Творенія VII, стр. 380 -381: „Іаковъ называется братомъ Господа, но не былъ роднымъ Его братомъ. Онъ даже былъ не сынъ Іосифовъ, рожденный отъ первого брака, какъ предполагаютъ иные, но сынъ Клеопы и двоюродный братъ Господу: потому что (этотъ Іаковъ) матерью имѣлъ сестру Матери Господней“.

⁴⁾ Блаж. Феофилактъ къ Гал. I, 19 (стр. 16): „И дѣйствительно, еслибы онъ (св. Павель) хотѣлъ отличить, то онъ назвалъ бы его (Іакова) сыномъ Клеопы. Вѣдь по плоти онъ (Іаковъ) не былъ братомъ Господнимъ, а только имъ считался. Какъ же онъ приходился сыномъ Клеопѣ, — слушай: Іосифъ и Клеопа были братья; когда Клеопа умеръ бездѣтнымъ, — Іосифъ возстановилъ ему сѣмя и родилъ сего (Іакова) и другихъ его братьевъ и

Послѣднее толкованіе вызываетъ больше недоумѣній, **119.** чѣмъ рѣшаетъ задачу, ибо представлять произвольную комбинацію ничѣмъ недоказанныхъ предположеній, яко бы Клеопа — братъ Іосифа, Марія Клеопова была дочерью первого, при чѣмъ будетъ тройственное потомство — отъ собственной жены, Богоматери и вдовы Клеоповой. Получилась бы мало-вѣроятная путаница въ одномъ семействѣ, всего менѣе пригодна для разъясненія темныхъ историческихъ загадокъ. А затѣмъ не оказывается и потребного родства, ибо при бракахъ по левирату дѣти вдовы Клеоповой отъ Іосифа (или, по Второз. XXV, 6, — первенецъ) обязательно считались бы и обозначались потомками именно и исключительно Клеоповыми и не имѣли бы „законнаго“ братства съ поколѣніемъ Іосифовыимъ, но тогда — при разности матерей — трудно было бы возникнуть и утвердиться такому названію о братственномъ родствѣ Клеоповыхъ наслѣдниковъ съ Іисусомъ Христомъ, для чего не было ни основаній, ни поводовъ, ни оправданій.

Намъ теперь остается принять первую гипотезу, особенно развитую въ патристической литературѣ у св. Епифанія Кипрскаго. При ней совершенно понятно, что дѣти одного отца всѣми и всегда почитались братьями, съ каковыимъ отличиемъ и сохранились въ преданіи отъ временъ Христовыхъ.

И ничуть не странно упоминаніе св. Павла о свиданіи его въ Йерусалимѣ съ „брatomъ Господнимъ“, поелику Іаковъ былъ не рядовой членъ Йерусалимской церкви, а ея глава и предстоятель, имѣвшій священное званіе Апостола и помѣщаемый потомъ въ посланіи къ Галатамъ (II, 9) выше двухъ другихъ „мнимыхъ столповъ“ Киѳы и Иоанна, какъ это всѣмъ было извѣстно по его имени, которое обычно отличалось отъ другихъ его носителей ссылкою на „братьевенное родство“ Господу. Будучи іерархическимъ начальникомъ Йерусалимской христіанской общины, Іаковъ тѣмъ самымъ неизбѣжно становился главнѣйшимъ и отвѣтственнымъ блюстителемъ интересовъ

Марію, которую, хотя она была дочерью Клеопы, Евангеліе называетъ сестрой Богоматери, такъ какъ Іосифъ по отношенію къ св. Дѣвѣ скорѣе сохранялъ заботливость отца, чѣмъ расположение мужа".

¹) Изъ новѣйшей русской литературы по предмету см. „историко-критическое изслѣдованіе“ † проф. Ал. П. Лебедева (съ „обзоромъ и разборомъ древнихъ и новыхъ мнѣній по вопросу“) подъ заглавіемъ „Братья Господни“ (1 Кор. 9, 5. Гал. 1, 19, Москва 1905, а противъ сего ср. брошюру † митр. Георгія (Ярошевскаго) „Теорія профессора А. П. Лебедева о братьяхъ Господнихъ“ (Харьковъ 1907), который и здѣсь защищаетъ свое прежнее мнѣніе (высказанное въ магистерской диссертациіи „Соборное посланіе св. Апостола Іакова“, Кіевъ 1901, стр. 23 сл.), что „братья Господа — это дѣти Іосифа отъ первого его брака“.

I, 19. всемірной христіанської місії, для якої всі основи і пути полагались лише во святому місті. Значить, якщо і цей вселенський вождь евангелізації підтвердив апостольський авторитет Павла, — въ такомъ случаѣ получилось для него уже офіційное одобреніе практическої дѣйственности апостольского достоинства, а послѣднє принципіально обезпечивалось въ своїй истинности по силѣ солидарности его носителя съ Петромъ. Второй санкціонувавъ самыя апостольськія права, Іаковъ одобрилъ ихъ фактическое осуществленіе. Такимъ образомъ мы находимъ, что три предшествующіе года служили къ огражденію божественного источника для апостольства и благовѣстничества Павлова, а эти пятнадцать дній неотразимо убѣждали въ независимости отъ человѣческихъ наученій и полномочій касательно спеціального примѣненія божественныхъ даровъ среди язычниковъ.

Теперь св. Павель — въ качествѣ богопосланного і церковно признанного Апостола — стоїть уже на порогѣ къ надлежашему выполненню своего провиденціального місіонерскаго призванія, какъ собственно єллинскій благовѣстникъ. Здѣсь заключалось всецѣлое оправданіе самого подвига Павлова, — и безспорность своего свидѣтельства о такомъ важномъ

I, 20. моментѣ писатель удостовѣряеть (I, 20) предъ лицомъ Божімъ (2 Тим. II, 14. IV, 1) судомъ Всевышняго, что онъ нимало не лжетъ, въ чёмъ, видимо, обвиняли его юдейськіе хулители.

Подобная апелляція есть, конечно, клятва, ибо употребленная фраза вполнѣ замѣняетъ сходныя реченія ὁ θεὸς εἶδεν (2 Кор. XI, 31), θεὸς μάρτυς (1 Фесс. II, 5) и μάρτυς μοι ἐστιν ὁ θεός (Рим. I, 9; ср. 2 Кор. I, 23), которая несомнѣнно отмѣчаютъ клятвенный процессъ. Отсюда возникаетъ старый споръ, разжигаемый слишкомъ категоричными и острыми тезисомъ, что всякая клятва абсолютно противорѣчить основнымъ началамъ Христовымъ, являясь уклоненіемъ отъ идеала и завѣта Господня въ сторону юдейской низменности и даже чисто номіческаго приспособленія. Но тутъ большое недоразумѣніе, ибо *ab initio non tollit usus*: — реальнымъ злоупотребленіемъ напрасно соизмѣряютъ и искажаютъ самыи принципы. А послѣдній констатируетъ, что при клятвенному актѣ мы какъ бы поднимаемся на небеса предъ самое лицо Божіе (*ἐν υψί σου τοῦ θεοῦ*) и подтверждаемъ свои слова непосредственною ссылкой на соприсущую святость Божію, которая абсолютно не терпитъ при себѣ ни малѣйшей фальши и обязательно изобличила бы ее вмѣстѣ съ убийственнымъ посрамлениемъ всякаго лгуня (ср. Дѣян. V, 3 слл.), поскольку и вообще нельзя человѣку видѣть Бога безъ смертельной опасности (Суд: XIII, 22). Если здѣсь не пустая условная фикція, близкая къ постыдному взаимному могоченію, то необходимо допустить, что незыблемо принимается фактически доступная и

реальная возможность поднятія людей до самого Бога, чтобы I, 20. состязаться предъ Нимъ съ ожиданіемъ безспорного утверждения или окончательного осужденія. Но богоувѣденіе прежде было немыслимо ни для кого (Исх. XXXIII, 31 сл. 1 Тим. VI, 16) и достигалось лишь Единороднымъ Сыномъ, Который исповѣдалъ Отца во Христѣ Иисусѣ (Ін. I, 18). Этимъ и для вѣрующихъ обеспечивается собственная близость къ Богу по самому ихъ христіанскому бытію, ибо при единеніи съ Господомъ Спасителемъ, какъ Сыномъ Божіимъ, всѣ оправданные, сливаясь съ Нимъ, бываютъ подлинными чадами Божіими и пользуются тѣснѣйшимъ общеніемъ съ Творцомъ и Владыкою всяческихъ, предъ Которымъ и могутъ свидѣтельствовать съ несомнѣнностію.

Въ этомъ видѣ клятва бвзузловно примирима со всѣми истинами Евангелія. Само собою разумѣется, что гораздо лучше и желательнѣе полное ея отсутствіе въ человѣческой средѣ, когда не окажется даже надобности въ этомъ средствѣ (Мо. V, 34), поскольку исчезнетъ ложь и не будетъ нужды въ предосторожностяхъ противъ нея, почему станетъ довольно и простыхъ „да“ или „нѣть“ (Мо. V, 37. Іак V, 12). Это есть идеальное требование, которое предполагаетъ и равныя ему конкретныя условія, а — обращенное безъ нихъ въ практическую норму — сдѣлается лишь убийственнымъ для міра, изъ котораго всѣмъ пришлось бы уйти (1 Кор. V, 10), разъ въ немъ всякъ человѣкъ, самъ по себѣ, ложь (Рим. III, 4). А безъ такого жизненнаго примѣненія это была бы просто утопическая отвлеченностъ, коль скоро отвергаетъ постепенную и опосредствованную реализацію, или утрачивала бы свою возвышенность, принижаясь до человѣческой ограниченности и являясь условнымъ пріемомъ безъ всякой зиждительной силы. Идеаль руководитъ жизнію, но она лишь постепенно приближается къ нему въ послѣдовательномъ движениі. Царство Божіе и правда Его бываютъ пока историческою реальностію только во Христѣ Иисусѣ, въ насть же утверждаются не простымъ исповѣданіемъ идеальныхъ доктринъ, а жизненнымъ преображеніемъ въ процессѣ послѣдовательного благодатнаго возрастанія, гдѣ всѣ промежуточныя стадіи относительны и — однако — натуральны и фактически законны.

Все это вѣрно и для клятвы, которою св. Павель запечатлѣваетъ неложность своихъ сказаній о событияхъ, иллюстрирующихъ божественность его апостольства по происхожденію, достоинству и примѣненію.

Всѣ разсмотрѣнныя особенности отчета Павлова не устраняются прямо и рефератомъ Дѣеписателя (IX, 26—30): — весьма возможно, что бывшій гонитель нашелъ въ Іерусалимѣ доступъ въ христіанскую среду именно чрезъ Варнаву (съ которымъ еще ранѣе, видимо, имѣть какія-то частныя связи), видѣніе двухъ позволяло говорить неопределенно объ Апостолѣ

лахъ вообще, при чём у Луки этот терминъ употребляется не въ столь строгомъ смыслѣ, а св. Павелъ разумѣетъ другихъ Апостоловъ (Гал. I, 19) такого же ранга и вліянія, какъ Петръ и Іаковъ, и не исключаетъ всѣхъ прочихъ съ подобнымъ наименованіемъ; Іерусалимская проповѣдь Савла и состязаніе съ эллинистами легко укладываются на пространствѣ пятнадцати дней, или около „двухъ недѣль“ и ровно ничего не отрицаютъ, поелику оѣхъ єѣдовъ Галатійскаго посланія относится лишь къ сонму апостольскому XII-ти и не обнимаетъ всѣхъ Іерусалимскихъ христіанъ и наслѣдниковъ, съ которыми могъ встрѣчаться тогда писатель.

- I, 21. Если далѣе (I, 21) св. Павелъ упоминаетъ о своемъ отшествіи въ страны Сиріи и Киликіи (*εἰς τὰ κλίματα τῆς Συρίας καὶ τῆς Κιλικίας*), то — по снесенію съ извѣстіемъ Дѣян. IX, 30 о „препровожденіи“ его изъ Іерусалима въ Тарсъ Киликійскій — это должно понимать такъ, что изъ Кесаріи онъ направился моремъ и еще на пути приставалъ гдѣ-нибудь на Сирійскомъ побережью, или же посѣщалъ Сирійской округъ и до вызова его изъ Киликійскихъ предѣловъ Варнавой въ Антіохію¹). Но проще и вѣроятнѣе думать, что тутъ у Апостола дается лишь суммарное изображеніе Сиріско-Киликійскаго пребыванія въ данной области безъ соблюденія строгой географической точности и взаимной преемственности²), какъ нѣть ея и насчетъ хронологіи. Чѣмъ было раньше и чѣмъ послѣ, — не выражается прямо, но вполнѣ согласно съ Дѣеписателемъ, что до отмѣченного ниже визита въ Іерусалимъ св. Павелъ былъ въ предѣлахъ и Сиріи и Киликіи, которыя, будучи отдѣльными административно, обособляемыми двумя членами (при названіи каждой), отмѣчаются у писателя подъ общимъ для обѣихъ обозначеніемъ *τὰ κλίματα*, какъ и у Луки это есть „объединенный церковный округъ“³). Во всякомъ случаѣ тутъ для насъ совершенно темный періодъ жизни Апостола и у него самого рисуется собственно по связи съ аргументацией всесторонняго и достохвального обнаруженія санкціонированныхъ благовѣстническихъ правъ во всей ихъ независимости. И свидѣтельства сего самоочевидны. Онъ былъ невѣдомъ (I, 22) раньше для христіанскихъ (*ἐν Χριστῷ σρ. Ι Θεσσαλ. ΙΙ, 14*) общинъ

¹⁾ Или, наконецъ, что св. Павелъ называетъ эти страны по ихъ положенію на сѣверъ отъ Іерусалима, какъ † Prof. Th. Zahnp., S. 73.

²⁾ Для сего ср. Дѣян. XV, 41: *διήρχετο δὲ τὴν Συρίαν καὶ Κιλικίαν*, хотя здѣсь обѣ области тѣснѣе объединяются однимъ членомъ.

³⁾ † Prof. Ad. v. Harnack, Die Apostelgeschichte: Untersuchungen (Leipzig 1908), S. 80: „ein einheitliches kirchliches Gebiet“.

въ Іудеѣ (ср. Дѣян. V, 16. IX, 31. XI, 1), кромѣ церкви въ Іерусалимѣ (ср. Дѣян. XI, 22), который отличается (ср. Ін. III, 22) отъ всей Іудейской территории, конечно, потому, что и для іудейства и для христіанства это былъ не мѣстный центръ, а вселенская религіозная митрополія. Такое положеніе сохранилось и теперь, ибо св. Павелъ продолжалъ оставаться лично неизвѣстнымъ (*ημὴν ἀγνοούμενος*) для іудейскихъ христіанскихъ братствъ по своему благовѣстнически-апостольскому авторитету, почему немыслимы и человѣческое наученіе и естественное пристрастіе простого дружескаго расположенія. Наряду съ этимъ историческимъ фактомъ тѣмъ замѣчательнѣе (I, 23) ис- I, 23. ключительное (μόνον) явленіе, что проповѣдь Апостола была столь успѣшна и благословенна, что за все это время Іудейскіе христіане непрерывно слышали о ней съ совершенною неотразимостію, если для нихъ Павелъ былъ доселѣ и удержался во всеобщей христіанской памяти, какъ гонитель, для которого преслѣдованіе христіанъ являлось самою типическою характеристикой его духовнаго бытія¹⁾). И вотъ оказалось, что то исповѣданіе, гдѣ сосредоточивалась вся христіанская вѣра, провозглашалась тогда Савломъ въ качествѣ самой радостной истины, хотя ранѣе онъ разрушалъ ее, какъ эссенціальный гонитель²⁾, опустошающая церковь Божію (Гал. I, 13) чрезъ уничтоженіе ея христіанскихъ членовъ (Дѣян. IX, 21). Подобная метаморфоза не могла быть по прямой естественной причинности этихъ моментовъ и обязательно постулируетъ къ верховному участію Бога, сотворившаго такое чудо милости своей, которая олицетворялась и сіяла въ немъ для всѣхъ. Это великое знаменіе премудрости Божіей въ обращенномъ Савлѣ вызывало у вѣрующихъ прославленіе Всевышняго въ виду живого носителя Его спасающей благости (I, 24). Значить, благовѣстничество Павлово за весь этотъ періодъ было не только независимымъ, но и дѣйствительно божественнымъ.

Изъ совокупности описанныхъ фактовъ вытекаетъ съ очевидностію, что апостольское достоинство св. Павла было божественнымъ 1) и по его происхожденію, 2) и по авторитету, 3) и по конкретному способу его раскрытия въ благовѣстіи о

¹⁾ Поэтому διώκων ποτέ и διαρθήσας были какъ бы termini technici для Савла-гонителя въ устахъ самого св. Павла и говорившихъ погречески іудеохристіанъ: † Prof. A. d. v. Nagelack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte und zur Abfassung der synoptischen Evangelien (Leipzig 1911), S. 70.

²⁾ Для prae. διώκων ср. διατάλων τὸν γαρ Μѳ. XXVII, 40 и Ἰωάννης δι βρατῆς Мrk. VI, 14 по сравненію съ δι απτίτης Мѳ. XIV, 2. Но въ Дѣян. IX, 21 δι παρθήσας аог. употреблено въ качествѣ исторической припоминательной справки.

Христъ-Спасительъ. Если все это вѣрно, то онъ не могъ не быть совершеннымъ Апостоломъ и истиннымъ Евангелистомъ для тѣхъ, которые и были и почитались таковыми по преимуществу. Этотъ дальнѣйшій логический выводъ касается уже вѣрности служенія званію, степени совпаденія ихъ на практикѣ, которая, соизмѣряясь, одобряясь или изобличаясь своимъ принципомъ, и сама могла осуждать послѣдній раскрытиемъ его фактической непригодности.

Неудивительно, что этотъ существенный пунктъ оправдывается теперь исторически съ особенною торжественностью и неоспоримою непререкаемостю. Въ виду необычайной важности даннаго события писатель и говоритъ о немъ точно и подробно.

- II, 1. Оно случилось черезъ 14-ть лѣтъ (Гал. II, 1) не послѣ обращенія Савлова (Baronius, Spanheim, Pearson, Semler, Keil, Vogel, Eichhorn, Olschausen, Anger, Fshipsche, Wieseler, Val. Weber, проф. о. А. В. Горскій), потому что πάκι ενεπομπή (паки взыдохъ) отмѣчаетъ повторное посѣщеніе Єрусалима и, следовательно, предполагаетъ прежній визитъ туда. Отъ этой именно грани и нужно считать (блаж. Єронимъ, Usher, Hug, Schrader, Köhler, Hemser, Rückert, Meyer, Br. J. B. Lightfoot, Sieffert, Zahn), когда получится — приблизительно — 51—52-й годъ.

При сопоставленіи съ книгою Дѣяній находимъ, что это не могло быть въ пятый (XXI, 17 сл.) приходъ Апостола въ Єрусалимъ предь самымъ его арестомъ (Prof. C. Clemens и ср. Епифанія haer. XXVIII, 4), поелику самое посланіе къ Галатамъ выпущено раньше этого термина. Но не менѣе не удобень и второй Єрусалимскій визитъ (X!, 30. XII, 25), принимаемый нѣкоторыми комментаторами (Calvin, Gabler, Rosenmüller, Süsskind, Bertholdt, Kuinoel, Paulus, Köhler, Guerike, Keil, Niemeyer, Flatt, Ulrich, Böttger, Fritzsche, Stöltzing, Caspari, Ramsay, Val. Weber), ибо онъ былъ около смерти Ирода Агриппы въ 44 году и по слухамъ бывшаго при императорѣ Клавдіѣ (41—45 г. г.) голода, а это рѣшительно противорѣчить всей апостольской хронологіи и вынуждаетъ защитниковъ данной гипотезы къ произвольной корректурѣ (Lud. Capellus, Grotius, Keil, Niemeyer, Paulus, Ulrich, Böttger, Semler, Schott и др.) διὰ τεσσάρων (черезъ четыре) вмѣсто διὰ δεκτεσσάρων („по четырнадцати лѣтѣхъ“), для чего нѣть ни малѣйшихъ текстуальныхъ оправданій. Болѣе правдоподобнымъ кажется отожествленіе съ четвертымъ Єрусалимскимъ посѣщеніемъ (XVIII, 21—22) по завершеніи второго миссионерского круга: оно встрѣчается уже давно и поддерживается многими солидными авторитетами (Luther, J. Capellus, Whiston, van Til, Hess, Wieseler, Huther, Lütterbeck), однако сомнительно по неясности совсѣмъ краткихъ извѣстий Дѣялисателя, невозможно въ виду солутствія св. Павлу Варнавы, отставшаго уже послѣ Апостольскаго собора, и ничуть не подтверждается упоминаніемъ Тита, ибо онъ не совпадаетъ съ фигурировавшимъ тамъ лицомъ, имя котораго пишется въ кри-

тическихъ изданіяхъ разно: 'Іобстос (t. rec.), Тітос 'Іобстос (TWH Nestle Souter) и Тітос 'Іобстос (v. Soden). Помимо сего 1) послѣдній былъ сефардіею, тѣу юдею, т. е. приверженецъ іудейской религіи, хотя и не оформившій своей внутренней принадлежности къ ней прямымъ прозелитизмомъ, когда нашъ Титъ былъ "Ел.лу; 2) тотъ рисуется жителемъ и даже домохозяиномъ Коринѣскимъ, какимъ не былъ (по происхожденію) спутникъ Павловъ, ибо послѣдній только прибыль съ Апостоломъ въ Коринѣ.

Послѣ этого мы будемъ имѣть для сличенія лишь третье Іерусалимское путешествіе эллинскаго благовѣстника — изъ Антіохіи во святой градъ по предмету споровъ о значеніи закона Моисеева (Дѣян. XV), такъ какъ предполагать неизвѣстное Дѣеписателю посѣщеніе Іерусалима (— W. M. Ramsay иногда между Дѣян. IX и XI, 30, Веза около Дѣян. XIII, 1, Paley и Rev. Prof. Vernon Bartlet предъ Апостольскимъ соборомъ: (C. Werzsäcker, Das Apost. Zeitalter, S. 2180, Schrader между Дѣян. XIX, 20 и 21) равно не видится и основаній побужденій, коль скоро остающаяся фактическая возможность подкрѣпляется достаточно прочными соображеніями, а это несомнѣнно и съ отрицательной и съ положительной стороны.

При подобномъ пониманіи, повидимому, исключается второй Іерусалимскій визитъ съ помощію отъ Антіохійцевъ голодавшимъ Іерусалимлянамъ, но заявленія даннаго сорта то по пристрастію къ южно-галатійской теоріи, то по недовѣрію къ правдивости книги Дѣяній (Flatt, Rückert, Baumg) съ тенденціозною догадкой, будто Лука измыслилъ эпизодъ по поводу голода либо вполнѣ (Zeller, Hilgenfeld), либо частію, представивъ незаконченное путешествіе завершившимся (Bleek, Ebrard, Neander, Meyer и съ колебаніемъ — Ammon) или изъ одного — на Апостольскій соборъ — фальшиво сдѣлавъ два (De Wette, Schleiermacher, Spitta), — всѣ эти критическія заявленія напрасны и ничуть не требуютъ насильственнаго истолкованія (Oehler, Theile, Schott, Val. Weber) предлага біа въ смыслѣ латинскаго *intra* — "въ теченіи и четырнадцати лѣтъ". Нѣть достаточныхъ причинъ заподозривась (вмѣстѣ съ Zahnp'омъ) подлинность пѣсни, однако нельзя и преувеличивать его энергіи, ибо это нарѣчіе ("опять, снова") не равняется непремѣнно бѣтероу: — для него достаточно простой вторичности, но съ нимъ не менѣе удобно мирится и многократность и въихъ повтореній прежняго. Затѣмъ, и сочетаніе біа съ род. пад. имени не вполнѣ покрываетъ (— вопреки Paulus, Schott и др. —) мета съ вин. пад.: хотя оба они сходны по своей хронологической силѣ — въ указаніи промежутка времени для даннаго случая по сравненію съ раннѣйшимъ аналогичнымъ фактамъ, — при всемъ томъ первое изъ нихъ, приближаясь къ евр. *mikkez* (ср. у LXX-ти Второз. IX, 11: біа тессеракоутх ѡмербю кал тесс ракоутх уукізу) и русскому "чрезъ", выразительно отмѣчаетъ еще особый от-

II. 1. тѣнокъ, что бывшее доселѣ сохранялось за весь названный срокъ безъ колебаній и непрерывно по сію пору (ср. διὰ πάντος Βтороз. V, 29 (26). XII, 28. Іов. III, 18. Прим. Сол. IV, 18. Иса. LX, 21. Іер. XX, 11; διὰ πάντων Μѳ. XXVI, 61. Мрк. II, 1. XIII, 2. XIV, 58. Лк. IX, 37. Дѣян. I, 3), а теперь наступаетъ по-вортъ и выдвигается новыи моментъ. Вся апостольская фраза гласитъ — примѣрно — въ такомъ тонѣ: черезъ четырнадцать лѣтъ, въ продолженіи коихъ все оставалось одинаковымъ по общему соотвѣтствію принятымъ нормамъ предшествующаго Іерусалимскаго визита, я опять пошелъ въ Іерусалимъ, когда совершилась существенная перемѣна, въ свою очередь опредѣлившая будущее. Писатель вовсе не отрицаетъ промежуточныхъ Іерусалимскихъ посѣщеній и, пропуская нѣкоторая изъ нихъ, онъ только свидѣтельствуетъ, что послѣднія совсѣмъ не затрагивали интересующаго предмета, а — напротивъ — формулированное чрезъ три года по обращеніи апостольско-благовѣстническое положеніе Павлово сохранялось за четырнадцать слѣдующихъ лѣтъ безъ всякихъ принципіальныхъ модификацій, и отношеніе всѣхъ разумѣемыхъ сторонъ было тожественнымъ. По этой фактической причинѣ у Апостола не возникало ни малѣйшей нужды перебирать всѣ частные эпизоды рассматриваемаго периода, какъ идейно однообразнаго: не заключая въ своей обособленности индивидуально-отличительныхъ характерныхъ свойствъ по принципіальному достоинству, они не подходили къ авторскимъ цѣлямъ и потому не могли быть злоупотреблены іудействующими врагами ссылкою на сокрытие ихъ, разъ эти факты для всѣхъ были равно безразличны, почему само собою падаетъ и возраженіе (Bleek, Ebrard, Meyer), будто св. Павель выдавалъ бы себя головой своимъ умолчаніемъ, которое было теоретически законно и лишено всякой тенденціозности.

Итакъ: пока ничто не препятствуетъ видѣть во II-ой главѣ Галатійскаго посланія отчетъ, параллельный XV-й главѣ книгѣ Дѣяній, хотя примиреніе ихъ далеко не легко. Здѣсь вся истина, по нашему мнѣнію, будетъ въ томъ, что въ обоихъ рефератахъ сообщается лишь о разныхъ стадіяхъ единаго исторического события и — согласно фразѣ ἀνεθέμην χριστοῖς..., καὶ τίδιαν δὲ τοὺς δοκούσ (Гал. II, 2) — у Дѣписателя о раннѣйшихъ, у Апостола о позднѣйшихъ¹). Получается постепенность открытаго офиціального собранія и частнаго личнаго совѣщанія, какъ и вполнѣ естественно, что интересы общ-

¹⁾ Поэтому и нельзя согласиться съ Prof. Ad. v. Naglack, что у обоихъ идетъ рѣчь обо всемъ соборѣ, но св. Павель даётъ лично заостренный отчетъ, а у Луки выступаетъ „ein f爲r Jerusalem und Antiochien gleich interessierter Mann“ (Die Apostelgeschichte: Untersuchungen, S. 198).

церковные обсуждались прежде индивидуально-миссионерскихъ. II, 1.

Такое распределение моментовъ обязательно логически и достаточно подкрепляется безспорными фактическими данными, которые раскрываютъ солидарность и взаимную необходимость обоихъ описаний. 1) Въ Гал. II, 7—9 апостольство Павла утверждается на реальной благоплодности его миссионерского служения и затѣмъ изъ этой чисто эмпирической истины извлекается уже доминирующей принципъ. Нельзя спорить, что логически правильнымъ былъ бы совсѣмъ обратный ходъ, когда по признанному достоинству прямо требуется и незыблемо ограждается свойственное ему примѣненіе, которое нимало не производить первого, а только подкрепляетъ его, иллюстрируетъ и оправдываетъ его (ср. 1 Кор. IX, 2). Вѣдь теоретически возможно и фактически не рѣдко бываетъ, что узурпаторы и обманщики прекрасно играютъ незаконно присвоенную роль, а легальные носители званія и власти бываютъ плохими и даже преступными исполнителями своихъ несомнѣнныхъ правъ. Апостолъ, разумѣется, понималъ все это и недопустилъ бы предъ лицомъ враговъ столь явной оплошности въ своей отвѣтственной аргументации. Посему отмѣченное нарушеніе идеинаго порядка могло вызываться независимо отъ послѣдняго фактическою послѣдовательностью, въ которой силою вещей напередъ раскрылось качество осуществленія и уже по нему приходилось оцѣнивать дѣйствующій принципъ. Такъ именно и было на Апостольскомъ соорѣ, ибо во время его рѣчи касалась — ближе всего — плодовъ миссии Павловой (Дѣян. XV, 12). Тутъ рефератъ Галатійскаго посланія требуетъ для своего объясненія имѣющихся въ книгѣ Дѣяній извѣстій, которыхъ этимъ самымъ подтверждаются въ своей достовѣрности. Но тоже безусловно справедливо и для Дѣеписательского повѣствованія. 2) Въ немъ достойно вниманія, что раньше св. Павелъ предпринималъ свои миссионерскія путешествія по полномочію Антиохійской церкви (Дѣян. XIII, 1—3), которой и доносилъ о достигнутыхъ результатахъ (XIV, 27), соображаясь съ нею насчетъ дальнѣйшихъ мѣръ (XV, 2—3), а послѣ третьяго Іерусалимскаго визита онъ дѣйствуетъ уже всесѣло по собственнѣй ичиціативѣ и, никого не спрашивая, смѣло и властно приглашаетъ Варнаву: „пойдемъ опять, посѣтимъ братиевъ нашихъ по всѣмъ городамъ, въ которыхъ мы проповѣдывали слово Господне, какъ они живутъ“ (XV, 36). Прямо это не мотивируется у Дѣеписателя Іерусалимскимъ соборнымъ декретомъ, одинаково обязывающимъ всѣхъ вѣрныхъ (Дѣян. XVI, 4), и здѣсь нужень посредствующій актъ, нарочито санкционировавшій апостольскій авторитетъ св. Павла для независимаго благовѣстованія въ мірѣ языческомъ. Это наблюденіе не менѣе рѣшительно вынуждаетъ допустить вторую и позднѣйшую апостольскую конференцію специального характера — лично о св. Павлѣ.

II, 1. При такомъ воззрѣніи поятна будетъ и вся историческая необходимость этого нового разсмотрѣнія. Апостольскій соборъ „по долгомъ обсужденіи“¹⁾ отвергъ юдаистическую мысль насчетъ обязательности обрѣзанія для совершенного спасенія, но этимъ выражалось собственно то, что язычникамъ нѣтъ надобности идти къ христіанству путемъ юдейского прозелитизма: они могутъ непосредственно вступать въ церковь Христову, хотя не возбранялся и методъ юдаистической, какъ пріемлемый и даже наиболѣе утвержденный практикою. Все зависѣло отъ соизволенія заинтересованныхъ лицъ, — и нельзя было съ несомнѣнностью выяснить, гдѣ господствующее правило и гдѣ дозволенное исключение. Скорѣе вѣрно, что первымъ казался юдаистический способъ, а эллинская свобода отъ номистического чистилища являлась лишь приспособительнымъ изъ ітіемъ изъ общаго порядка. Очевидно теперь, что синодальнымъ приговоромъ не отмѣнялись принципіально законническія нормы для христіанства по существу и тѣмъ менѣе провозглашались вредными или излишними. Въ такомъ случаѣ пока нимало не вытекало, что законническія ограниченія ветхозавѣтнаго религіознаго режима потеряли всякую сoteriологическую цѣнность, почему и безъ нихъ всякий языческий обращенецъ бываетъ абсолютно равенъ христіанину изъ юдеевъ и можетъ безпрепятственно достигать даже со участіемъ въ благовѣстничествѣ, какъ было съ чистымъ эллиномъ Титомъ. По связи съ послѣднимъ, олицетворявшимъ всю языческую миссію, для св. Павла вопросъ шелъ объ окончательномъ упраздненіи номизма въ самой жизни христіанской. Тутъ онъ былъ еще сохраненъ соборнымъ определеніемъ для юдео-христіанъ по условіямъ исторической педагогіи, но эллинская миссія Павлова фактически созидалась на совершенномъ отверженіи номизма и для догматической прочности требовала принципіального рѣшенія, — конечно, — со стороны однихъ тѣхъ лицъ, которая единственно компетентны въ сужденіи о существѣ христіанской истины и о ея фактическомъ закрѣплѣніи среди людей. Отсюда мы видимъ, что у св. Павла была особая нужда, важная и лично для него самого и для самой судьбы христіанского оглашенія. Естественно, что онъ постарался выяснить этотъ предметъ точно и Апостолы нашли необходимымъ отвѣтить специально, а юдействующіе враги употребили все стремительное усердіе для своего торжества. Понятно, что для сего и устроено было нарочитое, не публичное²⁾ „стязяніе“ съ одними „знамени тѣйшими“ по минованіи общихъ совѣщаній.

1) Это выраженіе Дѣян. XV, 7, однако, ничуть не утверждаетъ что тогда были „Mann gegen Mann und Glaube gegen Glaube“, какъ говорить † Prof. C. Weizsäcker, Das Apostolische Zeitalter, S. 2168.

2) Для Гал. II, 2 см. въ 2 Макк. IV, 5 противоположеніе

Несомненно отсюда, что между Деян. XV и Гал. II нетъ противоречия, ибо, касаясь разныхъ стадий въ цѣломъ событий, они не могутъ быть ни тожественными, ни взаимоисключающими, но лишь согласующимися въ главномъ и важнѣйшемъ, какъ это и открывается при безпристрастномъ анализѣ¹⁾. Не менѣе очевидно и необычайное значение разбираемаго эпизода въ личной исторіи Павловой, если здѣсь затрагивался самый жизненный нервъ ея и предопредѣлялось все будущее эллинскаго миссионерства. Поэтому для путешествія въ Іерусалимъ отмѣчается въ Галатійскомъ посланіи и особый мотивъ вѣнчнаго откровенія божественнаго (Гал. II, 2), которымъ Апостолу внушено было свыше, что, исполняя порученіе Антіохійцевъ²⁾, онъ получитъ авторитетное удовлетвореніе и личныхъ миссионерско-благовѣстническихъ запросовъ. Они описываются во фразѣ съ оттенкомъ непрямого вопроса: μή πως³⁾ εἰς χειρὶ τρέχω ἐδραμού, да не како вотще теку

καὶ καὶ καὶ τινὶ и ср. въ Деян. XX, 20 δημοσίᾳ καὶ καὶ σχοῖς.

¹⁾ Другой способъ соглашенія предлагаетъ Prof. Ad. v. Nagelack (Die Apostelgeschichte, S. 188 ff.), который, принимая выводы G. Resch'a junior (Das Aposteldekret nach seiner ausserkanonischen Gestalt въ „Texte und Untersuchungen“ XXVIII, 3, Leipzig 1905), утверждаетъ, что апостольский декретъ — исключительного этическаго содержанія (см. и Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 308), почему въ Гал. II и Деян. XV мы ищемъ два „совершенно самостоятельныхъ реферата: одинъ — Павла, другой — человѣка, равно заинтересованнаго въ Іерусалимѣ и Антіохіи“ (S. 198). Но 1) для сего необходимы слишкомъ большія изменения Дееписательского текста и 2) чѣмъ они существеннѣе, тѣмъ сильнѣе будетъ контрастъ между цѣллю Апостольскаго собора и его результатомъ, что Апостолы и пресвитеры собрались для разсмотрѣнія того, правда ли, что безъ обрѣзанія по обряду Монсееву нельзя спастись и должно ли обрѣзывать язычниковъ и запрѣдывать имъ соблюдать законъ (Деян. XV, 1, 2, 5, 6), а въ концѣ концовъ ограничились общими моральными нормами, совершенно умолчавъ о самомъ главномъ. Это абсолютно невѣроятно по самоочевидной неестественности, и потому надо согласиться, что въ декретѣ приводятся немногія легалистическая превила, избранныя по ихъ моральной пригодности для интересовъ чистой христіанской миссіи.

²⁾ Посему это есть не одно внутреннее убѣжденіе, что таковъ воля Божія (какъ утверждаетъ Prof. C. Weizsäcker, S. 2148), хотя вообще Апостолъ имѣлъ „Духа Божія“ (1 Кор. IX, 7), какъ объективный факторъ.

³⁾ Въ этомъ смыслѣ для μωὴ πως см. Prof. Th. Zahp., S. 82,₂.

- II, 2.** или *текохъ*. Настоящее время глагола (*теку*) указываетъ всегдашнее и неизмѣнное начало подвига Павлова (ср. 1 Кор. IX, 26), а прош. несоверш. (*текохъ*) отмѣчаетъ частные факты его практическаго осуществленія въ прошломъ. Св. Павель желалъ имѣть категорическій отвѣтъ относительно того, правильно ли онъ исповѣдывалъ и избиралъ миссіонерское направлѣніе и точно ли его держался въ своемъ фактическомъ служеніи. Но по нормальной логикѣ тутъ оба момента должны были совпадать между собою, когда принципъ выражается въ соотвѣтственныхъ актахъ и оправдывается ими въ своей дѣйствительности. Столь строго формулируемое раздѣленіе свидѣтельствуетъ, что въ данномъ случаѣ (кѣмъ-то) не допускалось такого согласія, почему возможно было недоумѣніе и насчетъ заправляющихъ идеаловъ и касательно внѣшнихъ обнаружений. Осужденіемъ первыхъ, конечно, порицались и вторыя, но практическія реализаціи ничуть не ограждались во всѣхъ своихъ формахъ истинностю принципіальныхъ мотивовъ, ибо мыслимо теоретически и бываетъ не рѣдко фактически, что при конкретномъ воплощеніи извѣстной аксіомы происходять уклоненія и нарушенія, иногда достигающія въ своемъ развитіи чуть не до степени контраста. Практика слишкомъ часто ломаетъ идею. Естественно, что несомнѣнность апостольскаго достоинства —сама по себѣ— далеко еще не аппробируетъ благовѣстническаго служенія Павлова въ его подлинныхъ, реальныхъ свойствахъ, которые могли быть совсѣмъ скверными и даже преступными. Этимъ выдвигалась для спеціального испытанія новая задача: выдерживается ли въ миссіонерской работѣ и оправдывается ли ею тотъ верховный принципъ, какой уже былъ признанъ „предними“ Апостолами по вниманію къ апостольскому избранію св. Павла? Въ результатѣ получилось бы освященіе всего миссіонерскаго метода Павлова — при положительномъ отвѣтѣ, либо его прямое отрицаніе, когда и догматическая основа то утверждалась незыблемо, то отвергалась безвозвратно. Тутъ заключалось своего рода „быть или не быть“ для самого апостольства Павлова и для всей эллинской миссіи. Столь роковое недоумѣніе было заявлено къ благовѣстованию, примѣнявшемуся при проповѣди среди язычниковъ (II, 2), — и его особенная сила раскрывается упоминаніемъ
- II, 3.** Тита (II, 3). Видимо, послѣдній не принадлежалъ къ числу „нѣкихъ другихъ“, отправленныхъ Антіохійцами съ Павломъ и Варнавой на Апостольскій соборъ (Дѣян. XV, 2), поелику онъ не былъ посланъ изъ Антіохіи, а его — сверхъ официальной свиты — „взялъ съ собою“ самъ Апостолъ (Гал. II, 1: συμπαρχόντιν χαλ. Τιτ.) въ качествѣ личнаго довѣренного спутника (ср. Дѣян. XV, 37: Βαρυάρχος δὲ ἐψοῦλ. (σε)το συμπαραλαβεῖτι (κα!) τὸν Ἰωάννην τὸν χαλούμενον Μάρκον) и, разумѣется, не безъ нарочитыхъ цѣлей, предполагаемыхъ и спеціальнымъ участіемъ верховнаго откровенія. Объ этихъ намѣреніяхъ мы

не безъ права можемъ догадываться по ближайшей характеристику Тита. Первѣе всего, это бѣн ёмо!, и же со мною (II, 3), но для пребыванія его съ Павломъ въ Іерусалимѣ та- II, 3. кая замѣтка совершенно излишня по несомнѣнности факта, за- свидѣтельствованного выше (II, 1). Посему мы должны при-знать, что данною фразой подчеркивается внутренняя нераз-рывность названныхъ лицъ, когда второй всегда бываетъ со-присущимъ первому и неразрывнымъ отъ него. Въ этомъ смы-слѣ Титъ быль какъ бы двойникомъ св. Павла, его ближай-шимъ помощникомъ на миссионерскомъ поприщѣ, неоспоримо авторитетнымъ, хотя и вторичнымъ, носителемъ Евангелія Хри-стова по доктринальному исповѣданію и миссионерскому при-мѣненію. Но — съ другой стороны — онъ и "Еллѹ ѹу, ел-липъ сый, неизмѣнно сохранявшій свое эллинское отличіе, какое типически отдѣляло его отъ другихъ съ религіозной точки зрењія, а тутъ характерною является лишь полная непри-частность къ номізму со всею его ритуальною практикой. Слѣ-довательно, Титъ быль чистѣйшій язычникъ, совсѣмъ не вѣ-давшій ига Моисеевыхъ заповѣдей. Это сочетаніе гласило, что эллинизмъ, не нуждаясь въ обрѣзаніи для полноты своего хри-стянского достоинства, не закрываетъ пути и къ высшимъ степенямъ благовѣстничества. Этимъ живымъ примѣромъ іуда-истической ограниченія уничтожались окончательно для хри-стянства вообще, а для миссионерства санкционируется безъзъ-ятное торжество благодати Христовой.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Титъ былъ яркою, неотра-зимою иллюстраціей всесовершенной независимости Евангелія Христова по методу Павлову. Ясно, что исключительно къ это-му пункту должны направляться и всѣ рѣчи о Титѣ, что онъ, какъ вѣрный павлинистъ принципіально не подчинялся іуда-истическимъ нормамъ въ своемъ христіанскомъ бытіи. Послѣд-нее становилось вполнѣ абсолютнымъ и всецѣло свободнымъ. Но правъ ли здѣсь св. Павелъ? — для рѣшенія этого вопро-са было недостаточна общаго соборнаго декрета, ибо всѣ христіа-не, даже іудаисты, принимали, что Евангеліе назначено и для языч-никовъ, но касательно способовъ дѣйствія возможны были и встрѣчались разныя мнѣнія. Теперь естественно и совѣщаніе съ одними "занеменитѣшими" (II, 2), гдѣ Апостоль языковъ одержалъ совершеннѣйшую победу, поскольку Титъ не былъ принужденъ обрѣзаться (II, 3), а это предполагаетъ активнаго давленія. Послѣднія исходять отъ іудействующихъ, потому что именно имъ и не покорился тогда писатель (III, 5). Для такого энергического¹⁾ отказа (II, 4) были у него всѣ неоспоримыя II, 4.

¹⁾ Это подчеркивается и адверсативнымъ бѣ, которое несомнѣнно указываетъ, что тутъ начинается новый періодъ († Prof. Zahn, S. 88), почему нельзя стихъ 4-й связывать съ предшеству-

II. 4. причины: 1) эти люди суть феудадёлфы, лжебратья и — значит — ложно усвояютъ себѣ братскую солидарность съ истинно вѣрующими чадами Божіими (ср. 2 Кор. XI, 26), которые вполнѣ законно отвергаютъ ихъ партійно-лицемѣрныя требованія (ср. феудатъствомъ 2 Кор. XI, 13) и вообще не считаются съ ними въ своемъ христіанскомъ устроеніи и поведеніи; 2) не принадлежа внутренно къ христіанско-братской средѣ, они могутъ проникать туда безъ легальной надобности (ср. Рим. V, 20) лишь тайно, подъ фальшивою маской, и потому съ коварными намѣреніями, какъ злостные шпіоны, желающіе внести туда пагубную дезорганизацію (для парасхѣтъ ср. 2 Петр. II, 1) съ эгоистическими цѣлями, чтобы секретно высмотретьъ (ср. Нав. VI, 22—25. XIV, 7) и уничтожить все ненавистное для нихъ, а 3) христіанское братство отличается благодатною свободой, которую всѣ члены имѣютъ во Христѣ Іисусѣ, являясь по силѣ единенія съ Нимъ солидарными дѣтьми Небеснаго Отца; понятно, что номисты, будучи рабами закона, шпіонски выслѣживаютъ именно эту привилегію, чтобы парализовать ее совсѣмъ и поработить христіанъ не столько себѣ, сколько наравнѣ съ собою, поставивши всѣхъ въ одинаково рабское положеніе законническихъ подневольниковъ.

И эти замыслы были бы достигнуты рѣшительно, еслибы живой носитель Павловыхъ принциповъ — Титъ — былъ принужденъ къ обрѣзанію апостольскимъ приговоромъ. Однако темные соглядатаи потерпѣли окончательный крахъ, а тогда ясно, что и подготовлявшагося ими акта въ отношеніи Павлова двойника не случилось. Этимъ расчищается почва для

II. 5. оцѣнки разногласій касательно начала 5-го стиха, гдѣ всѣми критическими издателями принято *οἰς οὐδὲ*, но немало ученыхъ желаютъ изъять отрицаніе и тѣмъ утверждаютъ, что св. Павелъ „на честь“ все-таки уступилъ іудаистамъ. Материалы по этому вопросу за новое время объективно собраны и освѣщены проф. Т. Цаномъ (*Der Brief des Paulus an die Galater, S. 287—296*), который констатируетъ слѣдующія вариаціи: 1) πρὸς ὥρχυ (безъ *οἰς οὐδὲ*), 2) οὐδὲ πρὸς ὥρχυ, 3) *οἰς πρὸς ὥρχυ* (безъ *οὐδὲ*), 4) *οἰς οὐδὲ πρὸς ὥρχυ*. Но какіе бы авторитеты ни приводились за всѣ эти редакціи, — первую и вторую изъ нихъ надо считать сокращеніями третьей и четвертой, выпускающими бывшее до нихъ *οἰς*. Дѣжалось это по отвлеченнымъ грамматическимъ соображеніямъ, чтобы стала нѣсколько болѣе правильною апостольская фраза, являющаяся весьма запутанной¹⁾.

юшимъ, опуская δέ (напр., блаж. Феодоритъ, Творенія VII стр. 382; еп. Феофанъ, стр. 2133—134), ибо для такого изъятія нѣть текстуальныхъ оснований.

¹⁾ Но вѣдь это совсѣмъ не резонъ, ибо самъ же Prof. Th. Zahn (S. 89) констатируетъ рѣвкій анахолуеъ въ ст. 6-мъ.

Тутъ не было текстуальной принудительности въ существую- II, 5.
 щихъ свидѣтеляхъ, если первую форму Тертулліанъ старает-
 ся обосновать „чисто діалектическимъ способомъ“ (S. 294).
 Тоже вѣроятно и для второй разновидности, ибо она проек-
 тируется собственно по намекамъ Тертулліана и иногда прямо
 называлась греческимъ изобрѣтеніемъ (S. 288—289). По всему
 изложенному нѣтъ надобности обсуждать всѣ четыре редак-
 ционные оттѣнка, поскольку вся важность лишь въ удержаніи
 или опущеніи отрицательного *обѣдѣ*. Но здѣсь наиболѣе рѣшаю-
 щимъ является то наблюденіе, что отрицательное построение
 гарантируется греческими авторитетами, а положительное —
 почти исключительно латинскими, о чмъ категорически говорить
 блаж. Єронимъ (стр. 38). Лишь чисто теоретическими
 соображеніями обеспечивается догадка, будто первое утверж-
 даетъ одновременное существование второго (S. 288), которое
 было изначальнымъ въ латинской Біблії (S. 291), но на это
 нѣтъ фактическихъ данныхъ. Между тѣмъ безспорно, что не-
 гативная конструкція извѣстна со временъ Маркіона (около
 150 г.) не въ качествѣ его личной корректуры, а какъ обще-
 принятое церковное чтеніе (S. 288), бывшее таковымъ и для
 св. Иринея (около 185 г.) и для Тертулліана. При подобныхъ
 текстуальныхъ условіяхъ мы не имѣемъ научнаго права идти
 противъ объективныхъ фактovъ. Только чрезвычайная логи-
 ческая принудительность могла бы склонить къ отступленію
 вопреки всѣмъ текстуально-критическимъ нормамъ, однако, при
 внимательномъ разсмотрѣніи получается совсѣмъ обратное. Въ
 этомъ случаѣ и древніе и новые комментаторы проповѣдуютъ,
 что разумѣемое „краткое“ подчиненіе св. Павла іудаистамъ от-
 носится не къ Апостольскому собору, съ которымъ связывается
 единственно исторія Тита, какъ этому же помогаетъ и изъ-
 ятие *obс.* При этомъ все предшествующее будетъ принадле-
 жать именно къ эпизоду съ Титомъ. Тогда выйдетъ, что по-
 слѣдній не былъ обрѣзанъ въ Іерусалимѣ специльно изъ-за
 іудаизующихъ, чтобы они не смѣли коварно трубить о своей
 торжественной победѣ надъ Павломъ предъ лицемъ „знамени-
 тѣйшихъ“, а для всѣхъ было ясно, что истина непреодолима
 и не допускаетъ ни малѣйшихъ сдѣлокъ. Эта политика правдо-
 подобна и принципіально и для миссионерскихъ пріемовъ Пав-
 ловыхъ. Но при этомъ толкованіи будетъ совсѣмъ непонят-
 нымъ и даже страннымъ соглашательство апостольское, хотя
 бы и кратковременное. Чѣмъ бы мы тамъ ни предполагали, —
 всегда будетъ получаться, что эллинскій благовѣстникъ до-
 пускалъ уступки ради приспособленія къ іudeямъ и іудаизую-
 щимъ. Не есть ли все это прямо вопиющее противорѣчіе и
 мыслимо ли оно въ евангельски непреклонномъ на этотъ
 счетъ (Гал. I, 10) Апостолѣ языковъ? Правда, въ книгѣ Дѣя-
 ний сообщаются о немъ данныя обратнаго свойства, и надо бы-
 ло ихъ просто освѣтить согласно собственнымъ апостольскимъ

II, 5. словамъ. Не отсюда ли и возникли всѣ соотвѣтственныя текстуальныя корректуры и примирительныя толкованія? Если „да“, то они всѣ одинаково неудачны и не могутъ быть аргументированы убѣдительно. Прежде всего, грамматическая конструкція нимало не позволяетъ допускать хронологическое расстояніе между рѣчью о Титѣ и о временныхъ уступкахъ, о которыхъ — въ крайнемъ случаѣ — надо было сказать раньше, а ничуть не послѣ. Затѣмъ, по логической ассоціаціи весьма непонятно, какъ подчиненіемъ чему-либо не вполнѣ истинному можно обеспечить практическое господство для истины, когда въ результатаѣ было принять совершенно противоположный *modus agendi* (ср. Гал. I, 10)?... Наконецъ, и конкретныя сближенія этого рода болѣе, чѣмъ сомнительны. Одни думаютъ, что подчиненіемъ именно было путешествіе св. Павла на Апостольскій соборъ и участіе въ немъ, когда самъ онъ считалъ кардинальный вопросъ — о христіанской свободѣ — не подлежащимъ никакому обсужденію¹⁾. Но дозволительна ли какая-либо рѣчь объ уступчивости іудаистамъ со стороны Павла, если онъ пошелъ въ Іерусалимъ по откровенію? Другіе относятъ анализируемую фразу къ случаю Тимофеемъ и другимъ подобнымъ фактамъ миссіонерской приспособительности Павловой. Тутъ мы изъ раннѣшаго периода перескакиваемъ въ позднѣйшій, показывая отсутствіе фактической обоснованности и вовсе не приобрѣтая ничего цѣннаго для пониманія интересующаго пассажа. Во всѣхъ предполагаемыхъ примѣрахъ не было блата²⁾, или подчиненія обязательному авторитету (ср. 2 Кор. IX, 13; 1 Тим. II, 11; III, 4), а лишь благовѣстническое примѣненіе неизмѣннаго принципа, не терпящаго ни малѣйшихъ пожертвованій имъ, но повелительно требующаго отъ каждого испочѣдника благоразумнаго использованія ради спасительныхъ цѣлей³⁾. Возможны ли и здѣсь трактaciи объ апостольской аккомодативности іудействующимъ? Очевидно, нѣтъ, и потому всѣ документальные и кемн-текстуальные мотивы требуютъ принятія отрицательной конструкціи въ началѣ 5-го стиха.

Въ немъ констатируется, что іудействующіе шпіоны хотѣли выиграть свою побѣду, заставивъ обрѣзать апостольского спутника, „еллина“ Тита, когда обнаружилось бы фактиче-

¹⁾ Ср., напр., у блаж. Еронима, Творенія XVII, стр. 38—41.

²⁾ См. св. И. Златоустъ (*Migne gr. LXI, col. 632; Творенія X, стр. 753—754*): „тамъ, где не было вреда для благовѣстія, онъ (Павелъ въ отношеніи іудейскихъ обычаевъ) являлся уступчи- вѣ вѣхъ; где же онъ видѣлъ, что отъ уступчивости произой- деть для некоторыхъ вредъ, онъ не пользовался этимъ преизбыт- комъ смиренія, потому что это уже не значило бы быть смирен- нымъ, но погублять и развращать наставляемыхъ“.

ски, что одной благодати недостаточно для христіанского совершенства. Но св. Павель предусмотрѣлъ эту злостно-опасную сторону и не уступилъ вражескому напору вторгнувшихся соглядатаевъ (*εἰς*) ни на единое мгновеніе (*νοցει τομέντο*; ср. 2 Кор. VII, 8. Филим. 15. Ін. V, 35. 1 Фесс. II, 17), охраняя самое существо Евангелія, или ту истину его (*η ἀλήθεια τοῦ εὐαγγελίου*), которая въ немъ только и заключается и безъ которой само оно уже не будетъ истиннымъ (II, 5). Слѣдовательно, это есть нѣчто божественно непреложное и повсюду обязательное всегда для всѣхъ, — въ томъ числѣ, конечно, и для Галатовъ, но всего менѣе лишь для нихъ однихъ. Тогда изъ цитованной фразы нельзя выводить, что Апостолъ разумѣеть провозглашенное еще до Апостольского собора благовѣстіе, почему читатели были южно-галатійцами¹⁾. Между тѣмъ рѣчь ведется принципіальная и говорить о *неизмѣнномъ* и *неповрежденномъ* сохраненіи (*διαμεριζοῦ*) подлинной Евангельской истины всѣми, когда бы и кто бы ее ни получилъ. Слѣдовательно, и о Галатахъ свидѣтельствуется не болѣе того, что они, уже имѣвшіе тогда истинное Евангельское благо, должны были соблюдать его въ томъ видѣ, въ какомъ все это было обеспечено св. Павломъ при описанномъ свиданіи со „*знаменитѣйшими*“ въ Йерусалимѣ²⁾. А оно заключалось въ томъ, что свобода во Христѣ есть необходимѣйшее и главнѣйшее свойство Евангелія Христова. Естественно, что тутъ недопустимы улучшающія добавленія, хотя бы и со стороны „*мнимыхъ столповъ*“. При томъ и вообще въ дѣлѣ Божіемъ частные человѣческія отличія бывають вполнѣ безразличными, ибо тамъ все отъ Бога, а Онъ нелицепріятенъ, не руководится личными особенностями³⁾, принамая ихъ за основу своихъ рѣшеній и дѣйствій (II, 6). Понятно, что этимъ не отрицаются историческія преимущества у „*предникъ*“, которые нѣкогда были тѣмъ, чего лишенъ былъ Павель³⁾, но это не составля-

¹⁾ Въ пользу сего Prof. T. h. Zahip (S. 94) указываетъ на *πρὸς μᾶς*, какъ, яко бы, выражающее собою состояніе покоя въ раннѣйшей позиціи, но вѣрнѣе совсѣмъ обратное, и во всякомъ случаѣ энергичность тутъ не ниже активнаго оттѣнка „*въ отиошнѣи васъ*“.

²⁾ Ср. Второз. X, 17: *ὅτε δὲ... οὐ θαιράζει πρόσωπαν*. Еврейское *nasa panit* значить: поднимать у кого-либо лицо, чтобы видѣть, разсмотрѣть.

³⁾ Уже по этому нельзя принять такую „мысль: прежде они думали, что нуженъ законъ, а теперь уже перестали такъ думать“ (Экум.), въ чемъ у меня съ ними нѣтъ разности“ (еп. Феофанъ, стр. 2142). Въ чемъ же бы тогда заключалась ихъ „*знаменитость*“? Или она была „*мнимая*“? Но вѣдь *οἱ δοκούστες ἀρχεῖν τῶν ἐθνῶν* Мрк. X, 42 передается у Мф. XX, 25 и Лк. XXII, 25 *οἱ ἀρχούστες τῶν ἐθνῶν* и *οἱ βασιλεῖς τῶν ἐθνῶν*.

- II, 6. етъ существеннаго различія теперь, когда онъ является Апостоломъ и всѣ благовѣстники равны по апостольству. Ясно, что разумѣется самовидчество „знаменитѣйшихъ“ въ непосредственномъ общеніи съ Господомъ Спасителемъ въ періодѣ Его земной жизни. Св. Павель ничуть не отвергаетъ этого факта, но не допускаетъ юдаистическаго преувеличенія названной исторической черты, будто этимъ дается „преднимъ“ самодержавное преобладаніе и предъ нимъ, какъ предъизбраннымъ и бого посланнымъ Апостоломъ Христовымъ¹). Напротивъ, для самаго благовѣстническаго достоинства это есть нѣчто времененное, „бывшее“ и минувшее въ своемъ хронологическомъ пре восходствѣ, слѣдовательно — совсѣмъ преходящее, чуждое всегдашней и обязательной для другихъ силы. Вполнѣ нормально, что Єрусалимскіе вожди, въ свою очередь, тоже не нашли въ этомъ опоры для властнаго возвышенія надъ своимъ равноправнымъ собратомъ съ возложеніемъ на него добавочныхъ требованій²), когда онъ явился бы несовершеннымъ и нуждающимся въ новыхъ еспомогательныхъ средствахъ для достиженія истинной благовѣстнической высоты. Это значило бы, что св. Павель не достаточень по сравненію съ „предними“ въ самомъ своемъ апостольскомъ достоинствѣ, а уже было констатировано совсѣмъ обратное. Поэтому дискредитированіе Павлово могло быть только коварнымъ и не имѣло надежды на успѣхъ у прямыхъ выразителей воли Божіей. Псѣднаго результата страстно желали юдействующіе шпіоны,— и тѣмъ позорнѣе было для нихъ окончательное пораженіе.
- II, 7. Случилось прямо противное глокозненнымъ замысламъ (II, 7). „Предніе“ убѣдились, что — по авторитетному и непреложному довѣрію — св. Павлу поручено неотъемлемо (*πέπιστας*) благовѣстіе Христово, и онъ есть уполномоченный строитель таинъ Божіихъ со специальную миссіей проповѣдника для не обрѣзанія, которое со стороны воздействиа на него спасающей благодати оказывается тожественнымъ съ обрѣзаніемъ. Отсюда неосторожно и его всецѣлое совпаденіе (*χαρᾶς*) со св. Петромъ, каковой фактъ энергически выдвигается потому, что Кифа былъ первѣйшимъ представителемъ миссионерства въ Израилѣ и онъ же смѣло и прежде другихъ переходилъ его границы³). Тутъ не было ни малѣйшаго лицепрѣятнаго при-

¹⁾ Уже эта связь показываетъ, что въ Гал. II, 6 подъ „бывшими нѣкогда“ безусловно нельзя разумѣть юдействъ, яко бы пользовавшихся благовolenіемъ и покровительствомъ „знаменитѣйшихъ“, какъ допускается у Val. Weber'a безъ всякихъ серьезныхъ основаній и побужденій. Ср. „The Journal of Theological Studies“ III, 12 (Janvагу, 1902), р. 633—634.

²⁾ Ср. Хеп. Мет. II, 1:8 *προσχυέσθαι τι —* _взложить новую тяжесть, добавочное (излишнее) бремя.

³⁾ Отсюда ясно, насколько являлось важнымъ для св. Павла

страстія, а все покоилось на осязательныхъ данныхъ, поскольку говорится о видѣніи чегото исторически совершившагося (*ιδόντες*), а это требуетъ для себя объективныхъ фактовъ, доступныхъ общему наблюденію и точному изслѣдованію. Эти фактическія оправданія изображаются (II, 8) въ качествѣ однакового результата содѣйствія Божія іудейскому и эллинскому благовѣстованію, гдѣ обязательно содружество двухъ силъ — чрезвычайной и постоянной, поддержанной божественнымъ „спостѣществованіемъ“. Но послѣднее принципіально и практически всегда бываетъ активнымъ, а при единствѣ суммы будутъ совпадающими и вторая слагаемая ея. Значитъ, къ равному ординарному фактору приводить столь же равный необычный агентъ. Теперь понятно и свойство получаемыхъ отсюда данныхъ, ибо такое сочетаніе необходимо должно было сопровождаться экстраординарными явленіями, превышающими повсюдный нормальный уровень. Тогда передъ нами будетъ нѣчто чудесное, для всѣхъ видимое и неотразимое. Въ этомъ отношеніи между Петромъ и Павломъ, дѣйствительно, усматривается равенство миссионерского опыта и успѣха. Въ Кесаріи „вѣрующіе изъ обрѣзанія изумились, что даръ Святаго Духа излился и на язычниковъ“, а Симонъ на это замѣтилъ (Дѣян. X, 45, 47): егда воду можетъ возбранити кто, еже не креститися симъ, иже Духъ Святый пріяша, яко же и мы? Этимъ сердцевѣдецъ Богъ нарочито и ясно засвидѣтельствовалъ, что Онъ не положилъ никакого различія между ими и тѣми (Дѣян. XV, 7—9). Тутъ у св. Петра были специальныя божественные удостовѣренія законности и правильности христіанской проповѣди въ пользу свободы для эллиновъ, но и Павелъ съ Варнавою рассказывали о поразительныхъ „знаменіяхъ и чудесахъ“ Божіихъ во языцѣхъ за время своего миссионерского прошлага. Это были неотразимыя та^к сущест^ввъ тоб^и ἀπօστολοι, являемыя єв^н сущест^ввъ та^к бунтар^и (2 Кор. XII, 12). Углубляясь дальше въ существо этихъ фактическихъ наблюдений, нельзя было не убѣдиться и въ равноцѣнномъ достоинствѣ регулярнаго фактора апостольского благовѣстничества. Если итогъ условливается двумя двигателями, изъ которыхъ сверхъестественный всегда солидаренъ, то и другой долженъ быть не менѣе единимъ, чтобы получался согласный эффектъ. Посему даже ариѳметически несомнѣнно, что совершенное сходство простирается и на вспомоществуемую свыше апостольскую энергию (II, 9).

II, 8.

II, 9.

сближеніе его съ Апостоломъ Петромъ и какъ оно согласуется съ предшествующею аргументацией (Гал. I, 18), а потому въ самой основѣ невѣренъ тезисъ книжки Е. Вагліса, *Der nichtpaulinische Ursprung des Parallelismus der Apostel Paulus und Petrus* (Galater 2, 7—8), Kiel 1931.

II, 9. Для „преднихъ“ она была въ данной имъ и дѣйствующей че-резъ нихъ благодати Божіей, которая будеть въ полной мѣ-рѣ несомнѣнно и во св. Павлѣ, какъ всегда пребывающая въ немъ и неизмѣнно присущая его благовѣстничеству въ ка-чествѣ равнаго съ Петровымъ дара Божія. Но разъ исключи-тельно благодатнымъ соучастиемъ обоихъ отмѣченыхъ эле-ментовъ предрѣшаются и важность и благоплодность евангель-скаго подвига всѣхъ посланниковъ Христовыхъ, — въ такомъ случаѣ и Апостолъ языковъ оказывается на ряду съ „мнимы-ми столпами“. Уже въ силу этого опыта познанія одобрение ихъ слѣдовало теперь неизбѣжно, и оно непрекращаемо со всѣхъ сторонъ, ибо исходило отъ Іакова, Киѳы и Іоанна.

Подъ первымъ разумѣется, конечно, вышеупомянутый „брать Господенъ“, но если тамъ это отличие не давало ему преимущества передъ Апостоломъ Петромъ, то и здѣсь пер-вое мѣсто могло принадлежать ему лишь по званію главы Іерусалимской первохристіанской общинѣ¹⁾. Это была церковь-матерь, откуда начиналось, отправлялось и пока регулирова-лось всякое благовѣстіе по распространенію Евангелія во все-ленной. Въ этомъ смыслѣ Іаковъ своимъ благословеніемъ санкционировалъ теоретически-догматическую законность хри-стіанскаго проповѣдничества въ мірѣ языческомъ, удостовѣ-ряя историческую благовременность привлечения его въ сферу благодатнаго озаренія. Петръ былъ главнѣйшимъ представи-телемъ оглашенія во Израилѣ и въ этомъ званіи, специально отмѣчаемомъ у писателя посланія арамейскимъ именемъ Кифа, могъ свидѣтельствовать жизненную потребность такого благо-вѣстническаго расширенія. Здѣсь ограждались принципъ и практика эллино-христіанской миссіи, но доколѣ еще не было опредѣлено и оцѣнено фактическое качество ея Павлова примѣ-ненія по масштабу пропорціональности реального и идеальна-го. Будучи орломъ богословія и „зрителемъ небесныхъ откры-веній“ и всюду подмѣчая всѣ соотношенія со стороны гармо-нии или контраста, — св. Іоаннъ былъ особенно способенъ ка-тегорически констатировать совпаденіе идеи и факта и окон-чательно утвердилъ незыблемость благовѣстническаго метода Павлова.

Необходимымъ резултатомъ признанія эллино-христіан-скаго апостольскаго служенія являлась взаимная солидарность въ самой благовѣстнической дѣятельности, — и „знаменитѣй-ши“ подали пришельцу свои десницы въ знакъ и въ удосто-вѣреніе внутренней солидарности²⁾ ихъ для фактическаго со-

¹⁾ Посему правильно подчеркиваетъ Prof. Th. Zahp (S. 103), что если бы Іаковъ былъ Апостолъ изъ XII-ти,—данный въ по-сланіи порядокъ былъ бы непонятенъ.

²⁾ См. Lic. Heinrich Seesemann, Der Begriff Koinonie im Neuen Testament (Giessen 1933), S. 86—87.

участія¹⁾) на этомъ поприщѣ. Это — общность не отвлеченной симпатіи, а взаимного практическаго содѣйствія. Но послѣднее мыслимо и бываетъ реально лишь при раздѣльности, а не при единстве. Поелику же насчетъ достоинства господствовало у всѣхъ именно второе, то и названная взаимность отсылаетъ къ миссионерскому осуществленію, какъ должно думать и по упоминанию Варнавы, который сближался со св. Павломъ только въ активной миссионерской работе. Затѣмъ уже ясно, что — при равноправности миссионерскаго подвига — различие въ немъ можетъ быть лишь въ примѣненіи единой силы къ разнымъ объектамъ, хотя съ одинаковымъ для миссіи успѣхомъ. Теперь естественно и временное обособленіе, — чтобы одни шли къ язычникамъ, другіе къ обрѣзаннымъ, — и понятенъ его основной этнографической характеръ ограниченія, но ничуть не географический, ибо рѣчь идетъ о живой благовѣстнической дѣятельности въ живой воспріемлюющей средѣ, каково не можетъ быть страха безъ соответствующаго населенія. Видимо, говорится о приложеніи благодатной энергіи къ тѣмъ или инымъ пунктамъ — съ преимущественнымъ представлениемъ²⁾ св. Павлу эллинизма, „преднимъ“ — народа юдейскаго (II, 9), — впрочемъ, безъ всякихъ запретовъ насчетъ вторженія въ иные области: тогда послѣдняя были бы для извѣстнаго благовѣстника чужими, а этого не можетъ быть ни для благодати Христовой, ни для ревности апостольской.

Открытымъ и торжественнымъ благословеніемъ миссіи языческой Іерусалимскіе вожди уже выразили эллинскому благовѣстнику свое общеніе въ самой благотворной формѣ, избавивъ его отъ всякихъ нареканій клеветы и злобы и чрезъ это расчистивъ ему путь для безпрепятственности въ миссионерской работе. Со своей стороны и Апостолъ языковъ отвѣчалъ пока единственно доступнымъ для него способомъ вспомоществованія бѣдному братству Іерусалимскому (II, 10). Тутъ онъ II, 10. не просто благотворилъ, но дѣйствовалъ вполнѣ точно въ духѣ установленнаго соглашенія (*χρήστὸς τοῦτο, σίε ιστος;* ср. 2 Петр. I, 5. 2 Кор. II, 3. VII, 11. Филипп. I, 6. Рим. IX, 17. XIII, 6. 1-Кор. IV, 17 у WH Nestle и v. Soden. 2 Кор. V, 5. Еф. I, 22. Кол. IV, 8)³⁾ и своими милостынными приношеніями свидѣтельствовалъ⁴⁾ неразрывную братскую солидарность, какъ

¹⁾ Ср. 3 Макк. IV, 6 . . . πρὸς βίου κοινωνίαν . . . „недавно сочтавшися къ житію сообщенію“.

²⁾ Ср. блаж. Геронимъ, Творенія XVII, стр. 45.

³⁾ Значитъ, нельзя относить μνεῖν ко всему предшествующему, какъ еслибы это было нечто сверхъ того, но противъ такого пониманія † Prof. Th. Zahnpа (S. 105) см. Br. C. J. Elliott, St. Paul's Epistle to the Galatians (London 1889), p. 32.

⁴⁾ Для подобнаго пониманія μυηδονεύειν, μνεῖν поясенъ ср. Рим. XII, 13. XV, 26. 2 Кор. VIII, 14. Филипп. I, 3 слл.

II, 10. во всякомъ живомъ организмѣ здоровый членъ неизбѣжно и непринужденно отзыается на скорбь больного (1 Кор. XII, 26).

Всматриваясь въ отдельные моменты описанного Иерусалимского совѣщанія, мы находимъ, что все они согласно укрепляютъ незыблемость эллинно-христіанской проповѣди Павловой и по ея принципіальной основѣ и по фактическому обнаруженню, чѣмъ прямо оправдывалось божественно-независимое апостольство и специально-эллинское благовѣстничество, удостовѣренное еще при первомъ Иерусалимскомъ посѣщеніи. Далѣе вполнѣ натурально, что св. Павелъ былъ непреклоненъ въ этомъ направленіи и не уступалъ тутъ никакимъ знаменитостямъ, самъ будучи исключительнымъ авторитетомъ. Яркая иллюстрація сему имѣется въ Антіохійскомъ столкновеніи съ II, 11 сл. Петромъ (II, 11 сл.).

О времени этого события высказывается мнѣніе, что оно было предъ началомъ третьаго благовѣстническаго путешествія за „несколько дней“ пребыванія Павлова въ Антіохіи Сирійской (Дѣян. XVIII, 22—23), но теперь здѣсь не было Варнавы, а принципы свободнаго эллинскаго благовѣстничества были формулированы и закрѣплены столь прочно, что „лицемѣріе“ Петрова оказывалось бы недопустимымъ еретичествомъ. Посему вѣроятнѣе моментъ раннѣйшій, но такой, когда основы и взаимоотношенія миссій юдейской и эллинской, выработанныя теоретически, еще не вошли практическіе въ спокойное русло¹⁾, а непосредственный ходъ рѣчи Галатійскаго посланія говоритъ о ближайшей хронологической преемственности съ предшествующимъ. Въ виду сего правильнѣе разумѣть періодъ Антіохійской жизни немедленно по возвращеніи Павла и Варнавы съ Апостольскаго собора.

Частности этого эпизода очень несложны. Не вдругъ по прибытіи назадъ Антіохійской delegaciі съ Иерусалимскими уполномоченными — св. Петръ тоже приходитъ въ столицу Сиріи (Гал. II, 11) и, конечно, съ цѣллю поддержать дѣло Павлово, поскольку при всякихъ иныхъ намѣреніяхъ не было бы и самаго „лицемѣрія“ ни практическіи, ни теоретически. И мы видимъ, что Апостолъ Петръ немедленно по своемъ появлѣніи на берегахъ Оронта вступаетъ въ общеніе съ язычниками, охотно принимая участіе въ ихъ трапезахъ (ср. Лк. XV, 2, 1 Кор. V, 11) — вопреки испримиримымъ юдаистическимъ предубѣжденіямъ²⁾ — и тѣмъ наглядно свидѣтельствуя о пол-

¹⁾ Посему никакъ нельзя принять, если со своей точки зреія Val. Weber относить рассматриваемый эпизодъ къ Дѣян. XIV, 28, то даже къ Дѣян. XIII, 1; или вообще до Апостольскаго собора и до первого миссионерскаго путешествія Павлова, какъ лумаетъ Prof. Th. Zahn, S. 111—112.

²⁾ См. Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch von

ной равноправности во Христѣ всѣхъ вѣрующихъ. Затѣмъ совершается прискорбный переворотъ. Виновниками его были „нѣкій оть Іакова“ (II, 12). Ихъ нельзя считать строгими іудаистами партикуляристического типа, когда воздѣйствіе такихъ лицъ на св. Петра было бы непостижимо. Равно не имѣется основаній усвоять имъ званіе специальныхъ посланцовъ „брата Господня“¹⁾, ибо въ этомъ случаѣ не видится ни благословнаго мотива, ни достойной цѣли, разъ уже раньше отправился въ Антіохію совершенно единомышленный и столь великий Апостоль-самозвидецъ, Петръ. Скорѣе всего — это были видные члены изъ круга приближенныхъ сотрудниковъ Іакова, живые выразители его принциповъ о первенствующемъ созиданіи ново-завѣтнаго царства Божія на почвѣ іудейства и въ согласіи съ ея священными свойствами. Въ этомъ качествѣ они и безъ всякой намѣренной агитациіи уже однимъ своимъ присутствіемъ напоминали св. Петру объ оставленіи имъ и затемненіи собственной миссіи въ апостольствѣ у обрѣзанія съ его отличительными правами и особыми методами. Теперь Кифа, *timpens ne cuiusque ab ipsis* — обрѣзанными (*S. Igea ei Adv. haer.* III, 12), поколебался въ принятомъ поведеніи, сначала укрывался отъ язычниковъ, потомъ явно отстранялся, постепенно отпадая отъ прежней практики изъ опасенія обрѣзанныхъ. Это былъ зазорный соблазнъ (для всѣхъ²⁾). Примѣръ Петра былъ столь внушителенъ и заразителенъ, что имъ увлеклись не только іудео-христіане, но даже и вѣрнѣйший сотрудникъ Павловъ — Варнава (II, 13).

II, 12.

Все это не обычно и тѣмъ не менѣе вполнѣ понятно въ данную эпоху постепенно слагающагося церковнаго устроенія. Іерусалимскимъ соборнымъ опредѣленіемъ была санкционирована совмѣстность іудео- и эллино-христіанства, но этимъ совсѣмъ еще не утверждалось, что первое само должно было уподобляться второму, а не просто не налагать своихъ специфическихъ требованій на язычниковъ. Когда обрисовалась эта сторона, — св. Петръ, какъ будто естественно, измѣнилъ свое му первоначальному Антіохійскому поведенію въ интересахъ обеспеченія спокойнаго и неблазненнаго теченія іудео-христіанской миссіи³⁾, „убоявшись страхомъ любви Христо-

II, 13.

Hermann L. Strack und Paul Billerbeck III (München 1926), S. 421; IV, 1 (1928) S. 374, 376—378.

¹⁾ Rev. F. H. Chase даже предполагаетъ (въ A Dictionary of the Bible ed. by J. Hastings III, p. 756 поѣ.), что эти делегаты принесли и особое письмо св. Апостола Іакова.

²⁾ Въ этомъ смыслѣ — соблазнительности для другихъ (1 Кор. X, 32) — Петръ былъ зазоренъ, конечно, не для Павла (св. Іоан. Златоустъ: Migne gr. LXI, col. 641; Творенія X, стр. 765).

³⁾ Всѣмъ этимъ рѣшительно устраивается самая надобность

II, 13. вий¹⁾) и допустив conversationis vitium, non praedicationis (Tert. De praescr. 23: Migne lat. II, col. 36). Впрочемъ, тутъ не было принципіального осуждения прошлому, поскольку это было бы отказомъ отъ коренного воззрѣнія, что іудей и эллинъ равны во Христѣ и ихъ внѣшняя человѣческія отличія не заключаютъ въ себѣ важности, условливающей такое или иное восприятіе благодатнаго спасенія. Все колебаніе было лишь „лицемѣріемъ“ (II, 13: καὶ συντεχρίθησαν αὐτῷ — Петро — καὶ οἱ λοιποὶ Ἰουδαῖοι) и состояло не въ измѣнѣ исконному убѣжденію, а только въ приспособительномъ принятіи иного внѣшняго вида, производившаго впечатлѣніе, что такова же была и внутренняя сущность, между тѣмъ фактически было совсѣмъ иное (ср. Лк. XX, 20: ἐνκαθέτους βούρκιομένους ἑαυτοὺς δικαίους εἶναι). Получался наружный контрастъ, не имѣвшій принципіального оправданія. Поэтому и самъ Петръ хатеуушас-μένος γῆν (II, 11). Этимъ, конечно, означается, что его „зазирали“ другіе, но подобныя осужденія, столь обычныя въ человѣческихъ отношеніяхъ, часто бываютъ пристрастными или прямо невѣрными и не заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Если здѣсь подобное дѣйствіе служитъ опорою для рѣшающихъ догматическихъ преній, представляя безспорный пунктъ отправленія, то, очевидно, мы имѣемъ теперь точное совпаденіе общаго приговора съ подлиннымъ фактамъ, какъ не подлежащимъ сомнѣнію и спору ни для кого (ср. 1 Ин. III, 20, 21), — прежде всего, для наиболѣе заинтересованнаго лица, которое должно бы протестовать въ случаѣ лжи или извращенія²⁾). Отсюда слѣдуетъ, что самъ Петръ въ глубинѣ своей

для невозможной гипотезы, будто Антіохійское столкновеніе было притвориымъ и намѣренно устроено Петромъ и Павломъ по взаимному соглашенію, ради нагляднѣйшаго убѣжденія всѣхъ другихъ христіанъ въ упраздненіи законничества (Оригенъ, св. Іоаннъ Златоустъ, Икуменій, єоофилактъ), каковую фантастическую догадку столь побѣдоносно и успѣшно разбивалъ блаж. Августинъ въ горячемъ спорѣ съ Іеронимомъ, о чёмъ см. у А. А. Серафимова (архіеп. Серафима, † 3 апрѣля 1903 г.): „Обзоръ переписки блаженнаго Августина съ бл. Іеронимомъ о смыслѣ словъ Гал. 2, 11—14“ въ Московскому журналь „Чтения въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1872 г., ч. II, № 10, стр. 185—225. и отсюда во второй части сборника его сочиненій, Астрахань 1901. Ср. и † Prof. Franz Overbeck, Ueber die Auffassung des Streits des Paulus mit dem Apostel Petrus in Antiochien (Gal. 2, 11 ff.) bei den Kirchenvatern (Programm), Basel 1877.

¹⁾ Еп. єоофанъ, стр. 2169.

²⁾ Съ этой только стороны Петръ и а Paul est reprehensus, какъ говоритъ Тертулліанъ, De praescr. 23 (Migne lat. II, col. 35).

души не чувствовалъ за собою абсолютной правоты и былъ зазорень въ собственныхъ глазахъ, какъ отступившій отъ существенного ради временнаго, хотя бы и съ добрыми благовѣстническими намѣреніями. Тутъ не было грѣха принципіального, ибо догматическое убѣжденіе, во всей его сущности, оставалось неизмѣннымъ и неприкосновеннымъ. Тѣмъ не менѣе фактически получалось соблазнительное указаніе для немощныхъ и слабыхъ, что для достиженія полной Евангельской истины недостаточно прямого пути непосредственнаго приближенія ко Христу чрезъ вѣру, а требуются еще и окольные тропинки по ветхозавѣтному законническому маршруту (II, 14).

II, 14.

Въ дальнѣйшемъ это грозило опасностю заблудиться и къ завѣтной цѣли не прийти. Само собою ясно, что для іудео-христіанской мнительности и для іудаистической подозрительности здѣсь былъ поводъ для провозглашенія тенденціозной мысли, будто дѣйствіями Петра набрасывается темная тѣнь на „свободное“ Павлово благовѣстіе, не признающее и не допускающее подобныхъ согласованій съ историческими религіозно-национальными преимуществами Израиля. Въ эту горячую эпоху рѣзкихъ обостреній между старымъ и новымъ въ самой жизни, еще сильно бурлившей въ своемъ теченіи, даже одна такая возможность, освященная авторитетомъ „знаменитѣйшаго“ Іерусалимскаго вождя, была крайне грозна, порождая сомнѣнія насчетъ эллино-христіанской миссіи и затрудняя спокойное прогрессивное ея развитіе. Отвѣтственность за всѣ эти искушения падала именно на Петра, столь вліятельнаго по своему положенію во всемъ христіанствѣ. Поскольку же *pubicum scandalum non poterat private curari* (блаж. Іеронимъ), то вполнѣ нормально, что Апостолъ языковъ говоритъ ему непосредственно лицомъ къ лицу (II, 11: *κατὰ πρόσωπον*¹) ср. Дѣян. III, 13. XXV, 16. 2 Кор. X, 1, 7), и съ открытою торжественностью, дабы, обратившись, Симонъ и въ этомъ случаѣ утвердилъ колеблющихся братьевъ своихъ (ср. Лк. XXII, 32).

Въ посланіи къ Галатамъ писатель даетъ, конечно, не фотографически точные слова (*ipsissima verba*) своей Антіохійской рѣчи, вѣроятно, болѣе пространной, пламенной и яркой, но скжатое воспроизведеніе кончается не 15-мъ стихомъ²), такъ какъ — для полноты и дѣйственности своего вліянія — всякая полемика противъ извѣстнаго заблужденія требуетъ еще обоснованія самой истины, если не想要 быть пустымъ, безжизненнымъ ратоборствомъ — даже за пределы. Посему необходимо согласиться съ блаж. Іеронимомъ, что рефератъ Антіохійской рѣчи простирается до конца II-й главы, когда получаетъ

¹⁾ См. Br. C. J. Ellicott, p. 33, 35.

²⁾ Какъ думаетъ и † Prof. Th. Zahn, S. 128, а изъ древнихъ это допускалъ „Амвросіастъ“.

свое полное развитіе вся апостольская аргументація. При этомъ понятенъ и фактическій ея ходъ, разъ дѣло идеть лишь о „лицемѣріи“, случайномъ приспособленіи, не точно (иногда даже обманно) отражающемъ подлинное внутреннее содержаніе и, пожалуй, скрывающемъ его. Тогда неизбѣженъ вопросъ: что же за этимъ „лицемѣріемъ“ таится неизмѣнного и незыблѣмаго, которое здѣсь лишь примѣняется къ историческимъ условіямъ ради такихъ или иныхъ благословныхъ цѣлей? Это, разумѣется, то, что св. Петръ, желая быть и жить іудеемъ, въ силу номистическихъ условій былъ бы обязанъ всесовершеннаю вѣрностю собственно Моисею — съ устраниемъ всякихъ соперниковъ и съ безраздѣльною покорностю Торѣ, какъ единственному „Евангелію“ іудейскаго народа (при томъ же — въ раввинско-фарисейскомъ перетолкованіи). На дѣлѣ

- II, 14. находимъ совсѣмъ обратное (II, 14), что Кифа и въ періодъ лицемѣрного уклоненія не усвоилъ такого верховнаго абсолютизма ветхозавѣтному законодателю, исповѣдуя догматически, что послѣдній всецѣло поглощенъ Господомъ Христомъ. Значить, и тогда онъ жилъ скорѣе поязычески — въ томъ смыслѣ, что ничуть не опирался на свои іудейскія привилегіи и рукоходился единственно благодатію Господней, считая только одну необходимую для „безбожнаго“ эллинизма (хотя бы въ духѣ Апостольского собора). Отсюда ясно, какъ непослѣдовательно было бы склоненіе другихъ своимъ примѣромъ къ противоестественному „христіанскому жидовствованію“¹⁾, а — при давляющемъ достоинствѣ Петровомъ въ глазахъ всѣхъ вѣрующихъ — Антіохійская его метаморфоза была прымымъ принужденіемъ (II, 14) для іудеохристіанъ и счастливымъ оправданіемъ іудаистического коварства²⁾). Но фактически это было бы обходомъ въ отношеніи единственной для всѣхъ цѣли — въ истинѣ, которая содержится въ Евангеліи Христовомъ и регулируется только его исключительными нормами (ср. II, 5). Если у разумѣемыхъ путешественниковъ намѣренія были святыя — именно къ этому пункту, то во всякомъ случаѣ взятое направление было не прямое, а связанное съ окольными блужданіями

¹⁾ Для *ἴουδαῖςει* ср. Ес. VIII, 17: *καὶ πόλλοι τῶν ἑθυνού περιεπέδουτο καὶ ίουδάῖςον διὰ τὸ φέρον τῶν ίουδαίων.*

²⁾ Уже это одно указываетъ на высокую авторитетность разумѣемаго лица, а потому прямо устраивается (— уже у блаж. Иеронима —) искусствено-апологетическая догадка Климента Ал. (ср. Евсевій и псевдо-Дороѳей; католические писатели Vallarsi, Molkenbuhr, Al. Vincenzi), будто участникомъ рассматриваемаго Антіохійскаго эпизода былъ ие св. Апостолъ Петръ, но Кифа — одинъ изъ LXX-ти учениковъ Господнихъ. См. и † Prof. Eberhard Nestle въ „The Expository Times“ XIV, 4 (January 1903), p. 192b.

и потому опасное, для ординарного большинства даже роковое, но оправдывался ли подобный рискъ индивидуальнымъ положенiemъ св. Петра? Очевидно, нѣтъ, если онъ, будучи іудеемъ, все-таки исповѣдывалъ благодатную вседержавность. Недопустимое лично, — по соображенію съ данными человѣкомъ, — такое поведение не оправдывается и объективно — со стороны существа спасительныхъ христіанскихъ упованій (II, 15). Оба собесѣдника по самому своему происхожденію были іудеями и посему¹⁾, натурально пользуясь этими отличіями, оставались непричастными грѣховной сквѣрнѣ „безбожія"²⁾, свойственного отчужденному отъ Израиля язычеству (ср. Еф. II, 12). Превосходство ихъ было прирожденное, но тѣмъ не менѣе они все это нынѣ покинули для вѣры и устроются единственно ею (II, 16). Оцѣнивая этотъ совершившійся фактъ II, 15. II, 16.

принципіально и возстановляя его идеиную логику, мы должны будемъ разсуждать въ томъ смыслѣ, что эти два почтенные іудеи увидѣли неотразимо, какъ никто и никогда не можетъ оправдаться³⁾ дѣлами (исполненія предписаній) закона, а послѣдня горькая истина неоспорима, ибо недоступно для грѣшника чистое осуществленіе священной догмы⁴⁾. Съ моральною fatalностію получалось, что тутъ законническая возвышенность больше нарушается, чѣмъ приближается даже при самыхъ благородныхъ стремленіяхъ номистовъ. Ясно, что — для благословленного успѣха — напередь нужно независимое возрожденіе личности, чтобы она оказалась способною продуктивно творить добро. Это желанное благо и доставляется Іисусомъ въ достоинствѣ Христа — Мессіи, или Избавителя человѣчества отъ тяготѣвшей грѣховной беспомощности, каковая свидѣтельствуетъ, что для воспріятія христіанского обновленія дозволительно только усвоеніе его по благодати Божіей отъ Господа-Искупителя помимо безсильного законническаго напряженія. Отсюда возникаетъ необходимость непосредственного общенія со Спасителемъ⁵⁾, чтобы почерпать даруемыя блага, но — за

¹⁾ Тутъ *καὶ — consecutivum* (ср. I Фесс. IV, 1): Вр. С. J. Ellicott, p. 37.

²⁾ Для *ἀμαρτωλοῖ* см. I Макк. II, 44. Тов. XIII, 6. Лк. VI, 32 и XVIII, 32 по сравненію съ Мв. XX, 19. Мрк. X, 33. Clem. Hom. XI, 16: *οὐτως ὡς οὐχὶ Ἰησοῦς ἀμαρτωλός εἰλ.* См. также Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 537.

³⁾ Тутъ *οὐδὲ δικαιοθέτεται* констатируетъ абсолютное поп posse: Вр. С. J. Ellicott, p. 40.

⁴⁾ Посему нельзя согласиться съ Prof. Th. Zahnm'омъ, что „es bezeichnet das diesseitige δικαιοσθῆти bei PI eine Veränderung nicht der sittlichen Qualität und des sittlichen Verhältnisses, sondern des Verhältnisses des Menschen zu Gott“.

⁵⁾ Для *εἰς Χριστὸν* см. С. J. Ellicott, p. 39—40.

отсутствиемъ всякихъ другихъ средствъ — это возможно лишь путемъ вѣры¹⁾). Понятно теперь, что оба они увѣровали, обнаруживъ этимъ, что для приобрѣтенія праведности законничество совсѣмъ несостоитъ. Этотъ личный опытъ собственного усмотрѣнія (*εἰδότες*)²⁾ заключаетъ принципіальную доктринальную истину, что дѣлами закона, точно его воплощающими, не можетъ возстановить и обосновать свою правду предъ Богомъ все человѣчество по его всецѣлой плотской непригодности къ сему (ср. Псал. CXLI, 2), почему люди всегда оставались бы неоправданными. При истинности всего этого недозволительно

- II, 17. и возраженіе (II, 17), что, стремясь къ полученію искомой правды во Христѣ, мы, какъ покинувшіе легализованный путь къ ней, окажемся на положеніи лишенныхъ святыни Израилевой эллиновъ, или вмѣстѣ съ ними будемъ грѣшниками. Вѣдь таковыми мы бываемъ чрезъ Христа, по увлеченію Имъ, и въ результатахъ у насъ вышло бы, что именно Онъ активно работалъ грѣху, если всѣхъ Своихъ исповѣдниковъ неизбѣжно подчиняетъ ему. Разумѣется, подобная нелѣпость не терпима, такъ что недопустима даже мысль объ этомъ, но она устраивается и нашимъ отступленіемъ отъ закона по свободному решенію и сознательному убѣжденію. Говорится, что при этомъ будто бы грѣховно попраны всѣ священные нормы, по существу неприосновенныя (II, 18). И несомнѣнно, что я былъ бы повиненъ предъ ними и за нихъ, еслибы, покинувъ и разрушивъ, потомъ, одумавшись, опять началь возобновлять прежнее. Это было бы легкомысленною опрометчивостію, самоубийственномъ для совершилеля. Въ этомъ случаѣ возвратъ раскаянія къ старому только удостовѣрялъ бы мою личную „преступность“ и священную значимость номизма, мною произвольно поруганную. Но уже было констатировано, что Петръ не замышляетъ подобной диверсіи, всегда держась благодати Христовой (II, 14). Конечно, тутъ можетъ быть еще болѣе тяжкое зло, свидѣтельствующее о гибельномъ упорствѣ ренегата въ своемъ заблужденіи. Однако въ разбираемомъ случаѣ все дѣло было совсѣмъ иначе (II, 19). Я умеръ для закона, и вліять на меня живительно онъ не въ силахъ при всей энергіи своего легализованнаго давленія: это безусловная правда, — только съ чрезвычайно существенною оговоркой, что все тутъ произошло *бѣзъ* *убѣди*, т. е. чрезъ его посредство, благодаря ему самому. Слѣдовательно, самъ законъ былъ фактическою причиной моей смерти ему, а потому я не могу искать въ немъ того, что даже и онъ въ себѣ отрицаѣтъ подобнымъ убийствен-

¹⁾ Ср. для *ξει* Iак. II, 24 (*causa sine qua non*), а *δέκα* — и средство и источникъ: Вр. С. J. Ellicott, p. 39.

²⁾ Тутъ причастіе имѣть кавказальную энергию: Вр. С. J. Ellicott, p. 38.

нымъ вліяніемъ. И намъ извѣстно, принципіальное основаніе, II, 19. что, побуждая къ праведности, но нимало не давая ея и лишь распаляя внутреннюю жажду духовнаго томленія, законъ необходимо отсыпалъ къ божественному носителю и подателю ея во Христѣ Іисусѣ. Ясно, что предъ такимъ закономъ я не преступенъ, ибо ему именно и повинуюсь всецѣло, удовлетворя его кореннымъ влечениямъ. Отсюда безспорно, что и въ итогѣ номистической абнегаціи нельзя ожидать грѣховнаго омертвенія, близкаго къ языческому „безбожію“. Напротивъ, предшествующій актъ законнической измѣны бываетъ лишь при слияніи со Христомъ, и въ Немъ возможна только свойственная Ему жизнь для Бога. Значить, умирание закону достигается не аномизмомъ атеистического либертинизма, а со-распятіемъ Христу, когда въ единеніи съ Нимъ я усвояю и крѣпость обновленія отъ Воскресшаго Господа. Тутъ моя плотская жизнь исчезаетъ, и я получаю новую, которая почерпаетъ въ божественномъ Избавителѣ. Въ этомъ именно и заключалась искомая мною цѣль¹⁾. Я благодатно срастаюсь со Христомъ и погибаю („умираю“) въ Немъ со своею личною особливостію естественной ограниченности и религіозно-моральнаго убожества, потому что теперь всецѣло дѣйствуетъ вселившійся въ меня Жизнодавецъ (II, 20). Съ Нимъ я едино, но какъ мертвая плотски персональность, и — слѣдовательно — живеть теперь во мнѣ Христосъ своею божественною силой и еже хотѣти и еже дѣяти (Филипп. II, 13). Съ этой точки зрѣнія нынѣшнее пребываніе мое во плоти лишено самобытности и не имѣть ни малѣйшей опоры въ моей независимой индивидуальности, которой уже нѣтъ. Если же оно все-таки продолжается, то мы должны согласиться, что и фактически и этически здѣсь все созидается новымъ оживляющимъ началомъ, при чемъ я живу и чувствую для себя моральное оправданіе лишь благодаря животворящей вѣрѣ во Христа, гдѣ срастаюсь божественному Избавителю, а Онъ — въ качествѣ истиннаго Сына Божія — приходитъ ко мнѣ по своей безпрѣдѣльной любви и спасаетъ каждого изъ нась благостнымъ по-двигомъ своей самопреданности. Изъ Него возникаетъ и на Немъ держится все наше христіанско бытіе, откуда неизбѣжно, что при Немъ рѣшительно недопустимо ничто второе, хотя бы это были „дѣла законныя“: — иначе (II, 21) произошло бы отверженіе²⁾ благодати искупительного возрожденія отъ Бога, потому что если въ законѣ средство полученія людьми правды Божіей, то Христосъ умеръ туне (δωρεάν) — безъ

II, 20.

II, 21

¹⁾ Посему тутъ ζῆσθαι — не fut., а aor. subj. (ср. 1 Фесс. V, 10): Бр. С. J. Ellicott, p. 42—43.

²⁾ Для ἀφετεῖν ср. Лк. VII, 30. 1 Кор. I, 19. Гал. III, 15. 1 Макк XV, 27.

II, 21. достаточныхъ оснований или поводовъ и безъ благоплодныхъ результатовъ¹⁾.

Въ итогъ всего раскрывается, что благовѣстническій методъ св. Павла обладаетъ принципіальною христіанскою незыблемостію и подтверждаетъ его апостольскую авторитетность по способу происхожденія и по характеру примѣненія, какъ это призналъ теперь молчаливыиъ согласиемъ Апостолъ Петръ²⁾. При столь стройномъ логически - предметномъ сочетаніи всѣкъ частей аргументаціи конечный моментъ фактической защиты апостольского достоинства служить къ показанію еще и неложности догматическихъ убѣжденийъ касательно всеобщаго спасенія во Христѣ Іисусѣ исключительно благодатію Божіей, когда апостольское учение является проповѣдью благо-вѣстія христіанской свободы въ чадахъ Божіихъ.

Часть III-я.

„ЕВАНГЕЛИЕ“ ХРИСТОВО У СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА (глл. III—IV).

Вси вы сынове Божіи есть вѣрою о Христѣ Іисусѣ: елицы бо во Христа крестися, во Христа облекостяся.

Гал. III, 25—27.

Свое апостольское достоинство св. Павель неразрывно связалъ съ благовѣстиемъ и тѣмъ открылъ просторъ для подробнаго изложенія догматическихъ воззрѣній.

¹⁾ Для доказа см. Ин. XV, 25 (Пс. XXXIV, 19), а въ Пс. XXXIV (35), 7 оно передаетъ евр. *chinnat*, означающее собственно дѣлѣть; ср. и Сир. XX, ²⁸/₂₅.

²⁾ Блаж. Феодоритъ, Творенія VII, стр. 383—384: „Великий Петръ молчаниемъ подтверждаетъ слова Павловы“.

Въ чём же именно состоитъ провозглашаемое во языцѣхъ

„Евангелие“ Павлово

въ его существѣ и по отношенію къ „закону“?

Первая часть вопроса не требуетъ многихъ разсужденій даже для „несмысленныхъ“ Галатовъ (III, 1: ὃ δύο ητοι Γαλάται), которые не столько неразумны, сколько неразсудительны (ср. 1 Тим. VI, 9) и потому способны увлекаться страстью и необдуманно. Естественно, что въ этомъ настроеніи кто-то рѣшительный и вліятельный приковалъ ихъ къ себѣ чисто магическимъ очарованіемъ, какъ — по тогдашнему вѣрованію — умѣли дѣлать это нѣкоторыя змѣи, парализовавшія жертву своими глазами и затѣмъ свободно уничтожавшія ее¹). Нѣчто подобное случилось и съ Галатійцами. Иначе нельзя объяснить происшедшую измѣну, коль скоро доселѣ ихъ взоръ былъ всецѣло фиксированъ на Распятомъ Избавителѣ съ такою яркостію, точно живымъ портретомъ Онъ предначертанъ былъ передъ ними, хотя бы въ лицѣ Апостола, принятаго въ свое время какъ бы за Христа Іисуса (IV, 14). Вѣдь это было неповиновеніе истинѣ, личное противленіе ей, а она слишкомъ понятна для всякаго здраваго соображенія. Галатійцы — христіане, имѣющіе въ себѣ Духа Божія и воспріятіемъ Его ставшіе „пневматиками“ (III, 2). Достаточно спросить себя: откуда произошло это величайшее чудо? Неужели отъ дѣлъ (исполненія) закона? Но — тогда — почему не было этого прежде? Не ясно ли, что причина сему была въ проповѣданной и воспринятой слухомъ вѣрѣ²), которая единеніемъ съ Богомъ чрезъ Христа доставляетъ всѣ духовные дары? Тутъ всякое уклоненіе было бы ниспаденіемъ до прежней низменности уже въ самомъ христіанскомъ бытіи (III, 3), ибо, начавъ его духовно, Галаты спустились до плотскаго уровня, регулируемаго законническимъ. Начало процесса совсѣмъ не сходится съ концомъ³), когда ожидалось его торжество въ достижениіи духовной высоты и въ закрѣплениіи прочнаго положенія по собственному усердію и усилию (ѣп:тѣлѣ:тѣ ср. Филипп. I, 6). Въ этихъ границахъ былъ достаточный промежутокъ, требовавшій сосредоточеннаго напряженія, чтобы возрастать и утверждаться. Тутъ

1) Ср. Сир. XIV, 8: πονηρὸς ἐ βασκαίνων δρθαλμῷ. Прим. Сол. IV, 12: βασκαίνα φυλεύτητος ἀμαυρέτ τὰ καλά

2) См. † Prof. Th. Zahnp., S. 140, 141, что ѿ ἀκοή тоже, чтò хрирумъ, но только первое — въ отношеніи слушающаго, второе — въ приложеніи къ говорящему, почему разумѣется „eip gläubiges Hören“.

3) Ср. 1 Цар. III, 12: ἀρέομαι καὶ ἐπιτελέσω.

необходима постоянная борьба за идеалъ, связанная со всяческими страданиями за него въ виду внутреннихъ колебаний и внѣшнихъ искушений (III, 4). Если трудно, даже мучительно для бренного существа просто держаться духовности, то тѣмъ болѣе тяжко подниматься дальше и дальше къ завѣтной цѣли до всецѣлого овладѣнія и собственного усвоенія въ неотъемлемое достояніе. *Per aspera ad ardua* — этотъ путь обязатель но бываетъ страстнымъ, и именно его разумѣеть Апостоль при *ἐπαύετε*, какъ и св. Петръ *ἐπιτελέσθω;* ассоциируетъ съ тѣхъ *παρθενίαхъ*, заповѣдуя вѣрующимъ: „отрезвитесь, бодрствуйте, потому что противникъ вашъ ходитъ, яко левъ рыкая, ища кого поглотить“ (1 Петр. V, 8—9). Нельзя предполагать внѣшнихъ гоненій, для которыхъ было бы совсѣмъ неизвѣстно, отъ кого, почему и какъ таковыя могли произойти, при чемъ они всегда бываютъ напрасными по мотивировкѣ и даже по самому исходу, ибо совсѣмъ не даютъ ни искреннихъ отреченій, ни чистыхъ обращеній. Напротивъ, духовная выспренность не разрывна отъ страшной опасности, что, упавши съ нея, человѣкъ не только потеряетъ даромъ употребленныя затраты, но будетъ ниже прежняго и, пожалуй, совсѣмъ разобьется. Тутъ въ религиозно-моральной области нѣтъ механической *restitutio in integrum*, а непремѣнно бываетъ жестокій ущербъ, иногда невознаградимый. Объ этомъ авторъ и напоминаетъ деликатно читателямъ, что пусть бы хоть бывшее осталось лишь напраснымъ. Но и этого не можетъ быть, поелику здѣсь уже не простой регрессъ къ исходному пункту, но перемѣна духовныхъ факторовъ и измѣна имъ (III, 5), сознательная и потому особенно преступная, такъ какъ Галатійцы при самомъ своемъ возрожденіи видѣли ихъ исключительное дѣйствіе по силѣ вѣры и потому слишкомъ наглядно убѣждались въ спасительности послѣдней, которая изъ своего источника даруетъ духа и своею энергией совершаєтъ чрезвычайныя знаменія. Посему ничто въ личной жизни не оправдывается предательства Галатійцевъ, и они (хотя бы устами своихъ соблазнителей) могли ссыпаться дальше лишь на то, что теперь подчиняются священнымъ завѣтамъ Израильской исторіи, божественной по основанію и течению. На дѣлѣ тамъ было совсѣмъ противное, наклоняющее къ благодатному устроенію. Безспорные факты свидѣтельствуютъ, что обрисованное у Апостола специальное новозавѣтное избавленіе предислоилось истинному номизму и было животворящимъ его душой (III, 6). Такъ — и по прямому слову ветхозавѣтного закона (Быт. XV, 6) — актъ высочайшаго довѣрія Богу, когда Ему Авраамъ предался всецѣло вопреки всѣмъ фактическимъ возможностямъ, — этотъ актъ былъ заченъ дѣйствительно въ праведность съ признаніемъ ея реальной наличности (ср. IV, 3), поскольку этотъ патріархъ и трактовался и былъ „другомъ Божіимъ“ (ср. Іак. II, 23. 2 Пар. XX, 7. Иса. XLI, 8). Но всѣ (должны быть) согласны, что

именно въ этомъ религіозномъ отличіи заключается и все достоинство праотца Израильскаго, что онъ былъ вѣроятній праведникъ, или праведный по вѣрѣ — помимо национальныхъ и индивидуальныхъ особенностей. Тогда несомнѣнно (III, 7: *δρα = gibus ita comparatis*), что подлинное сыновство ему можетъ условливаться лишь одною вѣрой, разъ самъ онъ и все у него было по вѣрѣ¹). Подобный выводъ подтверждается (III, 8) и божественнымъ обѣтованіемъ: „вѣ тебѣ благословятся всѣ народы“ (Быт. XII, 3. XVIII, 18 и XXII, 18). Тутъ сказано, что благословеніе получится чрезъ Авраама по единенію съ нимъ, но для „всѣхъ народовъ“ это невозможно плотскимъ способомъ черезъ кровныя связи и необходимо предполагаетъ превосходящее плотскую ограниченность начало, какимъ и была всегда вѣра, доступная всѣмъ племенамъ земнымъ. Въ этомъ смыслѣ и доктринальски и исторически незыблемо, что въ самомъ предречениі Божіемъ Аврааму рѣшительно предусматривалась свободная новозавѣтная практика оправданія язычниковъ изъ источника вѣры²). Понятны и дальнѣйшія слѣдствія. Они будутъ заключаться въ томъ, что если благословеніе Божіе почерпается при общеніи только съ вѣрными Авраамомъ и лишь чрезъ вѣру, то и доступно оно именно вѣроящимъ (III, 9), которые одни обладаютъ истиннымъ родствомъ, ведущимъ къ сыновнему пріобрѣтенію оправданія Авраамова.

Закону здѣсь нѣтъ места, и его вторженіе необходимо сопровождается обратными результатами съ отстраненіемъ отъ благостной сферы. Въ этомъ и основаніе (III, 10), что оказываются „подъ клятвою“, наложеною еще на прародителей (Быт. III, 16 сл.) и криминально обостренною номизмомъ, всѣ, елицы отъ дѣлъ закона суть, или тѣ, кто созидаетъ свою правду на его фактическомъ осуществленіи, поелику этого совсѣмъ не бываетъ и быть не можетъ по неустранимому препятствію. Основнымъ законническимъ требованіемъ служить заповѣдь (Второз. XXVII, 26) о всегдашнемъ и всецѣломъ исполненіи всѣхъ дробныхъ номистическихъ предписаній, а они неизмѣнно являются цѣллю, подлежащей нашему непрестанному творенію, и не находятъ въ нашей волѣ законченности,

III, 8.

III, 9.

III, 10.

¹) Въ этомъ духѣ даже говорится, что „отецъ еврейской расы не былъ собственно евреемъ“: Prof. G. G. Findlay, The Epistle to the Galatians (London 1891), p. 187.

²) Специальное удареніе на томъ, что оправданіе по вѣрѣ предусматривалось для Нового Завѣта не вообще, а именно язычникамъ (тѣ євну), показываетъ, что, обращаясь къ извѣстнымъ читателямъ, писатель неразрывно связываетъ ихъ съ первыми, поскольку они были языческими обращенцами, предусмотрѣнными заранѣе въ качествѣ чуждыхъ закона и свободныхъ отъ номистического посредничества.

нуждающейся лишь въ сохраненіи и продолженіи. Самою свою исполнительностію мы нарушаемъ и оскорбляемъ законническія нормы. Посему законъ не даетъ праведности, — и принципіальная причина коренится въ самомъ существѣ истиннаго спасенія (III, 11), что праведникъ живетъ върою (Аввак. II, 4), ею сохраняетъ свою (праведную) жизнь, конечно, потому, что она служить исключительною опорой послѣдней, а тогда неотразимо, что именно отъ вѣры онъ почерпаетъ и самую свою праведность, которая — значитъ — безъ этого ни возникнуть, ни существовать не можетъ¹). Напротивъ, абсолютное условіе законническаго бытія полагается не въ вѣрѣ, а въ строгомъ и точномъ исполненіи („Мои законы исполняйте и Мои постановленія соблюдайте, поступая по нимъ. Я Господь, Богъ вашъ. Соблюдайте постановленія Мои и законы Мои, которые исполняя, человѣкъ будетъ живъ; ср. Неем. IX, 29. Йезек. XX, 21) закона (III, 12), между тѣмъ этого ни у кого не бываетъ въ такой степени, чтобы обладать оправдывающе-жизненными свойствами. Но всякие легалистические статуты, обязательно доставляя отплату награды за ихъ точное примѣненіе, не менѣе неотвратимо навлекаютъ наказаніе осужденія за малѣйшія неисправности. Въ силу этого надъ подзаконными необходимо тяготѣть неумолимая клятва, почему нужно напередъ освободиться отъ нея, чтобы имѣть фактическую возможность для достижения благословенія Авраамова. Это избавленіе и совершено Христомъ, ибо Своимъ позорнымъ видѣніемъ на (крестномъ) древѣ въ качествѣ наихудшаго преступника (Второз. XXI, 23) Онъ добровольно предоставилъ безпрепятственный просторъ для неограниченного обнаруженія всей энергіи возмездія со стороны закона, а послѣдний, исчерпавъ при такой свободѣ всю свою грозную силу, потомъ убиваетъ самъ себя своею несправедливостію въ отношеніи къ безгрѣшному и невинному Страдальцу²) и затѣмъ фатально упраздняется (III, 13), какъ лишившійся всякаго права на бытіе слишкомъ очевидно и абсурдно безpardонностію. Монстыры возможны по рѣдкому исключенію, но они не имѣютъ

1) Подробнѣе объ этомъ см. къ Евр. X, 38. Раввинистическая толкованія см. въ *Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III*, S. 542—544 въ смыслѣ заслуженности дѣлъ.

2) Éd. Brustop въ „Revue de théologie et philosophie“, 1891, p. 322—323 относитъ эти рѣчи къ поруганіямъ Иисуса Христа во время страданій, но нѣтъ основаній для столь тѣснаго, исключительного ограниченія, а касательно толкованій А. Риччля см. проф. В. А. Керенскій въ „Православномъ Собесѣднику“ 1903 г. № 3, стр. 374—375, и въ отдельномъ изданіи: Школа ричліанскаго богословія въ лютеранствѣ (Казань 1903), стр. 576—577.

оправданій для нормального существованія, которое при торжествѣ ихъ неудержимо должно разрушиться совсѣмъ. Неправда только потому и функционируетъ въ мірѣ, что не обнаруживается всецѣло и пользуется наличными остатками добра, а иначе она испарилась бы скоро за отсутствіемъ всякихъ жизненныхъ ресурсовъ. Но вотъ это самое случилось на Голгоѳѣ, когда — за упраздненіемъ закона — уничтожились всѣ его ограниченія. Такъ открывался путь къ усвоенію благъ Авраамовыхъ, которыя теперь освобождались отъ связывающихъ номистически-национальныхъ стѣсненій и потому одинаково воспринимаются и язычниками, ибо почерпаются уже во Христѣ путемъ единенія (вѣры) съ Нимъ безъ всякаго участія закона. Дальше прямо выходитъ, что именно со времени этого универсалистического распространенія спасительное благословеніе Авраамово начинаетъ проявлять реально свою фактическую дѣйственность, каковая прежде рѣшительно преграждалась клятвою, парализовавшею всякое вліяніе. Значить, и сами іudeи сподобляются этого благостнаго дара тоже лишь съ настоящаго момента номистического освобожденія и, конечно, путемъ вѣры, подающей и Духа святости для жизни возрожденія (III, 14)¹⁾.

Неизбѣжный выводъ ясенъ самъ собою, что истинное, предусмотрѣнное исполненіе завѣтныхъ чаяній совершается не дѣлами закона и бываетъ только уже послѣ его упраздненія, которое требуется по самому ихъ неотразимому смыслу. Естественно, что законъ не могъ быть устранинъ и замѣщениемъ первоевангелия (ср. III, 8). Какъ братья, хорошо понимающіе другъ друга, побратски воспользуемся для наглядности аналогіями изъ области житейскихъ отношеній, обычныхъ среди людей (ср. Гал. I, 11. 1 Кор. III, 3. XV, 32. 1 Петр. IV, 6). Тутъ для формально утвержденного завѣщанія незыблемо, что въ немъ никто (другой, кромѣ тестатора)²⁾ не въ правѣ ни отмѣнять что-нибудь, ни прибавить въ дополненіе къ легализованному³⁾ (III, 15). Почеловѣчески приложимъ эту точку зрѣнія, въ качествѣ мѣрки, и къ благословенію Авраамову въ совокупности всѣхъ божественныхъ благъ, которыя были узаконены какъ бы по наслѣдству въ качествѣ юридического лагата⁴⁾. Для него важно (III, 16), что обѣтованія Божіи даны Ав-

III, 13.

III, 14.

III, 15.

III, 16.

¹⁾ Тутъ два *τινα* являются координированными (Рим. VII, 13);
† Prof. Th. Zahnp., S. 159.

²⁾ Поэтому ничего не измѣняется въ формулѣ Апостола, если мы знаемъ, что въ Греціи допускались добавленія въ видѣ „кодицилловъ“, но лишь отъ самого завѣщателя, о чемъ см. Siebart у Pauly-Wissowa V (Stuttgart 1905), Sp. 351.

³⁾ Ср. Jos. Flavii Bell. jud. II, 2 : 3 ἀξιῶν τῆς ἐπιδια-
θήχης τὴν διαθήκην εἶναι χωρίωτεραν. Antiqu. XVII, 9 : 4.

⁴⁾ Для Гал. III, 15 о διαθήκῃ см. Евр. IX, 16—17. Ср. и

рааму и съмени его совмѣстно для обоихъ (Быт. XIII, 15. XVII, 8), при чёмъ ἐρρέθησαν (изрекались не разъ и вполнѣ определенно) и ἐπαγγελαὶ (множ. ч.) свидѣтельствуютъ, что въ многократномъ, многочастномъ и категорическомъ повтореніи воля Божія нашла себѣ пунктуальное и законченное выражение. Это нѣчто неотмѣнное и вѣчное согласно слову Божію (Быт. XVII, 7): καὶ στήσω τὴν διαθήκην μου ἀνὰ μέσον ἑρός καὶ ἀνὰ μέσον σοῦ καὶ ἀνὰ μέσον σπέρματός σου μετὰ σὲ εἰς γενεὰς αὐτῶν εἰς διαθήκην αἰώνιον, εἶναι σου θεὸς καὶ τοῦ σπέρματός σου μετὰ σέ. Здѣсь — поэтому — дорога и знаменательна всякая малѣйшая черта. А въ приведенной выше формулѣ крайне характерна отмѣченная совмѣстность, при которой Авраамъ лишь вкупе съ „съменимъ“ получалъ обѣтованіе Божіе, дѣйственное для праотца и потомства, откуда будетъ справедливо и обратное, что „съмѧ“ принимаетъ обѣтованіе сразу же въ неразрывности отъ Авраама. Для соблюденія первого условия достаточно, что наряду съ патріархомъ включается въ число обѣтованныхъ наслѣдниковъ и его „съмѧ“. Въ свою очередь для послѣдняго тестаментарное требование будетъ выполнено не иначе, какъ чрезъ такое совмѣщеніе, при которомъ въ обѣтованномъ пользованіи неизмѣнно и натурально соучастуетъ и Авраамъ. Эта нераздѣльность мыслима только при тожествѣ взаимнаго сліянія праотца Израильскаго и потомства въ цѣлостной индивидуальности, объединяющей ихъ въ себѣ. Очевидно, это будетъ единичная личность съ достоинствомъ „второго Авраама“, достигшая его обѣтованія въ фактическое обладаніе и сообщающая всѣмъ другимъ. По изложенному выше, — хотя и вопреки раввинизму, — таковъ есть Христосъ Иисусъ (III, 16), ибо лишь Онъ одинъ — и никто болѣе и раньше¹⁾ — освободилъ обѣтованіе отъ узъ клятвы и, воспринявъ его въ собственность, даруетъ наслѣдникамъ Авраамовымъ, которые прежде не могли примѣнять его по своей подзаконнической клятвенности. Благословеніе Божіе предназначено для всѣхъ чадъ Авраамовыхъ, но всѣ они получаютъ не сами по себѣ и непосредственно, а чрезъ Христа, распечатавшаго божественное завѣщаніе для пользованія всѣмъ міромъ (Гал. III, 14), и лишь въ союзѣ съ христіанами (Евр. XI, 39—40). Значитъ, разсчитанное на всѣхъ наслѣдниковъ Авраамовыхъ, — обѣтованіе фактически достигалось единствомъ наслѣдникомъ и уже чрезъ него распространялось на всѣхъ другихъ. Этотъ христіанскій фактъ живой исторіи и внутренняго опыта Апостоль иллюстри-

Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 545—549 о завѣщаніяхъ.

¹⁾ Въ немъ никогда „съмѧ твое“ не относилось къ Мессии: Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 553.

руетъ¹⁾ удареніемъ на единственномъ числѣ термина *καὶ τῷ στέρεμα ἀυτῷ* (*и спомени его*) согласно формалистической тестаментарной строгости насчетъ точности въ каждой буквѣ завѣщательного акта и по чисто объективнымъ данными, ибо евр. *zera*, будучи коллективнымъ понятіемъ потомства вообще²⁾, въ разбираемомъ стихѣ фактически можетъ означать только нумерическую единичность (ср. Быт. IV, 25. XXI, 13. 1 Цар. I, 11. 2 Цар. VII, 12—15) и тѣмъ самымъ отсылаетъ къ Господу Спасителю, разъ именно Онъ одинъ удовлетворяеть всѣмъ запросамъ завѣта Божія съ Авраамомъ. Всѣ его потомки соучаствуютъ въ этихъ благахъ, но единственный наследникъ есть Христосъ-Мессія³⁾.

Итакъ: обѣтованіе было о Христѣ и — въ качествѣ завѣщательного акта — не отмѣняется позднѣйшими прибавленіями. Во первыхъ, онъ былъ формально утвержденъ Богомъ (конечно, при помощи клятвы: Быт. XXII, 16. Второз. I, 8 и др.; ср. Евр. VI, 17, 18. VII, 21 изъ Пс. CXIX, 4) прежде и пріобрѣль юридическую неприкословенность. Съ другой стороны, и законъ, явившись послѣ, не имѣлъ компетентности исправлять завѣтнаго опредѣленія⁴⁾, если только это не исходило отъ самого завѣщателя, когда будетъ уже не измѣненіе, а уничтоженіе старого новымъ — съ устраниемъ всякихъ рѣчей о документѣ аннулированномъ. Но о подобномъ погашеніи завѣта нигдѣ ничего не слышно, почему должно помнить о хронологическомъ разстояніи между обѣтованіемъ и Синайскимъ уложеніемъ въ 430 лѣтъ (III, 17).

Промежутокъ отмѣчается у св. Павла согласно Іосифу Флавію⁵⁾, псевдо-Іонаѳану (въ Таргумѣ на Исх. XII, 40), книгѣ

¹⁾ Посему здѣсь и нельзя даже заводить какія-либо рѣчи о раввинистическихъ фокусахъ аргументаціи Павловой, какъ дѣлаютъ Fr. Sieffert (S. 191) и R. A. Lipsius (S. 40).

²⁾ Но возможно и plur., напр., въ 4 Макк. XVIII, 1: ὃ τῶν Ἀβραμίων σπερμάτων ἀπέγονοι παῖδες Ἰαρχῆται.

³⁾ Аналогично сему и Самъ Господь Спаситель усвояетъ исключительно Себѣ наименование „Сына Человѣческаго“ — по совершеннѣйшему воплощенію пророческихъ предуказаний Даниила (VII, 13 сл.), хотя бы у послѣдняго разумѣлся — первоначально или собственно — больше идеальный Израиль, а вообще это сочетаніе означало человѣка по естественному преемственному рождению каждого изъ земнородныхъ.

⁴⁾ См. къ сему и къ III, 15.

⁵⁾ Antiqu. II, 15: 1 у B. Niese, I, p. 150: Κατέλεπον δὲ τὴν Αἴγυοπτν μηνὶ Εαυθίκῳ πεντεκαιδεκάτῃ κατὰ σελήνην μετὰ τριάκοντα καὶ τετρακόσια ἦ τὸν πρέγονον ἄμφων “Αβραμὸν εἰς τὴν Χαναναῖαν ἐλθεῖν.

III, 17. Юбилеевъ¹⁾ и у раввинистовъ²⁾), хотя въ иныхъ мѣстахъ названный іудейскій историкъ³⁾ и Фило⁴⁾ эту цифру относятъ только къ Египетскому порабощенію и — слѣдовательно — всю сумму увеличиваютъ почти вдвое противъ Апостола. Нѣть надобности входить во всѣ подробности темной и спорной ветхозавѣтной хронологіи съ ея разногласіями по даннымъ масоретскаго текста и по соотношенію съ разными переводами. Для нашихъ ближайшихъ цѣлей достаточно констатировать, что отмѣтка Галатійскаго посланія нимало не противорѣчить библейскимъ указаніямъ, хотя — по выраженію блаж. Іеронима — *non parva res est et a multis quae sita, nescio ap ab aliquo sit inventura.* Уже св. Іоаннъ Златоустъ (*Homil. XXXVII: M. gr. LXI, 654; Tвор. X, 782*) и блаж. Августинъ (*Quaest. in Hept. II, 47: M. lat. XXXIV, 610*) обращали вниманіе, что въ Быт. XV, 13 предрѣченіе о страннической жизни сѣмени Авраамова *въ земли не своей* (ἐν γῇ οὐκ ἰδίᾳ) обнимаетъ и обитаніе въ Ханаанѣ, бывшемъ пока собственно обѣтованнымъ (ср. Евр. XI, 8—9), а въ Исх. XII, 40 греческій переводъ LXX-ти (ἡ δὲ κατοικησις τῶν οὐκεὶ Ἰσραὴλ ἦν κατόχησαν ἐν γῇ Αἰγύπτῳ καὶ ἐν γῇ Χανάαν ἐτῇ τετραχοῖς τριάχουτα πέντε) и Самарянское Пятокнижіе разумѣютъ Египетскую и Ханаанскую земли. При такомъ счислѣніи на Египетское рабство придется около 200 съ небольшимъ лѣтъ, — и подобный итогъ косвенно оправдывается

¹⁾ См. † Prof. Aug. Dillmann у H. Ewald въ „Jahrbücher der Biblischen Wissenschaft“ III (Göttingen 1871), S. 77: „für den aufenthalt in Aegypten 238 Jahre bleiben“. Ср. у проф. о. А. В. Смирнова, Книга Юбилеевъ или Малое Бытие (Казань 1895), стр. 183 (гл. XLVI): „И Израиль жилъ въ странѣ въ Египтѣ семнадцать лѣтъ... И онъ умеръ въ четвертый годъ пятой седмины сорокъ пятаго юбилея“. Стр. 186 (гл. XLVIII): „И въ шестой годъ третьей седмины сорокъ девятаго юбилея ты ушелъ, и оставался (внѣ Египта) шесть седминъ и одинъ годъ. И ты возвратился въ Египетъ во вторую седмину во второй годъ въ пятидесятый юбилей“. Стр. 191 (гл. L): „Сорокъ девять юбилейныхъ годовъ отъ дней Адама до сего дня, и одна седмина и два года“.

²⁾ См. Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III S. 17 — 430 лѣтъ отъ завѣта и—II (München 1924), S. 668 ff. — 400 лѣтъ отъ рожденія Исаака, такъ что на Египетское рабство приходится 210 лѣтъ.

³⁾ Jos. Flavii Antiqu. II, 9:1 у B. Niese I, p. 225: καὶ τετρακοσίων μὲν ἐτῶν χρόνου διήγυρον ταῖς ταλαιπωρίαις. De beillo jud. X, 9:4 ibid. XI, p. 487: οὐ τυραννούμενοι καὶ βασιλεῦσιν ἀλλοφύλοις βοπεπτωχέτες τετρακοσίοις ἔτεσιν... ἐπέτρεψαν τῷ θεῷ.

⁴⁾ Quis rerum divinarum heres sit § 54 у Mangey I, p. 511, (Cohn et) Wendland III, p. 61 (и англійскій пересказъ у Yonge II, p. 148): τετραχοῖς δὲ ἐτῇ γίνεται ἡ δουλεία.

нѣкоторыми другими соображеніями¹⁾), не встрѣчая безуслов-
ныхъ препятствий²⁾). Левій жилъ въ Египтѣ 94 года, внукъ его
и отецъ Моисеевъ Амрамъ былъ женатъ на своей теткѣ —
дочери Левінной Іохаведѣ (Исх. VI. 20. Числ. XXVI, 59 и ср.
Исх. II, 1), а законодатель еврейскій родился за 80 лѣтъ до
исхода (Дѣян. VII, 23, 30). При 430 годахъ Египетскаго рабства
— для матери Моисея въ моментъ его рожденія получился бы
не совсѣмъ вѣроятный возрастъ (ср. Быт. XVIII, 11 сл. XXIII, 1)
въ (430 — (94 + 80 =) 174 =) 256 лѣтъ, между тѣмъ при
Павловомъ счетѣ было бы тогда не болѣе 50-ти годовъ.

Во всякомъ случаѣ законъ былъ послѣ завѣта и — по
юридическому принципу — не могъ исправлять второго и ус-
транять его³⁾, какъ это непремѣнно вышло бы при условіи
замѣны и вытѣсненія (III, 18): — тутъ полученіе совершалось
бы уже „законнымъ порядкомъ“ и, слѣдовательно, по праву,
а Богъ оказалъ Аврааму милость (въ дарованіи наслѣдія) чрезъ
обѣтованіе и — значитъ — исключительно по своей благой
волѣ.

Опять вытекаетъ, что, осуществляясь во Христѣ, законъ
не могъ и не имѣть цѣлію предвосхищать себѣ не свойственную

1) По наблюденіямъ проф. R. H. Charles'a, вообще масорет-
ская хронология не имѣеть за себя авторитета древности и едва ли
существовала въ началѣ христіанской эры, а въ данномъ случаѣ
она тѣмъ болѣе сомнительна, что все другія извѣстія (Филона, Ио-
сифа Флавія и Дѣян. VII, 6) только воспроизводятъ указаніе Быт.
XV, 13 и (— кромѣ Bell. jud. V, 9 : 4 —) отличаются неопредѣ-
ленностью своего хронологического примѣненія (*The Assumption of Moses*, p. 3—4, not. ad I, 2).

2) Нѣкоторые (напр., Rev. John E. H. Thomson, *Books which influenced Our Lord and His Apostles*, Edinburgh 1891, p. 322) находятъ подтвержденіе второму, болѣе длинному счисленію
въ „Вознесеніи Моисея“, читая въ I, 3, что ко времени кончины
120-лѣтняго законодателя „протекло четыреста семьдесятъ лѣтъ со
времени прихода (пра)отцевъ въ Египтѣ“; но 1) текстъ латин-
скихъ фрагментовъ здѣсь до крайности испорченъ, 2) цифръ не
сохранилъ и 3) считается позднѣйшою маргинальною гlossenой. См.
Rev. Prof. R. H. Charles, *The Assumption of Moses* (London 1897), p. 34, crit. not. ad I, 3. Если у Prof. Carl Clemens'a по-
ставлено (*Die Himmelfahrt Moses въ Die Apokryphen und Pseu-
depigraphen des A. T., herausg. von Prof. E. Kautzsch II: Die Pseudepigraphen des A. T., Tübingen — Freiburg i. B. und Leipzig 1900, S. 317*) „... 400 seit dem Auszug aus Phönicien“, то эта цифра просто перенесена сюда изъ масоретскаго текста
Библии.

3) Ср. Pap. Охуг. III, 490, 3,5 (отъ 124 г. по Р. Хр.) πρὸς
ἀχύρωσιν ἀγεῖν τὴν διαθήκην.

энергію, чтобы сообщать всѣмъ благословенія Авраамовы. Его задача была, очевидно, совсѣмъ иная. Тсперь легче разрѣшить и дальниѣйший вопросъ (III, 19): что же такое законъ по своему существу и смыслу? Это очерчивается словами: тѣн па-
III, 19. рахѣсеву *χάριν προσετέθη, преступленія(и) ради прилож-
 ие и ся*, гдѣ нарѣчный предлогъ (ср. Лк. VII, 47, 1 Ін. III, 12, Іуд. 16, Еф. III, 1, 14, 1 Тим. V, 14, Тит. I, 5, 11) всегда со-
 храняетъ основной оттѣнокъ понятія *χάρις* и констатируетъ благо-
 гопріятное содѣйствіе „въ пользу“ чего-либо такого, что, „бла-
 годаря“ ему, получаетъ здѣсь новую опору для своего про-
 долженія и развитія. Этимъ естественно колеблется старинное
 толкованіе (ср. Феофилакта, Икуменія; блаж. Іеронима и др.),
 будто законъ данъ для обузданія (*ἀντὶ χαλικοῦ ὁ νόμος у св. І.
 Златоуста*)¹⁾. Наоборотъ, по буквальному грамматическому смы-
 слу, его предначертаннымъ служеніемъ будетъ благопріятное
 вліяніе для тѣхъ *παραβѣсеву*. Этотъ терминъ (ср. Рим. II, 23, IV,
 15, V, 14, 1 Тим. II, 14, Евр. IX, 15) означаетъ не грѣхъ вооб-
 ще, но специальное его проявленіе, когда по преслушанію воли
 допускается грѣховно-активное преступаніе (ср. Евр. II, 2)
 точно формулированной и повелительной нормы, въ результа-
 тѣ чего бываетъ совершившееся грѣховное паденіе (*παράπτωμα*
 ср. Гал. VI, 1; Слем. hom. XI, 16: *τὸν παραπτομάτων χάριν ἡ
 τιμωρία ἐκτεταῖ*). Въ данномъ случаѣ могли разумѣться только
 обсуждаемыя законническія предписанія въ качествѣ юриди-
 ческихъ преградъ, которыя люди нелегально переходять вопре-
 ки запрещеніямъ. Отсюда находимъ, что законъ призошелъ не
 безъ того, чтобы его нарушали. Тогда въ исполнителяхъ не-
 обходимо предполагается упорная сила сопротивленія законнической
 корректности, — сила внутренняя и независимая, но получающая теперь отчетливое конкретное выраженіе въ качествѣ грѣховной законопреступности. Ясно, что это бывшій ранѣе законъ (Рим. V, 13, VII, 7 и др.) грѣхъ, къ коему по-
 томъ присоединяется *νόμος*, почему о немъ и сказано прямо
προσετέθη — приложенъ къ бывшему доселѣ и сродному фак-
 тору сверхъ и въ добавленіе къ нему. Естественно, что при
 подобной дружественной комбинаціи будетъ неизбѣжный
 итогъ въ возбуждающемъ оживотвореніи (Рим. VII, 8—9) и уси-
 леніи (1 Кор. XV, 56) существовавшей грѣховности, которая
 теперь начинаетъ энергически функционировать уже въ видѣ
 юридической преступности (Рим. IV, 15). Такъ было факти-
 чески на протяженіи всей исторіи, — и здѣсь Апостоль рас-
 крываетъ намъ, что это случилось не вопреки законуизрекав-
 шей волѣ, разъ все происшедшее предусматривалось еще въ
 самомъ началѣ процесса. Если же непремѣннымъ предварені-
 емъ и обязательнымъ условіемъ вдоворенія закона должна

¹⁾ Migne gr. LXI, col. 654; Творенія X, стр. 782.

быть наличность родственной величины, то лишь быtie по- III, 19.
слѣдней опредѣляетъ его возникновеніе, примѣненіе и продолженіе. Слѣдовательно, законъ не есть учрежденіе ни исконное, ни вѣчное, а появляется и прекращается вмѣстѣ со своимъ двойникомъ. Но мы знаемъ, что грѣхъ — исторического происхожденія и упраздняется обѣтованнымъ „съменемъ“ во Христѣ Иисусѣ. Потому и господство закона, отправляясь отъ извѣстного пункта времени по своему историческому утвержденію, простирается въ своемъ дѣйствіи только до этого предѣла безусловно гарантированной фактической реализаціи божественного обѣтованія¹⁾), когда „прайде сѣнь законная благодати пришедшей“.

Таковы принципіальныя и историческая границы номизма. Исключительно въ нихъ законъ обладаетъ достаточную важностію и совсѣмъ не можетъ затрагивать сферы обѣтованной, куда просто не проникаетъ за своимъ аннулированіемъ. Онъ былъ опубликованъ высшимъ авторитетомъ (ср. Дѣян. VII, 44. 1 Кор. IX, 14) въ качествѣ юридически-принудительного постановленія, какъ δικταγεῖς, или формальный институтъ²⁾. Съ другой стороны, и посредниками провозглашенія были Ангелы, на присутствіе которыхъ указываютъ всѣ грозно чудесныя (ср. Евр. XII, 18 сл.) знаменія при Синаѣ (ср. Псал. CIII, 4), какъ LXX усматривали свидѣтельство о нихъ во Второз. XXXIII, 2, гдѣ поеврейски говорится, что „Господь отъ Синая... шелъ съ тьмами святыхъ“, имѣя „по правую руку огонь закона“, а греческіе переводчики вмѣсто послѣдней фразы поставили: ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἀγγέλων μετ' αὐτοῦ — согласно распространенной потомъ религіозной традиції³⁾). Такое соучастіе безплотныхъ небесныхъ духовъ архидіаконъ Стефанъ считалъ символомъ славы закона (Дѣян. VII, 53), а посланіе къ Евреямъ (II, 2) принимаетъ его за вѣрную поруку твердости ветхозавѣтнаго сло-

1) Ἐπίγυγελται: — пассивно, какъ, напр., въ 2 Макк. IV, 27.

2) Значить, это есть важный моментъ аргументаціи, и потому причастіе δικταγεῖς нельзя разрѣшать въ простое καί, какъ предлагаетъ Prof. W. M. Ramsay, A Historical Commentary on the Epistle to the Galatians, p. 381.

3) См. Дѣян. VII, 53. Іосифа Флавія Antiqu. XV, 5: З у В. Niese III, p. 356: οὐδέν δὲ τὰ κάλλιστα τῶν δογμάτων καὶ ὀστώτατα τῶν ἐν τοῖς νέμοις δι’ ἀγγέλων πήρε τοῦ θεοῦ μαθόνταν. Филона De somniis I, 22 у Mangey I, p. 642 (Сohn et) Wendland III, p. 235 (и Yonge II, p. 322). Книга Юбилеевъ у Ewald'a Jahrb. II, S. 233; III, S. 74; ср. у проф. о. А. В. Смирнова, Книга Юбилеевъ (Казань 1895), стр. 57. Объ юдейскихъ преданіяхъ см. еще J. Gfröger, Das Jahrhundert des Heils I, S. 226, 357 f. Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 554—555.

- III, 19. ва, преступленіе и ослушаніе коего неминуемо влекли за собою праведное воздаяніе. Наконецъ, и фактическимъ вручителемъ (*ἐν χειρὶ*) закона народу еврейскому былъ получившій его отъ Господа (Исх. XIV, 12. XXXI, 18. XXXII, 19. XXXIV, 29) Моисей¹), великий пророкъ, отмѣченный перстомъ Божімъ въ сіяніи лица его (2 Кор. III, 7). Все это принимается Апостоломъ, какъ неотразимое свидѣтельство о величинѣ закона, который санкционируется въ свойственномъ ему достоинствѣ по его дѣйствительнымъ размѣрамъ. Надо только внимательно разсмотрѣть и точно оцѣнить всѣ эти номистическая поручительства. Тутъ Богъ посредствовался Ангелами, а блескъ ангельской отражался для людей единственно въ преломляющемъ посредничествѣ Моисеевомъ. Въ этомъ послѣднемъ условіи состояла специальная особенность Синайского законоположенія, почему именно ею опредѣляется подлинный его смыслъ. Чѣмъ же собственно означаетъ это посредство? И грамматически и фактически несомнѣнно (III, 20), что по самой своей природѣ посредникъ, какъ конкретный *ὁ μεσίτης*²), можетъ быть развѣ лишь при двухъ сторонахъ и совсѣмъ не меныше, когда пришлось бы посредствовать кого-либо единаго съ самимъ собой, чѣмъ нелѣпо. Посему далѣе будетъ столь же неизбѣжно отрицательное утвержденіе, что онъ не бываетъ посредникомъ (для) одного, ибо тогда посредствовать уже нѣ съ кѣмъ. Здѣсь необходимо требуется что-нибудь второе, но Богъ — одинъ и представляетъ собою божественное единство (въ существѣ) со всею абсолютностію. Теперь получается такой выводъ: разъ посредничество обязательно предполагаетъ двойство, а его нельзя находить въ строго единомъ Богѣ, то, очевидно, законъ *не* исключительно божественный, *не* чисто божественное учрежденіе, *не* самоцѣльное и *не* самосвѣтное выраженіе воли Божіей, если чрезъ него послѣдняя входить въ соглашеніе, примиряется и приспособляется къ другой³). Эта вторая не-божественна и преходяща; естественно, что и отвѣчающій ей законъ Синайский будетъ временно-аккомодативнымъ институтомъ домостроительственной педагогіи, которая въ историческомъ процессѣ обнаруживается многочастно и многообразно.

¹⁾ Ср. Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 556.

²⁾ Тутъ авторъ отъ общаго понятія посредничества въ III, 19 (*ἐν χειρὶ μεσίτου*) переходитъ (въ ст. 20) къ специальному опредѣленію самой природы посредничества по эссенциальному его свойству.

³⁾ Не совсѣмъ понятно, какъ все это можно отнести къ „la loi primitive“, о чёмъ старается E. Bruston въ „Revue de théologie et de philosophie“ 1894, I, p. 56.

III, 20.

И это пониманіе не было въ устахъ Апостола абсолютно неожиданно и оскорбительною странностію ни для кого, поелику еще пророкъ Іезекіль говорилъ о своикъ предкахъ отъ имени Іеговы (XX, 25): „и (Азъ) дахъ имъ заповѣди *не* добры, и оправданія, въ нихъ же не будутъ живи”, какъ Спаситель прямо свидѣтельствовалъ іудеямъ о разводѣ (Мо. XIX, 8): „Моисей по жестокосердію вашему повелѣ вамъ пустити жены ваша: изъ начала же не бысть тако”.

Сообразивъ все сказанное, мы легко усмотримъ, что св. Павель охотно признаётъ необычайныя достоинства закона по силѣ обстоятельствъ и способовъ, виновниковъ и участниковъ его опубликованія. Наравнѣ со всѣми своими соплеменниками — писатель вполнѣ принимаетъ высокую важность дѣйствовавшаго тамъ посредничества, сообщившаго всему Синайскому институту наименованіе Моисеева¹⁾): — только въ этомъ, для всѣхъ безспорномъ, фактѣ онъ подмѣчаетъ и сокрушительную energiю для всякихъ номистическихъ притязаній въ пользу необходимости законническихъ нормъ для достиженія полнаго христіанскаго спасенія. Именно потому Моисея Апостоль называетъ просто по его специальному отличію Синайскаго ходатайства и 20-й стихъ начинаетъ энергическимъ противоположеніемъ, которое устраняетъ совсѣмъ и сокращаетъ всѣ іудейскія и іудаистическая преувеличенія ослѣпленно-фанатическихъ защитниковъ законническаго величія, когда у нихъ историческое значеніе возводится въ догматическое.

Къ прежнимъ даннымъ, что 1) самъ законъ осуществляется во Христѣ и поглощается въ христіанствѣ, но 2) ничуть не отмѣтаетъ обѣтованія Божія, отнынѣ присоединяется 3) третья черта въ интересахъ причиннаго выясненія всѣхъ другихъ, что онъ таковъ вслѣдствіе натурально свойственной ему временнной приспособительности. Отсюда естественно возникаетъ еще дальнѣйший вопросъ: не былъ ли — поэтому — законъ помѣхою и тормазомъ для обѣтованія, враждебно-препятствующимъ ему учрежденіемъ? — и отвѣтъ будетъ (III, 21) безусловно отрицательный, поелику и вообще диспаратное не есть нѣчто адверсативное. Для утвержденія нужны были два качества, что законъ 1) имѣлъ цѣллю замѣнить завѣтъ и 2) располагалъ къ тому достаточными средствами для оживотворенія, или для созданія независимой собственной номистической жизни: — въ этомъ случаѣ чрезъ него, дѣйствительно, осуществлялось бы исконное намѣреніе обѣтованія въ сообщеній

III, 21.

¹⁾ Совсѣмъ не понятно, какъ въ рѣчи о ветхозавѣтномъ законѣ можно предполагать посредникомъ Іисуса Христа, хотя эту мысль защищали въ древности, напр., блаж. Еронимъ (Творенія XVII, стр. 91) и Феофилактъ (стр. 40).

- людямъ праведности, которая ведеть къ неисчерпаемой жизненности, поддерживаеть и питаеть ее¹); но фактически нѣть первого и — слѣдовательно — не находится второго. Напротивъ (змѣя III, 22): воплощающее и олицетворяющее законъ — Писаніе именно по этому своему номистическому характеру крѣпло и всѣхъ заключило и подчинило верховенству грѣха²), поелику іудеи оказались подъ клятвою (III, 10), а язычники были *безожи въ мірѣ* (Еф. II, 12). Здѣсь искомая праведность могла открываться лишь по изъятіи и аннулированіи закона, при чемъ она становится собственностью этого побѣдителя и чрезъ него переходить на всѣхъ присныхъ по силѣ единенія съ нимъ. А это есть Іисусъ Христосъ съ безконечною и неограниченную братію искупленыхъ, откуда получаемъ, что обѣтованіе дается въ фактическое обладаніе однѣмъ вѣрующимъ и только по вѣрѣ. Изъ этихъ наблюдений вытекаетъ, что по своимъ внутреннимъ стремлениямъ законническое порабощеніе не противно цѣлямъ обѣтованія и — скорѣе — отрицательно подготавляло ихъ универсальное исполненіе въ всякихъ національныхъ рамокъ, ибо приводило къ всеобъемлющей и всѣмъ доступной вѣрѣ. До возвращенія новаго міропорядка съ господствомъ послѣдней (III, 23) — роль закона ограничивалась національно іудеями и исчѣрывалась строгимъ храненіемъ ихъ въ своей оградѣ³). Тѣмъ не менѣе даже и это узничество служило на пользу мессіанско-благодатныхъ плановъ. Иначе вышло бы развѣ всеобщее языческое совращеніе безбожія, а теперь упраздненіемъ „клятвы законной“ начинается владычество благословеній духа оправданного и жизни святой. По всему очевидно, что самое страженіе еврейское подъ закономъ направлялось къ вѣрѣ, долженствовавшей открыться и по вѣхозавѣтному предчувствію, если именно она лежала въ основѣ исконнаго обѣтованія и проникала его. Знать (III, 24), фактически (ѡстѣ) законъ служилъ намъ же, будучи для евреевъ *пъстуною*, или педагогомъ (ср. 1 Кор. IV, 15), который морально дисциплинируетъ питомца для зрѣлага и отвѣтственного наслѣдничества. Это былъ суровый дядька, путемъ ограниченій, запрещеній и обузданій приготовлявшій и направлявшій ко Христу, какъ своей высшей цѣли, чтобы въ Немъ всѣ мы почерпали оправданіе отъ вѣры и тѣмъ самыми приобрѣтали полную самостоятельность. Естественно (III, 25), что когда приходитъ и возвращается этотъ порядокъ вѣры, — причастники ея уже не нуждаются въ пропедевтической опекѣ, являясь благодатными наследниками. Но эта

¹⁾ Ср. обѣ этомъ выше къ III, 11 на стр. 130.

²⁾ Для *συγχλείειν* ср. Пс. XXX (31), 9.

³⁾ Ср. Пр. Сол. XVIII, 15 . . . ἐφρουρέετο εἰς τὴν ἀσιδηρον
εἰρχτὴν κατακλεισθείσ.

юридически-фактическая полномочность относится къ правдѣ, а она есть исключительное достояніе Божіе, которое можетъ усвояться лишь при обладаніи всѣми наслѣдственными преимуществами сыновства. Въ такомъ случаѣ оправданіе христіанскаго незыблемо утверждаетъ, что всѣ облагодатствованные суть истинно чада Божія по своему реальному общенню вѣры съ Господомъ-Искупителемъ, ибо своимъ человѣчествомъ въ Иисусѣ Онъ натурально соединяется съ нами и своимъ мессіанствомъ во Христѣ возводитъ къ Богу, какъ общему отцу (III, 26). Для людей вся задача здѣсь будетъ лишь въ обезпечениіи этого соединенія съ Избавителемъ, дарующимъ богосыновство, — и это вполнѣ безспорно, поелику (III, 27) уже совершилось крещеніе, а *βαπτίζω* съ предлогомъ *εἰς* вин. пад. констатируетъ погруженіе въ водную стихію, напр., Йордана (Мрк. I, 9), и въ отношеніи Христа (Рим. VI, 3) указываетъ на таинственно-неразлучное сочлененіе съ Нимъ, наше сраствореніе въ Господѣ. Потому дѣйствіе этого акта, простираясь на всѣхъ принявшихъ, разрѣшается облеченіемъ во Христа, гдѣ они — по прекрасному выраженію св. Іоанна Златоуста¹⁾ — приходятъ *εἰς μίαν συγγένειαν καὶ μίαν ἰδέαν* (въ одно сродство и въ единый образъ), „принимаютъ Его образъ и начертаніе, дѣлаются причастными Логосу“ (св. Мелодій Патарскій) и съ Нимъ пріобрѣтаютъ равное для всѣхъ благодатное сыновство. Въ этомъ у христіанъ все специальное отличие (III, 28), но послѣднее абсолютно не зависитъ отъ религіозно-национальныхъ, соціальныхъ и половыхъ градаций, и въ немъ нѣтъ особенностей юдея и эллина, раба и свободнаго, мужчины и женщины (ср. Рим. X, 13. Кол. III, 11): ибо богосыновство почерпается исключительно во Христѣ и производить единый благодатно-сыновній организмъ, гдѣ каждый сохраняетъ свою индивидуальность (*εἰς*). Тутъ всѣ вѣрующіе неизбѣжно сливаются въ нераздѣльное цѣлое по тожеству вѣры искупленія и благодати возрожденія.

Въ итогѣ имѣемъ (III, 29), что Христовы — по нерасторжимости союза съ Главою — являются истиннымъ потомствомъ Авраама чрезъ его подлинное сѣмя и — согласно божественному обѣтованію — бывають наслѣдниками всѣхъ праотеческихъ благословеній и чаяній, разъ завѣтъ былъ о Христѣ (ср. III, 17), а они съ Нимъ и въ Немъ. Конечно, закону тутъ нѣтъ места, какого не было у него и прежде соответственно подлинному его достоинству и изначальному предназначению. Частнѣе эта новая дополнительная особенность, что наше христіанское сыновство не отъ закона, опять освѣщается примѣрною аналогіей изъ житейской сферы (IV, 1). Беремъ переходный возрастъ на ступени „младости“ между *παῖς* и *ἄνδρα*, когда

III, 26.

III, 27.

III, 28.

III, 29.

IV, 1.

¹⁾ Migne gr. LXI, col. 656; Творенія X, стр. 785.

IV. I.

субъектъ чуть не до противоположности отличается отъ „мужа“ (ср. 1 Кор. XIII, 11. Еф. IV, 13—14), ибо есть просто *μῆτρας* и не владѣть еще правомъ самостоятельно-авторитетной и ответственной рѣчи (*μητέρας* или *τικής* съ дигаммой¹). Въ этотъ періодъ даже прирожденный наследникъ подобенъ

¹⁾ Ср. объ этомъ у Ch. D a g e m b e r g et E d m. S a g - l i o III, 1, р. 485—488; V, р. 485b. Курсъ римского права † проф. К. А. Митюкова; изданіе второе съ добавленіями привагъ-доцента А. К. Митюкова (Киевъ 1902), стр. 38—39: „Возрастъ дѣтства римляне называютъ *infantia*, а лицъ этого возраста *infantes* или *qui fari non possunt*, т. е. которые не могутъ говорить съ сознаніемъ значенія произносимыхъ ими словъ. Всѣ юридические акты совершались въ древнее время у римлянъ въ устной формѣ. Почему способность произносить эту форму съ сознаніемъ значенія словъ ея и совпадаетъ со способностью совершать юридические акты... *Infans* было дитя, не достигшее 7-ми лѣтъ“, когда — по Макробию — *eodemque anno id est septimo plene absolvitur integritas loquendi*. Наряду съ *infantes* „неспособны совершать нѣкоторые акты лица, вышедшиа изъ дѣтского возраста, но не достигшия совершеннолѣтія. Это были *impuberes*, *qui fari possunt*, *infantia majores*. Они не могутъ понимать значенія всѣхъ юридическихъ актовъ. Почему законъ и не допускаеть ихъ къ совершенію актовъ отчужденія имущества и вообще актовъ обязывающихъ ихъ. Къ актамъ чистаго приобрѣтенія несовершеннолѣтній былъ вполнѣ способенъ“. Такой періодъ продолжался до 14-ти лѣтъ — для мужчинъ — и до 12-ти — для женщинъ. Соответственно этому (стр. 247—348) „римское право различаетъ два вида опеки: 1) опеку въ собственномъ смыслѣ (*tutela*) и 2) попечительство (*cura*). Основная идея обоихъ этихъ учрежденій одна и также... (Но) только опекунъ давалъ лицу, которое находилось подъ его опекой, такъ наз. *auctoritatem*... Дитя старше 7 лѣтъ само могло совершать юридические акты, но опекунъ своимъ участіемъ восполнялъ еще незрѣлую личность этого дитя. Это восполненіе и есть *auctoritas* опекуна. Попечитель также содѣствуетъ несовершеннолѣтнему при совершении имъ нѣкоторыхъ юридическихъ актовъ. Но это содѣствіе попечителя есть только согласіе (*consensus*), или одобрение акта, совершенного лицомъ вполнѣ способнымъ дѣйствовать юридически, но лицомъ неопытнымъ, легко доступнымъ для обмана и увлечения со стороны другихъ. *Auctoritas* опекуна есть нераздѣльная составная часть акта, совершенного малолѣтнимъ; согласіе же попечителя есть особое отдельное дѣйствие, подтверждающее въ извѣстныхъ случаяхъ актъ несовершеннолѣтняго“. Полнолѣтіе было въ 25 годовъ, и до этого времени послѣдовательно сменялись опекунъ и попечитель, которые не могли быть при одномъ субъектѣ совместно.

рабу, будучи юридически господиномъ и распорядителемъ всего достоянія. Напротивъ (IV, 2), онъ пока находится подъ надзоромъ „попечителей, учителей и педагоговъ“ (*Philonis ad Caſ. 4: M. II*, p. 549: γέπιπου ἔτι δύτα, κοριδῆ χαῖ χρήσοντα ἐπιτρόπου καὶ διδασκάλου χαῖ παιδαγωγῶν), въ своей личной свободѣ заправляется эпитропами¹), а въ имущественно-хозяйственныхъ дѣлахъ контролируется экономами. И такъ продолжается до установленного отцомъ срока для фактическаго пользованія законною чистою. Здѣсь Апостоль утилизируетъ юридическую терминологію²),

¹⁾ Объ ἐπίτροπος см. у *Daremb erg et Edm. Saglio II*, 1, p. 728—732. Ср. 1 Макк. XI, 1. XIII, 2.

²⁾ Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ о встрѣчающихся въ Галатийскомъ посланіи „юридическихъ“ указаніяхъ, которыя утилизируются одними ради защиты южно-галатийской теоріи (W. M. Ramsay), другими привлекаются для мысли о римскомъ происхожденіи данного апостольского документа (Apt. Halmel). Первые отмѣчаютъ слѣдующія черты. I) Св. Павель объявляетъ вѣрующихъ чадами Авраамовыми (III, 7) въ силу ихъ наслѣдничества, чѣмъ предполагается, что наслѣдуютъ только сыновья (природные и адоптивные), а не дочери или постороннія лица, между тѣмъ по тогдашнему римскому праву, дѣйствовавшему въ сѣверной Галатіи, можно было каждого сдѣлать наслѣдникомъ безъ усыновленія; лишь въ греческой юридической практикѣ южно-галатийскихъ областей со временемъ Александра В. и Селевкідовъ сохранилось древне-римское уложеніе о наслѣдническихъ преимуществахъ мужскаго поколѣнія, кровнаго и усыновленнаго. II) Въ Гал. III, 15—17 завѣщаніе считается извѣстнымъ заранѣ и неотмѣняемымъ, какъ было по греческимъ законамъ, требовавшимъ публичной передачи тестаментарныхъ актовъ чиновникамъ, которые должны были хранить ихъ и не допускать ни малѣйшихъ поправокъ, когда — по римскимъ нормамъ — завѣщанія были секретомъ при жизни тестатора, получали дѣйственность уже по смерти его и до тѣхъ поръ легко измѣнялись. III) По римскому праву (см. прим. 1 на стр. 142) малолѣтний сынъ до 14-ти годовъ находился подъ *tutor'омъ* (ἐπίτροπος) и до 25-ти подъ *curator'омъ* (οἰκονόμος), но отцу дозволялось назначать по завѣщанію только первого (*Iust. I, 23, 1: curator testamenti pop datur*), а не второго; поэтому обратное сообщеніе Гал. IV, 2 встрѣчаетъ для себя аналогію лишь въ сиро-римскомъ или въ греко-сирскомъ юридическомъ памятнике, бывшемъ въ примѣненіи среди южно-галатийскихъ жителей (ср. W. M. Ramsay, *A Historical Commentary on St. Paul's Epistle to the Galatians*, p. 392—393).

Всѣ эти соображенія при внимательномъ разборѣ (Prof. P. W. Schmiede'я въ *Encyclopaedia Biblica II*, col. 1608—1610) оказываются неубѣдительными. Прежде всего, неточно воспроизводятся факты. Для греческихъ законовъ констатируется, что, по крайней мѣрѣ, съ IV—III вѣка д. р. Хр. завѣщатель располагалъ свободою

IV. 2.

но примѣнительно къ обиходному ея употребленію, почему и трудно выяснить всѣ пункты согласно строгимъ юридическимъ нормамъ¹⁾. И вотъ тогдашнее право не зна-

въ назначеніи наследниковъ (ср. J. Mittheis, S. 341); равно и самая завѣщанія не обязательно было передавать въ официальныя учрежденія, откуда — опять же — ихъ можно было брать и уничтожать, почему неотмѣняемость не доказана и едва ли вѣроятна (ср. у Мэнъ, Древнее право, Спб. 1876, стр. 137 сл., 160, 167); на востокѣ вообще не выдерживалось римское различие между двумя видами опеки (собственно опекой — надъ малолѣтнимъ) и суга (попечительствомъ надъ несозрѣвшимъ, хотя юридически правоспособнымъ), а греки знали лишь первую и потому у нихъ былъ только одинъ терминъ ἐπίτροπος, такъ что, — когда послѣдній специализировался — погречески прямо писалось καιράτωρ, иногда вытѣснявшееся чрезъ φροντιστής (наряду съ χέριος). Не менѣе того не совсѣмъ правильно освѣщаются и апостольскія свидѣтельства. Вѣрующіе суть сыны Авраама (ср. Рим IV, 11 сл., 16—18, но по усыновлению *не* ему, *а* Богу (Гал. IV, 5—6), какъ дѣти обѣтованія по Исааку — отъ свободной (IV, 28, 31). Если Апостоль говорить (въ IV, 15, 17) о судьбѣ тестаментарного распоряженія уже по кончинѣ завѣщателя, то — значитъ — не включаетъ послѣдняго въ число тѣхъ, кто при жизни его некомпетентенъ модифицировать завѣщаніе, которое неприкосновено для другихъ и всегда подвластно тестатору (ср. Мэнъ, стр. 126). Касательно „попечителей“ и „домоправителей“ св. Павелъ выражается не съ техническою строгостью, не отрицая (— вопреки юридическимъ требованиямъ —) ихъ одновременной совмѣстности; поэтому далеко не бесспорно и то, что отецъ рисуется умершимъ (ср. W. E. Ball, St. Paul and the Roman Law, Edinburgh 1901, p. 29—30 и въ „The Contemporay Review“ № 308: August, 1891, p. 289), поскольку подобный случай представляется возможнымъ и при жизни хозяина (Лк. 12, 29 сл.). Наконецъ, всѣ эти данныя убѣждали бы развѣ въ знакомствѣ благовѣстника съ греческими законами, пимало не удостовѣряя этого для читателей: — иначе пришлось бы согласиться, что язычники Галатійские (III, 13, 23—25. IV, 5) и Коринѳійские (1 Кор 1, 1) были пунктуально освѣдомлены въ Моисеевыхъ предписаніяхъ. Въ силу этого не содержать научной принудительности въ пользу южно-галатійской гипотезы и ссылки на Гал. III, 24 сл. III, 28 и др. на тѣхъ основаніяхъ, будто „педагоговъ“ (изъ) рабовъ не было на сѣверѣ Галатій и лишь на югѣ ея жениницы имѣли большую независимость при мужчинахъ. По всему сказанному ясно, что вообще юридическое толкованіе апостольскихъ текстовъ не должно быть проводимо съ излишнею скрупульѣзностью. См. и ниже.

1) Такъ, самая регламантаций возрастовъ по римскому праву, — вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія, а раньше степень зрѣлости

IV, 2.

ло¹⁾ отеческой привилегії насчетъ опредѣленія наслѣдническа-го термина, который рѣшался годами, а не завѣщательскою волей. Догадки о специальныхъ особенностяхъ Галатийской наслѣдственной практики ничего не объясняютъ и просто принимаютъ за фактъ недоумѣнныя апостольскія слова. Ключъ нужно искать въ нихъ самихъ, а тутъ рѣчь идетъ о времени „младости“, къ которому и относится *τὰ στοιχεῖα τοῦ κόσμου*. Не видно также, что отецъ мыслится скончавшимся. Скорѣе вѣрно обратное, что онъ еще при жизни, пользуясь отеческою влас-тію, могъ задерживать наслѣдническія части своего имущества за собою, и требование ихъ „по закону“ не считалось приличнымъ, хотя бы и удовлетворялось (ср. Лк. XV, 12, 29—31). Во всякомъ случаѣ вѣрно, что юридическое право далеко не было фиксировано съ незыблемостію²⁾ и не всегда совпадало съ реальными владѣніемъ, не дѣйствовавшимъ по тѣмъ или инымъ причинамъ. Совершенно сходно этому и все мы — іudeи и эллины — до момента христіанской зрѣлости были въ раб-скомъ подчиненіи „стихіямъ міра“ (IV, 3). Эти *τὰ στοιχεῖα τοῦ κόσμου*³⁾ проще и правильнѣе относить къ космическимъ элемен-тамъ, составляющимъ упорядоченный вѣнчаний міръ и гармони-чески регулирующимъ его. Въ религіозномъ смыслѣ это озна-чаетъ не просто религіозную примитивность⁴⁾, а космическую приспособительность религіозного сознанія въ догматѣ и въ практикѣ. Именно такою аккомодативностію — наряду съ эл-линизмомъ — отличалась и вся номистическая педагогія (въ за-конѣ и даже пророкахъ⁵⁾), потому что она была приоровлена къ стихійно-космическимъ условіямъ человѣческой ограничен-

IV, 3.

опредѣлялась, кажется, эмпирически, о чёмъ см. у проф. Д. И. Аза-ревича, О различіи между опекой и попечительствомъ по рим-скому праву (Спб. 1872), стр. 33 сл., какъ въ этомъ сочиненіи специально обсуждаются и все вопросы, служащіе ближайшимъ предметомъ изслѣдованія автора; въ частности, подтверждается (на стр. 34) и извѣстіе Апостола Павла (въ Гал. IV, 2) о дозволи-тельности назначенія срока для прекращенія опеки.

¹⁾ Неназвѣстно это и въ раввинизмѣ: Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 570.

²⁾ См. у Le P. M.—J. Lagrange, Galates, p. 297—98.

³⁾ По этому вопросу за новѣйшее время см., напр., у B. E. Bandas, The Master-Idea of Saint Paul's Epistles or the Re-demption: a Study of Biblical Theology (Brügge 1925), что *τὰ στοιχεῖα τοῦ κόσμου* — не высшая духовная сила, но элементарное, первоначальное обученіе и знаніе См. и Prof. Ernest De Witt Burton, p. 510—518.

⁴⁾ Ср. даже Prof. Ernest De Witt Burton, p. 518: „the rudimentary religious teaching possessed by the race“.

⁵⁾ Ср. блаж. Іеронимъ, Творенія XVII, стр. 100, 108—109.

IV, 4.

ности (напр., въ праздникахъ и обрядахъ)¹⁾ и созидалась лишь на внѣшнемъ упорядоченіи человѣческаго поведенія съ требованіемъ рабски-безотвѣтной покорности себѣ (ср. IV. 9—10). При подобномъ положеніи крайней подневольности людей и названный деспотический строй не могъ прекратиться ни самъ собою, ни человѣческими усилиями, а требовалъ вышаго вмѣшательства, которое, въ свою очередь, нуждалось въ подготовленной почвѣ для дѣйствія и воспріятія, чтобы пропедевтическій опытъ неотразимо убѣждалъ, что всѣ ресурсы и способы исчерпаны, и засимъ необходимо нѣчто новое, болѣе совершенное. Тутъ нѣтъ анархической революціи, ибо бывшее доселѣ измѣняется по завершеніи доступнаго осуществленія своихъ цѣлей во времени и при томъ вышеупомянутомъ властію, гospодственno освобождающею узниковъ. Отсюда нормально (IV, 4), что виновникомъ этого переворота является Богъ, выступающій не произвольно, а въ самый удобный моментъ, когда наступило тѣ *πλήρωμα τοῦ χρόνου* и время наполнилось до края тѣмъ, что должно было въ него влияться и составлять всецѣлое его содержаніе. Естественно, что достиженіе этой полноты оказывалось послѣднимъ предѣломъ для даннаго дѣйствія, и оно дальнѣе прекращалось за фактическою невозможностію продолженія. Въ религіозно-промышленномъ отношеніи этимъ отмѣчалось, что благогодатная эпоха получила все свойственное вліяніе со стороны закона, который уже исчерпалъ всю свою педагогическую энергию и положительно и отрицательно, воспитывая въ людяхъ чистую вѣру въ Бога и сознаніе своей беспомощности для спасенія. Теперь именно было благовременно, чтобы послѣ законническаго предваренія открылось самое обѣтованіе во всемъ фактическомъ торжествѣ. Посему-то нынѣ Богъ и послалъ Сына Своего, а Онъ, замѣняя собою все космическое, будетъ эссенціально вышемірныи, или истинно божественнымъ. Такое качество возможно лишь при сосущественности божеству, обезпечивающей одинаковое божеское естество. Въ свою очередь это преимущество бываетъ неразрывно отъ соврѣменности, каковая для божественной области всегда равняется вѣчности. Потому и сказано усиливительно *εξ-χτ-έστελεν* — исторически отославъ отъ Себя то, что было ранѣе (ср. Лк. XXIV, 49. Дѣян. VII, 12. XII, 11) въ сферѣ жизни Отца и — значить — вѣчно. Это посланничество было для сообщенія людямъ сыновняго наслѣдованія. Разъ же для пріобрѣтенія сего люди сами по себѣ неспособны, — здѣсь долженъ войти въ союзъ съ ними и поднять до Себя Нисшедшій. Ясно, что въ этихъ интересахъ необходимы и общія свойства человѣчности и специальная приспособленія ея къ условіямъ наслѣдничества, га-

¹⁾ Ср. св. I. Златоустъ: Migne gr. LXI, col. 657; Творенія X, стр. 785.

рантировавшагося прежде законничествомъ. Подобный характеръ выполненія Сыномъ своей миссіи и отмѣчается у Апостола соподчиненными причастіями—такъ, что γενέμενον ἐξ γυναικός (бываєма отъ жены) указываетъ принятіе не бывшей доселъ полной человѣческой природы, которая бываетъ только при рожденії¹⁾ отъ „жены“, а γενέμενον ὑπὸ υἱου (бываєма подъ закономъ) означаетъ столь же добровольное подчиненіе закону, которое не требовалось непремѣнно для самаго человѣческаго бытія и — слѣдовательно — допускалось намѣренno ради успѣха ближайшей задачи Сыновняго посланничества. По человѣчеству Христосъ натурально сблизился съ людьми и законническою покорностію усвоилъ первенствующій изъ тогдашнихъ оправдательный методъ. Дальше нужно было либо улучшить и укрѣпить данное средство, или — при его испытанной негодности — устранить новымъ, болѣе дѣйственнымъ. Естественно, что, будучи совершаemo въ общечеловѣческой сфере, фактическое выполненіе искупительныхъ плановъ должно было идти обратнымъ порядкомъ — отъ частнаго къ общему. Если дѣло касается примѣненія законническихъ пріемовъ, то и результатъ сначала и больше всего долженъ обнаруживаться въ предѣлахъ владычества закона, откуда благотворное вліяніе будетъ распространяться уже на обширные круги. Апостолъ и удостовѣряетъ (IV, 5), что все описанное было задумано и предпринято для достиженія того фактическаго успѣха, чтобы освободить подзаконныхъ, выкупивъ (ἐξαγοράστη) ихъ изъ номистической подневольности, а рабство могло прекращаться только выплатою необходимой цѣны господину, который иначе не желаетъ освободить своихъ слугъ. Самымъ искупительнымъ намѣреніемъ утверждается, что пребываніе подъ законническимъ попеченіемъ было недостаточно и неудобно для надлежащагоувѣнчанія оправдательныхъ цѣлей, которыя стѣснялись и парализовались въ своемъ примѣненіи. Нужна была для нихъ полнѣйшая свобода, чтобы возобладало истинное избавленіе. Ясно, что послѣднее могло достигаться лишь чрезъ упраздненіе подзаконного состоянія вмѣстѣ съ устраненіемъ всего законничества, когда получится реальное оправданіе. Въ такомъ случаѣ обязательно принять, что бывшиe подзаконники, будучи выкуплены на свободу, пріобрѣтаютъ теперь сыновнюю полноправность и, конечно, потому,

¹⁾ Вполнѣ произвольно и грамматически и контекстуально, яко бы γενέμενον ἐξ γυναικός отмѣчаетъ не воплощеніе, а только уничиженность человѣческой природы (какъ утверждаетъ М. Вѣскнер, Die Entstehung der paulinischen Christologie, Strassburg 1903, S. 35 и. Апн. I). Напротивъ, вполнѣ правильно, что — вопреки Валентиніанскому діа — ἐξ означаетъ рожденіе сверхъестественное († Prof. Th. Zahn, S. 200 Апн.).

IV, 5.

что великий освободитель усыновляет ихъ себѣ, пріобщая къ собственному бого-сыновству. Онъ является уже единственнымъ и исключительнымъ владыкою всѣхъ обѣтованныхъ благъ, почему и награждаетъ лишь въ силу своего личного соизволенія, рѣшительно не допуская никакихъ законническихъ ограничений и условій. Отсюда логически неоспоримо, что при искупленіи іудеевъ одновременно и фактически открывался равный просторъ для приближенія къ Господу всѣмъ людямъ. За упраздненіемъ номизма слѣдуетъ универсализмъ благодати, которая при сохраненіи его связывалась бы въ своемъ примѣненіи и дѣйствіи, какъ этого требовали іудаисты, вовсе не отрицавши доступа къ христіанству для язычниковъ. Только онъ мыслился и практиковался номистически обусловленно, а теперь бываетъ вполнѣ безпрепятственнымъ и сопровождается усыновленіемъ. Тутъ не простое периодическое *adoptio*, хотя въ греко-римскомъ правѣ послѣднее давало совершенно реальные преимущества, иногда приближавшіяся къ натуральнымъ привилегіямъ естественного сыновства¹⁾. Но во всякомъ случаѣ реальное рабство совсѣмъ не уничтожается теоретическимъ зачисленіемъ въ разрядъ дѣтей и требуетъ для своего дѣйствительного прекращенія не менѣе фактическаго *conditio filiorum* въ несомнѣнномъ фактическомъ обладаніи (ср. Рим. VIII, 14—15). Если первое вѣрно для подзаконности, то второе столь же безспорно для благодати. Правда, тутъ не прямое сыновство, но въ сыновлѣніе (*η υօδεσίχ*), однако лишь потому, что христіанское сыновство наше есть вторичное и производное, посредствуется въ своемъ возникновеніи и продолженіи среди человѣчества натуральнымъ Сыномъ Божіимъ, бывая въ каждомъ изъ вѣрующихъ реальнымъ свойствомъ облагодатствованаго состоянія. По этой именно фактической причинѣ (IV, 6), что вы — подлинно и дѣйствительно сыны, Богъ даровалъ вамъ въ „Духѣ Сына Своего“ и особаго ходатая для вѣчнаго поддержанія въ вѣсть сыновнаго достоинства.

О ниспосланіи этого нового дѣятеля употребляется прежний терминъ *έξ-απ-έστειλεν*, а потому и Духъ Св. — подобно Христу — будетъ самостоятельной и вышемѣрной личностю божественного характера²⁾. Затѣмъ — согласно параллелизму между *αὗτοι* ст. 4-го („посла Богъ Сына Своего“) и *υἱοὶ* *αὗτοι* ст. 6-го („посла Богъ Духа Сына Своего — отношение Духа къ Сыну совпадаетъ съ отношениемъ Сына къ Отцу, ко-

¹⁾ Объ *adoptio* по греко-римскому праву см. у Ch. Datemb erg et Edm. Saglio I (Paris 1877), p. 75—80.

²⁾ Совсѣмъ непонятно и ничѣмъ не обосновано замѣчаніе блаж. Иеронима (Творенія XVII, стр. 104), что есть нѣкоторое отличие Духа Святаго отъ Духа Сына, хотя дѣлается ссылка на Лк. XII, 10.

торые консубстанциальны по божественному естеству. Пропорционально сему является несомненнымъ, что Духъ Св. единосущъ Сыну, будучи таковыимъ и для Отца, ибо двѣ величины (Отецъ и Духъ), равны порознь третьей (Сыну), всегда бываютъ равны взаимно. Отсюда мы видимъ, что названіе Духа Сыновнимъ рисуетъ Его лишь со стороны божественного существа и не затрагиваетъ личныхъ особенностей. Поэтому рассматриваемое апостольское свидѣтельство напрасно привлекается¹⁾ для обоснованія католической идеи *Filioque* въ исхожденіи Духа Св. „и отъ Сына“, поскольку она касается опредѣленій въ Троичности по ипостаси, о чёмъ св. Павель здѣсь совсѣмъ не говоритъ, хотя ясно предполагаетъ это упоминаніемъ о посольствѣ, которое немыслимо безъ индивидуальной самобытности посылаемаго.

Духъ Св. называется только Сыновнимъ, между тѣмъ по соестественности Онъ былъ въ одинаковой мѣрѣ и Отчимъ. Эта особенность показываетъ, что — при несомнѣнности единосущія — рѣчь теперь идетъ специальнѣ объ участіи Духа въ Сыновнемъ подвигѣ, о сохраненіи и укрѣпленіи избавленія Христова въ людяхъ. Для самаго успѣха тутъ нужно было, чтобы продолжатель спасительной миссіи благодатного искупленія былъ не ниже своего предшественника, а это всего лучше обеспечивалось ихъ натуральною сосущественностью въ тождественной у обоихъ божественности. Духъ Св., будучи Сыновнимъ, воспринимаетъ искупительную миссію Сына для проведения ея въ жизнь человѣчества на протяженіи всей міровой исторіи (ср. Іоан. XIV, 16—17, 26. XV, 27. XVI, 7, 13). И Онъ очищаетъ и освящаетъ наши благодатно-сыновнія воздыханія къ Богу, являясь неумолчно вопіющимъ въ насы: 'Αὕτη δὲ πατέρι! Апостолъ удерживаетъ (см. и Рим. VIII, 15) арамейское слово (ἀβεβαίος = отецъ) изъ устъ Христа Спасителя (Мрк. XIV, 36) и изъ употребленія христіанскихъ собраній, но усиливаетъ его энергию въ повтореніи даннаго понятія греческимъ выраженіемъ, чтобы отмѣтить горячность и непоколебимость нашего сыновняго обращенія, гдѣ нашей внутренней искренности точно соответствуетъ незыблемость нашего христіанского убѣждѣнія, что Богъ есть истинно и дѣйствительно Отецъ нашъ, къ Которому мы вызываемъ въ „Молитвѣ Господней“ по заповѣди Христовой. Значитъ, фактическое сыновство наше утверждается въ своей наличности и непрерывности божественными воз-

¹⁾ Это мы видимъ не только у католическихъ авторовъ (напр., † Rud. Соглеу S. J.), но прежде даже у старокатоликовъ: см. у † о. протопресвитера И. Л. Янышева, Новыя официальные и другія данныя для сужденія о вѣрѣ старокатоликовъ (Спб. 1902), стр. 67, а въ подлинникѣ см. „Revue Internationale de Théologie“ № 39 и въ оттискѣ отсюда (Bern 1902) на стр. 44.

глашениями Духа Св. съ неполебимою безспорностію. Здѣсь принципъ абсолютно обезпеченъ въ тожественномъ ему приложениі по своему вліянію въ человѣческомъ родѣ. Тогда и въ частностяхъ для каждого исповѣдника Христова вѣрно (IV, 7), что если онъ фактически бываетъ сыномъ Божімъ, то болѣе и далѣе не рабъ (ср. Ioan. XV, 15)¹⁾, почему, будучи полноправнымъ, становится и наслѣдникомъ въ неограниченномъ смыслѣ, но всего этого достигаетъ лишь постольку, поскольку реально имѣеть сыновство, или единственно чрезъ Иисуса Христа—Мессію.

Въ итогѣ мы снова приходимъ къ добытому прежде выводу, что божественное обѣтованіе о наслѣдованіи осуществляется не закономъ, дарованнымъ для иныхъ цѣлей, а исключительно, всецѣло и прямо чрезъ воплощенаго Сына Божія, доставляющаго христіанамъ и сыновнія права и сыновнія блага. Для этого потребно неразрывное общеніе съ Нимъ въ вѣрѣ, которая и служитъ теперь единственнымъ путемъ для нашего оправданія. Неизбѣжно, что отсль всякие другіе способы недозволительны и бываютъ препятствіемъ для благодатнаго воздействиія, разъ для сего выдвигаются непригодныя средства, претендующія на равенство и соперничество съ истиннымъ методомъ. Принятие законничества повлечетъ (IV, 8) отпаденіе изъ благодатной сферы въ прежнее религіозное невѣжество языческаго поклоненія фантастическимъ божествамъ, которыхъ не по природѣ (φύσει μὴ σύιται) и, следовательно, naturally не имѣютъ (μὴ φύσει σύιται) никакой божественности, и въ этомъ смыслѣ суть „глаголеміи бози“ (1 Кор. VIII, 5), хотя могутъ быть нѣкоторыми реальными величинами (ср. Евр. I, 6, II, 7)²⁾. Произойдетъ лишь возвращеніе (IV, 9) черезъ номізмъ къ космическимъ стихіямъ (ср. IV, 3), „немощнымъ“ даровать правду, поелику онъ „бѣдны“ по своей природѣ и не обладаютъ необходимыми оправдательными запасами. Таковы и были законническія нормы по ихъ космической аккомодативности въ строжайшемъ приспособленіи къ условности нашего міротеченія. Допустимъ ли подобный странный и страшный регрессъ?

¹⁾ Ясно, что у св. Павла сыновство считается совершенно несовмѣстимымъ съ рабствомъ, а потому безусловно ошибочны предположенія (напр., у Rev. Septimus Buss, Roman Law and History in the New Testament, London 1901, p. 282—283), будто въ Гал. IV, 1 Апостоль говорить съ точки зреій римскихъ юридическихъ нормъ, по которымъ сынъ находился подъ отеческой властію (*patria potestas*) почти на положеніи раба (p. 273—274, 364).

²⁾ Раввинизмъ допускаетъ, что „не сущіе боги“ то Ангелы, то демоны, то совсѣмъ ничто: Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 48—51; 51—53; 53—60.

IV, 9.

Вѣдь это измѣна самому Богу. Онъ по существу Своему недоступенъ и недосягаемъ для людей. И Галаты именно теперь должны были лучше понимать эту истину по своему жицтвованію, ибо ветхозавѣтному человѣку нельзя было видѣть Господа и не умереть (Исх. XXXIII, 20, 23. Суд. XIII, 22. Дан. X, 8. 1 Тим. VI, 16), а послѣплѣнныи Израиль даже не смѣлъ произносить своими грѣшными устами святѣйшее божественное имя („тетраграмму“). Посему для богоопознанія необходимо, чтобы сначала Богъ призналь нась и открылъ Себя намъ, — и лишь потомъ начинается наше боговѣдѣніе въ созерцаніи и постиженії¹⁾. Это именно и было съ Галатами, которые въ христіанствѣ пріобщились къ исповѣданію Сына (Ін. I, 18), какъ „Бога явившагося плотю“. Естественно было ожидать, что они всячески постараются сохранить дарованное, между тѣмъ — къ ужасу Апостола²⁾ — обнаружился склонъ на сторону прежняго порядка религіозной жизни, хотя въ номистической формѣ (IV, 10) соблюденія священныхъ дней недѣли и мѣсяцевъ, священныхъ временъ (въ видѣ, напр., длительныхъ праздниковъ и постовъ) и знаменательныхъ годинъ (субботней и юбилейной)³⁾. Выходило (IV, 11), что весь трудъ апостольскій сведенъ на нѣтъ и, слѣдовательно, потраченъ напрасно — безъ всякой пользы для читателей. Отсюда неотразимо, что они отвергли просвѣтительное оглашеніе, конечно, по разочарованію въ благовѣстникѣ. Весь вопросъ переносился на личную почву, но ничего подобнаго не было между ними (IV, 12). Галаты нимало не обидѣли самого Апостола какою-нибудь несправедливостію, направленною прямо противъ него, и онъ по прежнему считаетъ ихъ своими братьями во Христѣ. Въ этомъ отношеніи св. Павель вполнѣ равенъ адресатамъ и потому просить ихъ быть подобными ему, какъ и онъ имъ по общему для всѣхъ христіанскому братству. Не было и нѣтъ ни малѣй-

IV, 10.

IV, 11.

IV, 12.

¹⁾ Ср. Іегає і Adv. haer. IV, 6:4: Ἐδίδαξεν ἡμᾶς δὲ Κύριος διὰ θεὸν εἰδένας οὐδὲ τις δύναται μὴ οὐχ! Θεοῦ δοξάζοντος (nisi deo docente), ταυτέστιν, ἀνευ Θεοῦ μὴ γινώσκεσθαι τὸν Θεόν· αὐτὸς δὲ γινώσκεσθαι τὸν Θεόν, θέλημα είναι τοῦ Πατρός. Γινώσκουται καὶ αὐτὸν οἵτις ἀντοκαλύψῃ δὲ σίδες.

²⁾ Въ свою очередь раввинизмъ выдвигалъ обратный тезисъ и, напр., еще Елеазарь изъ Модины († около 135 г.) осуждалъ Апостола Павла за то, что онъ пренебрегалъ священными временами: Kommentar zum N. T. aus T. und Midrasch III, S. 571.

³⁾ Ср. † Prof. Th. Zahn, S. 210. См. для терминологіи Рим. XIV, 5—6; Кол. II, 16. Іудиє. VIII, 6 (χωρὶς προσχρήστων καὶ σαχρῆστων καὶ προνομηγιῶν καὶ ἑωρτῶν καὶ χρηματυργῶν). Isa LXVI, 23. 2 Пар. XXIII, 4. А Филонъ говоритъ (De sept. II, p. 286 M.): ἵνα τὴν ἐβδομάδα τιμήσῃ κατὰ πάντας χρόνους ἡμερῶν καὶ μηνῶν καὶ ἔτηστῶν κτλ.

шихъ причинъ для нарушенія этой взаимности. Благовѣстникъ впервые остановился среди Галатовъ и сталъ проповѣдывать имъ вслѣдствіе неожиданной физической немощи, задержавшей его въ этой области¹⁾ (IV, 13). Значитъ, и поводъ для благовѣстничества былъ не принципіальный, а „случайный“, и содержаніе миссіонерскихъ рѣчей обѣ абсолютной силѣ во Христѣ оказывалось въ полномъ противорѣчіи съ фактическимъ

IV, 13. положеніемъ пришельца. Съ этой стороны (IV, 14) въ безпомощной плоти апостольской было для Галатійцевъ несомнѣнное фактическое искушеніе къ недовѣрію и противленію благовѣстнику и его слову. Однако, тогда читатели не отнеслись къ нему изъ-за этого съ презрѣніемъ и отвращеніемъ, а потомъ усмотрѣли въ немъ даже божественного посланника, совершающаго спасительную миссію Христову съ абсолютною животворностію ея историческаго первоисточника²⁾). Это наполняло ихъ такимъ блаженствомъ всецѣлаго внутренняго удовлетворенія (IV, 15), что они всячески ублажали Апостола (ср. Рим. IV, 6) и были готовы на величайшія жертвы самоотверженной благодарности вплоть до того, чтобы изѣять и отдать очи свои — *carrisima tembra corporis* (Pelagius: ср. Второз. XXXII, 10. Пс. XVI, 8. Зах. II, 8). Св. Павелъ не забылъ этого и всегда вспоминаетъ съ отрадою благословенія. Въ такомъ

IV, 15. случаѣ (IV, 16) могло ли быть отсюда такое фактическое слѣдствіе (*ѿтсѧ*), что благовѣстникъ сталъ затѣмъ враждебнымъ для нихъ? Это совсѣмъ немыслимо, а вся разница была лишь въ томъ, что авторъ началъ говорить истину не для нихъ, съ миссіонерско-учительными цѣлями, но именно имъ и, конечно, потому, что она оказалась потомъ сомнительною и спорной, хотя прежде была божественною и неприкосновенной (Иса. LXIII, 10). „Правда глаза колеть“ и для всѣхъ вѣнчне непріятна, да что же дѣлать? Случилось нѣчто печальное. Истина въ этомъ неповинна, ибо всегда свята, праведна и блага. Тутъ отвѣтственны люди, которые оттѣшили Апостола и старайтся занять его мѣсто. Мы должны согласиться, что они проникнуты равнымъ горѣніемъ заботливости о читателяхъ

IV, 16. (IV, 17) и ревнительны къ нимъ до крайней исключительности, чтобы тѣ принадлежали только имъ. Но разъ это связывается съ отвлеченіемъ отъ истины, то явно, что такое резнованіе —

¹⁾ Ясно, что нельзя здѣсь разумѣть ни немощь у слушателей Павла (блаж. Геронимъ, стр. 115, 116), ни его преслѣдований и опасностей (блаж. Феофилактъ, стр. 48).

²⁾ Prof. Cuthbert H. Tugwell говоритъ, что въ „Актахъ Павла и Феклы“, гдѣ содержится „a first-century nucleus“, Апостоль рисуется „full of grace, at one time like a man, at another like angel“ (Studies in Early Church History, Oxford 1912, p. 181—182).

IV, 17.

не доброе, не опредѣляется красотою самой истины по содер-
жанію и по мотивамъ. Остается допустить, что преобладаютъ
интересы индивидуального или партійного пристрастія, по ко-
торымъ смутьяны активно стараются истогнуть Галатійцевъ
изъ нормального, христіански-братскаго положенія (ср. IV, 12),
уничтожить его у нихъ совсѣмъ (ср. Рим. III, 27), чтобы они
сдѣлались іудаистическими приспѣшниками. Очевидно, что все
это случилось не въ первое посѣщеніе апостольское, озарен-
ное лишь яркимъ свѣтомъ беззавѣтной любви. Разумѣется
промежутокъ между нимъ и вторымъ визитомъ, предполагае-
мыхъ въ упоминаніи прежняго пребыванія (IV, 13). Іудействую-
щіе успѣли достигнуть немалыхъ результатовъ, но больше по
энергическимъ усиленіямъ соратителей, чѣмъ по фактическимъ
паденіямъ Галатовъ. Понятно, что Апостолъ съумѣлъ отрез-
вить ихъ и направить на истинный путь, а это опять же мог-
ло быть только при вторичномъ нахожденіи св. Павла въ Га-
латіи. Тогда они снова предались истинѣ и опять стали ревни-
телями ея (IV, 18), но въ такомъ случаѣ обязательна всегдаш-
няя непреклонная привязанность, равная абсолютной незыбле-
мости этой спасительной истины. Посему читатели должны
быть ревнительными во всякомъ добрѣ (*ἐν καλῷ*)¹), свойствен-
номъ подлинной истинѣ — постоянно и неизмѣнно, а не про-
сто по авторитетному вліянію вторично присутствовавшаго у
нихъ просвѣтителя. Это было бы лишь подражаніе добруму
примѣру, но не принципіальная незыблемость, которая нуж-
дается лишь въ обоснованіи и руководствѣ. Въ нихъ Апостолъ
не отказываетъ и теперь, поскольку Галаты продолжаютъ быть
его дѣтьми (IV, 19; ср. 1 Фесс. II, 11), которыхъ онъ родилъ
во Христа своимъ благовѣствованіемъ (1 Кор. IV, 15. Филим.
10). Они поколебались, но не отпали безнадежно, и процессъ
рожденія для нихъ оказался незаконченнымъ. И если Апостолъ
говорить: *πάλιν ὑδίνω*, — эти слова относятся не къ новому
зарожденію, а лишь къ продолженію и завершенію родильна-
го периода (ср. Иса. V, 18. Апок. XII, 2; Ин. XVI, 21). Въ физи-
ческомъ смыслѣ послѣдній простирается хронологически до
тѣхъ поръ, пока (*ἔχρις*) сформируется изъ плода опредѣлен-
ное живое существо съ индивидуальнымъ человѣческимъ об-
разомъ, который дальше подлежитъ уже цѣложизненному
развитію. Поскольку теперь рѣчь о духовномъ христіанскомъ
зарожденіи, — и у благовѣстника по отношенію къ Галатамъ
чревоболѣніе прекратится не прежде того, какъ въ нихъ ясно
и неизгладимо воплотится образъ Христовъ, по которому для
всѣхъ несомнѣнно, что они — чада Христовы. Видимо, перво-

IV, 18

IV, 19.

¹⁾ Тутъ *ζηλοῦσθαι* — пассивно, выражая опредѣленное со-
стояніе, и есть субъектъ фразы, а *καλόν* — предикатъ: † Prof.
Th. Zahn, S. 221.

IV, 19. начальний актъ совершился, но послѣдующее возрастаніе затруднилось настолько, что и послѣ двукратнаго посѣщенія св. Павель долженъ принимать особыя заботы, какія бываютъ неизбѣжны у родильницы до образованія настоящаго дитяти: опредѣленного пола. Для сего потребны и специальная приспособленія, чтобы обезпечить желанный успѣхъ. Тутъ необходимы дѣтская преданность и довѣріе обращенныхъ къ своему просвѣтителю, чтобы онъ могъувѣнчать ихъ рожденіе полнымъ возмужаніемъ по типу Христову. Прежняя аппелляція его были для нихъ горьки и непріятны, поселяя опасное подозрѣніе во враждебности¹⁾). Ради святого дѣла Апостоль хотѣлъ бы (IV, 20) теперь — при столь трагически сложившихся обстоятельствахъ — снова побывать у Галатовъ лично и матерински измѣнить свой голосъ, конечно, по тону и содержанію и, разумѣется, въ благопріятную для нихъ сторону, заговорить съ ними ласково, успокоительно и ободрительно (ср. 1 Фесс. II, 12). Это есть естественное родительское желаніе благовѣстника, вполнѣ несомнѣнное въ немъ по самому порождающему отношенію его къ читателямъ. Необходимо, что такое стремленіе и разрѣшились бы реальными трансформаціями, но для этого надо знать всѣ конкретныя условія и частности. Вотъ тутъ-то и былъ существенный дефектъ, ибо писатель свидѣтельствуетъ: ἀλλοριγή ἐν βρύῳ. Трактуется объ авторскомъ настроеніи, и потому нельзя принять пассивное толкованіе, что Апостоль отсутствуетъ среди Галатійцевъ по ихъ сомнѣнію и даже отверженію его въ ихнемъ братствѣ. Это было бы прекращеніе всякихъ отеческихъ-сыновныхъ связей и не позволяло продолженія послѣдникъ, коль скоро приходилось бы все начинать совсѣмъ снова. Правильнѣе медіально-активное пониманіе (ср. Лк. XXIV, 4. Ін. XIII, 22. Дѣян. XXV, 20. 2 Кор. IV, 8), что самъ благовѣстникъ чувствовалъ свое лишеніе между читателей (ἐν βρύῳ), нѣкоторое внутреннее разобщеніе и, будучи отдаленнымъ отъ нихъ духовно и пространственно, не могъ знать фактическаго положенія и ориентироваться твердо въ своихъ отеческихъ начинаніяхъ для окончательного возрожденія Галатовъ.

Апостоль не имѣлъ непосредственныхъ свѣдѣній и, нуждаясь въ нихъ для собственной прозрѣки, находился пока въ недоумѣніи о происходящей у Галатійцевъ смутѣ. Это затрудняло принятіе рѣшительныхъ мѣръ. Его отеческая любовь наклоняла къ участливой заботливости, между тѣмъ достигавшей слухи были весьма неблагопріятны и наклоняли къ рѣзкимъ дѣйствіямъ. Было несомнѣнно, что читатели возвращались къ

¹⁾) Въ юдаистически-сектантскихъ кругахъ и послѣ говорили объ Апостолѣ Павлѣ, что это — ἔχθρος ζυφρωπός (Сlem. Hom., epist. Petri 2), ille inimicus homo (Clem. Hom. I, 70—71)

прежней „стихийности“, но только подъ формою іудаистическо-
го номизма. Этимъ провозглашалась вѣчная значимость закон-
ничества, какъ обязательного для полноты благодатнаго влія-
нія. Отсюда получалось, что отдельно оба они не совершенны
и требуютъ другъ друга взаимно. Въ такомъ случаѣ должны
быть у нихъ и взаимныя предуказанія — у старѣйшаго въ
видѣ идеиныхъ ожиданій, у младшаго — въ формѣ реалисти-
ческихъ желаній. Это неизбѣжно при единствѣ цѣли и стрем-
леній закона и благодати. Первый тоже былъ божественнымъ
и способствовалъ промыслительнымъ планамъ спасающе-ис-
купляющей воли Божіей, а потому въ немъ необходимы от-
четливыя знаменія его истинной исторической роли. Съ точки
зрѣнія Павловой это будетъ временность номизма при рель-
ефномъ оттѣненіи того свойства, что не отъ него послѣдуетъ
свобода всецѣлаго наслѣдничества и сыновняго господства.
Этимъ захватывался самый центръ спора съ іудаистами. Они
не отвергали совѣтъ и благодати, но для плодотворнѣйшаго
усвоенія ея считали нужными законническія нормы, упорно
вѣруя, что лишь ими безусловно ограждались наслѣдственно-
обѣтованныя права, ибо тутъ достигалось натуральное, какъ
бы кровное родство съ Авраамомъ, отцемъ благословленнаго
обѣтованія. И если только при этихъ законническихъ предва-
реніяхъ бываетъ окончательный дѣйственный успѣхъ, то безъ
нихъ, очевидно, и притязаніе сомнительно и обладаніе фиктивно.
Такъ формулируется различіе сыновъ и пасынковъ со сто-
роны пріобрѣтенія достоянія Авраамова на основанії двоякихъ
отношеній къ патріарху — плотскаго (чрезъ законъ) и духовно-обѣтованнаго (по благодати). Масштабомъ оказывается двой-
ство такого сыновства, каковое двойство и надо выяснить съ
неотразимостію по его подлинной важности въ актѣ завѣтна-
го наслѣдничества. Въ этихъ именно¹⁾ интересахъ и избирает-
ся эпизодъ о двоякихъ дѣятяхъ Авраамовыхъ (IV, 21 сл.)

Этотъ примѣръ издавна и широко употреблялся въ іу-
дейскихъ дискуссіяхъ по данному предмету для огражденія
особыхъ привилегій Израиля и догматической авторитетности
номизма. Съ тою же цѣллю его эксплоатировали въ свою пользу
и антиавалистические іудаисты, естественно вызывавъ у сво-
его противника обратное толкованіе, какъ исключительно пра-
вильное. Тѣмъ не менѣе Апостолъ сосредоточился на данной
исторіи не ради одной полемической самозащиты, а по дѣй-
ствительному соотвѣтствію между ю и христіанскимъ облаго-
датствованіемъ. Тутъ пропорціональность по истинѣ порази-
тельная, ибо въ обоихъ рядахъ находятся всѣ главнѣйшіе эле-
менты сравненія, т. е. двоякаго сыновства и двоякой наслѣд-
нической участіи. Разумѣется, въ библейскомъ сказаніи трак-

¹⁾ Prof. Th. Zahp., S. 126: γάρ = nähmlich.

IV, 21 сл. тутся собственно объ имущественномъ обладаніи, но не нужно забывать, что у Израильянъ вмѣстѣ съ достиженіемъ имущественного первенства переходили и всѣ обѣтованныя прерогативы первородства. Кто былъ наследникомъ, тотъ являлся и носителемъ обѣтованія, получаемаго и передаваемаго преемственно — отъ отца сыну. Теперь аналогичность будетъ совершенѣйшею, и это раскрываетъ намъ всю натуральность подобной аргументации въ качествѣ авторитетной библейской иллюстрації. Понятно и то, что она получала всю свою убѣдительность не иначе, если реальное положеніе христіанское освѣщалось одинаково реальнымъ прототипомъ, который, какъ бывшій и законченный, обнаруживаетъ съ фактическою неотразимостію, чѣмъ именно всегда бываетъ при равныхъ условіяхъ. Для самой состоятельности апостольскихъ изображеній необходимо требуется, чтобы анализируемый случай былъ дѣйствительнымъ историческимъ событиемъ. Поэтому должно согласиться, что св. Павелъ отправляется отъ исповѣданія несомнѣнной фактической достовѣрности взятаго исторического примѣра. Но послѣдній совпадалъ со своимъ христіанскимъ двойникомъ лишь по господствующимъ факторамъ, о которыхъ и по единичному классическому опыту мы съ твердостію заключаемъ, что они будуть функционировать аналогично при всякихъ сходныхъ примѣненіяхъ. Повторенія прямо го нѣтъ, и прошлое не копируется, а воспроизводится по скрытымъ въ немъ принципамъ, хотя и въ новой формѣ. Въ этомъ смыслѣ бывшая историческая реальность фактически безспорна, но не исчерпывается лишь преходящую вѣнчаніе конкретностію, потому что предуготовляетъ и предзначаетъ свое всецѣлое раскрытие, когда господствующая идея до точности воплотится въ дѣйствительности. Тамъ за вѣнчаніемъ непремѣнно таится нѣчто высшее, которое ею только отражается частично и несовершенно, почему весь данный фактъ — по своей идеиной сторонѣ — „предвѣщаетъ иное“, или аллегоризуетъ¹⁾. Можно сказать, что оно держится свою идеей и прямо указываетъ на необходимость и способъ ожидаемаго всецѣлаго осуществленія. Послѣдняго еще не имѣется, но оно типическимъ эпизодомъ неотвратимо и ясно предначертывается, какъ долженствующее наступить въ иной реализаціи лучшаго достоинства. Посему и соотношеніе бывшаго съ теперешнимъ будетъ аллегорическимъ, где въ минувшей исторической наличности реально заключается и экзегетически обнаруживается фактическое прообразующее ино-

¹⁾ Ср. у св. И. Златоуста (Migne gr. LXI, col. 662; Творенія X, стр. 792): „эта история изображаетъ не только то, что представляется въ ней съ первого взгляда, но выражаетъ также и нѣчто другое, а потому и названа иносказаниемъ“.

сказаниe. Апостолъ идетъ отъ факта къ факту и — на основаніи ихъ взаимной гармоніи по существу — изъ перваго извлекаетъ историческое предрѣшеніе насчетъ второго. Тутъ нѣть ни произвола, ни фантастики, если представляется реальное сближеніе, данное въ самой природѣ анализируемыхъ вещей. Естественно, что этимъ способомъ разрушалась агитаторская очаровательность лже-братьевъ и отрезвлялось іудаистическое обольщеніе Галатийцевъ.

Послѣдніе — по внушенію своихъ соблазнителей — „желаютъ быть подъ закономъ“ (IV, 21: ἐὰν ποιῶσιν τὸν νόμον θέλοντες εἶναι) и сами по доброй волѣ рѣшаются устроить свою жизнь такъ, чтобы сна во всемъ была строго номистической и созидалась властнымъ господствомъ законническихъ вліяній. Для этого нужно не просто „слушать“ законническія велѣнія, напр., во время синагогальныхъ субботникъ собраній, всегда заключавшихъ чтеніе Писаній (ср. Деян. XIII, 27. XV, 21), а — главнымъ образомъ — слушаться ихъ¹⁾ съ готовностю всецѣлаго повиновенія. Въ этомъ именно тонѣ²⁾ благовѣстникъ своимъ вопросомъ и приглашаетъ читателей (IV, 22) къ внимательному анализу рассказа, записанного въ книгѣ законной (Быт. XVI, 15. XXI, 3) и потому несомнѣннаго и авторитетнаго. Тутъ мы находимъ двойство сыновства и при томъ совершенно такое, какое іудаисты думали ввести въ христіанство — съ первороднымъ превосходствомъ для нихъ самихъ и съ подчинениемъ себѣ увѣровавшихъ язычниковъ, которые приравнивались къ прозелитамъ. Чѣм же характернаго въ этомъ двойствѣ? По самымъ библейскимъ даннымъ видимъ (IV, 23), что одинъ изъ Авраамовыхъ дѣтей былъ рожденъ по плоти (κατὰ σάρκα γεγέννηται) — при исключительномъ господствѣ плотскихъ началь по возникновенію, теченію и завершенію всего процесса, но онъ „отъ рабы“ и — слѣдовательно — рабъ натуральный. Другой произошелъ въ силу обѣтованія (διὰ τῆς ἐπαγγελίας), которое нимало не исключаетъ физиологического участія плотскихъ началь, ибо нельзя человѣку родиться на свѣтѣ помимо плоти. Значитъ, утверждается не болѣе того, что посредствомъ обѣтованія былъ вызванъ къ жизни и про-

IV, 21.

IV, 22.

IV, 23.

¹⁾ Ср. Мк. XVII, 5. XVIII 15, 16. Мрк. IX, 7. Лк. VI, 49. IX 35. XVI, 29, 31. Ін. VIII, 38. XVIII, 37. Деян. IV, 19, хотя все эти примѣры (—за исключеніемъ двухъ подчеркнутыхъ—) имѣютъ другое сочетаніе — не съ винит. пад., а съ родительными. См. также и Оригена Philocalia I (= De principiis lib. IV), 13: τοῦ ἀκούει ἐν τῷ νοεῖν καὶ γιγνώσκειν χριστομένου у J. Agathite Robinson, The Philocalia of Origen (Cambridge 1893), p. 20.

²⁾ Для уѣр въ смыслъ „имено“ см. † Prof. Th. Zahn, S. 226.

IV, 23. дуктивной дѣйственности самый плотскій факторъ, функционировавшій потомъ по свойственнымъ нормамъ и съ обычною естественностью. Но важность, конечно, въ творческой причинѣ, а таковою для заматорѣвшихъ родителей было обѣтование Божіе, почему и обязательно говорить, что второй сынъ былъ всецѣло обѣтованный, какъ плодъ обѣтования. Этотъ — отъ свободной и, очевидно, самъ по природѣ свободенъ. Въ специальному сочетаніи этихъ особенностей сказывается принципіальная закономѣрность, которая необходимо должна сохранять свою непреложность при всѣхъ сходственныхъ приспособленіяхъ и примѣненіяхъ. Съ этой стороны и въ своемъ достоинствѣ частныхъ иллюстрацій, какъ таковыхъ (*дѣя*), всѣ эмпирическія детали являются аллегорическими (IV, 24) по своему реальному знаменованію касательно результатовъ соотношенія всѣхъ упомянутыхъ элементовъ — плотского и рабственного, духовного и свободного. По историческому библейскому событию ясно, что плоть даетъ изъ себя только присущее ей рабство и тѣмъ самымъ фатально устраниеть отъ обѣтованного наслѣдія, доступного лишь свободнымъ и полномощнымъ дѣтямъ, каковыя бывають исключительно по обѣтованію.

Предъ нами теперь авторитетно обрисовываются два пути наследствования, а въ духовной области воспріятія благословенія Авраамова послѣднее регулируется двумя завѣтами, которые, очевидно, будутъ подобны своимъ прототипическимъ предвареніямъ, ибо они служатъ специальными средствами для обеспеченія наследственнаго успѣха. Но законъ гарантировалъ и санкционировалъ за своими приверженцами ихъ прирожденные прерогативы и въ этомъ смыслѣ приближался къ плотности, мотивируя именно ею наследственные права номистовъ. Если это вѣрно, тогда вполнѣ безспорны и его качества и неизбѣжная судьба. Посему важнѣе всего отыскать и констатировать, имѣются ли въ немъ плотскіе предикаты. Апостольскій отвѣтъ, въ общемъ, ясенъ, но нюансы нѣсколько затемняются текстуальными вариаціями (у † Вр. J. B. Lightfoot, р. 192—200; † Prof. Th. Zahp., S. 296—299). Констатируются слѣдующія разновидности въ стихѣ 25-мъ: а) тѣ үар Ծивѣ ծոր էստւ (NCFG); б) тѣ (съ ձ or պ) *Այշը Ծivâ ծոր էստւ („мемфискій“, т. е. богаирскій переводъ; ABDE; KLP); с) тѣ үар *Այշը ծոր էստւ (въ лат. текстѣ D и въ E). Текстуальное преданіе сильнѣе говорить за первую редакцію, и ее принимаетъ нѣсколько критическихъ изданій (LT(Tr.)WH targ.), какъ такую, изъ которой легче вывести другія путемъ вставки имени *Այշը или замѣны Ծivâ чрезъ него. Послѣднее было вполнѣ естественно, ибо въ предшествующемъ рѣчъ шла объ Агари при единичномъ сближеніи ея съ Синаемъ. Посему эту связь и закрѣпили прямо соотвѣтствующею формулировкой, но это уже было выражено сейчасъ (въ стихѣ 24-мъ) и требовало

лишь раскрытия или обоснования, а повторение одного и того же тезиса никогда не доказывает ничего и не убеждает никого, создавая въ данномъ случаѣ неожиданную странность, что рабыня Авраамова вдругъ оказывается горою Синаемъ¹⁾. Все это слишкомъ ненатурально и сразу устраиваетъ третье чтеніе, которое стараются спасти ссылкой на то, что слово „Агарь“ означаетъ поарабски „скalu“ (гору)²⁾, чего не зналъ, конечно, ни одинъ Галатіецъ, какъ и всякий другой остается въ недоумѣніи, почему подъ Агарью разумѣется гора непремѣнно въ Аравіи. И по теченію всей апостольской аргументации ожидается обезпеченіе высказанной мысли, что законъ есть нѣчто рабское и по наследнической значимости аналогиченъ Агари, черты которой и необходимо отыскать въ немъ, сосредоточивъ все вниманіе исключительно на этомъ комментируемомъ институтѣ.

Съ этой точки зреянія разберемъ самые интересующіе факты. Одинъ завѣтъ $\Delta\pi\delta\beta\alpha\gamma\zeta\varsigma\Delta\pi\alpha$ — имѣть въ этой горѣ и отъ нея начало своего исторического бытія и потомъ продолжается только въ достоинствѣ „Синайского“, какимъ и называется всегда. Отсюда прямо вытекаетъ, что онъ существовать реально лишь съ этого момента и, происшедши въ известное время, не обладаетъ независимою самобытностью: его не было и потому не будетъ, а въ срединѣ между этими гранями онъ всюду бываетъ тварно-обусловленнымъ и лишенъ автономности. Въ дальнѣйшемъ неизбѣжно, что, не будучи самостоятельнымъ, Синайский завѣтъ по своему происхожденію и по самой природѣ является соподчиненнымъ или подвластно-рабскимъ. Естественно, что его произведенія оказываются натурально рабскими по самому рожденію отъ него (ср. IV, 25). Но Агарь, какъ таковая ($\ddot{\imath}\tau\iota\varsigma$), или по природнымъ наследническимъ правамъ своего потомства, обнаружи-

¹⁾ Для сего блаж. Феофилактъ (стр. 53) предполагалъ, что „Синай находится въ Аравіи и на арабскомъ языке называется Агарь“ (см. и о. И. Я. Галаховъ, стр. 289—290), какъ Иеронимъ (стр. 31) понималъ послѣднее имя въ смыслѣ униженная и близкая къ паденію, а св. И. Златоустъ (Migne gr. LXI, col. 662; Творенія X, стр. 792) утверждалъ, что „гора Синай на языке страны означаетъ раба“.

²⁾ Но ср. H. Winckler, который въ свою очередь предлагаетъ еще болѣе запутанное астрологически-космологическое истолкованіе, усвояя арабскому *hag* значение „полдень“, т. е. кульминационный пунктъ: Encyclopaedia Biblica by Rev. Prof. T. K. Cheyne IV, col. 4631, 4642—4643. Но р. Симеонъ бенъ-Іохай (около 150 г.) видѣтъ въ этомъ имени указаніе, что Агарь была Египетская рабыня: Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 572—573.

ваетъ именно эти свойства, почему законъ вполнѣ сближается съ нею въ одинаковой рабственности по всѣмъ своимъ наслѣдническимъ особенностямъ. А въ наемницѣ Авраамовой эти отрицательныя дѣйствія предрѣшались ея натуральнымъ рабствомъ, которое, судя по тожеству результата, должно быть и въ Синаѣ. Объ немъ же несомнѣнно (IV, 25) въ качествѣ самоочевиднаго и неотразимаго факта, что эта гора лежить въ Аравіи, служившей мѣстомъ обитанія потомства агарянскаго (ср. Пс. LXXXIII (82), 7. 1 Парал. V, 19), которое всегда искало только земного знанія, не достигая истинной премудрости, и потому было земнымъ по самому званію „сыновей Агари“ (Вар. III, 23)¹⁾. Это была агарянски-рабская страна во всѣхъ своихъ частяхъ, включая и Синайскія вершины. Слѣдовательно, завѣтъ первый по своему Синайскому возникновенію происходит изъ рабской области, которая — аналогично Агари — можетъ давать изъ себя только рабственность. Тогда понятно, что и ея порожденіемъ служитъ законъ рабскій, законъ порабощенія, а не свободнаго сыновства. Здѣсь Апостолъ лишь варіируетъ и разъясняетъ свои прежнія толкованія, что номизмъ былъ временно-приспособительнымъ учрежденіемъ и — значитъ — рабски-соподчиненнымъ (см. къ III, 19—20).

При истинности изложеннаго необходимо ожидается фактическое подтвержденіе въ рабствѣ подзаконныхъ, какъ таковыхъ. Завѣтъ Синайскій „соответствуетъ“ (*сυυτοιχεῖ*) нынѣшнему земному Іерусалиму по единству общаго для нихъ класса (*сουтоихи*), къ которому оба они относятся по своимъ типическимъ свойствамъ, ибо проникнуты однимъ духомъ, а это незыблемо для всѣхъ, поелику священная столица Израїля была живымъ и точнымъ воплощеніемъ законническихъ началь, функционировавшихъ тамъ со всею полнотой, безпрепятственностью и индивидуальностью²⁾. Историческій Іерусалимъ былъ эссенціонально-законническимъ и потому попадалъ въ законнический разрядъ по всѣмъ своимъ натуральнымъ качествамъ, по которымъ былъ тожественъ закону³⁾.

¹⁾ Ср. у блаж. Феодорита (Творенія VII, стр. 400): „законъ ветхій данъ съ горы Синая, а у оной горы вселяется родъ Агари“.

²⁾ Этимъ довольно ясно предполагается очевидная для всѣхъ различность всего законническаго культа при нормальныхъ его обнаруженіяхъ въ храмѣ Іерусалимскомъ, а потому совсѣмъ напрасно изъ данного указанія стараются вывести (Rud. Steck), будто Галатійское посланіе написано послѣ разгрома Іерусалимскихъ святынь въ 70-хъ годахъ.

³⁾ Ср. св. I. Златоустъ (Migne gr. LXI, col. 662; Творенія X, стр. 792: „срдна ему и близко указываетъ на него“); Prof. Th. Zahn, S. 236.

IV, 25.

Но оказывается¹⁾, что именно по такимъ своимъ онтологическимъ отличиямъ теперешній, законническій Іерусалимъ и пре-
бываетъ въ рабствѣ. Послѣднее вызывается и условливается не вѣшними соціально-политическими мотивами и всецѣло по-
коится на законнической основе. Свидѣтельство тому имѣемъ
въ порабощенности Іерусалимскихъ чадъ, которыхъ бываютъ въ
рабствѣ и рабствуютъ не по своей винѣ или личной причинѣ,
а лишь по сыновней родственности, по достоинству духовныхъ
порожденій законническаго Іерусалима, дарующаго и опредѣ-
ляющаго все ихъ особливое бытіе. Іудеи страдали, конечно,
какъ нація, но не за свою національность, а за подзаконную
гордыню и Іерусалимскую нетерпимость, по которымъ они весь-
міръ считали созданнымъ только ради ихъ, а всѣхъ „гоевъ“
третировали хуже гадовъ. И для рассматриваемой эпохи нель-
зя не согласиться, что порабощенность политической зависимости
Іудеи отъ Рима условливалась преимущественно номи-
стическою приверженностью, чрезъ зилотизмъ приведшо по-
томъ къ окочательному крушенію юдейской государственной
автономности. Бездѣ и всегда политическая коллизія вырастали
изъ номистической надменности оскорбительного для всѣхъ
самопревозношенія, когда Законъ употреблялся для политиче-
скаго вызывательства и навлекаль тяжкія политическія стѣсне-
нія на его ревнителей, какъ было и при послѣднемъ несчаст-
номъ возстаніи. Баркохбы. Въ описанномъ видѣ политическая
порабощенность законниковъ была фактическимъ удостовѣреніемъ,
что законъ есть дѣйствительно рабскій институтъ, коль
скоро онъ является такимъ по своему происхожденію и кон-
кретному дѣйствію. Все это бываетъ съ нимъ въ силу его плот-
янности, ибо онъ запечатлѣваетъ и гарантируетъ лишь плот-
скія притязанія завѣтнаго наслѣдничества по кровному родству
съ Авраамомъ.

Другой завѣтъ предполагается противнымъ (δέ) Синайско-
му, а разъ послѣдній былъ топографически-земнымъ, то вто-
рой будетъ ἡ ἄνω Ιερουσαλήμ (IV, 26). Разница тутъ прежде
всего пространственная, и потому данный градъ есть Ιερουσα-
λήμ ἐπαυράνιος (Евр. XII, 22). Но тамъ земная генетичность за-
кона связывалась съ его привременностью, почему здѣсь необ-
ходима темпоральная независимость, такъ что „горній Іеруса-
лимъ“ существуетъ вѣкъ космическихъ условій, куда онъ „схо-
дить отъ Бога съ неба внизъ, приготовленный какъ невѣста,
украшенная для своего мужа“ (Апок. XXI, 2). Синайское про-
исхожденіе условливало то, что законъ былъ данъ „ради пре-
ступленій“, вызывалъ грѣховныя нарушенія его и порождалъ

IV, 26

¹⁾ Варіанты γάρ (纲ABCD*) и δέ (DeEKL) — послѣ доулеївъ —
почти равноправны по текстуальному удостовѣренію, но логически
какъ будто болѣе соответствуетъ теченію мыслей второе чтеніе.

IV, 26. клятвенное осуждение номистовъ по самой своей исторической аккомодативности. Не имѣя послѣдней и будучи надпространственнымъ, вышній Іерусалимъ бываетъ „новымъ“ или оригинальнымъ сравнительно съ земнымъ по всѣмъ своимъ свойствамъ, какъ градъ и храмъ Божій (Апок. III, 12), эсценциально святой (XXI, 2, 10) и потому служацій скинию Бога съ человѣками, съ которыми Онъ и будетъ обитать (XXI, 3). По всѣмъ этимъ качествамъ „вышній Іерусалимъ“ вполнѣ аналогиченъ царству небесному, являясь столицею его у Апокалиптика (XXI, 11 сл.), и — значитъ — представляется величайшою божественною реальностю, которая идеально несомнѣнна во всемъ своемъ содержаніи, исторически же осуществляется постепенно, пока въ соотвѣтственныхъ условіяхъ воплотится всецѣло и навсегда. Тутъ моментъ будущности предрѣшается эсценциональною качественностью по самому небесному происхожденію. Новый Іерусалимъ чуждъ порабощающихъ стѣсненій града номистического и констатируетъ особое гражданство, независимое отъ законническихъ ограниченій и, конечно, совсѣмъ обратное прежнему сервилизму. Естественно, что „горній Іерусалимъ“ бываетъ натурально свободнымъ и потому принимаетъ въ свою гражданственную среду однихъ свободныхъ членовъ. Но послѣднихъ не было при номистической деспотіи, и ихъ нужно было создавать свободнымъ рожденіемъ отъ свободной, какъ формируются участники царства небеснаго въ свободныхъ адептахъ земной церкви Христовой¹⁾. Тутъ вездѣ бываетъ именно и точно таковою (*ἵτις*), со всѣми отмѣченными достоинствами, „мать наша“, которой мы рождаемся въ христіанское бытіе и отъ которой получаемъ христіанскую жизнь. Но параллельно закону и выг҃ѣсняющею его въ сферѣ оправданія была для Апостола вѣра, благодатно устроющая спасеніе человѣческое съ творческою продуктивностью. Въ этомъ отношеніи только вѣра бываетъ духовною „матерью нашей“²⁾ въ наследникахъ царства Божія чрезъ сыновъ церкви Христовой³⁾. Подобно Саррѣ — она была и пребудетъ единственою производительницей свободныхъ и полноправныхъ чадъ обѣтованія въ христіанскихъ исповѣдникахъ. Правда, нѣкогда господствовалъ законъ, и вѣра оставалась

¹⁾ Здѣсь и различіе съ раввинизмомъ, что онъ видѣлъ въ вышнемъ Іерусалимѣ не общество или общину людей, но исключительно созданный на небѣ градъ: Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 573.

²⁾ Ср. Polyc. Epist ad Philipp. 3, 3: ...τὴν δοθεῖσαν ἡμῖν πέστιν, ἵτις ἐστὶ μήτηρ πάντων ἡμῶν.

³⁾ Вопреки сему въ раввинизме таковою матерью почитаются народъ Израильский, земля Израильская, Іерусалимъ, Тора: Kommentar zum N. T. aus T. und Midrasch III, S. 574.

безъ потомства; однако быстрый и широкій ростъ христіанской семьи свидѣтельствуетъ, что ошибочно было бы считать ее совершенно неплодной на основаніи простого факта, что съ ней пока не было мукъ рожденія (IV, 27). Вѣдь тоже извѣстно и о заматорѣвшей Саррѣ, но съ тѣмъ результатомъ, что ея сынъ былъ обѣтованнымъ и сталъ родоначальникомъ безчисленнаго потомства. Значитъ, и въ данномъ случаѣ были особыя причины, коренившіяся вовсе не въ органической неспособности со стороны вѣры. Правильно совсѣмъ обратное. Яркій опытъ христіанской исторіи убѣждаетъ, что надъ нею сбываются радостное слово пророческое (Иса. LIV, 1) о восторженномъ веселіи неплодной, потому что теперь — по сравненію съ соперницей — у нея болѣе многочисленное потомство, непрерывно и прогрессивно растущее, между тѣмъ какъ та постепенно и неудержимо теряетъ въ своихъ дѣлахъ. Неотразимо, что — въ контрастъ минувшему отчужденію — неплодная обладаетъ нынѣ всѣми супружескими правами свободнаго общенія съ мужемъ. Посему и тѣ изъ людей, которые бываютъ „братьями“ по равному сыновству христіанскому или чрезъ вѣру, благодаря послѣдней суть истинные Исаакиты и — въ параллель этому обѣтованному (Быт. XVIII, 10) сыну Авраамо-му (но ничуть не чрезъ него) — бываютъ чадами обѣтования (IV, 28) въ томъ смыслѣ, что рождаются не по плотскому порядку, а согласно обѣтованію (dep. subject.) и этимъ получаютъ въ исключительное обладаніе завѣтную наслѣдственность. Въ виду такого тожества непозволительно сомнѣваться, что и въ религіозномъ наслѣдованіи непремѣнно повторится до точности бывшее въ материальномъ, хотя бы историческая внѣшность не благопріятствовала этому. Тутъ наружная уничиженность христіанства не должна смущать нашей совѣсти, тревожимой іудаистическими соблазнами, и мы обязаны видѣть здѣсь предвареніе и залогъ своей славы. Вѣдь все это нынѣ происходитъ такъ же, какъ и тамъ, гдѣ рожденный по плоти гналь духовно-обѣтованчаго (IV, 29): въ Библіи объ этомъ не сказано прямо (Быт. XXI, 9), но самый фактъ изгнанія Агари по требованію Сарры и нѣкоторыя религіозныя преданія внушаютъ, что Измаилъ какъ-то оттѣснялъ Исаака отъ наслѣдственности¹⁾, для чего могъ ссылаться, напр., на свое плотское старшинство, при чмъ все это выражалось съ оскорбительною назойливостію. Однако Писаніе убѣждаетъ (Быт.

IV, 27.

IV, 28.

IV, 29.

¹⁾ Блаж. Геронимъ думаетъ, что Измаилъ „добивался преимуществъ обрѣзанія и первородства“ (Творенія XVII, стр. 137), т. е., конечно, требованіями матери. А раввинскія преданія говорятъ, что Измаилъ преслѣдовалъ Исаака съ намѣреніемъ убить послѣдняго: Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 575—576.

ХХI, 10), что сынъ рабыни не только не получилъ всего наслѣдства, но не имѣлъ въ немъ и минимально доли (ср. Суд. XI, 2), хотя вообще у Авраама сыны наложницъ награждались нѣкоторыми добровольными подарками (Быт. XXV, 6). Напротивъ, здѣсь все наслѣдствованіе перешло сыну свободной, который принципіально являлся и фактически сталъ единственнымъ обладателемъ всего нераздѣльного богатства (IV, 30). Поэтому, если мы — братья и связываемся лишь солидарностю вѣры въ общемъ для всѣхъ богосыновствѣ, то для насъ вполнѣ безспорно, что мы — не дѣти рабы по натуральному или добровольному законничеству, а сыны свободной (IV, 31) и — значитъ — всесовершенные, исключительные наслѣдники.

Теперь опять находимъ, что въ концѣ концовъ и самъ законъ направлялъ къ вѣрѣ, какъ выше освѣщался въ своемъ соподчиненномъ и педагогическомъ достоинствѣ для периода „младости“ человѣчества. Онъ не былъ производителемъ самого обѣтованного спасенія и потому не могъ служить къ достижению его въ качествѣ пригоднаго нормального средства. Послѣднее обязательно должно соотвѣтствовать своему предмету со строжайшою пропорциональностю. Но объективная сущность избавленія Христова состоить въ искупительномъ Голгоѳскомъ подвигѣ, гдѣ карающій законъ со всею неудержимостю обрушивается на святѣйшую безгрѣшную жертву въ лицѣ Богочеловѣка и этою смертельной несправедливостю самъ себя убиваетъ. Чрезъ это уничтожается тяготѣніе клятвы законной, а міропорядокъ клятвенно-законный, построенный на периодической отвѣтственности и возмездіи, замѣняется благодатно обѣтованнымъ. Тутъ всѣ блага бывають всецѣлою собственностью воплощенаго Сына Божія — Мессіи Іисуса Христа — и заимствуются только отъ Него при условіи тѣснѣйшаго общенія съ Нимъ. Понятно, что единственно возможнымъ способомъ будетъ сліяніе въ вѣрѣ и чрезъ вѣру, когда вѣрующій приходитъ въ натуральное средство съ Господомъ (ср. Гал. III, 26—27). Все здѣсь чрезъ Христа, во Христѣ и отъ Христа. При этомъ уже не остается мѣста заслугамъ самого человѣка, и никто изъ людей не имѣеть въ себѣ лично обеспеченного права на завѣтное обѣтованіе, которое, какъ божественное, сохраняется непреложно, но устроется благодатю Божіей и достигается вѣрою Христовою.

Въ итогѣ опять выходитъ, что все священное завѣта ветхаго осуществляется лишь въ царствѣ Христовомъ и его собственными методами. Законъ тутъ отвергается безусловно, ибо и въ исторіи божественного домостроительства онъ былъ приспособительнымъ учрежденіемъ педагогического свойства, хотя воспитывалъ больше отрицательнымъ путемъ, своею недостаточностю развивая осмысленное и горячее стремленіе къ тѣмъ благамъ, какія въ немъ возвѣщались, но фактически никакъ не пріобрѣтались. Все исчерпывалось пробужденіемъ спа-

- IV, 30. **И** IV, 31.

сительной жажды, для которой требовалось потомъ надлежащее удовлетвореніе. А законническая практика неотразимо удостовѣряла всесовершенную человѣческую немощность, исключающую всякія надежды на спасительность тварныхъ посредствъ. Посему долженъ быть выступить дѣятель божественный, и такимъ явился Сынъ Божій, предвѣчно связанный съ міромъ, который именно чрезъ Него вызванъ къ бытію въ качествѣ вторичного образа Божія (см. Кол. I, 15—17). Однако все избавленіе было разсчитано на людей, и отсюда возникаетъ необходимость сочетанія абсолютной божественности и полной человѣчности въ единой индивидуальности, чтобы въ ней преодолѣвалъ и торжествовалъ самъ нуждающійся человѣкъ. Поэтому въ проповѣданіи св. Павла объективно основой Евангелия Христова рисуется тотъ исторический фактъ, что наше искупленіе отъ грѣховнаго убожества и реально-юридической неспособности къ наслѣдничеству устроилось исключительно Голгоѳскою жертвой Сына Божія. Впрочемъ, пока всѣ „выгоды“ остаются во всецѣломъ обладаніи Господа Спасителя, а другими приобрѣтаются только при благодатномъ соучастіи съ Нимъ въ Его богочеловѣческихъ преимуществахъ, но вовсе не по собственному усердію свободнаго подражанія Ему въ хожденіи по путямъ правды, которой нѣть ни у кого помимо Христа. Естественно, что здѣсь все зависитъ отъ того, чтобы достигнуть персонального общенія съ Испупителемъ, слиться съ Нимъ до самопоглощенія, когда каждый натурально будетъ наслаждаться жизнью пребывающаго въ немъ Христа (Гал. II, 19—20). Ясно, что съ субъективной стороны, или по способу усвоенія себѣ людьми искупительныхъ даровъ Христовыхъ въ личную собственность благовѣстіе Павлово утверждается на вѣрѣ, которую всѣ приводятся въ благодатный союзъ съ божественнымъ Сыномъ. Вмѣстѣ съ этимъ получается божественное содержаніе, и для него требуется равный регуляторъ тожественного достоинства. Такъ предъ нами раскрывается вторая, субъективная черта въ апостольскомъ возврѣніи на спасительное дѣло Христово, что его плоды прививаются и возрастаютъ въ насъ подъ неизмѣннымъ и непремѣннымъ заправленіемъ божественнаго Духа Святаго.

Всѣми этими фактами обеспечивается неизбѣжный и несомнѣнныи результатъ, что върою единенія человѣкъ приобрѣтаетъ во Христѣ богоусыновленіе, сохраняя его за собою въ неприкосновенности чрезъ Ходатая — Духа. Въ этомъ качествѣ облагодатственный человѣкъ и наслѣдуетъ и живеть съ сыновнею независимостью, пользуясь свободой полнаго распоряженія и по своей натуральной зрѣлости и по юридической компетентности. При догматическомъ освѣщеніи искупительнаго подвига Христова въ благовѣстіи апостольскомъ у насъ будетъ Евангеліе свободы христіанской по нашему сыновству Богу и Отцу чрезъ Христа-Сына во Святомъ Духѣ

Сыновнемъ. При такихъ особенностяхъ своихъ вѣроятій, конечно, долженъ и дѣйствовать во всемъ соответственно свободному состоянію, когда будетъ жить безукоризненно, въ гармоническомъ согласіи съ „канонами новой твари“ (ср. VI, 16, 15).

Такъ преднаречтыается и обусловливается нравственное учение св. Апостола Павла.

Часть IV-я:

НРАВСТВЕННОЕ УЧЕНИЕ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА ОБЪ ИСТИННО ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ (глл. V—VI).

Вы на свободу звани бысте, братіе: точію да не свобода ваша въ вину плоти; но любовію работайте другъ другу (Гал. V, 13).

Догматическая созерцанія Апостола Павла приводятъ къ моральными наставленіямъ. Здѣсь предполагается начертать для возрожденного образъ поведенія, точно подходящій къ его подлинному достоинству и указывающій путь къ нормальному христіанскому процвѣтанію при всегдашнемъ успѣшномъ развитіи. Самымъ смысломъ этой задачи требовалось теоретическое выясненіе законовъ христіанского бытія, а потому определеніе послѣдняго служить опорой и точкой отправленія для созиданія и формулированія христіанской этики.

Въ чёмъ же, — спрашивается, — особенное и существенное достоинство всякаго христіанина, какъ вѣроящаго? Его главнѣйшее характерное отличіе заключается въ томъ, что онъ получилъ свойства и правѣ сыновства и въ этомъ отношеніи располагаетъ совершенной свободой — подобно юридически и фактически полномощному наследнику, вступившему въ обладаніе всѣмъ достояніемъ. Теперь понятно, что и въ нравственной жизни всегда и всюду должна проявляться одна свобода, безъ которой не можетъ и не бываетъ христіанского благодатствованія. Тогда первымъ принципомъ христіанской

V, 1.

нравственности будетъ неизмѣнное пребываніе или непоколебимая устойчивость въ благодатной свободѣ при безусловномъ устраненіи всего, что гдѣ-нибудь носить хоть тѣнь поработительного стѣсненія (V, 1). Но для безошибочности выполненія этого основного правила слѣдуетъ со всею отчетливостію раскрыть специальная качественныя преимущества данной свободы, какъ истинно христіанской. Объ ней сказано, что именно ею ($\tauῇ ἐλευθερίᾳ$) и въ интересахъ ея утвержденія въ мірѣ (— \mathfrak{y}^1 *dativus comitandi* —) насть Христосъ свободилъ и, конечно, лишь постольку, поскольку Онъ самъ эссенціально свободень. А въ Немъ это достоинство покоится на всецѣломъ воплощеніи воли Божіей по Его натуральному богосыновству, откуда естественно, что Онъ и дѣйствуетъ въ всякихъ ограниченій съ сыновнею независимостію. Отраженіе этихъ свойствъ въ вѣрующихъ будетъ святостію при закрѣплениі въ себѣ божественности, а послѣдняя почерпается при единеніи со Христомъ и сохраняется чрезъ живое воспроизведеніе Его во всемъ своемъ благодатномъ устроеніи. Необходимо, что человѣкъ возрожденный, будучи свободнымъ, проявляетъ въ этомъ свое сыновство, которое реально награждаетъ сыновнею независимостію. Значитъ, христіанская свобода есть непосредственное обнаруженіе сыновнечистаго общенія съ Отцемъ чрезъ Сына, когда подъ водительствомъ божественного Духа мы удерживаемъ органическую неразрывность съ Господомъ Спасителемъ чрезъ воспроизведеніе Его въ себѣ, или чрезъ возможно полное осуществленіе „закона Христова“. Христіанская свобода, являясь прямымъ выводомъ²⁾ христіанского усыновленія, слу-

¹⁾ Это \mathfrak{y} , не принятое у LTTfWH Nestle v. Soden A. Souter, достаточно удостовѣрено текстуально въ сочетаніи $\tauῇ ἐλευθερίᾳ$ \mathfrak{y} (DEKL) и въ формѣ $\mathfrak{y} ἐλευθερίᾳ$ (FG), которая легче могла дать чтеніе въ одномъ $\tauῇ ἐλευθερίᾳ$ (NABCDP) путемъ опущенія \mathfrak{y} или замѣны его чрезъ $\tauῇ$, чѣмъ наоборотъ. Съ другой стороны, эта квалификація требуется и логически. Что Христосъ освободилъ людей свободою или для свободы, — это ясно само собою и не нуждалось въ столь выразительномъ напоминаніи, почему непримлемо для насть соединеніе IV, 31 и V, 1 въ одно предложеніе (при опущеніи обу въ V, 1). Напротивъ, обязательно было внушить читателямъ, что они должны были держаться не всякой свободы, а лишь такой, которую освободилъ Спаситель.

²⁾ Нѣть особой надобности спорить о положеніи обу то послѣ $\mathfrak{y} ἐλευθερίᾳ$ (CKL), то послѣ стѣхете (NABCFGP), такъ какъ при удержаніи \mathfrak{y} оно вездѣ будетъ отмѣтывать практическій выводъ для читателей, о которыхъ выше (IV, 31) сказано, что они — сыны свободной и, слѣдовательно, должны „стоять“ въ свободѣ. А для стѣхъ — кромѣ Ап. Павла — см. Мрк. III, 31. XI, 25. Ин. I, 26. VIII, 44.

V, 1.

житъ только натуральнымъ отблескомъ послѣдняго, въ равной мѣрѣ пользуясь всѣми его прерогативами и принимая всѣ его высокія обязательства. Христіанинъ живетъ свободно, но въ строжайшемъ соотвѣтствіи со всѣми требованіями своего званія.

Посему христіанская свобода вовсе не сближается и не ограничить ни съ противозаконіемъ, ни съ беззаконіемъ или виѣзаконностю, ибо въ себѣ самой содержать собственныя регулирующія нормы, рѣшително устраниѧ тѣ, которыя пригодны лишь для рабственности, гдѣ онѣ умѣстны, между тѣмъ свободная христіанственность выше этого уровня. Тутъ первѣе всего желательно огражденіе своей сыновней автономности при помоши всегдашней неразлучности отъ Иискупителя, какъ ея источника и подателя. Это будетъ положительный постулять христіанской морали для жизненнаго примѣненія благодатныхъ началь. Отрицательнымъ и вторичнымъ, — хотя столь же не-премѣннымъ, — требованіемъ должно быть отверженіе всего противнаго, препятствующаго и несрднаго. Съ этой точки зрѣнія неизбѣжно, что и въ нравственномъ отношеніи всецѣло устраниется законъ ветхозавѣтный. Теперь — вопреки коварнымъ обольщеніямъ іудаистовъ — Апостолъ со всею убѣдительностю открываетъ неоспоримую и освящательную причину. Она выражается сжато и энергично авторитетнымъ словомъ, которое звучитъ властною внушительностю и дышетъ отрезвляющею призывностю¹⁾), какъ бы поставляя предъ глазами читателей очевидную конкретность въ іѣ или іѡ (V, 2). А она заключается для Галатийцевъ въ слѣдующемъ обращеніи: „если вы обрѣзываетесь“ сами (περιτέμνυσθε) — безъ всяаго по-нужденія къ сему вашимъ христіанскимъ сыновствомъ, то, разумѣется, дѣлаете это 1) добровольно и 2) по убѣждению въ важности этого акта для поддержанія христіанскаго спасенія. Такимъ способомъ послѣднее въ своемъ нормальному бытіи и всесовѣренномъ дѣйствіи будетъ условливаться уже законническою операцией и теряетъ свой исключительно христіанскій характеръ. Обрѣзаніе приобрѣтаетъ тутъ силу самостоятельной спасительности и отторгаетъ отъ Христа, не допускающаго подобныхъ пособниковъ, которые — даже при добромъ стремленіи къ вспомоществованію являются фактически просто узурпаторами, посягающими на абсолютную единственность Господа въ нашемъ искупленіи и возрожденіи. Помощь подрываетъ самый авторитетъ, какъ недостаточный. Понятно, что для обрѣзывающихся Христосъ перестаетъ быть вседовлѣющимъ и разобщается отъ нихъ столь неестественнымъ приниженіемъ. Тогда органическая связь перитемнистовъ съ Избави-

V, 2.

1) Св. І. Златоустъ находилъ здѣсь выраженіе увѣренности въ расположеніи читателей (Migne gr. LXI, col. 664; Творенія X, стр. 795).

¹⁾ Св. І. Златоустъ находилъ здѣсь выраженіе увѣренности въ расположеніи читателей (Migne gr. LXI, col. 664; Творенія X, стр. 795).

телемъ прерывается, и Спаситель, будучи вѣчнымъ носителемъ и подателемъ благодати, оказывается совсѣмъ бесполезнымъ для такихъ ренегатовъ, коль скоро они сами устраниются отъ живительныхъ лучей Христова сіянія. Это грозно-печальное слѣдствіе тѣмъ неумолимѣе и неотвратимѣе, что здѣсь немыслима половинчатость или двойственность, чтобы при симпатіяхъ къ законничеству можно было сохранить и всю благодатную живительность. Напротивъ: тутъ либо „да“ — и все, либо „нѣтъ“ — и ничего¹). Вдумаемся въ предметъ внимательнѣе. Всякій человѣкъ есть обрѣзанію щійся (V, 3: *периордъ медіально-активно*), самъ добровольно и сознательно подчиняющійся этому ритуальному іудейскому акту. Очевидно, онъ принимаетъ на себя эту печать по признанію ея необходимой для него спасительности, а послѣднюю получаетъ данный оперативный пріемъ лишь въ качествѣ преддверія къ цѣлостной оправдательной системѣ законничества и совсѣмъ не имѣетъ религіозной важности въ обособленіи, когда допускается, напр., по медицинскимъ соображеніямъ. По усвояемой ему іудеями религіозной роли обрѣзаніе въ своей сфере равняется крещенію въ христіанской области и сопровождается подчиненіемъ тому строю, куда посвящаетъ и благословляетъ. Естественно, что „почивающій на обрѣзанії“ будетъ рабскимъ должникомъ закона, чтобы постоянно и безпрекословно творить его во всей мелочной дробности формъ и нормъ²). Такъ снова начинается прежнее, — но теперь уже ренегатское, — оправданіе себя „въ законѣ“ (V, 4: *оѣт:иес єу у бирѣ бихъобсф*), какъ

V, 3.

V, 4.

¹) Понятно, что здѣсь попытка единенія доказываетъ только то, что — по существу — „такой человѣкъ не вѣруетъ ни во Христа, ни въ законъ“, какъ говорить св. И. Златоустъ (Migne gr. LXI, col. 665; Творенія X, стр. 795).

²) Поэтому со строго номистической точки зрѣнія вполнѣ логично талмудическое предостереженіе: „отступникъ отъ закона о субботѣ есть вѣстѣ тѣмъ отступникъ отъ закона во всей его цѣлостности“ (см. у Dr. J. H. Hamburgег въ Real-Encyclopädie des Judentums III, 3, Leipzig 1896, S. 67), а въ новѣйшее время утверждается, что „обрядности составляютъ существенную часть еврейского закона“ и ими нельзя пренебрегать безъ опасности для цѣлаго (см. „Берлинскіе выкресть“ д-ра Замптера въ переводѣ Е. В. Тр. въ С.-Петербургскомъ журнале „Восходъ“ 1903 г., № 1, стр. 165—169). Отсюда же понятно, что зазорная Вереника (сестра Агриппы II, правнучка Ирода В.) предъ третьимъ (собственно и фактически — вторымъ) бракомъ съ Полемономъ Киликійскимъ потребовала отъ него только обрѣзанія (Jos. Flavii Antiqu. XX, 7: 3), ибо послѣднее всегда почитается въ іудействѣ „краеугольнымъ камнемъ еврейства“ (см. и „Восходъ“ 1882 г., № 7—8, стр. 12).

V, 4. единоспасительномъ источникѣ, религіозное усердіе къ отысканію въ немъ всей правды и всецѣлое заключеніе себя въ его деспотію. Въ результатѣ неизбѣжно является отлученіе отъ Христа (хъттаруѓѹтє ἀπὸ Христοῦ), освобожденіе отъ Него, какъ прекратившагося, бездѣственнаго фактора (Рим. VII, 2), между тѣмъ, „умерши для закона, которыми были связаны, мы, христіане, избавились отъ него (υνὶ δὲ καταρυγθημεν ἀπὸ τοῦ νόμου, ἀπολιχνωτεὶς ἐν φατηρῷ), дабы намъ служить Богу въ обновленіи духа, а не по ветхой буквѣ“ (Рим. VII, 6). Въ такомъ случаѣ обрѣзывающійся совершаеть прямую измѣну въ отношеніи Христа и неудержимо выпадаетъ (ср. 2 Петр. III, 17) изъ благодатно-спасительной державы Христовой.

Для обрѣзанныхъ тогда упраздняется и вся благодатная дѣйственность, потому что функционируетъ она плодотворно для человѣка только въ своей собственной средѣ — независимаго христіанскаго сыновства. Въ немъ все созидается на нашей неразрывности отъ Сына, съ Которымъ мы входимъ въ органическое общеніе чрезъ вѣра. Послѣдняя, объединяя насть съ Господомъ, въ каждомъ частномъ случаѣ наполняется оправдывающимъ содержаніемъ Голгоѳской жертвы и сама бываетъ вмѣстительницею искупительныхъ благъ. Но если эти сокровища сыновне-божественны, то и нормальное пользованіе ими нуждается въ божественномъ же посредничествѣ. Отсюда ясно, что таковое можетъ доставить „духъ“ (πνεўматi) не нашъ, но единственно Святый Духъ Божій (V, 5). При этомъ вѣра становится и носительницею и сообщительницею намъ самой правды Христовой, которую, какъ нѣчто уготованное для нась, мы почерпаемъ (ἀπ-εκ-δεχόμεθx) въ личное обладаніе именно изъ нея (ἐκ πίστεως). Она, — строго говоря, — не средство для пріобрѣтенія оправданія, подаваемаго помимо нашей заслуженности, а — скорѣе и точнѣе — способъ передачи, единственно возможный для этого случая, гдѣ необходимо тѣснѣшее соприкосновеніе со спасительнымъ источникомъ. Все это въ потребномъ совершенствѣ исполняеть вѣра, приводящая ко Христу, и ею мы усвоемъ себѣ въ собственность желанную намъ праведность. Отнынѣ послѣдняя бываетъ уже нашимъ достояніемъ и въ свою очередь оказывается опорою нашихъ дальнѣйшихъ христіанскихъ упованій. Посему ее нельзя считать предметомъ (объектомъ) надежды, отъ которой (черезъ которую) она только еще ожидается (— δικαιοσуѹ; genitivus objectivus для ελπίδx —) въ будущемъ¹⁾. Фак-

¹⁾ Такъ, напр., блаж. Іеронимъ, относившій апостольскую рѣчь ко второму пришествію Христову (Творенія XVII, стр. 145), а въ новѣйшее время — Prof. Th. Zahp, который считаетъ єхъ хістіеօս координированнымъ по отношенію πνεўматi и оба признаетъ адвербіальнымъ опредѣленіемъ для ἀπεκδεχόμεθx, єլпіс пони-

тически бываетъ совсѣмъ иное, разъ это является безспорнымъ и реальнымъ обладаніемъ нашимъ. Значитъ, у Апостола разумѣется не надежда на праведность, но надежда отъ праведности, которая въ качествѣ активнаго субъекта (*— δικαιοσύνης genitivus subjectivus —*) даетъ намъ все, что она можетъ и должна дать. И успѣхъ безусловно несомнѣненъ, поелику тутъ вѣра бываетъ исключительнымъ двигателемъ всего процесса. Причина очевидна и коренится въ томъ, что здѣсь все и всецѣло покоятся во Христѣ Іисусѣ (V, 6), какъ богочеловѣческомъ Мессии, а въ сфере Его благодатнаго владычества равно (сътѣ — сътѣ) безсильны (ср. Кол. III, 11) и потомъ исчезаютъ (ср. къ Гал. VI, 15) въ своихъ оправдательныхъ притязаніяхъ или отрицаніяхъ и обрѣзаніе и необрѣзаніе. Нужно лишь сліяніе съ Господомъ Спасителемъ, но это устроется одною вѣрой, которая бываетъ не процессуальнымъ, а законченнымъ и всегда функционирующими актомъ, коль скоро мы подлинно находимся уже въ Искупителѣ. Въ этой своей дѣятельности вѣра не допускаетъ улучшений по безукоризненности доставленного результата и сама начинаетъ работать свойственными ей обнаруженіями. Отсюда получаемъ, что апостольское реченіе *δι' ἀγάπης ἐνεργουμένη (любовію по спѣшеству ума)* — не пассивное въ смыслѣ провозглашаемой и принимаемой католичествомъ *fides formata*¹), т. е. вѣры, формируемой постепенно и непрерывно, усовершающейся и приходящей въ крѣость зрѣлости посредствомъ любви. Напротивъ, первая рисуется всецѣлой и активной, почему во второй лишь производить свой плодъ. Такова и есть вѣра, дѣйствующая сама изъ себя и сама по себѣ (— *ἐνεργουμένη* медіально-активное —) при помощи любви, ее обнаруживающей и запечатлѣвающей²).

V, 6.

По этой связи раскрывается, какимъ образомъ изъ вѣрующей активности рождается любовь и въ чёмъ она состоитъ. Любовь бываетъ отблескомъ вѣры, а эта вселяетъ въ насъ искупляюще-спасающаго Христа (Гал. II, 20) и потому дѣйствуетъ со всею спасительностью непремѣнно по силѣ и нормѣ ис-

маеть въ смыслѣ ожидаемаго блага (Рим. VIII, 24. Кол. I 5. Евр. VI, 18) и въ *δικαιοσύνѣ* видѣль видѣль gen. appos. (S. 249), откуда у него все сводится къ „die zuversichtliche Urwertung dieser zukünftigen δικαιώσις... im Endgericht“.

1) См. Conc. Trident., sessio VI, cap. 7 (de justificatione): *nam fides, nisi ad eam spes accidat et caritas neque unit perfecte cum Christo, neque corporis ejus vivum membrum efficit.*

2) Разумѣется, въ жизнѣ процессъ необходиимо получается потомъ органическое взаимообщеніе, почему тутъ *ἐνεργουμένη* значить и дѣйствующая и воздѣйствуемая (еп. Феофанъ, стр. 366—367).

V. 6. торического подвига Христова. Въ этомъ качествѣ вѣра христианская обязательно отражаетъ въ себѣ и черезъ себя самую сущность избавленія Христова. Но Господь былъ въ немъ абсолютною любовію и по условливающему мотиву, и по фактическому методу, и по конечной цѣли своего мессианскаго служенія. Понятно, что вѣра, будучи истинно христианской, всегда и натурально дѣйствуетъ изъ себя самой безъ всякихъ внѣшнаго понужденія всецѣлою любовію и именно любовію Христовой — въ святости оправданія, какъ искони и во вѣки пра- веденъ Христосъ, — въ жизни обновленія, какъ всесовершень эссенціально Сынъ Божій, и — въ благости исправляющаго и возсозидающаго снисхожденія, какъ *исполнъ благодати* (Ін. I, 14) воплощенный Логосъ-Избавитель. Христианская вѣра органически-необходимо свидѣтельствуется и осуществляется фактически любовію, когда мы закрѣпляемъ благодатно-реальное единеніе съ Богомъ чрезъ Испупителя и, пріобрѣтая въ Немъ сыновнюю близость богообщенія, поднимаемся до сокровенныхъ тайнъ божества. Натурально, что любовь христианская, какъ доводящая до богосозерцанія, рисуется у св. Апостола Іоанна средствомъ богопознанія (1 Ін. IV, 7—8), ибо лишь чрезъ нее достигается взаимообщеніе познающаго и познаваемаго до степени тѣснѣйшаго соприкосновенія, даже сопроникновенія (1 Ін. IV, 16).

Апостолъ Павелъ разсматриваетъ любовь въ неразрывности отъ вѣры оправданія при ихъ гармоническомъ сочетаніи въ христианской практикѣ, гдѣ слѣдствіе бываетъ тожественнымъ своей причинѣ по достоинству. Такая дѣятельность христианская будетъ безусловно нормальной или строго нравственной; но ея источникъ — во Христѣ, способъ — въ вѣрѣ, руководительство — въ Духѣ Св., увѣнчаніе — въ любви. Законъ и здѣсь остается внѣ границъ христианского благодатствованія въ его обнаруженіяхъ среди людей. Въ этомъ направлениі (V, 7) читатели доселѣ шли хорошо, т. е. по вѣрному христианскому пути, который, открывая широкій просторъ для свободы каждого, самъ по себѣ не могъ вынуждать къ уклоненіямъ. Очевидно, была внѣшная причина, заставившая сойти съ благодатной стези, но это было своевольнымъ непослушаніемъ истинѣ, къ какой та призывала и вела. Ясно (V, 8), что тутъ непослушаніе ей ($\mu\acute{\eta} \pi\acute{e}\theta\acute{e}\sigma\acute{m}\alpha$) связано съ обратнымъ послушаніемъ ($\eta \pi\acute{e}\theta\acute{e}\mu\acute{o}u\eta$)¹), которое должно было относиться всецѣло къ истинѣ, а теперь отдается совсѣмъ противному².

V. 7. V. 8.

¹⁾ Посему *πείθεσθαι* по формѣ, конечно, пассивно: „меня убѣдили“ (Ср. Rev. Clement Bird въ „The Expositor“ 1393, June, p. 471—472), но результатъ получился активный: „я убѣдился, принявъ это убѣжденіе“.

²⁾ Не представляется ни потребнымъ, ни основательнымъ на-

Въ такомъ случаѣ все это идетъ не отъ призвавшаго (I, 6, 15) и всегда призывающаго (praes. тобъ *καλούσθως*), а таковъ есть только самъ Богъ, первоисточникъ и зиждитель истины вѣры, знанія и жизни во всемъ мірѣ. Въ этой области даже малѣйшее отступленіе будетъ поворотомъ въ сферу тьмы и погубить всю прежнюю работу, какъ ничтожная частица закваски вызываетъ броженіе во всемъ тѣстѣ (V, 9; ср. 1 Кор. V, 6). Въ виду именно этой опасности Апостолъ продолжаетъ надѣяться (V, 10), что, — поскольку читатели находятся въ Господѣ и служатъ Ему, — они въ данномъ вопросѣ не мыслятъ иначе по сравненію съ авторомъ, а всякий возмутитель, какъ таковой, неизбѣжно понесетъ осужденіе. Это совершился помимо людей въ силу неумолимаго возмездія и потому независимо отъ положенія разумѣемыхъ лицъ, кто бы они ни были по этому смущающему званію (*ὅτις*, напр., въ родѣ или изъ числа нѣкіхъ отъ Іакова (Гал. II, 12¹)). Эти люди соблазняютъ къ обрѣзанію и какъ будто ссылаются на подобные эпизоды изъ собственной апостольской практики Павловой (хотя бы о Тимоѳеѣ: Дѣян. XVI, 3). Но (V, 11) еслибы, — говорить своимъ Галатійскимъ братьямъ го Христѣ св. Павелъ, — я до сихъ поръ проповѣдывалъ обрѣзаніе, ревнителемъ котораго онъ нѣкогда былъ, то (*ὅπερ = tebus igitur comparatis*) его не трогали бы прѣслѣдованіями клеветы и внѣшнихъ удрученій (ср. 2 Кор. XI, 23 сл.) за благовѣстническую дѣятельность, ибо въ ней не провозглашалась бы спасительная вседержавность единаго креста Христова, и — слѣдовательно — исчезаль бы всякий поводъ къ соблазну изъ-за него послѣдняго за отсутствіемъ самаго соблазняющаго предмета²). Значить, и объективно и лично — въ отношеніи Апостола Павла — смутыны были *αὐαστατοῦτες* (V, 12) и старались поставить все вверхъ ногами (Дѣян. XVII, 6. XXI, 38) вопреки естественному положенію вѣщей и событий, мучительно вынуждая (*ἐνέχοφεν* V, 7) васъ оторваться отъ Христа черезъ обрѣзаніе. Но для всѣхъ и для нормального порядка религіозной жизни было бы гораздо лучше, еслибы они окончательно и совсѣмъ были отрѣзаны отъ союза христіанскаго братства³), подъ которымъ укрываются въ

V, 9.
V, 10.

V, 11.

V, 12.

чинять съ тѣ *ἀληθεῖα* μὴ *πείθεσθαι*: новое предложеніе, которое составляетъ единое цѣлое со ст. 8-мъ, какъ дѣлаетъ † Prof. Th. Zahn (S. 252—253).

¹) Для *ὅτις* ср., напр., Дѣян. III, 23, а *ό ταράσσου* — въ виду нерѣдкихъ случаевъ множ. числа въ посланіи (I, 7. IV, 17. V, 12. VI 12—13), — конечно, не говорить прямо о единственности особо выдающагося лица († Prof. Th. Zahn, S. 255), но и не исключаетъ такового среди многихъ другихъ.

²) Ср. Gustav Stählin, Skandalon, Gütersloh 1930.

³) Едва ли можно относить *ἀποκόψουται* къ кастраціи, какъ и

качествѣ іудеохристіанъ, выдавая себя за наисовершеннѣыхъ членовъ.

Весь предшествующій парентезъ, вызванный пламеннымъ возбужденiemъ отеческой любви Апостола къ Галатамъ, на-глядно убѣждаетъ, что нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ къ от-

V, 13. паденію въ номизмъ, ибо (V, 13) вѣрюющіе призваны къ свободѣ и должны пребывать въ ея сферѣ; но это ничуть не вѣдеть къ нравственной распущенности аномизма и не наклоняетъ къ этической необузданности антиномизма. Вѣдь наша свобода — всецѣло христіанская, изъемлющая изъ-подъ владычества міровой стихійности и — прежде всего — устраниющая отъ бренной плотяности, которою мы привыкаемъ къ міру. Ясно, что разумѣемая свобода абсолютно чужда всякихъ плотскихъ элементовъ и не можетъ быть точкою опоры (*εἰς ἀφερήγη*, ср. Лк. XI, 54. Рим. VII, 8, 11. 2 Кор. V, 12. XI, 12, 1 Тим. V, 14) для развитія активности со стороны плоти. Свобода наша остается и настѣндерживаетъ въ чисто духовной области вѣры, а тамъ всюду и во всѣхъ дѣйствуетъ любовь Христовой самопреданности на пользу всѣхъ и каждого. Поэтому христіански свободные не превозносятся взаимно, но работаютъ другъ другу любовію (*Ἄλλα διὰ τῆς ἀγάπης δουλεύετε ἀλλήλοις*) по ея натуральному и неустранимому влечению. Это есть какъ бы порабощеніе, однако добровольное¹⁾ и обожданное, гдѣ всѣ самоотверженно служатъ взаимно во имя любви Христовой. Такимъ способомъ христіане покажутъ себя на высотѣ идеала, къ которому направлялось все предшествующее. Понятно, что отъ послѣдняго они теперь избавляются на-всегда, за ненадобностю предвареній при фактической наличности желательного успѣха. Вмѣстѣ съ этимъ въ нихъ будетъ реальная полнота высокихъ номистическихъ стремлений, по ихъ осуществленію въ христіанствѣ. Эта истина, неизбѣжная по смыслу христіанского званія, имѣть для себя неотразимое за-

V, 14. конническое оправданіе. Оно содержится (V, 14) въ самомъ словѣ закона ветхозавѣтнаго, поелику этотъ бываетъ выполненнымъ фактически²⁾ во всей его цѣлостности (о *πᾶς υμῶς*).

† Prof. Th. Zahnp (S. 258), хотя этотъ глаголь и употребленъ не безъ соотношенія съ *περιτέμνεσθαι* (ср. Theophil. ad Autol. I, 9: Migne gr. VI, col. 1037 fin.), къ которому фанатически склоняли читателей юдаисты (Гал. VI, 12).

¹⁾ Ср. *δοῦλος* обѣ Апостолахъ Дѣян. IV, 29. Іак. I, 1 и др., а въ Ветхомъ Завѣтѣ — о пророкахъ (Іер. VII, 25. Дан. IX, 6, 10. Амос. III, 7. Зах. I, 6).

²⁾ Чтеніе (Rec.) *πληροῦται* (въ формѣ *praeſens'a*) и плохо удостовѣreno текстуально и не столько удобно логически, констатируя лишь фактъ исполненія всего закона, но ничего подобнаго пока не было и Апостоломъ не допускалось, а еслибы это встрѣ-

при точномъ воплощениі его кардинальной заповѣди (Лев. XIX, V, 14. 18): *возлюбиши ближняго твого яко(же) самъ себе.*

Относительно ея несомнѣнно, что она не достигалась при номизмѣ, однако исчерпывала все содержаніе оправдательныхъ стремлений и тяготѣній закона, ибо послѣдній былъ назначенъ утвердить на землѣ братство любви на религіозной почвѣ. Понятно отсюда, что христіанское исполненіе этой заповѣди будетъ сколько удовлетвореніемъ, столько же и упраздненіемъ законническихъ запросовъ этого рода. Упомянутое повелѣніе требуетъ признанія „ближняго“ *своимъ*, и это встрѣчается между людьми при узахъ кровного родства въ семействѣ, національности и т. п. Но дальше мы находимъ нѣчто большее, поелику категорически требуется совершенное отожествленіе меня съ другимъ, при чёмъ и взаимная любовь получить свое истинное выраженіе. Это обязательство совсѣмъ непосильно для отмѣченныхъ посредствъ, поелику сынъ не есть отецъ и царь не равенъ рабу своихъ подданныхъ, какъ и имъ самимъ. При обычныхъ факторахъ ничто не могло устранить подобныя дифференціаціи. Для сего нужно высшее объединеніе, гдѣ всѣ безразлично одинаковы. Въ подзаконномъ состояніи такая ситуация мыслима была лишь при общемъ приниженніи всѣхъ предъ Богомъ по рѣшительной зависимости отъ Него и по естественной человѣческой несамобытности. Законъ и обезпечивалъ заповѣданное тожество провозглашеніемъ идеи универсальной тварности. Само собою очевидно, что для фактическаго уравненія людей по этой истинѣ необходимо для всѣхъ равное исповѣданіе ея, а для номизма кругъ точного вѣдѣнія замыкался тѣсными границами Израиля. Это количественное съуженіе сопровождалось и качественнымъ раздробленіемъ, ибо между тварными — даже среди избранныхъ членовъ заѣтнаго союза — нѣтъ натуральной внутренней взаимности сліянія, поскольку здѣсь тварное уравненіе производится не чрезъ самихъ тварей, а черезъ третью инстанцію стоящаго вѣтъ ихъ Бога. Тутъ каждый усматриваетъ въ ближнемъ себя собственно не по равенству ему, а по равному отношенію всѣхъ къ общему для нихъ Творцу. Это было непремѣннымъ догматическимъ постулатомъ для взаимнаго самопризнанія съ тожествомъ всѣхъ каждому и наоборотъ. На практикѣ данное

чалось и признавалось, — въ такомъ случаѣ законъ оставался бы обязательной действующею нормой. Напротивъ, перфектная редакція (у LTTr WH Nestle v. Soden A. Souter) пѣплѣрота въ текстуальномъ отношеніи хорошо обеспечена (ABC) и свидѣтельствуетъ самый принципъ потребной номистической реализаціи, а уже отсюда выводится, что таковая несомнѣнна въ христіанствѣ (ср. Рим. XIII, 8), которое теперь поглощаетъ и упраздняетъ весь номизмъ (Рим. X, 4).

V, 14. требование нимало не достигалось и только порождало рѣзкое обособленіе между знающими Бога и Его законъ и между невѣжественными простецами. Создавалось уже религіозное раздѣленіе въ самихъ подзаконныхъ на chaberit и am-haagetz, изъ коихъ вторые по своему номистическому невѣжеству были неспособны къ оправдывающей законнической исполнительности и потому принципіально являются „проклятыми“ (Ін. VII, 49), какъ обреченные Господомъ сосуды не въ честь или прямо въ погибель (Рим. IX, 21—22). А прозелиты даже высшихъ степеней всегда оставались по существу чуждыми Израилю и не имѣли никакого участія въ „заслугахъ отцовъ“¹⁾. При подобныхъ условіяхъ и самая идея „ближняго“ неизбѣжно затемнялась, и ея конкретное примѣненіе становилось недоумѣннымъ и почти совсѣмъ отрицательнымъ (ср. Лук. X, 29), судя и по Евангельской притчѣ о добромъ самарянинѣ. По всему этому и въ самомъ іудействѣ теоретическое тожество не исключало на практикѣ самыхъ крайнихъ градаций даже въ самой религіозной области и фактически сопровождалось преобладаніемъ націонализма, потомъ окончательно восторжествовавшаго. Тѣмъ не менѣе нельзя забывать, что законъ, не доставляя заповѣданной взаимной любви, видѣль и находилъ бы въ ней свое абсолютное увѣнчаніе. Онъ былъ разсчитанъ именно на возвращеніе религіозно-моральной солидарности въ человѣчествѣ по одинаковой у всѣхъ святости чрезъ воплощеніе правды Божіей, при чемъ непремѣнно функционировалъ бы и фактически исполнялся въ повсюдной любви взаиморавенства по достоинству. Для ветхозавѣтного домостроительства все это было просто искомою цѣллю: если же она реализуется въ христіанствѣ, то послѣднее и бываетъ исполненіемъ закона. И, дѣйствительно, въ царствѣ благодати всѣ члены сливаются въ общее цѣлое съ естественностю и необходимостью. Въ немъ всѣ участники органически объединяются съ божественнымъ Сыномъ и чрезъ Него сами становятся истинными чадами Божіими. Затѣмъ уже ясно, что дѣти одного отца бываютъ между собою братьями и не могутъ не усматривать другъ въ другѣ равное чадо Божіе. Значить, христіанинъ, — пока остается вѣрующимъ, или въ силу этого своего специального преимущества, — натурально созерцаеть себя самого въ каждои „ближнемъ“ по одинаковому христіанскому обновленію и любить братски не съ національною узостію плотскаго происхожденія, а съ необъятнымъ универсализмомъ всѣмъ доступной и для всѣхъ открытой вѣры.

Теперь безспорно, что — по своимъ бежественнымъ начальамъ — законничество до точности воплощается въ хри-

¹⁾ См. Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 558.

стіанствѣ, гдѣ находитъ совершенное удовлетвореніе самыи высшимъ религіозно-моральнymъ требованіямъ, превышавшимъ его собственную активную energiю. Посему, — какъ исполненный всецѣло, — законъ не имѣетъ силы и дѣйственности въ благодатномъ христіанскомъ строѣ, который, однако же, чуждъ и противозаконія и беззаконничества, ибо держится поверхъ номистического уровня, обладая своими заправляющими нормами. Не удивительно, что въ христіанскомъ союзѣ недопустима среди истинныхъ его членовъ раздробленность взаимной вызывательской обособленности, господствующая въ плотской сфере и регулируемая законничествомъ. Иначе обязательная братская солидарность вытѣсняется столкновеніемъ несовмѣстимости, которая ведеть къ устраненію одного другимъ при ожесточенной борбѣ каждого за свое независимое существованіе. Отсюда рождается инстинктивная потребность обоюдного угрызенія и пожиранія, а — при равной интенсивности у всѣхъ — оно должно сопровождаться полнымъ взаимнымъ истребленіемъ вслѣдствіе такого „общественного разбойничества“¹⁾ (V, 15). V, 15.

Картина — свойственная Галатамъ и возможная у нихъ²⁾. Но все это питается плотяностію и вѣнѣ ея не бываетъ. Въ виду сего Апостоль и говоритъ авторитетно, что христіане, избавившись изъ-подъ плотяныхъ оковъ, обязаны всецѣло сообразоваться съ условіями своего новаго бытія (V, 16). Послѣднее, V, 16.

созидаясь божественнымъ Сыномъ, нуждается и въ столь же божественномъ руководителѣ, который закрѣпляетъ и охраняетъ наше тѣсное объединеніе во Христѣ съ Богомъ Отцемъ. Таковъ и есть Духъ божественный, являющійся специальнымъ двигателемъ христіанского жительства, гдѣ Онъ бываетъ центромъ опредѣляющимъ границы периферіи, и служить солнцемъ, регулирующимъ планомѣрность всего теченія. Разумѣется, при Его спасительномъ контролѣ все будетъ совершаться съ надлежащею христіанской правильностью, ибо остается тогда въ собственной благодатной области и функционируетъ по ея исключительнымъ принципамъ. Понятно, что теперь вѣрующій будетъ ходить безпрепятственно и безбоязненно, не опасаясь потерять христіанскую почву и ниспастъ за черту христіанской духовности. Этимъ незыблѣмо предрѣшается, что духовный по самому своему достоинству оказывается независимымъ отъ плотяности и органически не можетъ слѣдовать ея специфическимъ вліяніямъ, которыя просто даже не досягаютъ христіанской возвышенности. Тутъ и непреложно и необходимо, что подобный человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ исполнять обѣти тѣлеснѣ) плотскихъ вожделѣній ни по объективнымъ, ни по субъективнымъ мотивамъ. Обратное еще было бы мыслимо

¹⁾ Словѣ блаж. Геронима (Творенія XVII, стр. 170).

²⁾ Ср. † Prof. Th. Zahn, S. 261.

въ нѣкоторой степени, еслибы плоть, — въ качествѣ морального фактора, — имѣла хоть малѣшее родство съ Духомъ, соприкасалась съ Нимъ и незамѣтно примѣшивалась къ Его отправленіямъ, постепенно вторгаясь въ духовный процессъ, сообщая свое настроеніе и, наконецъ, овладѣвая всецѣло. Но

- V, 17. сему препятствуетъ та фактическая причина (V, 17), что между ними господствуетъ внутренняя противность (*κατὰ*), а жаръ и холодъ, свѣтъ и тьма вмѣстѣ не бываютъ, устрания другъ друга при встрѣчѣ. И, по истинѣ, такая плоть натурально стремится къ враждебному для Духа, Который отвѣчаетъ одинаково въ томъ же самомъ тонѣ. Отсюда неизбѣжно, что при фактическихъ столкновеніяхъ они не переплетаются и не входятъ даже въ механическое содружество, всегда сохраняя свою природную непримиримость. Въ этомъ случаѣ плоть усиливается, чтобы человѣкъ дѣйствовалъ не духовно, какъ Духъ побуждаетъ поступать вопреки плотяности, ибо эти принципы противоположны не по направленію въ разныя стороны, а по взаимной адерсативности въ пониманіи и рѣшеніи общихъ задачъ. Отдавшись тому или иному фактору, люди уже подчиняются ему съ утратою своей воли, которая можетъ выражаться теперь только однимъ извѣстнымъ способомъ — духовнымъ либо плотянымъ. А когда водителемъ нашимъ будетъ
- V, 18. Духъ (V, 18), — мы самою своею духовностію изъемлемся изъ плотяной неупорядоченности и этимъ избавляемся отъ законническаго соподчиненія, ибо для него нѣтъ матеріала, разъ у насъ въ мысли и жизни воцаряется наилучшая гармонія. Законъ не находитъ тутъ приложенія, ибо приспособленъ для плотяности, какъ это для всѣхъ ясно съ неотразимостію по обнаруженіямъ послѣдней (V, 19). Плоть хочетъ устроиться именно по своему типу, однако не обладаетъ самобытностію, чтобы развиваться изъ себя самой и по себѣ въ цѣлостную органическую систему. Всѣ напряженія ея исчерпываются лишь частными актами и разрозненными фактами, которые мотивируются плотяностію и бываютъ, конечно, специфически плотскими (*τὰ ἔργα τῆς σαρκός*), поелику плотію производятся (*genetiv. subjectivus*) и воплощаютъ ее съ точностію (*genetiv. objectivus*). Съ этой стороны они для всѣхъ осозательно-наглядны и легко постигаются въ своихъ отличительныхъ качествахъ. Такъ открывается неограниченное плотяное владычество, нестѣсняемое въ своей активности. При такомъ рѣшительномъ напорѣ плоти, и первѣйшимъ¹⁾ ея запечатлѣніемъ будетъ *πορνεία* — безпорядочное и ничѣмъ не контролируемое удовлетвореніе плоти.
- V, 19.

¹⁾ Вставка (Rec.) *μοιχεία*, не принятая въ критическихъ изданіяхъ, отсутствуетъ въ №*ABCР и является не совсѣмъ понятною логически, ибо это значило бы начинать со специфического блудного грѣха и переходить къ блуду вообще.

скихъ инстинктовъ въ „блудѣ“. Здѣсь плоть достигаетъ пол-
наго главенства въ зазорныхъ проявленіяхъ законнаго инстинк-
та и, простираясь далѣе, естественно налагаетъ всюду свою
дѣятаріа — „нечистоту“ плотскаго вожделѣнія и плотяного
интереса всякаго рода и вида со всѣми ихъ плодами и слѣд-
ствіями. Послѣ этого для нея не оказывается достаточныхъ пре-
понъ къ самому бурному кипѣнію, — и она проявляется потомъ
въ дѣлѣїахъ¹⁾ — съ крайнею необузданностію и съ „непотреб-
ствомъ“ (ср. Прем. Солом. XIV, 26. Мрк. VII, 22) неприкрытой
наглости бѣшенаго цинизма, когда уже совсѣмъ не желаютъ
стѣсняться и „дѣлаютъ всякую нечистоту съ ненасытимостію“
(Ефес. IV, 19). Плоть захватываетъ окончательное верховенство и
демонически (ср. 2 Фесс. II, 4) воздвигаетъ себѣ свой „идоло-
служебный культъ“ (ср. Ефес. V, 3) въ εἰδωλολατρ(ε)ια (V, 20) съ ре-
лигіозными волшебствами²⁾ разныхъ φαρμακ(ε)ια (ср. Апок. XXI,
8)³⁾, всегда обильно употреблявшихся въ подобной религіозно-из-
вращенной ассоціаціи. Тутъ плотяно-матеріальныя средства вся-
кихъ вѣщнихъ „чародѣйствъ“ предполагаютъ плотяность ре-
лигіознаго сознанія въ грубомъ понятіи о подвластности та-
кимъ волшебнымъ способамъ самого божества, какъ материа-
листически податливаго, а при этомъ несомнѣнна плотяность
движущаго интереса и преслѣдуемой цѣли. Въ этомъ состояніи
самообоженія плоть не можетъ допускать равенства себѣ или
соперничества, а потому она ко всему иному „враждебна“ (ἐχθ-
ραί), горделиво все „оспариваетъ“ (ἔρεις) по чувству злостной
„завистливости“ (ζῆλοι) и — при естественной неуступчивости
другой стороны — распалается бурною „яростію“ въ θυμῷ. Въ результа-
тѣ будетъ фактическая „враждебность“ (ἐριθεῖας
ср. Іак. III, 14) ко всякому упорствующему. Разъ же это на-
строеніе присуще всѣмъ плотянымъ индивидуальностямъ съ
одинаковою интенсивностію, — отсюда неизбѣжно раждается

¹⁾ Этотъ терминъ не совсѣмъ ясенъ по своему происхожде-
нию и специальному значенію, но безспоренъ въ немъ оттѣно-
къ открытаго вызывающаго цинизма: см. и Proff. J. H. Moulton
and George Milligan, *The Vocabulary of the Greek Testament*, p. 84.

²⁾ Ср. S. Justinі Apol. I, 14: οἱ δε καὶ μαγικαῖς τέχναις
χρόμενοι, ἀγαθοὶ καὶ ἀγενήτῳ Θεῷ ἔχοντος ἀνατεθειότες. Иса.
XLVII, 9, 12. Мал. III, 5. Апок. IX, 21.

³⁾ О подобныхъ явленіяхъ въ апостольской вѣкъ ср. Дѣян.
XIX, 19 и 2 Тим. III, 13, а Анкирскій соборъ 314 г., приближав-
шійся къ вселенскому по своему численному составу († Prof. C. H.
Tighe, *Studies in Early Church History*, Oxford 1912, p. 44),
специально говоритъ объ идоложертвовавшихъ (прав. 1, 2, 4), объ
отравахъ (пр. 21, гдѣ фуброу Вальсамонъ принимаетъ въ смыслѣ
φάρμακον) и о волхованіяхъ (пр. 24).

„расколъ“ (*διχοστασία*) непримиримыхъ партий, которые по своимъ руководящимъ принципамъ скоро и съ неминуемостю формируются въ убѣжданныя „еретической“ фракціи (*αἵρεσις*). V, 21. Тогда необходимо возникаетъ (V, 21) неумолимое взаимное „ненавистничество“ (*φθυμός*) съ тенденціею къ „убийственному“ уничтоженію (*φύσις*) противника, дабы на развалинахъ всеобщаго погрома было для плоти удобно и свободно торжествовать свою победу въ дикомъ „опьяненіи“ (*μέθαι*) охмѣляющихъ и неслыханно-безчинныхъ оргій (*χῶμα*).

При столь безбрежномъ плотскомъ абсолютизѣ все проще подобное ясно само собою и не требовало подробнаго перечисленія, понятнаго и логически-предметно и по живымъ наблюденіямъ тогдашней религіозно-моральной дѣйствительности. Не менѣе несомнѣнны и всѣ выводы, для которыхъ Апостолу было достаточно напомнить читателямъ сказанное имъ прежде — во второй его визитѣ у Галатийцевъ. Ихъ христіанское усердіе и моральное напряженіе направлены къ наслѣдованію царства Божія, но при плотскомъ деспотизѣ они были бы тѣ тѣлѣта *πράσσοντες*, всегда и непрерывно осуществляющими всю сумму плотскихъ возможностей въ указанномъ выше родѣ. Между тѣмъ у всѣхъ вѣрующихъ искомый идеаль заключается въ *βασιλεῖα θεοῦ* — въ такомъ строѣ, который всецѣло созидается отъ Бога, имѣеть Его своимъ виновникомъ (*genitiv. subjectivus*), откуда вытекаетъ, что тутъ обязательно должна выражаться со всѣмъ совершенствомъ и царствовать именно воля Божія (*genitiv. objectivus*). Пока эта задача бываетъ идеальною и выполняется частично и постепенно въ членахъ церкви Христовой, каковая служить моментомъ и средою водворенія на землѣ царства Христова, воплощающаго царство Божіе со всею фактическою точностю въ личности Господа Иисупителя, а увѣнчаніе будетъ достигнуто людьми реально лишь въ царствѣ Бога и Отца. (1 Кор. XV, 24 сл.). При всемъ томъ главенствующій факторъ всегда бываетъ божественный, противный плотяности, почему всѣ плотянные, какъ чужды ему, не будутъ имѣть даже малѣйшаго касательства къ царственно Божію наслѣдію (ср. 1 Кор. VI, 9—10). Для этого нужно безусловное соотвѣтствіе царственной божественности, а оно требуетъ производителя, способнаго къ сему и достойнаго, — значитъ, — не менѣе божественнаго. Но извѣстно, что продолжаетъ миссію Христа и утверждаетъ наше единеніе съ Богомъ Духъ Святый, Который — поэтому — и будетъ исключительнымъ водителемъ вѣрующихъ въ церкви Христовой къ царству Божію. Дѣйствуя въ своей сфере и съ божественно-властною самодержавностю, Онъ даетъ изъ Себя нѣчто органически цѣlostное, какъ Его натуральный „плодъ“ (V, 22), единый по источнику и по содержанію — вопреки дробности плотскихъ „дѣлъ“, порождаемыхъ безсистемными порывами плотяности. При такомъ божественномъ абсол-

V, 22. туризмѣ

лютизмъ Духа въ самомъ процессѣ — и результатъ, естествен- V, 22.
но, бываетъ одинаково божественнымъ въ качествѣ адекватна-
го отраженія въ христіанахъ свойствъ жизни собственно боже-
ственной. А въ премірномъ бытіи Троичности царствуетъ „лю-
бовь“, покоящаяся на эссенціальномъ тожествѣ и сосущество-
нной неразрывности всѣхъ божественныхъ Лицъ. Но всѣ обла-
годатственные, находясь въ таинственномъ сочлененіи съ От-
цемъ чрезъ Сына во Св. Духѣ, неразрывно связываются брат-
скою солидарностю взаимной самопреданности и въ каждомъ
другомъ любить самихъ себя (ср. V, 13) по тожеству своего
христіанскаго бытія. Въ этомъ смыслѣ любовь есть первѣйшее
обнаруженіе вѣры, корень и вѣнецъ всѣхъ добродѣтелей, изъ
коихъ лишь она одна *николи же отпадаетъ* (1 Кор. XIII, 8). Впрочемъ, любовь христіанская обладаетъ подобными
преимуществами только при сыновней неразлучности нашей съ
Богомъ, когда вполнѣ нормальна у насъ радость (ср. 1 Фесс.
V, 16) при достижениіи этого спасительного союза, который все-
ляетъ въ души миръ невозмутимой солидарности съ небомъ
и спокойной гармоничности на землѣ въ „человѣкахъ благово-
ленія“ (Лк. II, 14), между тѣмъ у нечестивыхъ нѣтъ ни того,
ни другого (Иса. LVII, 21). Въ дальнѣйшемъ практическомъ при-
мѣненіи будетъ фактически закрѣпляться пріобрѣтенная благо-
датно божественность. Но по отношенію къ роду человѣческо-
му и всему сотворенному Всевышній долготерпѣливъ по своей
благостной милости, — и въ Его чадахъ отраженно будутъ
обитать *μαρθυρίκαι* и *χρηστότης* — „сдержанность“ для гнѣви-
вой обидчивости на ближняго по „доброму влечению“ къ нему,
которое, однако, не ограничить съ попустительствомъ, ибо ста-
рается дѣйствовать „благами исправленія“ (*ἀγαθωσύνη*), чтобы
поднять павшаго на свою высоту и пріобщить къ радостной
восторженности. Христіанская активность тутъ не измѣняетъ
своей природѣ, наскаждая въ другихъ то самое, что отличаетъ
ее натурально. Здѣсь успѣхъ достигается и потому, что она
бываетъ непреклонна стойкою, остается вѣрною себѣ (*πίστις* ср.
Рим. III, 3. Тит. II, 10) во всѣхъ своихъ особенностяхъ и въ
этомъ достоинствѣ касается всякаго недуга съ „мягкостю вра-
чеванія“ (V, 23), чуждаго суровости прещенія (*πράξις* ср. Ме. XI, 29), поелику „самодержавна“ въ своихъ свойствахъ и не
допускаетъ искаженія и омраченія ихъ чѣмъ-либо несроднымъ
или противнымъ при фактической реализаціи (*ἐγχράτεια*). V, 23.

Данное перечисленіе снова убѣждаетъ, что сюда непри-
мѣнимъ дисциплинарно-регулирующій и карающій законъ, для
котораго нѣтъ даже пункта приложенія въ царствѣ правды
ср. 1 Тим. I, 9), раскрывающейся въ жизни вѣрующихъ изъ
себя самой съ соприсущею святостію. Какъ противъ нея и всѣхъ
носителей¹⁾ можетъ дѣйствовать номизмъ? Вѣдь всѣ они прин-

¹⁾ Тутъ *τοιούτων* — *mascūl.* († Prof. Th. Zahn, S. 266).

ципіально находятся въѣтъ этой сферы, и значитъ — для нихъ законъ просто не существуетъ, совершенно исчезая предъ другими, высшими нормами духовнаго бытія. Всѣ творцы поименованныхъ и аналогичныхъ добродѣтелей суть отъ Христы

- V, 24. Іїзусъ (V, 24) — такие, которые всецѣло пребываютъ въ Господѣ Искупителѣ и только въ Немъ благодатно имѣютъ свою онтологическую опору, а потому, распявшиись со Христомъ, они фактически умертвили свою плоть¹⁾, отняли у нея активную жизненность для противодуховной работы чрезъ свои плотскія влечения разныхъ саркическихъ вожделѣній, или похотей. Безъ послѣднихъ не оказывается и материала для законническаго кодекса, который необходимо бываетъ совсѣмъ бездѣственнымъ и долженъ умереть (ср. Евр. VIII, 13).

Теперь получаемъ, что — недозволительный и непригодный для возникновенія христіанской жизни — законъ совсѣмъ неумѣстенъ для ея поддержанія и развитія. Она состоитъ въ свободѣ богоусыновленія, которое приобрѣтается единеніемъ съ Сыномъ Божіимъ и реально обнаруживается воспроизведеніемъ качествъ божественнаго Главы въ дѣтяхъ по благодати, когда достигается всецѣлое совладеніе должнааго съ наличнымъ въ этической безупречности.

Ясно, что основа и источникъ нравственной христіанской дѣятельности — Христость, ея орудіе — вѣра, фактическое запечатлѣніе — любовь со всѣми модусами и развѣтленіями. Въ такомъ случаѣ, если здѣсь и можетъ быть рѣчь о заправляющемъ регуляторѣ, — это будетъ охранитель и укрѣпитель начавшагося христіанского процесса въ его постепенномъ нормальному развитіи, гдѣ онъ способствуетъ прогрессивному теченію и процвѣтанію съ авторитетностію и безошибочностію своихъ производящихъ божественныхъ факторовъ. Таковыемъ и является Духъ Божій. Но разъ только Имъ и при Его соответственномъ вліяніи мы живемъ христіански корректно, то естественно, что Онъ будетъ исключительно силой всего нашего морального устроенія во всѣхъ конкретныхъ модификаціяхъ нравственного поведенія, гдѣ каждый совмѣстно съ другими²⁾ долженъ идти въ рядъ (стоіхомъ) съ Духомъ, имѣя Его единственнымъ заправителемъ всего поведенія (V, 25). Этимъ же божественнымъ двигателемъ, конечно, станутъ опредѣляться и всѣ наши частныя отношенія, какъ христіански-духовныя. Въ числѣ ихъ прежде всего немыслимо самопрославленіе, поелику оно было бы пусто и безодержательно, не имѣя для себя ни

1) Нѣть ни малѣйшаго основанія или повода видѣть здѣсь плоть Христову и потому относить апостольскую замѣтку къ „плотскому разумѣнію Писанія“, какъ Оригенъ у блаж. Геронима (Творенія XVII, стр. 185—186, 187).

2) Ср. † Prof. Th. Zahnp, S. 267.

малѣйшей опоры тамъ, гдѣ все и всецѣло Божіе, а тогда со-
всѣмъ не будетъ ни предлога, ни причины для взаимнаго вы-
зывательскаго раздраженія по чувству зависти въ себѣ и съ
порожденіемъ ея въ другихъ (V, 26). При отсутствіи всякаго V, 26.
превозношенія съ устраниеніемъ фактическихъ побужденій къ
раздору легко формулируется истинный способъ нормального
христіанскаго поведенія при всѣхъ жизненныхъ уклоненіяхъ и
конкретныхъ коллизіяхъ. Нужно думать, что изъ своего мис-
сіонерскаго опыта Апостоль беретъ подходящее и знакомое,
говоря какъ бы о примѣрныхъ нравственныхъ паденіяхъ. Самая форма рѣчи убѣждаетъ, что это случай далеко не гипотети-
ческій, а—скорѣе—совершенно реальный¹⁾. Допустимъ (VI, 1), VI, 1.
что єѡν ιχθύοις προληπτικῶς ἀνθρωπῶς ἐν τοις παραπτώμασι, что онъ за-
хваченъ (ср. Пр. Сол. XVII, 16) какимъ-нибудь грѣховнымъ право-
нарушеніемъ и пойманъ въ немъ „на самомъ преступлениѣ“, съ
личнымъ (ἐπ’ αὐτοφρόφ, flagrante delicto). При всемъ томъ
онъ и нынѣ остается нашимъ „братомъ“, почему требуетъ по-
ка лишь спасительного исцѣленія возвращеніемъ къ братской
нормѣ (ср. 2 Фесс. III, 15). Но наше преимущество заключает-
ся въ томъ, что мы — πνεομатиκοί, или духовные, ибо въ
своемъ христіанскомъ бытіи всецѣло устроимся Духомъ²⁾. Ес-
тественно, что мы и должны „вставлять на свое мѣсто выви-
нутый членъ“ (καταρτίζειν) и приводить нарушенное въ на-
длежащей порядокъ (ср. Мѳ. IV, 21. Мрк. I, 19. 1 Фесс. III, 10),
какъ находящіеся єν Πνεύματι — со свойственною Ему мягко-
стью цѣлительного врачеванія, равно чуждаго и насильственно-
му принужденію и обличительной жестокости болѣзненно-рас-
травляющаго укора. Иначе — при другомъ, противномъ спо-
собѣ — мы покажемъ себя не „духовными“ и засвидѣтель-
ствуемъ свое собственное плотяное паденіе, отрѣшаемся отъ
сферы Духа и уготовляемъ реальную почву для аналогичнаго
уязвленія плотю. Слѣдовательно, наша братски исправляющая
миссія есть прямое, натуральное и необходимое требованіе са-
мого христіанскаго достоинства нашего, почему обязательна для
сохраненія его здоровой крѣпости и плодотворной активности.

1) См. и выше на стр. 52.

2) Не можемъ согласиться съ мнѣніемъ еп. Феофана (стр. 2416), будто бы „вѣроятнѣе, что св. Павелъ подъ духовными разумѣть здѣсь тѣ лица, которымъ онъ поручилъ смотрѣть за другими и блюсти среди вѣрующихъ и вѣру и жизнь по вѣрѣ. Они, конечно, были совершенѣйшие между всѣми; но долгъ исправлять падающихъ лежалъ на нихъ не ради ихъ совершенства, а ради Апостольскаго избранія на это дѣло, сопровождавшагося у св. Павла обычно рукоположеніемъ“. Если отмѣчается, что „ни въ какомъ обществѣ не бываетъ“, чтобы всѣ исправляли всѣхъ“, то см. Мѳ. XVIII, 17. 1 Кор. V, 3 сл. 2 Кор. II, 6—8.

- VI, 1. Принимая на себя тяготы другого, тѣмъ самыиъ всякий изъ вѣ-
рующихъ все непоколебимъ утверждается въ духовности и
свою помощю поскольку знувшемуся брату отнимаетъ у себя
самого часть возможностей для плотского вторженія, возра-
стаетъ и закаляется духовно. Въ результатѣ получается, что
подобнымъ взаимнымъ бременоношенiemъ мы облегчаемъ не-
мощнымъ путь къ религіозно-моральному возвышенію и, под-
нимая ихъ до своего „духовнаго“ уровня, побѣждаемъ въ се-
бѣ самихъ личнаго врага въ соприсущей намъ грѣховной на-
клонности къ плотскому обуреванію. Чрезъ это нами точно
осуществится и „законъ Христовъ“ (*о убдс тоб Христооб*), ко-
торый фактически раскрытъ Христомъ (*genitiv. subjectivus*) для
неуклоннаго примѣненія. Очевидно, это будетъ законъ искуп-
ляюще-спасающаго подвига Христова, а онъ состоялъ въ ис-
цѣленіи недужныхъ и возведеніи падшихъ, когда Иисусъ
„взялъ на себя наши немощи и понесъ болѣзни“ (Мо. VIII, 17
изъ Иса. LIII, 4). Повторяя тоже въ своей христіанской прак-
тикѣ, мы — понятно — со всѣмъ возможнымъ совершенствомъ
будемъ вмѣстѣ исполнять (ср. Мо. XIII, 14) и совокупными усилия-
ми¹ непремѣнно исполнимъ (*ἀνα + πληρώσετε*)² норму спасительна-
го служенія Христова (VI, 2), какъ единственное правило и исклю-
чительную основу нашей морально-благодатной жизни. Все это
бываетъ для насъ натуральнымъ и даже принудительнымъ
принципиально не только въ объективномъ отношеніи, или по-
тому, что, будучи искупленными, мы должны отражать въ се-
бѣ историческій фактъ Голгоѳскаго искупленія во всѣхъ его
специальныхъ качествахъ, доступныхъ намъ. Не менѣе сего мы
побуждаемъ къ этому и съ субъективной стороны — по раз-
смотрѣнію нашего дѣйствительного религіозно-моральнаго по-
ложенія. Разумѣется его несамобытность по происхожденію и
продолженію, не дозволяющая высокомѣрности въ кастовыхъ
рамкахъ. Логика тутъ неумолимая и сокрушительная для вся-
кой индивидуально-горделивой обособленности. Причина — въ
томъ, что для послѣдней нужно помыслить себя чѣмъ-либо
VI, 3. (VI, 3), способнымъ къ автономному бытію, какъ не обуслов-
ленному и ни отъ кого независимому, а для этого нѣть мати-

¹⁾ Св. I. Златоустъ (*Migne gr. LXI, col. 675; Творенія X,*
стр. 808): „исполняйте всѣ вмѣстѣ совокупными силами, терпя
недостатки одинъ другого“.

²⁾ Вмѣсто аориста *ἀναπληρώσετε*, хорошо засвидѣтельство-
ваннаго (*ACDgr.KLNP*), мы предпочитаемъ (вмѣстѣ съ LTTг
Nestle) чтеніе (*BFG pesch. copt. (bohair.) aethiop. Vulg.*) въ фор-
мѣ будущаго времени *ἀναπληρώσете*, главнымъ образомъ, по кон-
текстуальной логикѣ, гдѣ исполненіе „закона Христова“ обуслов-
ливается взаимнымъ бременоношенiemъ и, значитъ, представляется
далнѣйшимъ по сравненію съ послѣднимъ.

вирующихъ и оправдательныхъ матеріаловъ, ибо каждый по VI, 3. своей человѣческой индивидуальности есть абсолютное ничто для возникновенія и процвѣтанія своего христіанскаго званія и состоянія. Неизбѣжно, что результатомъ такого мечтанія будетъ гибельное „умоповрежденіе“ (φρευαπτά ἑαυτόν) съ обольщеніемъ своего разума¹⁾ обманчивыми призраками, будто человѣкъ самъ по себѣ достигъ идеала и въ правѣ съ холодною пренебрежительностію смотрѣть на борющихся братьевъ. Напротивъ, всѣ почерпаютъ свое достоинство не изъ самихъ себя, но имѣютъ его вѣ и выше, откуда оно лишь усвояется въ личное обладаніе. Поэтому при нравственно-христіанскомъ возрастаніи все сводится ко всегдашнему и непрестанному закрѣплению въ себѣ благодатно даннаго содержанія самымъ дѣломъ. Естественно, что христіанскій долгъ разсужденія будетъ выражаться непрерывнымъ и строгимъ испытаніемъ²⁾ своей христіански-реализующей дѣятельности (VI, 4) по принципу со- VI, 4. отвѣтствія своего поведенія идеальной задачѣ. Тогда — въ случаѣ удовлетворительного исхода этого искуса — отыщется матеріаль и для справедливой похвалы (τὸ καύχημα), — только теперь уже не за чужой счетъ въ силу субъективно-фарисейскаго превосходства надъ грѣховностію ближняго, но исключительно за свой собственный — въ мѣру достигнутой нравственной зрѣлости. Похвальба черезъ другого всегда бываетъ незаконною и пустой, потому что говорить лишь о недостаткахъ брата и о моей горделивости, а потому ничуть не удостовѣряеть моей личной моральной безукоризненности, которая оцѣнивается единственно масштабомъ того, что подлежитъ исполненію. И вотъ въ этомъ отношеніи у всѣхъ есть свое „брѣмя“ нравственно-религіознаго подвига въ осуществленіи христіанской святости (VI, 5), гдѣ, — какъ мы видѣли, — возможны и VI, 5. дозволительны именно взаимность и солидарность по всецѣлой братственности.

Со всѣхъ сторонъ аргументируется, что — по самому отличительному характеру христіанскаго бытія — высшее для своего обеспеченія побуждаются дѣйствовать въ духѣ врачующе-кrotкаго снисхожденія къ слабымъ и колеблющимся. Впрочемъ, это нимало не значитъ, что послѣдніе въ правѣ жить лишь попеченіями „духовныхъ“, не заботясь о собственномъ трудѣ морального усовершенствованія. Напротивъ, у нихъ есть тоже своя обязанность одинакового этическаго характера. Своимъ паденіемъ они показываютъ въ себѣ практическихъ не- вѣждь и по этому качеству аналогичны всѣмъ обучаемымъ

1) По блаж. Іерониму (Творенія XVII, стр. 197), φρευαπτά — обольщать свою душу.

2) По блаж. Феофилакту (стр. 70), δοκιμᾶσιν значить ищутъ ἀκριβεῖς ἔξετάζει.

- тѣми или другими авторитетами. Отсюда имѣемъ контрастъ б VI, 6. житїхъ ѹбенос и б житїхъ (VI, 6)—наставляемаго и наставляющаго по ихъ специальному и взаимному отношенію. Второй сообщаетъ ученику слово своей мудрости, — въ нашемъ примѣрѣ — слово Евангельского благовѣстія и этимъ точно удовлетворяетъ своей обязательной миссіи проповѣдника обѣ избавленіи Христовомъ, его возродившемъ и спасающемъ. Первый рисуется обучающимся и постепенно воспринимающимъ все „духовное“ богатство своего просвѣтителя. Для полнаго успѣха своего усердія слушатель необходимо вынуждается къ равному обладанію всѣми благами ментора, а это возможно лишь при собственномъ соучастіи, когда питомецъ личнымъ напряженiemъ всей своей энергіи поднимается до уровня своего воспитателя и здѣсь заимствуетъ всѣ его преимущества¹⁾). Ходъ исторического возрастанія христианства на землѣ опредѣляется не самобытнымъ творчествомъ людей, а усвоенiemъ ими заранѣе даннаго содержанія чрезъ полномощныя посредства изъ того источника, где оно содержится всецѣло и откуда разливается по всему миру соотвѣтствующими каналами. Помимо этихъ путей божественное оправданіе не распространяется и не достигается. Понятно, что тутъ всего опаснѣе заблужденіе VI, 7. (VI, 7), будто „Богъ поругаемъ“ (μὴ πλαυσθε, θεὸς ὁ μικτορᾶται), т. е. можетъ быть проведенъ и обойденъ въ реализаціи Его спасительныхъ плановъ и оставленъ въ нѣкоторомъ посмѣяніи (ср. Іезек. VIII, 17; μικτορισμъ въ 2 Макк. VII, 39), если людьми все приобрѣтается безъ Него своими силами и средствами. Нѣтъ, — здѣсь все Божіе и получается лишь божественными способами. Въ этомъ пунктѣ господствуетъ строжайшее соотвѣтствіе не менѣе обычнаго примѣра, что всегда пожинаютъ именно то, что и сѣютъ. Но всякий, уклоняющійся отъ этого закона въ пожинаніи духовномъ, отвергаетъ божественные орудія воспріятія, почему долженъ утверждаться на однѣхъ собственныхъ способностяхъ и въ своихъ интересахъ самыкается ихъ предѣлами. Отторгаясь отъ божественныхъ

¹⁾ Мы несогласны, что у Апостола говорится только о щедрости въ материальныхъ благахъ (1 Кор. IX, 11. Рим. XV, 27. 1 Тим. V, 17. Диадахи 13,2. 15,1—2), какъ изъ древнихъ св. И. Златоустъ (*Migne gr. LXI, col. 676*; *Творенія X*, стр. 809—810), блаж. Феодоритъ (*Творенія VII*, стр. 407), блаж. Феофилактъ (стр. 70—71), блаж. Геронимъ (*Творенія XVII*, стр. 70—71), равно и въ новое время, напр., еп. Феофанъ (стр. 2430). Хотя св. Павелъ считалъ законнымъ (1 Кор. IX, 11. 2 Фесс. III, 9) и охотно принималъ помочь отъ преданныхъ христианъ (*Филипп. I, 5*), но, вообще, старался не быть въ тягость никому (2 Кор. XI, 7—9. XI, 13, 15), работая (1 Кор. IX 6) своими руками (1 Кор. IV, 12. 1 Фесс. II, 9. 2 Фесс. III, 8. Дѣян. XX, 33—35).

VI, 8.

факторовъ, онъ остается въ сферѣ тварной ограниченности, которая очерчивается рамками плотяности. Неизбѣжно теперь, что, куда бы подобные субъекты ни простирались со своими усилиями, они вездѣ будуть наталкиваться и имѣть средою приложенія только плоть, которая оказывается единственою почвой для съянія (VI, 8), какъ оттуда же заимствуются и его материалы. При столь безызъятномъ плотяномъ верховенствѣ жатва необходимо заимствуется отъ производящей почвы и, конечно, бываетъ всецѣло плотяною, потому что въ ней и съятель, и съмя, и грунтъ одинаково плотяны. Разумѣется, итогъ будетъ равнымъ и исчерпывается въ фуэрѣ, или объемлющемъ нась тлѣніи плотяного разложенія (Рим. VI, 21), которое не обладаетъ ресурсами для непрерывной жизненности и сопровождается погибелюю вѣчной (2 Фесс. I, 9) въ утратѣ благъ божественного бытія. Напротивъ: съюзій въ Духѣ находится въ Немъ и, почерпая тамъ всѣ свои запасы, получаетъ отъ Него сообразное, т. е. жизнь не менѣе тлѣнности безусловную, не устранимую роковою необходимостю физической смерти и — значитъ — вѣчную, переходящую дальше міра нынѣшняго въ вѣкъ грядущій. Это соотвѣтствіе незыблемо увѣряетъ насть въ совершенной благоплодности подобнаго подвига, ибо въ немъ духовная живительность увѣнчивается духовно-нескончаемою жизненностью. Такое наблюденіе само собою должно укреплять вѣрующихъ въ непрестанной бодрости, чтобы въ осуществленіи натурально прекраснаго и доброго мы всегда были тверды и не смущались эмпирическимъ разладомъ внѣшнихъ фактическихъ слѣдствій съ достоинствомъ нашихъ внутреннихъ влечений (VI, 9). Въ земной жизни это бываетъ часто, но отсюда нельзѧ и не должно выводить, что при своемъ добродѣланіи (*тѣ халду посѹуетъ*) мы попадаемъ и бываемъ во злѣ¹⁾. Этотъ тяжелый диссонансъ не зависитъ отъ самого добра, которое по своей природѣ всегда благостно и направляетъ къ блаженству. Съ этой принципіальной точки зрѣнія теперешній разладъ скорѣе свидѣтельствуетъ, что пока предъ нами среда не подходящая и не пригодная для адекватнаго обнаруженія идеального въ реальномъ, почему ожидается эпоха полнаго господства добра, когда будетъ найденъ блаженное согласіе между должнымъ и дѣйствительнымъ. А что такой періодъ непремѣнно наступитъ, — это принудительно требуется всѣми свойства-

VI, 9.

1) Чтенія є(γ)ххѣрмев (xAB*D*) и єххахѣрмев (CDcKLP) немного разнятся по силѣ текстуального удостовѣренія, но первое принимается большинствомъ критическихъ изданій (LTTr WH Nestle A. Souter) и намъ лично представляется болѣе вѣроятнымъ логически, ибо опасность заключается не въ самомъ фактѣ бѣдственности, а въ томъ, что мы окажемся находящимися во злѣ и именно потому будемъ бѣдствовать.

VI, 9. ми истинного добра, которое не было бы самимъ собою, если бы не достигало своего безусловного раскрытия во внѣшнемъ запечатлѣніи. Въ „свое ему время“ добро и будетъ безпрепятственно функционировать со всею полнотой всецѣлаго собственного воплощенія. Въ виду этого — вмѣсто маловѣрнаго унынія — намъ нужно постараться обезпечить себѣ въ будущемъ благотворный результатъ, который бываетъ лишь непосредственнымъ и естественнымъ излученіемъ добра и натурально сообщается всѣмъ его носителямъ. Наша этическая задача должна заключаться въ достижениіи этой неразрывности съ идеаломъ, чтобы потомъ мы могли наслаждаться желанною реализацией. Ясно, что для пріобрѣтенія людьми этого единенія съ добромъ обязателъ достаточный промежутокъ — стремленій, напряженій и борьбы во имя надежды, но еще безъ обладанія ея сокровищами. Таковъ и есть „вѣкъ нынѣшній“, характеризуемый больше моральными исканіями и нравственными испытаніями. Въ этой связи и при подобномъ озареніи морально-житейскія аномаліи и коллизіи теряютъ свою соблазняющую и удручающую остроту и пріобрѣтаютъ высокое этическое значеніе въ качествѣ предуготовительныхъ стадій, доставляющихъ и морально оправдывающихъ наше участіе въ вѣчномъ духовномъ пожинаніи. Если же такъ, то и не будемъ ослабѣвать въ своей приверженности къ добру. Наоборотъ: по отмѣченнымъ основаніямъ постараемся еще на землѣ¹⁾ — доколѣ есть время (VI, 10) и пока не поздно, — непрерывно и прогрессивно утверждаться въ добрѣ, когда оно — параллельно нашему возрастанію въ немъ — будетъ сказываться во всемъ нашемъ поведеніи со свойственною благостностію. Здѣсь нѣть блага отвлеченнаго, потому что христіанское добро всегда бываетъ жизненнымъ факторомъ, какъ неотдѣлимое отъ самой жизни христіанской, чрезъ которую и функционируетъ благостно въ дѣятельной практикѣ. Но понятно, что обнаружение по своему объему реально покрывается размѣрами воспроизведеній имъ силы и сосредоточивается въ этихъ границахъ. Потому и совершенное христіанское добродѣланіе обнимается сферою своего порождающаго начала, гдѣ имѣются всѣ условія для его полнаго расцвѣта. Этотъ кругъ очерчивается размѣрами фактическаго владычества вѣры, поелику только ею во-дворяется въ насъ и самое христіанское благо, осуществляющее въ наличности. Естественно, что между „своими по вѣрѣ“ (*πρὸς τοὺς οἰκείους τῆς πίστεως*) наша благотворная активность должна функционировать наилучше (*μάλιστα*) по сравненію съ

VI, 10. примѣненіемъ ея ко „всѣмъ“ (VI, 10). Конечно, добро универ-

1) Ср. (Слѣп. Ром.) ad Corinthios II, 8: ὡς οὖν ἐσμὲν ἐπὶ γῆς. II, 9: ὡς ἔχομεν καιρόν. Ignat. ad Smyrg. 9: ὡς ἔτι καιρὸν ἔχομεν.

сально и стремится ко всеобщему награждению, не взирая на VI, 10. различие въ объектахъ. Однако тутъ все направляется собствен-но къ тому, чтобы прежде всего привлечь всѣхъ другихъ въ область фактическаго благостнаго вліянія, и лишь теперь они будутъ пользоваться всѣми рефлексами послѣдняго, между тѣмъ какъ ранѣе только располагались къ добру затрогивав-щею ихъ внутреннею его благостю. Христіанская доброта мысли и дѣла принципіально простирается на весь міръ и же-лаетъ всѣмъ доставить благо, которое и фактически проявля-ется надъ ними во всемъ своемъ содержаніи, но лишь тогда, когда они примутъ его всецѣло и ему предадутся окончатель-но (1 Тим. IV, 10). Можно и даже должно призывать къ вѣч-ному блаженству всѣхъ и каждого и этимъ самыемъ дѣлать имъ добро, но нельзя доставить въ собственность благъ цар-ства небеснаго тому, кто не числится тамъ, хотя бы, гражда-ниномъ. Въ этомъ смыслѣ Апостоль и заповѣдуєтъ, чтобы христіанское добродѣланіе всегда соответствовало своимъ устремленіемъ универсализму божественно-необъятнаго источ-ника, а въ пригодной сферѣ господства вѣры обнаруживалось со всѣмъ реальнымъ богатствомъ фактическаго облагодѣтель-ствованія (ср. 1 Тим. V, 8). И эта цѣль настолько обязательна и возвышенна въ христіанскомъ бытіи, что Апостоль не по-тяготился собственноручнымъ писаніемъ (VI, 11), дабы удосто-вѣрить, что сами эти присяжные перитемнические адвокаты¹⁾ влекутся крестомъ Христовымъ и чрезъ обрѣзаніе желають только отличаться по плоти, какъ доставляющіе обрѣзаніемъ высшее совершенство (VI, 12), ибо закона, во всей его прину-дительности, они вовсе не исполняютъ (VI, 13). Но личная по-хвала фактически невозможна въ христіанствѣ, гдѣ все — Бо-жіе и не допускаетъ никакого равноправнаго союзника ради наилучшаго успѣха. Посему въ дѣлѣ пріобрѣтенія и устрое-нія своего спасенія св. Павелъ не можетъ и не желаетъ усво-ять себѣ нималѣйшихъ похваленій (VI, 14). И необходимая VI, 12. VI, 13. VI, 14. причина этого для всѣхъ осязательна и непреложна. Она кроется въ нашей полной христіанской несамобытности, гдѣ все бываетъ у насъ вторичнымъ, почерпая въ своею производителѣ и свою крѣость и свою гордость. Естественно, что нашему смиренію единственное изъятіе дозволительно лишь для творческаго фактора христіанского званія и достоинства. А благодатное бытіе наше покоятся на єму тѣ стаурѣ — на крестномъ искупленіи, для моей пользы подъятомъ и меня дѣйствительно спасающемъ. Это вполнѣ ясно по взаимной ком-бинаціи всѣхъ участниковъ, ибо предъ нами крестъ „Госпо-да нашего“ (тобъ Куріоу ѡмѡу), почему я — Его всепреданный

¹⁾ † Bp. J. B. Lightfoot, p. 222. Ср. † Prof. Th. Zahn,
S. 280.

- VI, 14. рабъ, неразрывный отъ Него и въ самомъ торжествѣ, поелику близокъ къ Нему по воспринятыму человѣчеству въ „Іисусѣ“, Который — при нашемъ единеніи вѣры — властно обновляетъ и щедро обогащаетъ, будучи божественнымъ Мессіей во „Христѣ“. Въ такой своей неразлучности крестъ, сообщая меня съ вышемірнымъ Избавителемъ, исторгаетъ изъ космически-стихійныхъ условій нашего земного существованія, принижавшихъ богодарованный законъ по его приспособленности къ миру. Теперь всѣ подобныя ограниченія не достигаютъ до благодатнаго уровня и перестаютъ не только вліять ослабляющимъ или стѣсняющимъ образомъ, но даже и просто быть, исчезаютъ съ нашего „духовнаго“ горизонта. Съ этой стороны — совершенной взаимной несродности — космосъ какъ бы пригвождается и лишается всякой энергіи по отношенію къ благодатному строю; въ свою очередь и я, сраспинаясь Христу, ухожу изъ-подъ космической державы, извергаюсь ею и бываю мертвымъ для ея заправляющаго контроля. Такъ появляется независимая христіанская жизнь, которая всегда удерживаетъ это свое исключительное свойство, потому что для членовъ благодатнаго союза, пребывающихъ вѣрою во Христѣ Іисусѣ, теряютъ свою значимость всѣ космическія связи съ
- VI, 15. равною (οὗτε—οὗτε) и безвозвратною окончательностію (VI, 15). Теперь не просто утрачиваетъ силу (ср. V, 6 ἵσχει), а рѣшиительно улетучивается изъ „духовной“ сферы первою, — и съ прекращеніемъ обрѣзанія мы избавляемся отъ космическихъ нормъ закона. Тоже вѣрно и для ἀκροβυτός, разъ необрѣзанность не служить болѣе печатю и символомъ языческаго по-рабощенія стихійностію. Повидимому, погибли и пропали всѣ необходимые ресурсы для самой жизни съ неизбѣжностію всеобщей смерти. И если — при столь рѣшильномъ разрывѣ съ міромъ — христіанинъ все-таки продолжаетъ существовать, то необходимо принять, что имѣются особые факторы, производящіе и поддерживающіе собственное христіанскоѣ бытіе. Послѣднее есть реальный повсюдный фактъ и потому будетъ не чисто формирующімъ процессомъ сотворенія (— κτίσις въ активномъ смыслѣ —), не получившаго опредѣленности и законченности. Напротивъ, предъ нами уже прочный результатъ (ср. Іак. I, 18. Рим. I, 25. Евр. IV, 13) творческаго созиданія (— κτίσις пассивно —) въ сложившемся благодатномъ твореніи, которое является новымъ по своему

¹⁾ Для VI, 15 имѣются чтенія ἐστιν (LTr Nestle v. Soden), ἐστιν (TWH A. Souter) по Η*ΑΒCD*FG, и ἵσχει по Η*D*ΚLP; второе и текстуально походитъ на корректуру согласно V, 6 и логически не столь умѣстно, ибо послѣ умирания человѣка и міра другъ для друга должна наступать не беспомощность, а безслѣдность нашего бытія.

возникновенію и оригинальнымъ по отличительному характеру. Все это бываетъ чрезъ Христа Іисуса (ср. 2 Кор. V, 17), по своему эссенциальному сыновству и насть усыновляющаго Богу. Посему, живя въ достоинствѣ богосозданной „новой твари“, мы окажемся дѣйствующими въ качествѣ дѣтей Божіихъ, поступающихъ нормально и пользующихся Отчимъ благоволеніемъ. Понятно, что, держась въ рядѣ (для стоящими ср. и IV, 25) съ этими особенностями своего христіанского возрожденія, полагая такой принципъ „канономъ“ (тѣ хакунутибѣ), или уравнителемъ всего нашего житейского поведенія (VI, 16), мы во всемъ становимся примиренными съ Творцомъ, VI, 16. и отъ Него нисходить на насть свыше миръ совѣсти чистой и жизни святой¹⁾). Въ этомъ случаѣ именно на вѣрующихъ исполняются всѣ высокія чаянія Израильскія (ср. Псал. СХХIV, 5. СХХVII, 6). Значить, по воспріятію и закрѣплению ихъ въ себѣ христіане фактически бываютъ Израилемъ Божімъ, — такимъ, какого Богъ желалъ имѣть въ народѣ своеемъ и нашелъ лишь въ братствѣ вѣрующихъ благодатныхъ дѣтей своихъ (ср. Рим. IX, 8), изъ которыхъ не исключаются безусловно и природные Израильтяне.

Такъ достигалось все потребное даже для враговъ Апостола, и онъ дальше не допускаетъ для себя никакихъ обременяющихъ стѣсненій (VI 17), а читателямъ, какъ братьямъ по общему богосыновству, желаетъ неизмѣнного пребыванія спасающей благодати Господней „съ духомъ“ ихъ (VI, 18), поскольку они теперь — „духовные“ и чужды всякаго соучастія плоти.

Естественно, что въ этой сферѣ и на такой основѣ христіанскій подвигъ непремѣнно приведетъ насть къ идеальной цѣли, гдѣ добро будетъ властовать безпрепятственно, всецѣло и непрестанно. Здѣсь мы имѣемъ прямой и вѣрный путь къ небу, — и, достигнувъ этихъ вершинъ, поучающая проповѣдь апостольская получаетъ окончательное завершеніе, ибо потомъ начинается уже нравственное пребываніе въ неизменномъ сохраненіи результатовъ цѣложизненнаго нравственного возрастанія. Но послѣднее ограждается незыблемо въ своемъ нормальному развитіи, потому что состоить лишь въ закрѣплении свойствъ Божіихъ чрезъ божественное посредничество Христа и при божественномъ руководствѣ Духа. Посему въ христіанствѣ наша нравственная жизнь бываетъ отблескомъ жизни божесвенной и въ ней получаетъ свою непреложную опору и высочайшее освященіе. Спасительное избавленіе будетъ сопровождаться равнымъ моральнымъ устрое-

¹⁾ Не можемъ принять мнѣніе † Prof. Th. Zahns (S. 282), что здѣсь миръ относится къ нынѣшнему бытію, а милость — къ страшному суду.

VI, 18. ніемъ. И если первое было освобожденіемъ къ сыновне-свободной независимости, то второе столь же рѣшительно бываетъ проникнуто стихіями свободнаго сыновства и служить реализациєю свободныхъ прерогативъ. Нравственная практика христіанская есть осуществленіе и закрѣпленіе свободныхъ преимуществъ вѣры спасенія Божія по благодати. Въ нравственномъ отношеніи не менѣе, чѣмъ и въ доктринахъ, учение св. Апостола Павла является истиннымъ благовѣстіемъ христіанской свободы, несомнѣнной въ искупленныхъ по достоинству полноправныхъ сыновъ Божіихъ, свободныхъ въ выраженіи своихъ благодатныхъ отличій и невольнымъ при ихъ лишеніи. Въ христіанствѣ благодатно сыновняя свобода бываетъ нравственной, а нравственная дѣятельность оказывается натурально свободной.

Часть V-я:

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОСЛАНИЯ КЪ ГАЛАТАМЪ.

*Будите якоже азъ, зане
и азъ, якоже вы.*

Гал. IV, 12.

У св. Апостола Павла доктринальскія предпосылки утверждаютъ собою всѣ этическія приложенія. Въ этомъ рѣшительномъ обоснованіи морали на доктринахъ заключается особое специальнно-христіанское достоинство „Евангелія“ Павлова, гдѣ теоретическое воззвѣніе прямо и вѣрно отражаетъ исторический фактъ Христова искупленія, а этическое назиданіе служить лишь живымъ примѣненіемъ принципіальныхъ нормъ. Отсюда очевидна вѣчная незыблемость апостольского благовѣстія. Но оно раскрывается здѣсь при строгомъ вниманіи къ наличнымъ потребностямъ времени и удовлетворяетъ его насущнымъ запросамъ. Этимъ уже заранѣе удостовѣряется

*историческое значеніе посланія
къ Галатамъ.*

Къ сожалѣнію, какъ неизвѣстны въ подробностяхъ ближайшія и частныя условія происхожденія рассматриваемаго

писанія Павлова, такъ же точно мы не можемъ отвѣтить и на вопросъ о томъ, кѣмъ оно было передано по адресу и съ какими чувствами принято первыми его читателями. Нѣкоторые (напр., у Rudolf Steck, *Der Galaterbrief nach seiner Echtheit untersucht, nebst kritischen Bemerkungen zu den paulinischen Hauptbriefen*, Berlin 1888) категорически высказываютъ, что разбираемое посланіе осталось совершенно безплоднымъ, и ни одинъ изъ Галатийскихъ сыновей Апостола не услышалъ убѣждающе-призывааго голоса своего духовнаго отца, если и лично эллинскій благовѣстникъ удалится изъ этой страны послѣ вторичнаго постъщенія съ горестнымъ чувствомъ скорбнаго разочарованія и съ мрачною безнадежностію, а потомъ вскорѣ произошло измѣнническое отпаденіе. Все это преувеличено до крайности, и краски сгущены тенденціозно вопреки подлиннымъ переливамъ свѣта и тѣней. Напротивъ, св. Павель покинулъ Галатію съ достаточною увѣренностью насчетъ ея дальнѣйшаго христіанскаго развитія, поскольку безъ этого настроенія было бы странно удивляться (Гал. I, 6) по поводу іудаистическаго увлеченія Галатовъ, разъ эта катастрофа предусматривалась заранѣе и не могла быть для автора неожиданностію. Въ свою очередь и возобладаніе въ Галатіи іудействующихъ шло собственно подъ коварнымъ прикрытиемъ и во имя авторитета Павлова, — яко бы частію исправляется и частію улучшается дѣло апостольское, но именно ради его торжества и процвѣтанія. Естественно, что Галатійцы, вѣря подлогу по уваженію къ оригиналу, тѣмъ болѣе должны были внимать и поиноваться послѣднему. И мы знаемъ, что при личной встрѣчѣ они были вполнѣ послушны самому св. Павлу, а значитъ, должны были покориться и письменному апостольскому вразумленію. Мы скорѣе въ правѣ и обязаны думать, что — подобно Коринею — и въ Галатіи успѣхъ увѣнчаль мужественныя усилия великаго миссіонера въ его аргументаціи — фактически незыблемой, логически строгой, дышущей отеческою лаской ободренія и милости даже въ самой бурной стремительности и грамматической порывистости языка, не всегда выдержаноющей принятую корректность и сбивающуюся на инойстрой въ архитектоникѣ предложеній (въ „анаколуахъ“, напр., II, 4—6), почему возможны чисто вербальныя перетолкованія апостольскихъ фразъ¹⁾.

Однако нельзя извлекать чего-либо несомнѣнного и изъ словъ счастливаго упованія, что читатели — по сравненію съ писателемъ — „не будутъ мыслить иначе“ (V, 10), поелику это говорится по принципу долженствованія и служитъ

¹⁾ О стилѣ посланія къ Галатамъ см. C. H. Watkins, *Der Kampf des Paulus um Galatien: eine Untersuchung* (Tübingen 1913), S. 3—17.

отражениемъ любви, всему добруму вѣру емлющей (ср. 1 Кор. XIII, 7). Во всякомъ случаѣ вся эта область скрывается отъ нашего взора вслѣдь за появленiemъ посланія. Правда, въ 2 Тим. IV, 10 говорится: Δημᾶς... ἐπορεύθη εἰς Θεσσαλονίκην, Κρήσκης εἰς Γαλατίαν (Γαλλίαν), Τίτος εἰς Δα(ε)λικτίαν. Это случайное упоминаніе о миссіи Кристента (Кресцента) могло бы внушать, что связи Апостола съ Галатіей не прекращались до конца его жизни; но данное свидѣтельство не ясно во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, неустойчивъ самыи текстъ, и одни (WH, Nestle, Alexander Souter съ ADEFGKL) принимаютъ чтеніе εἰς Γαλατίαν, другие (Tregelles на полѣ, Tischendorf, Базельское изданіе 1880 г., H. v. Soden съ C) удерживаютъ εἰς Γαλλίαν. Затѣмъ, дозволительно колебаніе касательно точнаго географическаго значенія обоихъ употребленныхъ терминовъ. Еще древніе экзегеты первый изъ нихъ прямо пріурочивали къ Галліи (Феодоръ Мопсуэстійскій и Феодоритъ Киррскій въ „Твореніяхъ“ VII, стр. 730: „такъ Апостоль назвалъ Галліи, такъ назывались онѣ въ древности, такъ и нынѣ именуютъ ихъ знакомые съ енѣшнею ученостію“), или допускали лишь второй (Евсевій Кесарійскій), для котораго категорически отрицалось сходное распространеніе его и на Галатію (св. Епифаній Кипрскій). Касательно редакціи εἰς Γαλατίαν ссылаются (Prof. W. M. Ramsay), что другое чтеніе едва ли могло выйтѣснить его столь рано въ качествѣ болѣе ясной для читателей корректуры, ибо названія Γαλλία и Γαλλι, какъ отличительныя для западно-европейскихъ галловъ, впервые попадаются въ греческомъ языкѣ не ранѣе 100 года по р. Хр.¹⁾, и только Страбонъ († ок. 24 г. по р. Хр.) употребляетъ въ такомъ именно смыслѣ слово Γαλλικъ, а отчетливое различеніе Галатіи Малоазійской и Галліи Европейской чрезъ Γαλατία и Γαλлія засвидѣтельствовано намъ въ греческой письменности не прежде III-го вѣка (у историка Иродіана † ок. 240 г.). Значитъ, исторически наиболѣе вѣроятна первоначальность начертанія εἰς Γαλατίαν, но и это не даетъ твердой опредѣленности въ виду географической растяжимости понятій Γαλατіа и Γαλатіа, которыми у греческихъ писателей I—III-го христіанскихъ вѣковъ (Діодоръ Сицилійскій, Страбонъ, Іосифъ Флавій, Плутархъ, Аппіанъ, Павзаній, Діонъ Кассій, Атеней и др.) захватывалась и европейская Галлія (см. блаж. Феодоритъ), долго не имѣвшая одного спеціального обозначенія²⁾. Поэтому нельзя рѣ-

¹⁾ У философа Епиктета въ I вѣкѣ по р. Хр, или — точнѣе — записяхъ его ученика Фл. Аппіана во II-мъ в. въ Dissest. II, 20 : 17.

²⁾ Впрочемъ, въ Сивиллиныхъ оракулахъ подъ Γαλάται, несомнѣнно, разумѣются наши Галаты (III, 485, 509, 599), какъ упоминаемые (V, 340) подлѣ Лидянъ и Памфілійцевъ (см. Die Oracu-

шительно исключать послѣднюю, такъ какъ гипотеза (W. M. Ramsay'я) о приверженности Апостола Павла къ официальнопримскій терминологіи субъективна и колеблется не менѣе компетентными сужденіями о греческомъ складѣ его мышленія и рѣчи (Edward Hicks). И общность наименованія *Галлтіа* не могла затруднить или вводить въ затрудненіе Тимоѳея, поелику онъ имѣлъ всѣ удобства разузнать точно отъ передатчика посланія. Связь съ Далматіей отмѣчается и въ *Monumentum Ansgarum* въ пользу европейской Галатіи, или Галліи (*εἰς Ἰσπανίας καὶ Γαλατίας καὶ πάρα Δαλμακίαν*), къ которой склоняеться и близость ея къ Риму, гдѣ написано 2 посланіе къ Тимоѳею, хотя бы традиціи Віенны (во Франції къ югу отъ Ліона) и *Mo-(a)gu(o)ntiacum* — Майненса (Майнца на Рейнѣ) о насажденіи въ нихъ христіанства Крискентомъ не обладали историческою безспорностію¹⁾ и сами мотивировались и прикрывались анализируемою новозавѣтною замѣткой, которая позднѣйшими читателями легко истолковывалась въ отношеніе Европейской провинціи, искавшей для своихъ церквей апостольского обоснованія, откуда естественно и корректурное поясненіе (*εἰς*) *Галліаν*, потомъ устранившее первоначальное *Галлтіаν*.

Но если даже и примѣнять 2 Тим. IV, 10 къ Галатіи подвиговъ Павловыхъ²⁾, — это будетъ единственный слѣдъ ея за весь апостольский вѣкъ. Память ея вновь воскресаетъ предъ нами около 192 г. по связи съ монтанистическими движеніями, проникавшими въ Анкиру (Евсевія Ц. И. V, 16 : 4), а при Діоклітіановскихъ гоненіяхъ этотъ городъ запечатлѣлъ свою христіанскую зрѣлость цѣльнымъ сонмомъ мучениковъ³⁾. Однако на Анкирскомъ соборѣ (314 г.) были всего лишь два Галатійские епископа — местный и Юліопольский⁴⁾. Впрочемъ, для

Ia Sibyllina bearbeitet von Dr. J o h. Geffcken въ изданіи Берлинской Академіи Наукъ, Leipzig 1902, S. 73, 74, 79, 121). Въ Апокалипсисѣ Даніила перечисляются (у Dr. Erich Klostermann, *Analecta zur Septuaginta, Hexapla und Patristik*, Leipzig 1895, S. 115) Асія, Фригія, Галатія, Каппадокія, Сирія, почему вѣроятно, что тутъ разумѣется уже Галатійская провинція.

¹⁾ Однако дальняя связь имени Крискента съ Европейскою Галліей подтверждается и надписью у С. Воескѣ, *Cogn. Inscr. № 3.888: Κρήσχευτα ἐπίτροπον Λουγδούου Γαλλίας.*

²⁾ *Κρήσχης τῶν κατὰ Γαλατίαν ἐκκλησιῶν*, упоминаемый въ качествѣ епископа въ Apost. Const. VII, 46 между Описимомъ въ Веріи примакедонской и Акилой и Никитой въ областяхъ Асіи, видимо, предполагается въ Галатіи Малоазійской.

³⁾ О времени Траяна или Доміціана для Анкиры см. Prof. Max Meinertz, *Einleitung in das Neue Testament*, S. 102.

⁴⁾ Ср. и † Prof. Ad. v. Harnack, *Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten II* (zw. Aufl. Leipzig 1906), S. 179 ff.

позднѣйшаго периода (съ IV вѣка) удостовѣрена наличность многихъ епископій въ обѣихъ частяхъ, образованныхъ при Феодосіи В. (около 386—395 г.), — въ Galatia prima (magna) sive proconsularis съ г. Анкирой и въ Galatia secunda (parva) s. salutaris съ г. Пессиномъ. Тѣмъ не менѣе Галатія, издавна раздиравшаяся сектантско-еретическими смутами¹⁾, не выступала съ широкою и видною вліятельностю въ христіанской исторії, въ византійскую эпоху опустошалась арабами и персами, была въ рукахъ сельджукскихъ турокъ, короткое время переходила къ латынамъ (при крестоносцахъ), порабощалась татарами и, наконецъ, при Сулейманѣ захвачена была османскими турками, во владѣніи коихъ остается доселѣ, при чёмъ Анкира (Ангора, Анкира) является теперь столицей новой Турціи (республиканской).

Такимъ образомъ, мы не въ состояніи прослѣдить непосредственное дѣйствіе посланія къ Галатамъ въ ближайшихъ и отдаленныхъ кругахъ и периодахъ. Тутъ большой дефектъ для нашего научнаго любопытства, но чрезъ это весь документъ отрѣшаєтъ отъ своего узкаго фактическаго предназначенія и пріобрѣтає широкое достоинство принципіального памятника, который — независимо отъ своей ближайшей цѣли — рѣшаетъ общеисторическую задачу и способствуетъ нормальному течению всего христіанства. Въ этомъ отношеніи высокая важность даннаго апостольского писанія достаточно очевидна и обнаруживается съ полной ясностью. Въ немъ благовѣстникъ стремится и хочетъ раскрыть условія и способы достиженія христіанами того идеала святости, какой начертанъ и осуществленъ Господомъ Испупителемъ и обязателенъ для всѣхъ Его исповѣдниковъ. Здѣсь самъ собою и съ крайнею остротой нераспутанной еще исторической коллизіи выдвигался принципіально-догматический вопросъ о точнѣйшихъ отношеніяхъ домостроительства ветхаго къ новому, ибо оба они обладали божественною санкціей по самому происхожденію и ведутъ къ единой цѣли — совершенного человѣческаго спасенія. Двѣ равныя силы на общемъ пути и въ одномъ направлениі необходимо сталкиваются и переплетаются между собою,

¹⁾ См. и блаж. Геронимъ въ „Твореніяхъ“, стр. 77: „Кто знаетъ Анкиру, тотъ подобно мнѣ знаетъ, сколь многіе расколы раздираютъ ее до настоящаго времени и сколь великимъ разбрдомъ въ ученіи она обезщещена. Я не стану говорить о Катафригіяхъ, Офитахъ, Барбаритахъ и Манихеяхъ, ибо эти имена человѣческаго несчастія уже извѣстны. Но кто когда-нибудь въ какой-либо части Римскаго міра слышалъ тамъ названія Пассалориниковъ, Аскодробовъ (Аскодроговъ) и Артотиритовъ и другія еще болѣе удивительныя (полраздѣленія), чѣмъ даже имена ихъ? И до настоящаго времени остаются слѣды ихъ безсмыслия“.

входя въ самыя различныя сочетанія, пока не будуть примирены взаимно. До тѣхъ порь недоумѣнія по этому предмету были требованіемъ самого факта и дѣла, а не просто заблуждающейся и упорствующей мысли іудаистовъ. Было бы всяческою неправдой думать, будто іудействующіе агитаторы сознательно руководились исключительно низменными побужденіямъ зазорнаго свойства и не чувствовали серьезныхъ религіозно-моральныхъ побужденій. Напротивъ: они тоже искали праведности Божией и боролись именно за нее, когда въ сотріологическихъ интересахъ рекомендовали удерживать и старые средства. Поелику же новые съ ними не согласовались и ихъ вытѣсняли, — отсюда возникло тяжелое осложненіе самого тревожнаго характера. До своего устраненія эта принципіальная трудность была болѣзnenнымъ и сокрушительнымъ бременемъ мятущейся совѣсти даже у крайнихъ іудействующихъ партизановъ, которые не находили себѣ успокоительного исхода и мучились душевно. Объ этомъ говорить съ убѣдительностью и анализируемое посланіе. Въ немъ Апостоль Павель категорически свидѣтельствуетъ (VI, 12), что „желающіе похвалиться по плоти принуждаются Галатовъ обрѣзаться, чтобы не быть гонимыми крестомъ Христовымъ“: ἐσοι θέλουσιν εὐπρωτησθαι ἐν σαρκὶ ὅτοι ἀναγκάζοσιν ὑπὸς περιτέμνεσθαι, μόνον τὸν Ιησοῦν (μή) τῷ σταυρῷ Χριστῷ (+ Ην Ιησοῦ) (μή) διώχωνται (διώχονται L statt. T). Иногда комментируютъ эти слова въ примененіи къ вѣшнимъ преслѣдованіямъ за чистое христіанство. Допускается, что своею ревностію въ пользу обрѣзанія эллинохристіанъ іудействующіе лжебратья являлись двигателями религіозно-національной пропаганды, снискивали снисходительное благоволеніе невѣрующихъ соплеменниковъ и избавлялись отъ іудейскихъ взрывовъ противъ нихъ, а въ глазахъ языческой римской власти сохраняли легальность *religionis licitae*, доставляя ее и всѣмъ своимъ сторонникамъ, какъ іудейски-обрѣзаннымъ (Val. Weber)¹⁾. Все это до крайности спорно и, пожалуй, прямо фантастично. Что до второго пункта, то о немъ совсѣмъ неѣть рѣчи въ апостольскомъ текстѣ, где трактуется единственно объ іудаистическихъ потаенныхъ вожделѣніяхъ, связанныхъ съ подчиненіемъ христіанъ обрѣзанію. Языческое правительство съ глубокимъ отвращеніемъ относилось къ послѣднему и лишь пренебрежительно допускало столь ненавистную ему національно-религіозную практику²⁾, а потому ради

VI, 12.

¹⁾ Ср. у блаж. Геронима въ „Твореніяхъ“ XVII, стр. 207, 208: „Тотъ, кто былъ обрѣзантъ, — хотя бы онъ былъ и христіаниномъ, — со стороны язычниковъ рассматривался, какъ іудей“. „Дѣйствительно, ни іудеи, ни язычники не могли преслѣдовать тѣхъ, которыхъ видѣли и обрѣзывающими прозелитовъ и даже соплюдающими предписанія закона“.

²⁾ Адріанъ (и еще Антонинъ ПІИ: см. † Prof. Ad. v. Nag-

ней никоимъ образомъ не могло распространять одинаковую принципиальную терпимость на юдейскихъ неофитовъ, за которыми не признавала полнаго равенства даже сама юдейская догматика, ибо въ ней иногда раздавались авторитетные голоса, что прозелиты — это парша на Израилѣ. Посему тогда нельзя было и помыслить, чтобы христіанство при сохраненіи обязательности обрѣзанія для своихъ языческихъ сочленовъ удержало юдейскія религіозно-гражданскія привилегіи¹⁾. Исторія показываетъ совсѣмъ обратное, какъ и фактически компромиссъ разрѣшался тѣмъ, что сами юдео-христіане либо снова поглощались юдействомъ, либо совсѣмъ утрачивали юдейской обликъ и не могли выдержать равновѣсія обоихъ элементовъ, хотя бы, въ формахъ сектантства. Этимъ колеблется и первая догадка, коль скоро мы съ несомнѣнностю знаемъ, что христіанство, понимавшее и открыто свидѣтельствовавшее свою религіозную оригинальность, всегда было гибельнымъ ренегатствомъ для юдейской ортодоксіи и ничуть не спасалось отъ

пак, Die Mission I², S. 7.; cf. Огіг. с. Cels. II, 13) даже прямо воспретилъ для юдейскихъ прозелитовъ операцию обрѣзанія, приравнявъ его къ кастрированію. См. по этому вопросу съ разныхъ сторонъ † Prof. Theodor Mommsen: „Historische Zeitschrift“ 64 (N. F. 28 f眉r 1890 J.), S. 400 u. Anm. 1; R枚mische Geschichte V, S. 545, 549; R枚misches Strafrecht (Leipzig 1899), S. 638—639. The Jewish Encyclopedia IV, p. 95a, 571a, 610a. В. П. Соколовъ, Обрѣзаніе у евреевъ (Казань 1892), стр. (42—) 45—46 (—47).

¹⁾ См. особенно † Prof. Th. Mommsen въ „Historische Zeitschrift“ 64 (28), S. 423. Примѣромъ сего можетъ служить отношение къ государственному культу императоровъ (о немъ см. R枚mische Mythologie von L. Preller, dritte Aufl. von H. Jordan, II, Berlin 1883, S. 425—453). Свобода уклоненія отъ исполненія его для юдейства ([†] Prof. Ad. v. Hagnack, Die Mission I², S. 227) совсѣмъ не простидалась на христіанство (*ibid.* I², S. 248 ff.), хотя сначала римское правительство едва ли точно различало послѣднее отъ первого (см. [†] Prof. E. Sch枚fer, Geschichte des j枚idischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi III³, Leipzig 1898, S. 74, и ср. J. Hastings, A Dictionary of the Bible, Extra-Volum, p. 104a). Впрочемъ, юдеи не уклонялись отъ участія въ императорскомъ культѣ ([†] Prof. W. M. Ramsay въ „The Expositor“ 1902, II, p. 100—101, 108) столь решительно, какъ христіане, почему мы видимъ терпимость къ синагогѣ по сравненію съ церковью (Th. Mommsen въ „Historische Zeitschrift“ 64(28), S. 400—401) и гоненія противъ второй (W. M. Ramsay въ „The Expositor“ 1902, II, p. 108, и The Church in the Roman Empire, p. 191 sqq.; [†] Prof. Ad. v. Hagnack, Die Mission I, S. 248. Rust, Religion der R枚mer, M眉nster i. W. 1899, S. 98).

ея лютости соблюденіемъ іудейскихъ религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ. Для иллюстраціи довольно напомнить о судьбѣ обрѣзанного Апостола языковъ и о страданіяхъ его отъ іудейского фанатизма — даже именно потому, что онъ исполняль нѣкоторыя іудейскія церемоніи (Дѣян. XXI, 23 слл.). Іудаисты не въ правѣ были ожидать лучшей участіи за свое перитемническое усердіе въ отношеніи языкохристіанъ. При этомъ и собственно гоненія были внѣ іудейской компетенціи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда предполагалось тягчайшее преступленіе, заслуживавшее „по закону“ іудейскому смертной казни (Ін. XIX, 6—7). Они въ апостольскій вѣкъ, конечно, бывали часто и въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ римской имперіи, однако не имѣли, хотя бы, тѣни формальной корректности (ср. Дѣян. XVIII, 12 сл. XIX, 40) и намѣренно оправдывались передъ римскимъ начальствомъ *не* религіозными побужденіями (Дѣян. XVII, 6, 7). Наконецъ, іудействующимъ гораздо проще было бы обезпечить себѣ спокойствіе и неприосновенность отъ активной іудейской злобы прекращеніемъ своей христіанско-миссіонерской дѣятельности, которая только, яко бы, и дискредитировала ихъ въ іудейскихъ кругахъ, вызывая іудейскую подозрительность.

Грамматическое строение апостольской фразы тоже не благопріятствуетъ анализируемому толкованію. Выразительное *μόνον* съ рѣщительностію подчеркиваетъ, что для іудействующихъ вся бѣда была единственно и исключительно въ крестѣ Христовомъ, а послѣдній рисуется фактическимъ орудіемъ разумѣемаго гоненія (*τῷ σταυρῷ dativus instrumentalis*), но не просто его причиною и поводомъ (*διά съ accus. и genit.*). Говорится: крестомъ, а *не* „черезъ крестъ“ или „изъ-за креста“. Видимо, „гонить“ въ данномъ случаѣ именно послѣдній, и для устраненія его специального давленія принимаются всѣ мѣры. Съ этой точки зрѣнія удовлетворительно разрѣшается вся загадка. Если крестъ гнететь, то ясно, что онъ обладаетъ санкционированнымъ мною господствомъ и не отвергается за его ненужностію или ничтожностію, когда совсѣмъ исчезало бы и все притѣсняющее крестное вліяніе. Посему незыблемо, что для іудаистическихъ зилотовъ крестъ не былъ постороннимъ и чуждымъ до степени пренебреженія. Напротивъ: онъ близокъ и дорогъ имъ и этимъ самыми вызываетъ у нихъ гонительство душевной муки. Несомнѣнно это по слѣдующимъ соображеніямъ. Крестъ берется, конечно, въ Павловомъ освѣщеніи въ качествѣ единственного способа искупленія, гдѣ не допускаетъ наряду съ собою ничего подлѣ, кроме и сверхъ себя. Здѣсь и заключалось величое искушеніе для іудаистической религіозной политики. Что Иисусъ Христосъ есть Мессія, — это нормально и согласно съ идеей Искупителя, почему въ этомъ достоинствѣ іудаисты всегда были готовы исповѣдать Господа, подобно современнымъ Ему евреямъ, желавшимъ даже провозгласить Его царемъ іудейскимъ (Ін. VI, 15). Но чтѣ

средство нашего спасенія столь позорно и что оно до такой степени безызъятно и единично, — съ этимъ безусловно не мирилась мнительная іудейская совѣсть. Религіозный интересъ раздвоется, — и въ сердцѣ происходитъ болѣзненный раздоръ живой симпатіи и инстинктивнаго протеста по отношенію къ кресту Христову. Душа разомъ и влечется и отталкивается одинаково энергично, ибо желаетъ стать христіанскою и въ тоже время стремится сохранить важнѣйшее изъ іудейства въ прежнемъ достоинствѣ. Въ этой коллизіи было все затрудненіе. Поэтому и крестъ потерялъ бы свою искушительность, какъ всеисключающій универсальный источникъ спасительности, коль скоро вмѣстѣ съ нимъ будетъ примѣняться еще другой оправдательный приемъ. И св. Павелъ прямо свидѣтельствуетъ, что — при допущеніи имъ обрѣзанія въ спасительный процессъ — крестная блазненность принципіально уничтожалась и самъ онъ избавлялся бы отъ непрерывныхъ гоненій со стороны

- V, 11. иудаизма (V, 11), а этотъ послѣдній могъ снять съ Апостола свою анаему при убѣждениіи, что у него крестъ не оттесняетъ совершенно законническихъ методовъ и не имѣетъ всеустраниющей абсолютности. Такого компромисса у благовѣстника не могло быть, откуда ясно, что — въ этомъ Павлинистическомъ пониманіи — крестъ Христовъ вызывающе угнеталь іудаистовъ своею всеобдержностю, поскольку еще не былъ приведенъ во внутреннюю солидарность съ ихъ доктринальною предзанятостію. Натурально, что іудействующіе, не желая ни отказаться отъ своихъ теологическихъ пристрастій, ни порвать всякия связи съ христіанствомъ, пытались ослабить бремя этого тягостнаго столкновенія, служившаго преткновеніемъ для мирнаго религіознаго развитія. По самому положенію вещей неизбѣжно, что при взаимной противности обѣихъ величинъ это примирительное усиленіе осуществлялось не иначе, какъ дипломатическимъ путемъ — чрезъ водвореніе такого порядка, чтобы наружно казалось, будто старое не нарушено въ своихъ прерогативахъ и новое не поглощаетъ ихъ съ соблазнительною пренебрежительностію. Въ виду сего естественны и энергичны іудаистическая усиливъ сгладить крестную раздражительность чрезъ утвержденіе практики обрѣзанія въ собственной области вѣданія и дѣйствія креста Христова, который вѣщне лишался тогда универсалистической единичности. Въ этомъ не было объективной нужды, и рьяные іудаисты руководились совсѣмъ не ею. Имъ надо было избавиться отъ (чувства) крестнаго удрученія и лишь ради этого они хотѣли хвастливо сохранять свое правовѣрное іудейское лицо (ѣпротѣїхъ) чрезъ плотское подчиненіе себѣ язычниковъ въ номъ 12—13. мистическомъ обрѣзаніи (VI, 12—13). Предъ ихъ напряженными взоромъ могла мелькать счастливая надежда, что этимъ способомъ препятствіе препобѣждено и крестное смущеніе устранилось принципіально и фактически. По намѣреніямъ

искреннихъ іудаистовъ тутъ не было догматической подкладки въ тендеціозной мысли насчетъ сoteriологически-обязательной значимости обрѣзанія въ качествѣ преддверія къ обособленной и цѣлостной оправдательной системѣ номизма, поелику и сами они не соблюдали закона (VI, 13) въ такомъ догматическомъ достоинствѣ.

Мы видимъ теперь, что точное определение истинныхъ взаимоотношений между домостроительствомъ законническимъ и благодатнымъ было тогда жгучимъ вопросомъ живой христіанской исторіи¹⁾. Отъ извѣстнаго рѣшенія этой задачи зависѣла судьба всего дальнѣйшаго христіанскаго теченія. Разъ мы согласимся на іудаистическую сдѣлку, — въ результатѣ у насъ получится, что новозавѣтное избавленіе само по себѣ не достаточно и нуждается въ опорахъ, не менѣе потребныхъ для законченности спасенія. Отсюда вышло бы реформированное іудейство, которое не постигаетъ самой сущности Христова искупленія, не обладаетъ имъ и не сообщаетъ его никому²⁾. Ясно, что христіанство этимъ лишилось своей живительности и обрекалось на неизбѣжное исчезновеніе, какое и постигло всѣ іудеохристіанскія секты.

Изъ сказаннаго раскрывается отчетливо вся историческая важность разматриваемаго кризиса по связи съ дальнѣйшимъ христіанскимъ прогрессомъ³⁾. Однако несомнѣнное фактическое

¹⁾ По этимъ разъясненіямъ нашимъ видно, насколько несправедливы утвержденія, будто, увлекаясь полемикой, Апостоль допускалъ рѣзкости опрометчивыхъ преувеличеній въ своихъ уничтожительныхъ сужденіяхъ насчетъ закона (см. Непту St. John Thackeay, *The Relation of St. Paul to Contemporary Jewish Thought*, London 1900, и ср. Rev. Robert J. Drummond, *The Relation of Apostolic Teaching to the Teaching of Christ*, Edinburgh 1900, р. 364), платиль іудействующимъ агитаторамъ равнou monetой (Prof. Ernst von Dobschütz, *Die urchristliche Gemeinden: sittengeschichtliche Bilder*, Leipzig 1902, S. 118) и здѣсь не освободился отъ фарисейскаго фанатизма (S. 116).

²⁾ По сужденію св. I. Златоуста (*Migne gr. LXI, col. 623*; *Творенія X*, стр. 743), справедливо „Павелъ называетъ обрѣзаніе ниспроверженiemъ Евангелия“.

³⁾ Даже Эрнестъ Ренанъ говоритъ (Святой Павелъ, русскій переводъ З. Н. Журавской, С.-Петербургское изданіе Н. Глаголева, стр. 81): „Прибытие Павла въ Іерусалимъ (Дъян. XV) — одна изъ самыхъ торжественныхъ страницъ въ исторіи христіанства. Предстояло разрѣзить великое недоразумѣніе; людямъ, въ которыхъ заключалось все упованіе новой религіи, предстояло встрѣтиться лицомъ къ лицу. Отъ ихъ величия душевнаго и прямоты сердечной зависѣло въ этотъ моментъ все будущее человѣчества“.

осложеніе нельзя и не должно преувеличивать фальшивою гипотезой, будто данная коллизія удерживала всю свою роковую остроту іудаистического пошиба и для ума „преднихъ“ Апостоловъ, яко бы тоже склонявшихся къ ветхому при господствѣ новаго. Эта теоретически-предзанятая догадка понынѣ пользуется большими симпатіями въ рационалистической экзегетикѣ, стремящейся къ чисто рациональному истолкованію христіанства изъ обычныхъ историческихъ факторовъ, но подобное воззрѣніе не имѣть серьезныхъ оснований въ анализирующемъ посланіи. Мы знаемъ, что св. Павель свое апостольство¹⁾ ограждалъ отъ возраженій и подозрѣній именно своимъ тожествомъ съ благовѣстниками и самовидцами Господа²⁾, а этого не случилось бы при ихъ іудаистическихъ тяготѣніяхъ, которые, — судя по столкновенію съ Петромъ въ Антиохіи (Гал. II, 11 сл.), — эллинскій миссіонеръ умѣль громить въ „знаменитѣшихъ“ не менѣе смѣло и безпощадно, чѣмъ въ іудействующихъ шпионахъ. Вся личная апологетика Павлова съ неотразимостію убѣждаетъ, что, приравнивая себя къ „преднимъ“, Апостолъ языковъ и ихъ приближаетъ къ себѣ до полнаго слянія по авторитетности званія, или считаетъ ихъ безусловно солидарными съ собою догматически, хотя бы у нихъ сферы и методы оглашенія были нѣсколько иные. Поэтому св. Павель категорически называетъ (II, 9) ихъ „столпами“, держащими Церковь, при чемъ эпитетъ *мнімые* (*οἱ δοκοῦτες στύλοι εὐνα;*) гласить, что таково было общее мнѣніе, и самъ писатель принимаетъ его вполнѣ (св. Іоаннъ Златоустъ: *Migne gr. LXI, col. 634; Творенія X, стр. 757.*). Изъемлются лишь ложныя іудаистическая перетолкованія въ ту сторону, что тѣлесное лицезрѣніе Спасителя доставляетъ особыя привилегіи верховенства, чуть не конкурирующаго съ главенствомъ Христовымъ въ царствѣ Божіемъ, если апостольская полномочность возводится къ санкціонирующему посредству „преднихъ“. Это отвергали и они сами въ духѣ Павловомъ,

II, 6. ибо не нашли (II, 6) здѣсь опоры для властнаго „привозложеннія“ (*ἐδοι οἱ δοκοῦτες σύδευ προσκυέθευτο*) къ тому, что совершалось св. Павломъ въ силу его независимаго апостольства. Поэтому „предніе“ были неповинны и въ іудаистической агитации. Конечно, въ посланіи свидѣтельствуется (II, 3) что ни Титъ... нужденъ бысть обрѣзатися (*οὐδὲ Τίτος... ἡγαγῆσθη περιττυθῆναι*). Этимъ предполагается возможность принудительного давленія, а при своемъ высокомъ апостольскомъ самосознаніи эллинскій благовѣстникъ не потерпѣлъ бы

1) Объ „апостольствѣ“ см. и † Prof. Ad. v. Нагпак, Die Mission I², S. 267 ff.

2) См. еще, напр., 1 Кор. VII, 40: „мнюся и азъ Духа Божія имѣти“.

его ни отъ кого, кроме Иерусалимскихъ вождей¹), поелику іудействующіе соглядатай не обладали въ глазахъ Павловыхъ и тѣльно подобной авторитетности²). „Предніе“ рисуются поборниками обрѣзанія, но таковыми они являлись единственно по ожиданіямъ и соображенівмъ іудаистовъ. Послѣдніе разсчитывали на гнетущую поддержку „столповъ“ — и, однако, ошиблись въ этомъ горько, ибо — вопреки ихъ упованіямъ — желательного принужденія совсѣмъ не было³). Результатъ получился обратный іудаистическимъ вождѣленіямъ и согласный съ принципами Павловыми. „Знаменитѣйшіе“ были солидарны съ просвѣтителемъ язычества и по существу противны іудаистическимъ нормамъ. И если *ильтціи отъ Іакова* (II, 12) были въ идейномъ родствѣ съ іудействующими лжебратьями и ссылались въ свое подкрайненіе на Иерусалимскаго представителя, — это было просто злоупотребленіемъ недоразумѣнія или коварства. Сообразно сему и другіе аналогичные случаи мы обязаны соизмѣрять масштабомъ, даннымъ въ письмѣ членовъ Апостольского собора къ Антиохійцамъ (Дѣян. XV, 24): „нѣкоторые, вышедши отъ насъ, смущили васъ своими рѣчами..., что должно обрѣзваться и соблюдать законъ, но этого мы имъ не поручали“ (*οὗτοι δὲ ἀπεσταλάμεθα*). При такой взаимности и внутренней гармоніи въ догматическихъ созерцані-

II, 12.

¹⁾ См. и † Prof. Th. Zahp, S. 92.

²⁾ Поэтому и † Prof. P. W. Schmiedel утверждаетъ, что обрѣзаніе Тита было предложено „преднimi“ въ качествѣ примиряющаго компромисса (см. Encyclopaedia Biblica I, col. 920—921), какъ это допускалъ и † Prof. C. Weizsäcker (Das apostolische Zeittaller, S. 2155), говоря, что „знаменитѣйшіе“ давали въ этомъ смыслѣ советъ Апостолу Павлу.

³⁾ См. выше на стр. 110—113 и ср. Prof. Kirsopp Lake, Galatians II, 3—5 въ „The Expositor“ 1906, III, p. 236—245. Для спасенія своихъ построений критики (Semler, Griesbach, Koppe, Dav. Schultz, Farrar, Klostermann, Naber, Voelter, Joh. Weiss, Th. Zahp въ Realencyklopädie XV³, S. 79; изъ древнихъ см. Irene. lat., Tertull., Victor, Ambrasias etc.) готовы даже вычеркнуть *οὗτοι δὲ* въ Гал. II, 5, чтобы, по крайней мѣрѣ, доказать, что св. Павель обрѣзалъ Тита на основаніи принятаго имъ опредѣленія Апостольского собора (Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI³, S. 701). Но, какъ мы видѣли, документальныхъ оправданій для этого опущенія имѣется теперь (только въ d при D — Claramontanus, (греко—) латин., въ Парижской Национальной б-кѣ гр. № 107, прежде 2245, VI вѣка: см. у Prof. Friedrich Zimmege, Der Galaterbrief im altlateinischen Text, S. 19, и въ курсивахъ) ничуть не болѣе, чѣмъ во времена блаж. Иеронима, который отвергалъ подобное чтеніе (Творенія XVII, стр. 38, 40—41).

яхъ, „предніе“ на Іерусалимской конференціи открыто признали во св. Павлѣ равночестного собрата по апостольству и бого посланного сотрудника по благовѣстничеству. Поэтому и разделение между ними миссіонерскихъ сферъ (II, 9) покоилось на безспорномъ тожествѣ достоинства и проповѣди обѣихъ сторонъ. Все сосредоточивалось на интересахъ обезпеченія наилучшихъ успѣховъ евангелизациіи, ради которой быль избранъ временный методъ разнаго примѣненія общей силы къ различнымъ средамъ. При всемъ томъ, источникъ и цѣль были одинаковы, такъ что въ дальнѣйшемъ теченіи оба потока имѣли слиться въ единомъ океанѣ согласно вѣрующихъ во Христа и равно оправданныхъ. Съ этой точки зрењія все дѣло мѣтко охарактеризовано еще у Тертулліана прекрасными словами строгой юридической точности: *inter se distributionem officii ordinaverunt, non separationem Evangelii; nec ut aliud alter, sed ut alius alter praedicarent*¹⁾. Въ свою очередь и эпі-

I, 11 сл. зодь съ Петромъ въ Антиохіи (Гал. II, 11 сл.) скорѣе наглядно иллюстрируетъ это тѣсное принципіальное содружество, ибо тутъ было лишь случайное лице въ несоответствіи во внѣшнемъ обнаружениіи съ внутреннимъ настроениемъ, которое этимъ самимъ свидѣтельствуется въ своей догматической несомнѣнности, всегда исповѣдавшейся Апостоломъ языковъ²⁾.

Мы совсѣмъ не находимъ раздора у св. Павла и самовидцевъ Господнихъ, но — и помимо этихъ изращающихъ преувеличеній — взятый исторический моментъ, пронизанный вліяніемъ Апостола языковъ, быль знаменателенъ самъ по себѣ, поелику съ него могло пойти пагубное раздвоеніе въ христіанскомъ теченіи съ опасностю, что послѣднее совсѣмъ застеряется и исчѣнетъ. Понятно теперь, насколько дорогъ и апостольскій отвѣтъ на эти глубокіе запросы христіанской мысли и жизни. Въ этомъ отношеніи самъ св. Павель выразительно отвѣняетъ и нарочито удостовѣряетъ необыкновенное значеніе своего посланія, когда говоритъ (VI, 11), что писаль большими буквами (*πηλικος γράμματος*), т. е. своимъ типичнымъ некрасивымъ почеркомъ³⁾ — крупно, не быстро и съ трудомъ,

1) *De praescript., cap. 23 ap. Migne, lat. ser. t. II, col. 36:* Апостолы учредили между собою распределеніе (обязанностей) по должности (въ ея отправленіи), а не разделеніе въ самомъ Евангеліи и при томъ не такъ, что каждый (изъ членовъ двухъ сторонъ) проповѣдывалъ иное (содержаніе), но (чтобы онъ проповѣдывалъ лишь) другимъ (лицамъ).

2) Ср. *Tertullian. De praescript., cap. 23, 29: Migne lat. II, col. 35, 41.*

3) Такое пониманіе, известное изданна (св. I. Златоустъ: *Migne gr. LXI, col. 673; Творенія X, стр. 812;* блаж.

однакоже, соєсъмъ не будучи „книжникомъ скорописцемъ“, начерталь его собственноручно все — съ начала до конца¹⁾. Благовѣстникъ — вопреки обычной ему практикѣ диктовки — не потяготился этою тяжелой и утомительной механической работой, — разумѣется, — не безъ достаточной причины, какою представляется единственно лишь особенная важность обсуждаемаго предмета, который потребовалъ отъ автора всего напряженія апостольскаго вниманія, при чмъ выражалось этимъ и отеческое вниманіе Галатамъ, коль скоро ради нихъ благовѣстникъ жертвовалъ рѣшительно всѣмъ. И мы нашли, что рассматриваемая задача была неразрѣшеннымъ пока сомнѣніемъ самой христіанской исторіи. Писатель и разбираетъ это затрудненіе въ принципіальной сущности, чтобы навсегда устранить съ христіанскаго пути. Рѣчь идетъ о получениіи правды въ достиженіи фактической личной праведности, а здѣсь изъявлялъ мотивированныя притязанія на активное соучастіе въ этомъ процессѣ законъ Моисеевъ, но фактически онъ былъ бессиленъ доставить истинное оправданіе. Наоборотъ, и наиболѣе пламенное усердіе даже самыхъ ревностныхъ его служителей увѣнчивается лишь клятвой (III, 10), ибо заповѣданныхъ номистическихъ дѣлъ нельзя по правдѣ выполнить человѣку неоправданному (II, 16), который неизбѣжно подпадаетъ юридическому возмездію (III, 12) проклятія за всякую неисправность, хотя добивался вознагражденія. Мало сказать, что въ царствѣ благодати законъ не нуженъ для спасенія, но послѣднее только и начинаетъ осуществляться реально лишь съ момента его упраздненія во Христѣ (III, 13—14). И это не оскорблѣніе законнической святости. Тутъ простое констатированіе опытно добытаго факта (II, 16), свидѣтельствующаго о томъ, что по самой своей природѣ законъ былъ привозошедшімъ и временно-приспособительнымъ орудіемъ.

Ѳеодоритъ, Творенія VII, стр. 408; блаж. Іеронимъ, Творенія XVII, стр. 206—207; блаж. Ѣеофилактъ по russk. пер. на стр. 73), представляется намъ, во всякомъ случаѣ, болѣе вѣроятнымъ и соотвѣтствующимъ контексту, чѣмъ предположенія, яко бы анализируемыми словами и 2 Кор. X, 10 Апостоль указывавшіе на специальная риторическая особенности своего посланія, извѣстная технически въ греческой искусственной письменности. Все это нереальная филологически-скрупулѣзная фантазія, ибо могли ли грубы эллинистически Галатѣи понимать подобныя тонкости? Нельзя согласиться и съ тѣмъ, будто св. Павелъ отмѣчаетъ удобочитаемость (о. І. Я. Галаховъ, стр. 359 прим.), поскольку „крупно“ не значить писать „отчетливо“ и „ясно“.

¹⁾ Такъ — вопреки блаж. Іерониму (Творенія XVII, стр. 205) — св. I. Златоустъ (Migne gr. LXI, col. 678; Творенія X, стр. 812) и блаж. Ѣеодоритъ (Творенія VII, стр. 408).

емъ божественного промышленія (III, 17 слл.) ради осуществленія исконнаго обѣтованія, которое необходимо устраниеть его своимъ историческимъ явленіемъ. По этому соотношенію неоспоримо, что при самомъ упраздненіи законническій институтъ находить высшее и наилучшее раскрытие согласно своему специальному достоинству, поелику въ Господѣ Иисупителѣ дѣйствительно приобрѣтаются искомыя закономъ блага религіозной правды и нравственной чистоты по вѣрѣ во Христа Иисуса. Не менѣе сего обезпечивается и нормальное праведное процвѣтаніе, поскольку органически-таинственнымъ единеніемъ съ Сыномъ Божімъ закрѣпляются за нами преиущество богосыновства, которое — при неразрывности съ источникомъ — охраняется въ совершенной цѣлостности божественнымъ Духомъ Святымъ. При этомъ законничество освобождало свое мѣсто не съ сокрушениемъ враждебности и не съ отчаяніемъ озлобленія, а съ радостнымъ удовлетвореніемъ благословленного отпуска, потому что очи его уже видѣли спасеніе свое, бывшее конечною цѣлію всѣхъ законническихъ влечений и стремлений.

Такъ при опасномъ историческомъ кризисѣ было приведено въ гармоническое равновѣсие св. Павломъ болѣзненное шатаніе смятенной религіозной совѣсти и ей дань отнынѣ твердый морально-догматической устой. И этотъ успѣхъ тѣмъ неизыблемѣе и плодотворнѣе, что Апостолъ не оставляетъ ни простора, ни опоры для колебаній, сообщающихъ роковую зыбкость всѣмъ результатамъ. Благовѣстникъ чуждъ недомолвокъ и рѣшительно исключаетъ всякія уловки лукавой человѣческой изворотливости. Все построено по контрасту „либо да, либо нѣтъ“ и — ничто третье. Единственно при поглощеніи закона благодатію водворяется на землѣ и расцвѣтаетъ въ людяхъ истинная правда Божія, и тутъ безусловно недозволительна самомалѣйшая совмѣстность обоихъ методовъ. Тогда получались бы двѣ — равнодѣйственныя по претензіямъ — оправдательныя системы, а для всѣхъ понятно, что въ такихъ условіяхъ вѣрною можетъ быть лишь одна съ рѣшительнымъ исключениемъ всякой другой. Поэтому св. Павель каждого направляетъ къ безповоротному выбору между двумя крайностями: или „жидовствованіе“ съ невознаградимымъ пожертвованіемъ христіанской свободы, или чистое христіанство безъ всякой тѣни номизма¹⁾. Апостолъ языковъ и показалъ съ неотразимостію, что первый способъ невозможенъ и ненормаленъ по внутреннему смыслу закона, который переставалъ быть тормазомъ христіанского прогресса, разъ самъ же

¹⁾ Ср. S. Ignatii ad Magnesios 10, 3 (Migne gr. V, col. 672): Ἀτοπόυ ἔστιν Ἰησοῦν Χριστὸν λαλεῖν καὶ ιουδαῖζειν. Ο γὰρ χριστικούσι δὲ εἰς εἰς ιουδαϊσμὸν ἐπίστευσεν, ἀλλ’ ιουδαϊσμὸς εἰς χριστικασμόν, εἰς δὲ πᾶσα γλῶσσα πιστεύσας εἰς Θεὸν συνήχθη.

онъ подготавлялъ и обеспечивалъ вседержавность безпримѣс-
ныхъ благодатныхъ началь. Въ этомъ именно и величайшая
историко-догматическая цѣнность посланія къ Галатамъ, что
послѣднее въ корнѣ парализуетъ грозу іудаистическихъ ос-
ложненій и на вѣки избавляетъ Церковь отъ рокового хрома-
нія между старымъ и новымъ. Но и это еще не все. Дѣйствіе
аргументаціи Павловой не было бы абсолютнымъ и гаранти-
рованнымъ непреложно, еслибы для собственной христіанской
жизни, въ ея независимости, не утверждалось самобытнаго
развитія своими средствами и изъ самой себя. Только чрезъ
это пріобрѣталась самодостаточность, не нуждающаяся ни въ
пособіяхъ, ни въ помощникахъ. Въ данномъ пунктѣ Апостоль
идетъ съ обычною прямолинейностію и не менѣе прочно об-
основываетъ христіанскую истину изъ самаго ея существа, ог-
раждая безупречность практическаго обнаруженія, ибо вѣч-
нымъ источникомъ его бытія является Христосъ Искупитель, а
неизмѣннымъ руководителемъ служить Духъ Святый, почему
наше христіанско богосыновство всегда сохраняется въ своей
божественной и эссенціальной неповрежденности. Бѣда от-
вращалась не только фактически, но и въ смыслѣ возможно-
сти, т. е. принципіально и на всѣ времена. Чрезъ это — при
тяжеломъ переломѣ слагающейся христіанской исторіи — былъ
предуготовленъ благопріятный исходъ въ настоящемъ и на-
чертывался для будущаго вѣрный путь безпрепятственного вос-
хожденія отъ силы въ силу къ славѣ немерцающаго царства
Божія. И заслуга Апостола языковъ тѣмъ выше и несомнѣн-
нѣе, что все у него покоятся на объективно безспорныхъ дан-
ныхъ и непосредственно извлекается изъ нихъ въ качествѣ не-
обходиныхъ и обязательныхъ свойствъ реального предмета,
какъ такового. Здѣсь счастливый результатъ достигался не
личною геніальностію творческаго духа апостольскаго, когда
онъ былъ бы индивидуально-узкимъ и человѣчески-непроч-
нымъ именно по самымъ своимъ типическимъ преимуществамъ,
будучи лишь субъективнымъ созданіемъ, достоинство которо-
го соизмѣряется нашою тварною ограниченностью и потому ни-
когда не бываетъ абсолютнымъ. Въ нашемъ примѣрѣ нахо-
димъ совсѣмъ иное: — тутъ все пріобрѣтается глубокимъ и
фактически незыблемымъ проникновеніемъ богопросвѣщенаго
сознанія апостольскаго въ содержаніе обсуждаемаго предмета,
при чемъ послѣдній раскрывается во всей цѣлостности и со
всю божественною авторитетностію подлиннаго исторического
события въ богочеловѣческомъ искупленіи Христовомъ. Это
вовсе не Павлово христіанство или даже благовѣстіе, а опо-
знанное и возвѣщаемое св. Павломъ Евангеліе Христово
въ всей его божественной живительности и благодатной дѣй-
ственности.

Такъ устранились неотложныя и тревожныя недоумѣнія
тогдашней эпохи, и этимъ утверждалось мирное церковное

строительство христианства во вселенной. Принципиально-теоретическое прямо вело къ активно-практическому. Прежде всего, дѣйствие отмѣченного успѣха должно было сказаться на самомъ Апостолѣ въ точнѣйшемъ оправданіи его христианской вѣры. Въ своемъ догматическомъ рѣшеніи онъ совершенно покончилъ съ разобранными затрудненіями, которыя потеряли для него раздражающую остроту исторической назойливости и не мѣшиали невозмутимому созерцанію и примѣненію всесовершенно огражденной истины. Въ дальнѣйшемъ ему уже не приходилось преодолѣвать побѣжденное, — и св. Павель могъ спокойно исполнять свою спасительную миссію, не развлекаясь борьбою съ врагомъ окруженнымъ и съ сомнѣніемъ осужденнымъ. Столь благопріятное теченіе обеспечивалось для Апостола и незыблемстю его личного достоинства. Онъ не просто владѣеть непрекаемымъ благовѣстіемъ Христовымъ, но при этомъ имѣеть и всѣ божественные права на всемирное проповѣданіе, которое доселѣ сильно тормозилось въ своемъ поступательномъ движениі, ибо апостольство Павлово было въ большомъ подозрѣніи у многихъ и для многихъ. Теперь и эта преграда рушится безповоротно, поскольку апостольскія прерогативы св. Павла обосновываются не менѣе прочно своимъ божественнымъ происхожденiemъ и характеромъ, вѣзѣ зависимости отъ всякихъ временныхъ и условныхъ вліяній, — даже со стороны „предникъ“, — и пріобрѣтаютъ свойство непогрѣшительности. Засвидѣтельствованное въ такомъ своемъ качествѣ, — апостольское званіе должно было теперь развертываться во всей широтѣ на евангельскомъ миссіонерскомъ поприщѣ, поелику не нуждалось болѣе въ защищѣ и избавляло своего носителя отъ удручителной обязанности личной апологетики и наступательной полемики, на дѣляя благовѣстника неуязвимою невозмутимостю внутренняго самопознанія и внѣшняго самообладанія. Естественно, что Апостоль и отвергаетъ (VI, 17) всѣ подобныя надоѣдливыя тревоги¹⁾ съ этого момента на все прочее время — тѣлъ лагтой, гдѣ отрицаніе захватываетъ все будущее (ср. Ефес. VI, 10) въ главномъ (= тѣ ло:пб) и во всѣхъ его частностяхъ. Соответственно этой субъективной неприкословенности, данное положеніе неограничено и объективно — въ количественномъ отношеніи, а простирается на $\mu\delta\epsilon\sigma\epsilon\varsigma$ — на всякую взятую личность, ибо ея требованія будутъ совершенно немотивироваными, поелику непрерывно осуществляются въ желательной степени. Всѣ заявленія этого рода оказываются хѣпс — празднымъ и вреднымъ на миссіонерскомъ поприщѣ утружденіемъ²⁾,

¹⁾ Для хѣпс $\pi\alpha\rho\chi\eta\epsilon\iota\upsilon$ см. и „The Expositor“ 1903, II, p. 115.

²⁾ Ср. Prof. Ad. v. Нагпак, Кѣпс ($\chi\epsilon\pi\iota\chi\iota\eta$, о! хѣпсъ-тѣс) im fr黨christlichen Sprachgebrauch въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ XXVII (1928), 1, S. 1—10.

VI, 17. Апостоль и отвергаетъ (VI, 17) всѣ подобныя надоѣдливыя тревоги¹⁾ съ этого момента на все прочее время — тѣлъ лагтой, гдѣ отрицаніе захватываетъ все будущее (ср. Ефес. VI, 10) въ главномъ (= тѣ ло:пб) и во всѣхъ его частностяхъ. Соответственно этой субъективной неприкословенности, данное положеніе неограничено и объективно — въ количественномъ отношеніи, а простирается на $\mu\delta\epsilon\sigma\epsilon\varsigma$ — на всякую взятую личность, ибо ея требованія будутъ совершенно немотивироваными, поелику непрерывно осуществляются въ желательной степени. Всѣ заявленія этого рода оказываются хѣпс — празднымъ и вреднымъ на миссіонерскомъ поприщѣ утружденіемъ²⁾,

лишеннымъ достаточного резона, почему и недозволительнымъ (ср. Мф. XVII, 10. Мрк. XIV, 6. Лк. XI, 7. XVIII, 5). Для Апостола Христова это удостовѣряетъ выполненіе имъ своего благовѣстническаго долга въ раскрытии всего божественнаго содержанія его, которое затѣмъ уже не допускаетъ никакихъ запросовъ и допросовъ. У св. Павла имѣется на то неотразимая причина (VI, 17): *ἐγὼ γὰρ τὰ στigmata τοῦ Ἰησοῦ ἔν σώματι μου βρατάζω.* На немъ пребываетъ неизгладимая печать божественнаго апостольства, — печать, приравниваемая къ *στigmata*, каковыми въ древности назывались знаки, выжигавшиеся на тѣлѣ преступниковъ, рабовъ, солдатовъ, военнопленныхъ и єеродуловъ, посвящавшихъ себя на служеніе извѣстному божеству при храмѣ его (ср. З Макк. II, 23. Апок. XIII, 16—17)¹⁾. Ими отмѣчалась принадлежность взятаго лица кому-нибудь и въ Апостолѣ, конечно, Христу Искупителю. Неизмѣнное пребываніе *ἐν σώματι* этихъ ранъ при неотлучности ихъ отъ тѣла свидѣтельствуетъ, что онѣ всегда пребываютъ и никогда не заживаютъ, а это необходимо отсылаетъ къ постоянному ихъ нанесенію и говорить о всегдашней, непрекращающейся приверженности разумѣемаго субъекта. Этимъ, прежде всего, исключается единичность предполагаемаго случая съ пріуроченіемъ его (R. Cornely, Val. Weber) къ Листвѣйскому побѣнію (Дѣян. XIV, 19—20), или (Rendall, Th. Zahnp) къ Филиппскому наказанію (Дѣян. XVI, 22 сл., 37). Не менѣе того нельзя здѣсь принять и допускавшійся въ средніе вѣка феноменъ „стигматизаціи“ (въ реальномъ переживаніи и внѣшнемъ обнаружениіи всѣхъ мукъ периода страстей Господнихъ, — особенно въ точной копіи (пяти) язвъ Христовыхъ (на рукахъ, ногахъ и боку), будто бы появлявшихся у Франциска Ассизскаго (1182 г. † 3—4 октября 1226 г.)²⁾ и Катерины Сіенской (25

Cp. Prof. Wilhelm Michaelis, *Pastoralbriefe und Gefangenschaftsbriebe* (Gütersloh 1930), S. 23—24.

¹⁾ О *στigmata* см. „Realencyklopädie“ XII³, S. 151—152. H. Aplich, *Das antike Mysterienwesen* (Göttingen 1894), S. 123—124. R. H. Charles, *A Critical and Exegetical Commentary on the Revelation of St. John*, vol. I, Edinburgh 1920, p. 198,₁—199. На русскомъ языкѣ былъ о стигматизаціи специальный трактатъ † митр. Георгія (Ярошевскаго), Калуга 1914 (и въ сборникѣ „Словъ и поученій“, Калуга 1914, стр. 195—209). См. также у † проф. Вл. И. Герье, Францискъ Ассизскій, стр. 312 сл., а отсюда у М. В. Ладыженскаго, Свѣты незримыи: изъ области высшей мистики (Спб. 1912), стр. 113 слл.

²⁾ Cp. M. Bihl, *De stigmatibus S. Francisci Assisiensis (occasione recentis cuiusdam libri)*. Ad Aquas Claras, Typ. Collegii J. Bonaventurae 1910. Dr. Josef Merkt, *Die Wundmale des heiligen Franziclus von Assisi* въ „Beiträge zur Kulturgeschichte des Mit-

марта 1347 г. — † 29 апреля 1380 г.) и др. И новейшая наука, имъ живые факты¹⁾), не отрицаетъ подобныхъ случаевъ встрѣчающихся до послѣдняго времени, хотя объясняетъ ихъ по-своему — медицинско-физиологическими нервными процессами, но все это не подходитъ къ анализируемому библейскому тексту. Св. Павелъ говорить лишь о неизмѣнномъ своемъ сопребываніи съ Господомъ и разумѣеть всѣ искупительныя скорби и въ той области, въ какой пострадалъ и Владыка. Это, очевидно, все „страстное“ служеніе Господне и его прощеніе въ апостольскомъ строительствѣ дѣла Христова на землѣ. Потому именно и упоминается одно человѣческое имя Іисуса, коимъ обнимается весь искупительный подвигъ Христовъ, воспроизведенный всецѣло ученикомъ Господнимъ съ преданностю неразлучного самопожертвованія. „Стигмы“ будуть совокупностю всѣхъ вольныхъ и невольныхъ миссионерскихъ тревогъ, невзгодъ и мученій, перечисляемыхъ у Апостола (во 2 Кор. XI, 23 сл.) съ оттенкомъ похваленія этими „немощами“, восполнившими лишеніе скорбей Христовыхъ (Кол. I, 24), ибо ими утверждались нормальность, успѣшность и благоподность апостольского созиданія. Въ этомъ смыслѣ они были какъ бы повтореніемъ искупительныхъ страданій Іисусовыхъ для избавленія и обновленія человѣчества и представлялись нагляднымъ ручательствомъ христіански-просвѣтительного труда Павлова. А разъ все это истинно, — Евангельское слово благовѣстника нужно усвоять со всею радостю сердца, стремительностю воли и рѣшительностю ума — безъ малѣйшихъ сомнѣній и праздно обременяющихъ смущеній. Имъ нѣтъ и не должно быть мѣста тамъ, где все ясно, прочно и спасительно. Такимъ путемъ Апостоль безусловно освобождался отъ тяжкой обязанности саморекомендаций и личной апологетики. Требованія съ этой стороны теперь будутъ уже показывать, что назойливые предъявители пока не его и не отъ него. Посему судьба ихъ спокойно вручается волѣ всеправящаго промысла Божія и не можетъ отвлекать отъ воздѣлыванія самой нивы Христовой. Въ этомъ упомяніи св. Павелъ и кончаетъ (VI, 18) свою рѣчь ободряющимъ аккордомъ пожеланія благодати Божіей отъ Іисуса Христа, какъ Господа нашего, всему христіанскому братству, при чемъ — въ виду плотскихъ уклоненій и соблазновъ — для читателей особо подчеркива-

VI, 18. tealters und der Renaissance“ herausg. von Götz, Heft 5, Leipzig 1910.

1) См., напр., о Терезѣ Нейманѣ у Dompfarrer Th. Geiger, Die Stigmatisierte von Konnersreuth, München 1928, а вообще Mme Jeanne Dame Marie, The Mystery of Stygmata, London 1934 (ср. „The Church Times“ № 3707 за 9-е февраля 1934 г., стр. 143).

етъ, что все это должно восприниматься и утверждаться въ „духѣ“, гдѣ и будетъ раскрываться вѣрою оправданія, а не дѣлами закона.

Изъ всего вышеизложенного вытекаетъ, что въ личномъ примѣненіи къ жизни Павловой посланіе къ Галатамъ было важнѣйшимъ моментомъ, обеспечивавшимъ безпрепятственность, широту и авторитетность Евангельского благовѣстничества. Но послѣднее получаетъ всю христіанскую цѣнность лишь по связи съ возвѣщаемымъ божественнымъ ученіемъ. Здѣсь — помимо всемирно-исторической значимости служенія Павлова — открывается вѣчное и принципіальное достоинство разматриваемаго писанія апостольскаго по его доктринальному содержанію, которое направляется къ огражденію нашей христіанской самобытности въ нормальномъ созрѣваніи и прогрессивномъ процвѣтаніи. Это необходимо по самому существу, ибо христіанство не было бы жизненною силой, еслибы не обладало собственною мощью производить свою „новую тварь“ (VI, 15), какъ всецѣлое созданіе благодати Божіей, которая и регулируетъ самостоятельно безъ всякаго внѣшняго контроля. Тутъ право неразрывно отъ сохраненія строгаго соотвѣтствія съ его натуральными качествами. Понятно, что христіанская независимость не ограничитъ съ произвольностю и не отрицає законовъ своего исторического предваренія, безъ кото-
рого была бы нереальнымъ фантомомъ. Въ этомъ смыслѣ Маркіоновское возвеличеніе посланія къ Галатамъ на степень „первенствующаго“ и главенствующаго (*principalis*) ложно усвояетъ ему рѣзко антиномистической характеръ¹⁾, и эта сектантская неправда ничуть не изгладилась отъ тенденціозно-научныхъ примѣненій Тюбингенской конструктивности. Не менѣе безспорно, что для успѣшности христіанскаго роста требуются свои формы, и въ этомъ пунктѣ Лютерь нѣсколько преувеличилъ дѣйствительную energiю, когда свободное развитіе христіанское предрѣшалъ оппозиціей крайностямъ средневѣковаго ритуализма. Св. Павелъ однѣко ограждаетъ и обязанности и нормы для христіанскаго бытія, но все это заимствуется изъ нѣдръ самого христіанства и наклоняется къ обеспеченію автономности богосыновства нашего, почерпаемаго отъ Отца во Христѣ Іисусѣ и созидаемаго Духомъ Божіимъ. Въ этомъ отношеніи посланіе св. Апостола Павла къ Галатамъ было, есть и навсегда останется благовѣстіемъ христіанской свободы, ея знаменіемъ и завѣтомъ до скончанія вѣка.

¹⁾ Tertullianus Adv. Marc. V, 2: *principalem adversus Judaismum epistolam nos quoque confitemur, quae Galatas docet.*

Часть VI-я:

БИБЛІОГРАФІЯ.

*Вся же искушающе,
добрая держите.*

1 Фесс. V, 21.

Въ отдѣлѣ *литературы о посланіи къ Галатамъ* мы сначала должны сказать нѣсколько словъ о настоящемъ нашемъ сочиненіи, чтобы объяснить его происхожденіе и точно опредѣлить задачи. Когда я — въ качествѣ новоназначенаго доцента С.-Петербургской Духовной Академіи по каѳедрѣ Свящ. Писанія Нового Завѣта — въ ноябрѣ 1891 г. представлялся престарѣлому попечителю Академіи, митрополиту Новгородскому, С.-Петербургскому и Финляндскому, первенствующему члену Св. Синода Исидору Никольскому († 1892, IX, 2 въ понедѣльникъ), онъ предложилъ мнѣ специально сосредоточиться на какомъ-либо изъ писаний Павловыхъ и въ частности указалъ посланіе къ Галатамъ. Считая для себя безусловно обязательнымъ такой завѣтъ этого великаго святителя, который обеспечилъ мнѣ самое назначеніе въ Академію, я въ 1892—1894 г. г. занялся названнымъ посланіемъ, закончивъ въ 1895, I, 24 (вторникъ) свои первоначальныя записи *Послѣднія читались постепенно студентамъ съ 1892 года, но при господствовавшемъ тогда лекціонномъ методѣ преподаванія оказались неудобными для усвоенія и потому были совсѣмъ оставлены мною. Въ концѣ 1895 г. я сокращенно переработалъ ихъ и ввелъ въ свой общий курсъ, а въ 1902 г. по просьбѣ моего мичаго коллеги, проф. Александра Павловича Лопухина († 1904, VIII, 22) для его „Православной Богословской Энциклопедіи“ изготавлилъ болѣе пространную редакцію. За общирностію ея для этого назначенія она была замѣнена краткою замѣткой (т. IV, Петроградъ 1903, стлб. 30—38), а полнотью (съ небольшими дополненіями) была напечатана въ издававшемся А. П. Лопухинымъ журналѣ „Странникъ“ (1902 г., № 5, 6, 7 и 8, стр. 882—916, 1069—1117, 3—43, 149—177) и выпущена отдельно (въ началѣ посвященіе памяти митр. Исидора „съ благоговѣйною признательностью и непрестанными молитвами“) подъ заглавиемъ „Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. Апостола Павла къ Галатамъ: сжатый обзоръ апостольского посланія со стороны его первоначальныхъ читателей, условий происхожденія, по содержанію и догматически-историческому значенію (С.-Петербургъ 1902, стр. 5—156; ср. къ сему „Странникъ“ 1903 г., №№ 11 и 12, стр. 752—765; 940—956, гдѣ помѣщены мои „кри-*

тическія замѣтки" на тему: "Къ вопросу о посланіи къ Галатамъ"). Съ тѣхъ поръ мнѣ не приходилось внимательно возвращаться къ данному предмету, — и теперь я представляю лишь нѣкоторую, совершенную въ бѣженствѣ, передѣлку прежняго труда (напечатанного при столь тяжкихъ и мучительныхъ типографскихъ условіяхъ, что, прося у читателей всякаго извиненія, я намѣренно не дѣлаю обычныхъ "исправленій", дабы не удвоить ошибокъ текста) въ качествѣ одного изъ звѣньевъ давно предносящейся мнѣ христіанской трилогіи: 1) "Благовѣстіе христіанской свободы" (посланіе къ Галатамъ); 2) "Благовѣстіе христіанской святости" (посланіе къ Евреямъ") и 3) "Благовѣстіе христіанской славы" (Апокалипсисъ). По своимъ годамъ и по условіямъ тревожной изгнанической жизни (съ августа 1921 г.) я не могу основательно выполнить всего, а къ третьей части едва ли даже успѣю приступить... Время мое близъ есть, и я долженъ спѣшить, чтобы день якоже тать меня не постигнуль... (но Богъ помогъ мнѣ слабѣющею рукой написать къ концу 1934 года иѣчто малое и обѣ Апокалипсисѣ).

Посему и касательно весьма обширной литературы о посланіи къ Галатамъ я ограничиваюсь только главнѣйшими пособіями, которые достаточны для ближайшаго научнаго ознакомленія со всѣми главными вопросами и могутъ руководить на пути ко всестороннему ученому освѣдомленію. Выдѣляемъ особо лишь патристические труды (о коихъ подробнѣе см. у Lightfoot, p. 227—236; Zahn, S. 22—26).

Изъ греческихъ извѣстны слѣдующіе: Оригена (\dagger 254 г.) не дошелъ до насъ (но см. у блаж. Иеронима, ч. XVII, стр. 2; ср. Prof. Th. Zahn, S. 21₁₈). Св. Ефрема Сиринна (\dagger 378 г.) въ армянскомъ перевѣдѣ, отсюда полатыни Venetiis 1893. Евсевія Эмесскаго (\dagger около 359 г.) незначительные отрывки въ "Катенахъ" — по изданію J. A. Cramer'a, t. VI, Охоппії 1844, р. 1—95, а также у Prof. Dr. Karl Staab, Paulus Kommentare aus der griechischen Kirche aus Katenenhandschriften gesammelt und herausgegeben (въ Neutestamentliche Abhandlungen herausgegeben von Prof. Dr. M. Meinelitz, XV. Band), Münster i. W. 1933. Св. Иоанна Златоуста (\dagger 407 г.) у Migne gr. LXI, col. 611—682, порусски: Москва 1842; Творенія X, Спб. 1904, стр. 729—816. Северіана Гавальскаго (\dagger послѣ 409 г.) тоже въ "Катенахъ" и у Prof. K. Staab.Ѳеодора Мопсуэстійскаго (\dagger 428 г.) полатыни въ изданіи Prof. H. B. Swete, Cambridge 1880. Блаж.Ѳеодорита Кирскаго (\dagger около 457 г.) у Migne gr. t. LXXXII, col. 459—504, порусски — въ изданіи Московской Дух. Академіи, т. VII, Москва 1861. Ср. еще св. Кирилла Александрийскаго (\dagger 27 июня 444 г.) у Migne gr. LXXIV, col. 952 (къ Гал. IV, 3, 19); Геннадія Константинопольскаго (\dagger 471 г.) въ отрывкахъ у Migne gr. LXXXV, col. 1729—1732, и у Prof. K. Staab; Икуменія, епископа Триккскаго (VI вѣка), у Migne gr. CXVIII и Prof. K. Staab (ср. J. A. Cramer, Catena VIII, Охоппії 1844); патр. Фотія (\dagger около

821 г.) въ отрывкахъ у Migne gr., Cl, col. 1253, и у Prof. K. Staab; св. Иоанна Дамаскина († послѣ 754 г.) у Migne gr. XCV. Θεοφилакта, архіеп. Болгарскаго († въ исходѣ XI вѣка), у Migne gr. CXXIV, col. 952—1032, русскій пер Казань 1884. Евсевія Зигави(бѣ)на по изданію Никифора Калогераса въ Аѳинахъ 1877 г. (о немъ см. Franz Ситонт, *La date et le lieu de la naissance d'Euthymios Zygabenos* въ „Byzantinische Zeitschrift“ herausg. von Prof. K. Klemmacher, Bd. XII, Leipzig 1903, 3—4, S. 582—584, что Евсевій Зигабенъ родился не ранѣе 1010 г. во Фригії на югѣ венесы Олпіонію).

Латинскіе комментаторы (ср. Prof. A. Souter, *The Earliest Latin Commentaries on the Epistles of St. Paul*, Oxford 1929): К. Марія (Фабія) Викторина (учитель Августиніа, христіанінъ съ 361 г.; см. Migne lat. t. VIII). Амвросіаста (Migne lat. t. XVII), т. е. автора, который неправильно отожествлялся со св. Амвросіемъ Медіоланскимъ и досель остается спорнымъ по своему имени и положенію, но относится къ IV вѣку и считается жителемъ Рима. Блаж. Іеронима († 440 г., а его комментарій на посланіе къ Галатамъ написанъ въ Виленѣ около 386—388 г.г.; Migne lat. t. XXVI; порусскій въ „Твореніяхъ блаж. Іеронима Стриденскаго“, ч. XVII, Кіевъ 1903, по переводу † проф. А. И. Булгакова: см. „Отчетъ о состояніи Киевской Дух. Академіи за 1902 г.“ въ „Трудахъ“ ея 1903 г., I, стр. 118). Блаж. Августіна († 430 г., комментарій около 394 г.; Migne lat. t. XXXV), а отчетъ о его перепискѣ съ блаж. Іеронимомъ по поводу Гал. II, 11 слл. данъ у о. А. А. Серафимова, потомъ Сергія, архіепископа Астраханскаго († 3 апрѣля 1903 г.) во второй части его сочиненій (Астрахань 1901) изъ „Чтений въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1875 г., II, стр. 185—225, но см. еще Prof. Franz Overbeck, *Über die Auffassung des Streits des Paulus und des Petrus in Antiochien (Gal. 2, 11 ff.) bei den Kirchenvätern (Programm)*, Basel 1877. Пелагія (писавшаго не позднѣе 410 г.), или неизвѣстнаго пелагіанина (Migne lat. t. XXX и Heinrich Zimmer, *Pelagius in Irland: Texte und Untersuchungen zur patrischen Litteratur*, Berlin 1901; ср. еще Franz Clasen, *Pelagianistische Commentare zu 13 Briefe des h. Paulus* въ „Theologische Quartalschrift“ LXVII (1885), 2, S. 244 ff.; 3, S. 531 ff.; „The Journal of Theological Studies“ IV (1902), p. 132—141; „Revue d'histoire ecclésiastique“ V (1903), 1, p. 74—77, 106*). Кассіодора († послѣ 562 г.; Migne lat. t. LXX). Примазія († около 550 г.; Migne lat. t. LXVIII), но эта компиляція ему не принадлежить (ср. Prof. Otto Bardenhewer, *Patrologie*, Freiburg im Breisgau 1901, S. 565—566) и представляетъ свободную передѣлку работы Пелагія въ антипелагіанскомъ духѣ (Prof. Th. Zahn, S. 25).

Разными диссертациами, подробно обсуждающими существенные пункты касательно посланія къ Галатамъ и соприкосновенныхъ съ нимъ вопросовъ, особенно богатъ классический трудъ (отъ

1865 г.) покойного († 21 декабря 1889 г.) Bishop of Durham J. B. Lightfoot (10-е изд. 1890 г. — перепечатка 1892 г.: London, Macmillan and Co.; ср. его же *Saint Paul's Epistles to the Colossians and to Philemon, ibid. 1912*), которому мы наиболее обязаны всякими фактическими материалами и конкретными соображениями. Наряду съ нимъ необходимо упомянуть экзегетический трудъ (Leipzig 1905) проф. Theodor Zahn'a († 1933, III, 15), тоже обильный всякими экскурсами. Стого филологическое изъясненіе дается у † Bishop C. J. Ellicott'a (*St. Paul's Epistle to the Galatians with a Critical and Grammatical Commentary, and a Revised Translation*, 1-е изд. London 1854, 4-е—1867, 5-е — 1889; но ср. нечто подобное въ книгѣ „Труды митрополита Московского и Коломенского Филарета по переложению Нового Завѣта на русскій языкъ“ (Спб. 1893), стр. 193—198, также у † проф. А. А. Некрасова, Членіе греческаго текста Дѣяній и Посланій Апостольскихъ, Казань 1892. Экзегетическое обобщеніе всѣхъ другихъ работъ имѣется въ комментаріяхъ O. Zöckler'a (въ „Kurzgefasster Kommentar“ III, 2-е изд. München 1894), Prof. Fr. Sieffert'a (въ серии H. A. W. Meyer'a, Abth. VII, 9-е изд. Göttingen 1899), Prof. R. A. Lipsius'a (въ „Hand-Commentar zum Neuen Testament“ II, 2, 2-е изд. Freiburg i. B. 1892), † Rud. Cornely S. J. (въ „Cursus Scripturae Sacrae“, Parisiis 1892), † Prof. Ernest De Witt Buttton'a (въ „International Critical Commentary“, Edinburgh 1921), Prof. Hans Lietzmann'a, *An die Galater* (въ „Handbuch zum Neuen Testament“ herausg. v. H. Lietzmann, Bd. X, 3 Aufl. Tübingen 1932); здѣсь имѣются и подробные библиографические указатели. См. также Priv.-Doz. Alfons Steinmann: *Die Abfassungszeit des Galatsbriefes*, Münster i. W. 1906; *Die Lesekreis des Galaterbriefes: ein Beitrag zur urchristlichen Missionsgeschichte въ Neutestamentliche Abhandlungen herausg. von Prof. Dr. M. Meinertz*, Bd. I, Heft. 3—4, Münster i. W. 1908); *Schlusswort zur Galaterfrage въ „Theologische Quartalschrift“* 1912, IV, S. 511—525.

Сжатое обзорѣніе всѣхъ вопросовъ предлагается въ соотвѣтствующихъ статьяхъ библейскихъ „Словарей“ и „Энциклопедій“ — Smith (G. Salmon), Cheyne and Black (W. J. Woodhouse и P. W. Schmiedel), Hastings (W. M. Ramsay и Marcus Dods), Wetzer und Welte по новому изданію подъ редакціей Franz Kaulen'a (томы VII, VIII. и IX: Fr. Kaulen, Neher и J. Felten), F. Vigouroux (t. III, Paris 1903, p. 60—61, 61—77, 77—80; E. Beurlier и E. Jacquier, professeurs aux Facultés Catholiques de Lyon; у послѣдняго есть трактатъ о посланіи къ Галатамъ и въ его *Histoire des Livres du Nouveau Testament*, t. I, Paris 1903); † Вр. Charles Gore, *A New Commentary on Holy Bible, Part III*, London 1929, p. 530—538: *The Epistle to the Galatians by Wilfred L. Knox*; равно статья † Prof. Joh. Weiss'a въ *Realencyklopädie von Herzog-Hauck* (Bd. X³, Leipzig 1901, S. 554—561).

Изъ новыхъ трудовъ важны: Prof. W. M. Ramsay, A Historical Commentary on St. Paul's the Epistle to the Galatians (London 1889; 2-е изд. 1900), весьма богатый историческими, географическими и археологическими материалами. Dr. Valentin Weber: Die Abfassung des Galaterbriefs vor dem Apostelkonzil (grundlegende Untersuchung zur Geschichte des Urchristentums und des Lebens Pauli), Freiburg im Breisgau 1900); Die Adressaten des Galaterbriefes (Beweis der rein — südgalatischen Theorie), Ravensburg 1901. R. P. Maria-Josephus Lagrange, Epître aux Galates (introduction, texte, traduction et commentaire), Paris 1918; 2-е изд. 1926.

На русскомъ языке — кроме соответственныхъ отдельовъ въ учебныхъ пособияхъ (А. В. Иванова, о. М. И. Хераскова, проф. А. А. Олесницкаго: Руководственная свѣдѣнія о Свяш. Писаніи Ветхаго и Нового Завѣта, Спб 1894 г.) имются цѣлостные толкованія о. Андрея Прокоповича (Мысли при чтеніи посланій св. Апостола Павла, ч. II-я, Спб. 1820), архіепископа Волынского († 8 марта 1878 г.) Агаѳангела Соловьева (Спб. 1854), архіеп. Черниговскаго († 9 августа 1866 г.) Филарета Гумилевскаго (Черниговъ 1862), епископа бывшаго Тамбовскаго († 6 января 1894 г.) Феофана Говорова (Москва 1880, 2-е изд. 1893), проф. о. Іакова Яковлевича Галахова (Казань 1897; см. „Церковный Вѣстникъ“ 1897 г., №№ 21, 24, 30 и 33), архіеп. Казанскаго († 27 ноября 1910 г.) Никанора Каменскаго (Спб. 1899 и въ „Толковомъ Апостолѣ“, ч. II: Объясненіе первыхъ семи посланій святаго Апостола Павла, Спб. 1901, 3-е изд. 1904).

О ГЛАВЛЕНИЕ.

Страницы:

Часть I-я: Введение. (Исторія Галатії; этнографическая Галатія съверная, какъ область ближайшаго предназначенія посланія къ Галатамъ, и ея христіанское просвѣщеніе Апостоломъ Павломъ, время изданія посланія, его подлинность и неповрежденность, историческая обстоятельства, поводы, цѣль написанія и общій характеръ посланія къ Галатамъ)	5—65
Часть II-я: Благовѣстническій авторитетъ св. Павла по происхожденію и достоинству его апостольства (глл. I—II)	69—126.
Часть III-я: „Евангеліе“ Христово у св. Апостола Павла (глл. III—IV)	126—166.
Часть IV-я: Нравственное ученіе св. Апостола Павла объ истинно-христіанской жизни (глл. V—VI).	166—192.
Часть V-я: Историческое значеніе посланія къ Галатамъ	192—211.
Часть VI-я: Библіографія	212—216.

КАФЕДРА БИБЛЕИСТИКИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

www.bible-md.ru

Кафедра библеистики — учебное и научное подразделение Московской духовной академии (<http://www.mpda.ru>), обеспечивающее преподавание более 20 дисциплин. Заведующий кафедрой — протоиерей Леонид Грилихес. Основное научное направление кафедры — разработка углубленного курса святоотеческой экзегетики с привлечением широкого контекста всех современных библейских исследований.

Проект по созданию электронных книг

Проект осуществляется совместно с Региональным фондом поддержки православного образования и просвещения «Серафим». В подготовке книг принимают участие студенты кафедры. Куратор проекта — преподаватель священник Дмитрий Юрьевич. Электронные книги распространяются на компакт-дисках в формате pdf и размещаются на сайте.

На сайте кафедры
www.bible-md.ru

- ✓ **электронные книги для свободной загрузки**
- ✓ **информация о кафедре, ее преподавателях, новостях, учебном процессе**
- ✓ **информация об издаваемых кафедрой новых книгах**
- ✓ **методические материалы по библеистике**
- ✓ **пособия и источники для изучения Священного Писания**

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ
ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И
ПРОСВЕЩЕНИЯ
«СЕРАФИМ»**

www.seraphim.ru

Фонд является независимой филантропической организацией, предоставляющей финансирование широкому кругу православных образовательных проектов высших учебных заведений Русской Православной Церкви.

Деятельность Фонда не ограничивается помощью в развитии материально-технической базы духовных учебных заведений. Наша главная задача — многоуровневое финансирование научно-исследовательской деятельности, воссоздание целостной и животворной академической среды в православных образовательных центрах.

Проект по созданию электронных книг является одним из ряда проектов, осуществляемых Фондом совместно с Кафедрой библеистики Московской духовной академии.

На сайте Фонда
www.seraphim.ru

- ✓ **информация о деятельности Фонда**
- ✓ **информация о проектах, осуществляемых Фондом**
- ✓ **контактная информация для связи с представителями Фонда**
- ✓ **возможность заказа он-лайн книги и компакт-диски, подготовленные к изданию при участии Фонда**